

Министерство образования и науки России
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Казанский национальный исследовательский
технологический университет»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник материалов
Международной молодежной научной школы

5–6 сентября 2012 г.

Том 1

Казань
Издательство КНИТУ
2013

УДК 930
ББК 63.3
И 90

*Печатается по рекомендации Ученого Совета факультета
социотехнических систем Казанского национального
исследовательского технологического университета*

И90 Историческая память и диалог культур : сборник материалов
Международной молодежной научной школы (Казань, 2012 г.): в 3 т.
Т. 1; М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Ка-
зань : Изд-во КНИТУ, 2013. – 364 с.

ISBN 978-5-7882-1352-1

ISBN 978-5-7882-1353-8 (т. 1)

Сборник содержит статьи участников Международной моло-
дежной научной школы «Историческая память и диалог культур», со-
стоявшейся в Казани в 2012 г.

Адресован научным работникам, преподавателям, аспирантам и
студентам, а также всем интересующимся проблемами изучения, со-
хранения и интерпретации исторической и коллективной памяти в
контексте диалога культур.

Проведение конференции и издание сборника осуществлены
при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ
(ГК от 22 мая 2012 г. № 12.741.11.0090)

Редакционная коллегия:

О.Н. Коршунова, доктор исторических наук

Р.А. Набиев, доктор исторических наук

С.А. Сергеев, доктор политических наук

А.Ю. Суслов, кандидат исторических наук

А.В. Карпов, кандидат исторических наук

ISBN 978-5-7882-1353-8 (т. 1)
ISBN 978-5-7882-1352-1

© Казанский национальный исследовательский
технологический университет, 2013

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

«Я приветствую решение Казанского национального исследовательского технологического университета организовать молодежную научную школу по истории и памяти. Нет ничего важнее, чем довести до общего сведения скрытый и слишком легко забытый опыт людей в прошлом. Только таким путем мы можем смириться с прошлым. Только таким образом мы можем решить важные проблемы, с которыми мы сталкиваемся в настоящее время. Только так мы надеемся двигаться вперед к лучшему будущему».

Аллан Мегилл, профессор, Университет штата Вирджиния, США.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит статьи участников международной молодежной научной школы «Историческая память и диалог культур», проходившей в Казанском национальном исследовательском технологическом университете (Россия) в сентябре 2012 г. Тексты докладов и статей поступили от представителей 12 государств. В центре внимания авторов находятся комплексные проблемы формирования и содержания исторической памяти, соотношения исторических мифов и реальности, диалога культур в эру глобализации. Большая часть участников школы – молодые люди в возрасте до 35 лет.

Пленарный доклад и статья профессора В.И.Дурновцева (Москва) концентрируют внимание на представленность исторической памяти и исторического сознания в теоретико-методологических и историографических практиках. Польские ученые М.Михалак и М.Галедек посвятили свои работы взаимодействию культур на материалах г.Данцига. Фундаментальный анализ соотношения истории, памяти и идентичности содержит статья профессора университета штата Вирджиния (США) Аллана Мегилла.

Отдельным сюжетом материалов сборника и выступлений на конференции предстает память о Великой Отечественной войне. Это проблема мифологизации и фальсификации образов войны, формиро-

вания исторической памяти о ней, особенности памяти о войне в Германии и России.

На секции *«Содержание исторической памяти»* наряду с сообщениями по проблеме сохранения культурно-исторического наследия и исторических памятников был заслушан доклад об электоральной статистике как источнике отражения исторической памяти современного российского избирателя, о судьбе исторических памятников и формах сохранения исторической памяти в своей стране. Эти сюжеты сочетались с генеалогическим ракурсом изучения и сохранения исторической памяти, сообщениями о роли музеев в трансляции образов прошлого, о семейной фотографии как источнике исторической памяти.

На секции *«Этническая память и диалог культур в эпоху глобализации»* получила развернутое отражение не только теоретическая составляющая диалога культур и исторической памяти в современную эпоху, но и коллизии взаимодействия культур в условиях интенсивных миграции, проблемы этнических меньшинств в полиэтническом городе, национально-культурная самоидентификация в современной России и др. В дебатах по теме этнической памяти был представлен дискурс конструктивизма и премордиализма.

Как писал великий российский историк В.О.Ключевский, «если история способна научить чему-нибудь, то прежде всего сознанию себя самих, ясному взгляду на настоящее». Предлагаемый сборник, надеемся, послужит шагом в этом направлении.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В.И. Дурновцев

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ

Современная российская действительность в некотором роде является уникальной опытной площадкой для научно-практического освоения, в том числе в среде творческой молодежи, проблематики исторического сознания и исторической памяти, в контексте растянутого во времени перманентного диалога культур, мультикультурного и монокультурного векторов цивилизационного развития. Приложение интеллектуальных усилий может идти в различных направлениях, подсказанных теоретической, социологической, конкретно-исторической практикой. Тут и исследования индивидуально-массового исторического сознания, групповой/коллективной исторической памяти на теоретическом и историографическом уровнях¹, и конкретных исторических представлений отдельных корпораций, общностей, разделяемых по конфессиональному, этническому, профессиональному и иным признакам, обособляющихся во временном и пространственном измерениях.

Но каковы бы ни были масштабы и направления собственно исторического интереса и его высшей ступени развития, реализуемой в результатах строгого и ответственного научного исторического познания, день сегодняшний как судьба стучится в дверь. Что и говорить, мы живем в интересное время. Припоминая Николая Глазкова, начало нынешнего столетия, как и конец прошедшего, интересно и для современника, и заманчивая, хотя, может быть, и печальная тема занятий историка.

Пример рядом: беспрецедентный переворот в историческом сознании во всех его структурах и формах в эпоху перестройки (и его беспримерные последствия), неудержимо влекущий к выяснению не

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

только политических и экономических обстоятельств российской революции на рубеже тысячелетий, но и могучей роли в ней общественно-исторического умонастроения.

Академические исследования могут оказать существенную помощь в решении реальных проблем духовного, нравственного, культурного развития современного российского общества, в том числе в формировании, развитии и корректировке различных сегментов исторического сознания. Понятно, что историческое сознание нерасторжимо от научно-исторического познания в формате исторической науки, их взаимные отношения, взаимодействие – давний и имеющий богатую историографическую судьбу предмет исследования.

Отдельные фрагменты этих взаимоотношений интересуют нас здесь в первую очередь.

Пересмотр парадигм в науке, во всех отраслях научного знания дело, в сущности, обычное, почти заурядное. Вопрос в другом: как он отражается в историческом сознании и воплощается в общественно-исторической практике? И другой вопрос, требующий специального анализа: роль, какую оказывает историческое сознание в самом широком значении слова на профессиональную историографию, и не только на историографию. В самом деле, «жизнь имеет полное право предлагать вопросы науке; наука имеет обязанность отвечать на вопросы жизни». (С.М. Соловьев). Плохо только, что ответы часто остаются без последствий, а историческая практика далеко не всегда опирается на историческую теорию.

К тому же ответ может или потакать общественному вкусу, соответствовать видам власти, или мужественно противостоять бесстыдной фальсификации, всеми имеющимися у науки и образования способами содержать альтернативную общепринятой и удобной, строго научную точку зрения. А главное: предоставить возможность людям и общностям, опираясь даже на негативное переживание исторического опыта, предлагать историческую перспективу. Поистине, «история – это наука о прошлом и наука о будущем» (Л.Февр). Подсознательное стремление избежать дурной повторяемости в истории споспешествует проявлению их интереса к научному историческому познанию.

Кризисы и научно-революционные потрясения – постоянные спутники рождения новых исторических теорий. Возникнув как следствие неудовлетворенности предлагавшимися ответами на «проклятые

вопросы», задающиеся временем, обществом, корпорацией, обзаведясь адептами, заняв приоритетное и даже господствующее положение в изучении и объяснении природных и социальных феноменов, новая научная парадигма рано или поздно обрекает себя на «грызущую критику мышей», становится гумусом для рождения новых идей, которые, в свою очередь, рано или поздно разделят судьбу предшественников.

Наука истории – не исключение, тем более в контексте (переиначивая Ф. Броделя) «долгой историографической длительности».

История научно-исторического знания – яркая иллюстрация несбыточности мечты «конца» исторической практики и ее, часто взаимно исключаящих друг друга, методологических апологий, окончательного решения вопроса о границах безграничного научного освоения прошлого. История как будто строгая наука, однако ответы на запросы жизни и собственного исторического познания постоянно уточняются, корректируются, а то и решительно отвергаются. Может быть, в числе прочего, история и строгая наука, потому что склонна, так сказать, к самосуду или самоедству, предельно критична по отношению к самой себе и, пережив провиденциальные, рационалистические, романтические, позитивистские и прочие схемы и их конкретно-историческое оформление, за очередным «лингвистическим поворотом» видит новые горизонты, которые, впрочем, нередко уже открывались ей на путях бесконечном освоения прошлого.

«Устаревшие» теоретико-познавательные способы изучения истории отправляются на периферию, маргинализируются, но не исчезают бесследно в инструментальном ящике исторической практики. Критика позитивизма порождает «новый позитивизм», постструктурализм сменяет структурализм, за модернизмом следует постмодернизм, за социальной историей «новая социальная история» – конца этому не видно.

Но любая критика научных доктрин является неубедительной перед людскими потребностями в историческом нарративе и самосознании себя в мире. Литература fiction и non-fiction разделяется не по господствующим и влиятельным на данном этапе теориям. Читающая публика не особенно прислушивается к рекомендациям профессиональной историографии.

В этом смысле судьба отечественной исторической науки, ее методологической и идейно-политической составляющей, в свою оче-

редь имеющей достаточно отчетливое внутреннее членение, лишь с большими оговорками может оцениваться как беспрецедентная. Даже в феномене советской историографии не больше неповторимого, чем во всякой другой национальной науке, хотя конкретное содержание и результативность каждой из историографий, естественно, индивидуальны.

Навязанное обществу в годы перестройки представление об отечественной науке истории как беспросветном мраке, упадке, всеобщем ничтожестве и поголовном конформизме ее представителей (за редчайшими и строго отобранными исключениями), ее определение как особого научно-политического феномена, гармонично вписанного в систему тоталитарного государства и приспособленного к обслуживанию его идейно-политических потребностей, имело катастрофические последствия для массового и индивидуального исторического сознания, разумеется, в его тогдашнем, отнюдь не блестящим качестве¹.

Историографические войны, развернувшиеся на всем советском пространстве со второй половины 80-х гг., были часто боями без правил. Политика и в самом деле опрокинулась в историю. Роль исторической публицистики в радикальном перевороте исторического сознания была исключительной. Но именно профессиональные историки, не слишком озаботившись, что, реализуя открывшиеся перед ними возможности, они волей-неволей станут участниками политической борьбы, стали выполнять работу, к которой они, что очень важно, были подготовлены всей своей предшествующей профессиональной деятельностью. В том числе и в осмыслении собственно понятия «историческое сознание»².

В те времена на удивительные парадоксы советской историографии внимание обращалось редко. Например, занимая особое, мягко говоря, не самое комфортное положение в мировой историографии в силу навязанного ей монометодологизма и тотального идеологического прессинга, она по-своему ставила и разрешала в сущности те же

¹ См. Советская историография. М., 1996. С. 37.

² Литвин А. Историческая наука и историческое сознание // Коммунист Татарстана. 1990. №7; Бурдей Г.Д. Историк и война. Саратов, 1991; Гаджиев К.С. Политическое сознание или политическая культура // Кентавр. 1991. Октябрь-декабрь; Сознание и история. Барнаул, 1993 и др.

вопросы, которые занимали западных историков, вплоть до истории повседневности или «человека в истории»¹.

Современный исследователь темы «Историк и власть» отмечает: «...Общая концепция отечественной истории и методологические требования, искажавшие правильное восприятие и истолкование фундаментальных явлений и процессов, не закрывали пути к решению множества частных вопросов и разработке тех или иных тем. Трудным путем, соблюдая установленные властью границы и «правила поведения», историческое познание, тем не менее, двигалось вперед. Марксистский метод исторического исследования – подход к истории – принес свою пользу. Он раскрыл «свои» стороны истории, расставил новые акценты, заложил «свои» односторонние традиции изучения отечественного прошлого. Ориентируясь на него в большей или меньшей степени, историки развивали свою науку. История не сводилась к идеологии, чего хотела бы власть»². Наряду с очевидными и большими издержками из-за внешних условий были внутренние, строго научные факторы развития исторической науки: бережное, хотя и не афишируемое внимание к «старой» русской историографии; сосредоточение на культуре исторического письма, методике анализа и публикации исторических источников, сдержанно-критическое отношение к модным теориям и особенное внимание к правильному историческому образованию.

Именно о социальной ответственности современного историка за историческое сознание граждан своей страны, региона и идет речь. Акцент на включенности в историческое сознание научного исторического сознания, поставщиком которого выступает по большей части профессиональная историография, научное сообщество историков представляется существенным, так как четко определяет функции научного исторического знания и его пределы в формировании и развитии адекватного исторического сознания на коллективном и индивидуальном уровнях. Вспомним еще раз С.М. Соловьева, замечавшего,

¹ Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. Кн.2. М., 2004. С.119-120.

² Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930 – 1950-е гг.). Брянск, 2005. С.787.

что осуществление народами и каждым человеком своего самосознания в развитой форме возможно «только посредством познания их истории» и поэтому история есть «наука народного самопознания».

Историки, участвуют в процессе формирования, развития, трансформации общественного исторического сознания. Но, конечно, они не претендуют и не могут претендовать на монополизм в формировании исторических представлений людей, каждый из которых принадлежит к определенной общности/общностям. Рядом с ними и власть, и литература, и средства массовой информации, и личный исторический опыт. Этническая и конфессиональная принадлежность, социальный статус, образовательный уровень, местожителство играют выдающуюся роль в исторических представлениях. К тому же не только история часто обманывает, но и историки, профессиональная историография одновременно может, если не потерять, то существенно снизить свой общественный авторитет.

Отмечая связь и естественную взаимозависимость массового исторического сознания и результатов научного постижения исторической реальности, необходимо отметить и явственную обособленность научного исторического сознания, в том числе исторического познания к постижению исторической истины.

Креативным и амбициозным молодым исследователям, стремящимся к деятельному участию в общественно-политической жизни страны, своего региона, тем, кому, может быть, тесно в границах академической науки, университетского образования, предоставляется возможность для проверки своих концептуальных идей исторического свойства и содержания на практике, внедрения их в общество, короче говоря, участия в формировании исторического сознания хоть на общественном, гражданском, хоть властном уровнях. Уваровская триада, ее содержание – другая тема, – недостижимый образец для нынешних претендентов стать «властителями дум». Аprobация на обществе той или иной идеи может блистательно провалиться, несмотря на все, включая властные, организационные и материальные, усилия и ресурсы. Другое дело, что на этом пути энтузиастов могут ожидать досадные неприятности. Мало на кого повлияли многочисленные парадоксальные версии национальной истории, предлагавшиеся и авторами учебников, и радикальными реформаторами, и фундаменталистами всех мастей в области историографии. Мало кто помнит о «суверенной демократии», технологическом продукте, насыщенном ис-

торическими реминисценциями. Состояние бифуркации, которое отчетливо переживает современное общество и власть, оставляет след и на историческом сознании, на индивидуальной, групповой памяти. Каждый раз по-своему и часто непредсказуемо. В условиях социального напряжения принадлежность одновременно к нескольким социальным, этническим, конфессиональным и иным группам, что, в общем, абсолютно нормально, порой оборачивается, в числе прочего, и крутой ломкой в личном историческом сознании.

В переломные моменты общественного развития, а у нас он, признаться, изрядно затянулся, исторический интерес проявляется особенно отчетливо. Любознательность и прагматизм, кажется, его наиболее заметные свойства. При этом акценты, к сожалению, нередко ставятся не на том, что реально объединяет – общая история и судьба, – но «частная история» и судьба общностей, в которые включен человек.

Понятно и объяснимо стремление федеральных властей предложить консолидирующую всех россиян идею. Государственные, властные интересы в данном случае могут совпадать с интересами научного познания.

Обоснование этой идеи в значительной мере может стать историческим и даже в первую очередь историческим. А в ее продвижении и реализации принципиальное значение приобретают осознанные действия по максимальному использованию выдающегося конкурентного преимущества современной России – мультикультурного характера российского общества и – тут следовало бы подчеркнуть – федеративного государства.

Незабвенный граф С.С. Уваров, между прочим, писал, что овладение властью истории – последний якорь существующего в его эпоху режима. Наша общая история в некоторых случаях может выполнять роль якоря в ином смысле, быть в некоторых существенных чертах чрезмерной. Невольно вспоминается Ф.Ницше, его трактат «О пользе и вреде истории для жизни». Поиск пресловутой общенациональной, консолидирующей всех и каждого идеи ведется давно. Ищется давно найденное: сбережение, приумножение народа и обустройство территории. Реконструкция исторической реальности, и когда эта деятельность велась эффективно, и когда отвратительно и приводила к противоположному результату, – задача историков.

Российская история знает немало поучительных примеров насильственного внедрения государственной национальной и даже всемирной исторической концепции в общество, а параллельно тотального давления на исторические представления людей. Результат известен, и он печален. Современные публикации источников по истории советской эпохи («Власть и художественная интеллигенция», «Власть и общество. Российская провинция», «Общество и власть», «Письма во власть», «Совершенно секретно». Лубянка - Сталину: о положении в стране. 1922-1934 гг.», «Крестьянские историки: русская деревня 20-х годов в письмах и документах»), новейшие исследования дают масштабную картину неблагоприятного массового исторического сознания. На переднем плане как будто безусловные реальные достижения партийно-государственной идеологии по целенаправленной деформации исторической реальности, а в недрах, в глубине исторического полотна – сильнейшее, и бессознательное, и осознанное сопротивление официальным декларациям. Не вступаем ли мы в поле воспоминания о будущем?

О кризисе современного исторического сознания пишется и говорится много и охотно. О его разорванности, фрагментарности, расслоенности, несовместимости индивидуальных/коллективных представлений о событиях, исторических личностях, отдаленности от исторического сознания научного сообщества, хотя последнее естественно не может быть однородным.

Но, во-первых, эти свойства так или иначе присутствуют в любом массовом историческом сознании. Во-вторых, в российском обществе, прежде всего на индивидуальном уровне, существует острый, может быть, не всегда осознанный отчетливо запрос на уточнение, изменение и выработку именно личного исторического сознания. Достаточно взглянуть на переполненные исторической литературой, не будем говорить здесь о ее научном качестве, полки книжных магазинов или ознакомиться с контентом рунета. Общее место: запрос порождает предложение. Если и говорить о кризисе, то в понимании его как важного момента развития, постепенного, хотя и болезненного формирования исторического сознания, близкого к научному историческому сознанию. Импульс исходит от конкретных людей, свидетельствуя, между прочим, не только о потребности, но и развитии их самосознания в принципиально новых социальных и политических условиях, порой за пределами и нормативной историографии, и навя-

занных властных версиях. Впрочем, молодому поколению иные условия неведомы. И государственная власть, преследуя свои понятные интересы, в сущности, стремится удовлетворить общественный запрос. Отсюда и пробуждение внимания к учебной литературе по истории, постановке преподавания истории в школе и вузах, и создание известной комиссии по фальсификации (бесславно и тихо исчезнувшей, к удовлетворению научного сообщества, кроме, пожалуй, тех ее представителей, кто живет по известному принципу «чего изволите?») до создания особого исторического общества.

Выходит, что власть, более или менее развитые структуры гражданского общества, в том числе и научные сообщества гуманитариев, объединяются во внимании к формированию адекватного общественно-государственным потребностям, соответствующего «духу времени» исторического сознания. «История – что власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и свое благоденствие приписывают себе самим; когда им становится плохо, они начинают суетовить ее необходимость и ценить ее благодеяние»¹. Это знаковое явление – интерес к истории. Не только внимание власти, это понятно, но людей. В недавнем выступлении главы государства на Совете по международным отношениям выставлены в качестве приоритетных направлений деятельности властей и общественных структур поддержание международной гармонии, оперативное и грамотное урегулирование потенциально конфликтных ситуаций, содействие диалогу между представителями различных общин, пропаганда толерантности. Понятно, что реализация такой программы предполагает разработку механизмов развития и корректировки современного исторического сознания и всех его составляющих компонентов. Остается надеяться, что институциям, связанным с научным историческим сознанием, найдется соответствующее их значению место.

Естественно, что строгое научное обсуждение проблематики, относящейся к историческому сознанию, историческому познанию и социально-исторической памяти в уникальной, созданной, может иметь практическое применение и предполагает энтузиазм исследователей.

¹ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 265-266.

Для практикующего историка опорами, ориентирами в конкретно-исторических изысканиях исторического сознания, массового, индивидуального, политического и иных, наряду с владением методикой и техникой источниковедческого анализа, в том числе нередко нетрадиционных источников, является теоретико-методологический анализ проблемы. Точно так же для социолога, изучающего реально функционирующее сознание. Для философа, проникающего в структуры исторического сознания, исторической памяти, исторического познания – владение фактическим историческим материалом. Но известное противоречие между исследователями, сосредоточенных на исторических реалиях, остающихся верными девизу «История пишется по источникам» (хотя и понимающими ограниченное значение это классической формулы), и теми, кого преимущественно занимают теоретические вопросы («Остались еще историки, полагающие, что прошлое изучается по документам»), сохраняется. Это известное недопонимание в гуманитаристике так или иначе снимается, особенно при осознанном и профессиональном применении междисциплинарных подходов.

Что касается научной литературы, прямо, а тем более опосредованно относящейся к проблематике исторического сознания и исторической памяти, то разнообразие и оригинальность заключенных в ней подходов, идей и суждений как раз во многом объясняется вниманием гуманитаристики в целом философов и социологов, историков и лингвистов, филологов и психологов. В ней, в общем, отсутствует встречающееся в других случаях ожесточение в спорах. Для нее характерен индивидуальный почерк авторов. Эта литература разнесена во времени, многие умозаключения и выводы естественно лишены современного исторического и историко-познавательного опыта, что как будто ее обедняет. Но за ней в лучших образцах, в том числе 60-х – 70-х гг. минувшего столетия, стоит цивилизационный опыт и переживания современной им исторической реальности. В некотором отношении – это ценный источник для изучения национального исторического сознания во всех его проявлениях в современный авторам период.

Каждый из нынешних гуманитариев может в проблематике «история и общество», а ведь именно об этом, в конечном счете, идет речь, найти свободную и – свою – нишу. Каждый в соответствующей

области гуманитарных научных знаний может опереться на мощную философскую, социологическую, политологическую, методологическую, историографическую традицию, национальную и зарубежную.

В какие бы пространственные или временные границы не был бы заключен предмет исследования в сфере исторического познания, какими бы обоснованными не представлялись естественные ограничения исследовательской темы, учет ее цивилизационного, культурологического, историографического контекста очевиден. А это означает, что, хотя многие труды в этой области отделены от нас десятилетиями, созданы в жестких моноидеологических условиях, сохраняют отнюдь не только узко историографическую значимость. Это и первые работы в проблематике исторического сознания философов, социологов Ю.А. Левады, И.С. Кона, А.И. Ракитова, и историков и методологов М.А. Барга, А.Я. Гуревича¹. Список можно продолжать, без преувеличения в нем окажутся десятки имен, составляющие гордость отечественных гуманитарных наук.

Конечно, немного, они и должны быть единичными, синтетических и междисциплинарных исследований, в том числе и таких, в которых проблемы исторического сознания и исторической памяти рассматриваются во всеобъемлющем цивилизационном, историографическом культурологических контекстах².

Острое внимание к этой проблематике связано с переосмыслением функций современной исторической науки, методологическими поворотами в историографии, появлением новых перспективных направлений в конкретно-исторической практике – глобальной, региональной истории³, существенном обновлении источниковедческой

¹ Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы науки. М., 1969; Кон И.С. Социология личности. М., 1967; Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982; Бург М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987; Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М., 2005.

² Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. СПб, 2003-2006 и др.

³ Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2011; Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М., 2011; Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / Отв. ред. М.А. Кукарцева. М., 2011 и др.

базы исследования, в том числе как результата социологических исследований отношения людей к историческим событиям, ценностям, личностям, проявлениям негативизма в исторических оценках в зависимости от групповой принадлежности¹.

В то же время приходится признать, что, с одной стороны, в современных теоретических исследованиях далеко не всегда учитываются информационные ресурсы исторической науки, публикации исторических источников, с другой, нормативная историография сдержанно относится к результатам теоретического анализа сущности исторического сознания и его структуры, связи с историческим временем, соотношению с другими формами общественного сознания.

И не по порядку, но по значению. Современный этап научного освоения проблематики исторического сознания, его компонентов и разновидностей невозможно представить без тщательного и всестороннего изучения трудов зарубежных исследователей. Конечно, к работам, скажем, Мориса Хальбвакса, Пьера Нора или Яна Асманна, российские ученые обращаются постоянно. Но опыты конкретного приложения, заключенных в них идей, естественно, не механически, с поправкой на российскую историческую реальность, могут привести к серьезным научным результатам и соответствующему общественному резонансу. «Что такое Россия?» (по следам «Что такое Франция?» Пьера Нора) – заманчивый проект изучения коллективной памяти россиян и репрезентация многообразия российской многонациональной идентичности.

Таким образом, практики комплексного междисциплинарного изучения проблематики исторического сознания, исторической памяти, а также ограниченные соответствующими сферами гуманитаристики теоретические и конкретные исследования предполагают обобщающее историографическое осмысление. Накопленный материал дает для этого все основания. В том числе и в связи с постоянно возникающими терминологическими вопросами.

¹ Тощенко Ж.Т., Бойков В.Э., Меркушин В.И., Афанасьева А.И. Историческая память // Информационный бюллетень №1(10). М., 1991; Материалы «круглого стола» по теме: «Историческая память населения России: состояние и тенденции развития» // Социология власти. М., 2002. № 1-2. и др.

Джон Тош¹ термин «историческое сознание» назвал скользким. Но именно с осмысления феномена «историческое сознание» авторитетный английский ученый предложил начать освоение ремесла историка (Гл. 1. «Историческое сознание»). Остается добавить, что ведь и другие, связанные с историческим сознанием, понятия отнюдь не отличаются прозрачностью и легкой доступностью для понимания. Может быть, и в самом деле начинать целесообразно и именно с них, прежде чем включаться в сферу профессиональной историографии с точки зрения различных научных гуманитарных пристрастий и устремлений? В этой связи исключительное значение имеют историографические наблюдения и обобщающие характеристики Л.П. Репиной по проблемам памяти и исторического сознания².

Об общепризнанном определении понятий «историческая память», «историческое сознание», «историческое познание» говорить рано и сомнительно, что его можно когда-нибудь достичь. В каждом конкретном случае приходится договариваться о терминах, прежде чем начать предметную дискуссию в философском, социологическом, лингвистическом или конкретно-историческом контекстах. Исследователи-гуманитарии специализируются в различных областях знания, придерживаются различных концепций, принадлежат к разнообразным научным школам, зависимы от времени, в котором им суждено действовать, и не в последнюю очередь индивидуального исторического опыта.

Объединяет их история – и в значении исторического процесса, и в смысле исторического познания, функции, которые отправляет историческая наука в обществе, общественные запросы и ответная реакция людей и общностей на профессиональные занятия, концептуальные и частные версии.

Осмысление объема и содержания понятий «историческое сознание», «историческая память» и их производных – групповая, коллективная, индивидуальная, культурная и пр. целесообразно осуществлять в границах сформировавшегося научного направления –

¹ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С.11.

² Репина Л.П. Указ.соч.

истории понятий¹. Разнообразие определений «историческое познание», «историческая память» вполне соответствует сложности изучаемых объектов. История этих понятий опирается на множество существующих определений. Каждое из них заслуживает отдельного комментария, учитывающего, не в последнюю очередь, и время, и философскую, историографическую традицию, близкую автору.

История понятий, в понимании ее, в частности, Р.Козеллеком – это в первую очередь путь к пониманию самой истории. В нашем случае целесообразно опереться на конкретизацию понимания истории понятий Н.Е. Копосовым, для которого это направление является важнейшим инструментом критики социальных наук, т.е. эмпирическое междисциплинарное исследование интеллектуальных и социальных оснований социальных наук как исторически сложившейся культурной практики². И далее: «Основные исторические понятия, несмотря на всеобщую неудовлетворенность ими, по-прежнему являются системой координат и необходимым инструментом любого исследования общества и истории. Они в концентрированном виде содержат наиболее общие представления об устройстве и эволюции социального мира. Многие теории социальных наук являются по сути дела раскрытием значения основных исторических понятий. Однако внутренняя структура этих последних, естественно, отнюдь не непосредственно определена социальной реальностью, которую они описывают, но несет на себе отпечаток присущих нашему разуму исторически изменчивых форм. Таким образом, анализ семантических структур исторических понятий... является важнейшим аспектом когнитивного анализа социальных наук, точнее, механики нашей собственной умственной работы»³.

Попытки предложить более или менее всех удовлетворяющих определение «исторического сознания» заведомо обречены на неудачу. Но в то же время некоторые общие черты, а некоторые стали общим местом, конечно, можно обнаружить.

¹ Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI – XX века: сб. научных работ. СПб., 2006. С.33-53; Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Там же. С. 9-32.

² Копосов Н.Е. Указ. соч. С.28-29.

³ Там же. С.29.

Например, историческое сознание рассматривается как важнейший срез сознания общественного, содержащий мощную и всепроникающую историческую компоненту. Или: важнейшими функциями исторического сознания выступают собственно познавательная, воспитательная, идеологическая, политическая и иные. Или еще: историческое сознание по сути своей отличается предельной расслоенностью, осложняющей системное осмысление. Во-первых, каждый из членов общества «сам себе историк». Во-вторых, общественные структуры не однородны: различные общности, кланы, сообщества, разделяемые этнически, конфессионально, культурно, политически имеют свой исторический интерес, свое историческое сознание, свою коллективную историческую память, на которой лежит мощный отпечаток индивидуальной памяти. Наконец, они имеют «свою» профессиональную историографию. И, добавим, своих адептов мифологической истории. У каждой социальной группы свой избирательный исторический интерес, свое представление о вчерашнем, позавчерашнем, свой жизненный исторический мир. В гуманитарном научном сообществе, научном историческом сообществе, в частности, дело обстоит не лучше, но иначе. Каждый сам себе ученый. Но он принадлежит, тем не менее, к определенной научной школе, прошел научную выучку в определенной среде. В силу своих профессиональных подготовки и занятий, политических воззрений не в последнюю очередь, его включенность в композицию исторического сознания избирательна.

Специальный интерес к проблематике исторического сознания и исторической памяти также отличается во многих случаях точностью. Скажем, философ, дистанцируясь от конкретного анализа на основе скрупулезного изучения исторических источников и других информационных ресурсов для изучения исторической реальности, может сосредоточиться на системно-гносеологическом подходе к этим социальным феноменам. Социолог естественно стремится исследовать реально функционирующее сознание, выраженное в позициях конкретных людей, его современников. Историки сосредоточиваются на изучении исторического сознания и его разновидностей в определенных общностях, социальных слоях в определенные эпохи, периоды, не исключая современной им исторической действительности. Для лингвиста на первом месте анализ семантических структур исторического сознания.

Но, так или иначе, стремление к терминологической четкости и определенности в процессе оперирования понятиями «историческое сознание», «историческая память» и понятиями, с ними связанными, проявляется всеми исследователями, нередко вынужденными предварительно объяснить, договориться о терминах. Стремление опираться на общепризнанные определения понятно, тем более что в существующих словарях как будто отмечены важные свойства исследуемого объекта, в целом разделяемые в обществе. Частично преодолевается непонимание в ходе дискуссии, создаются формальные основания для продвижения в содержательном анализе. Проблема, собственно, заключается только в том, насколько предложенные определения адекватны научным и в целом общественным потребностям.

Тут следовало бы быть осторожными в выборе. Скажем, в одном из словарей разграничение исторического сознания и исторической памяти явно формально, содержит в качестве решающих свойств исторического сознания и исторической памяти некую неопределенную осведомленность о прошлом, связанное с переживанием за настоящее и будущее. Важным признаком этих феноменов выступает ответственное патриотическое чувство на индивидуальном и коллективном уровнях. Такого рода определений можно привести немало. Они отбивают тягу к точности определений и, что бесспорно положительно, приводят к отчетливому пониманию опасности утери информационной содержательности феноменов, размывании существа важных вопросов.

Как писал Марк Блок, «нет никакого смысла помещать в начале этой книги («Апология истории, или ремесло историка»), сосредоточенной на *реальных* проблемах исследования, длинное и сухое определение. Кто из серьезных тружеников обращал внимание на подобные символы веры? Из-за мелочной точности в этих определениях не только упускают все лучшее, что есть в интеллектуальном порыве. Привязка исследователя, особенно тех, кто делает первые шаги в науке, к как будто общеупотребительным, расхожим определениям, с одной стороны опасна. С другой стороны, опора на предшествующий опыт необходима для дальнейшего собственного интеллектуального и профессионального развития, что, конечно, бесспорно.

Впрочем, есть и еще одна альтернатива: естественная близость обозначенных социальных феноменов создает условия для сосредоточения на содержательной стороне вопроса. Необходимые общие ха-

рактистики и понятия неизбежно появятся в ходе научного синтеза. В этом смысле конкретно-исторические исследования исторического сознания отдельных социальных слоев, привлечение в ходе анализа проявлений индивидуальной и коллективной исторической памяти, представляются особенно эффективными, покоящимися на эмпирическом освоении исторической реальности в соответствующем исследовательском аспекте.

Практикующий историк, может, например, в качестве рабочей гипотезы ограничиться пониманием исторической памяти как памяти, слабо или вообще не связанной с действительностью, а исторического сознания как феномена, напротив, функционирующего во всех временных координатах.

Остановимся в заключение только на одном подходе к пониманию исторического сознания и исторической памяти – включенности в них индивидуального и корпоративного пласта памяти и научного исторического сознания. В широко известной работе А.И. Ракитова «Историческое познание: системно-гносеологический подход», опередившей на несколько лет общее состояние гуманитаристики в советскую эпоху, предвосхитившей соответствующую проблематику исследований в 1990-е – 2000-е годы, ступени движения и проникновения в пространство истории представлены как движение от исторического интереса к историческому сознанию, а потом к историческому познанию.

Понятием «историческое сознание», писал он, ссылаясь на определение Ю.А. Левады, охватывается «все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, в которых общество воспроизводит свое движение во времени». В этой формулировке не отделяется индивидуальное, массовое историческое сознание от научного, которое, в свою очередь, вовсе не рассматривается по безусловному ведомству профессиональной историографии.

Но в таком случае нельзя согласиться с утверждением А.И. Ракитова об общей стихийности, нерационализированной фиксации прошлого историческим сознанием как целостностью. Ведь в нем заключается и мощный пласт именно строгого, определяемого интересами науки рационального освоения исторической реальности. И историческое сознание в целом, и его существенный рациональный научный компонент выполняют функцию сохранения, накопления и пе-

редачи исторического опыта, этнической ценности, культурной общности и преемственности.

Надо ли говорить, что тут не последнюю роль играет личность ученого? Равнение на авторитет, в том числе и ложный, характерно для людей, открытых для восприятия и переосмысления собственного исторического опыта и исторических знаний. Потребитель исторической информации может ориентироваться в своих исторических предпочтениях на Д.С. Лихачева, но может вырабатывать свои взгляды под влиянием А. Фоменко или даже какой-либо поп-дивы. Личностный характер – отличительная черта исторического познания, обращает внимание А.И. Ракитов. Но то же самое можно сказать об историческом сознании в целом.

Ж.Т. Тощенко, изучивший результаты социологических исследований исторического среза общественного сознания в России в конце 80-х и в 90-е годы прошлого столетия, предложил следующее определение. Это – «специфическая форма общественного сознания и поведения людей, охватывающая знания, понимание и отношение людей к историческому прошлому, его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и его возможному отражению в будущем... Если охарактеризовать суть и содержание исторического сознания, то можно сказать, что оно представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущим и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей». Выходит, что одной из таких социально-профессиональных групп является и научное сообщество историков. Связь исторических представлений с настоящим и будущим отражается в суждениях о прошлом. Прошлое как бы включено в оценки современности и участвует в выработке определенных идеалов общественного устройства в будущем. Как видим, и здесь историческое сознание не исключает наличия в нем мощного научного сегмента, непосредственного участника формирования исторических представлений. Другое дело, что далеко не всегда оно оказывает решающую роль в формировании адекватного научному постижению окружающего мира во времени.

Время во всех модальностях, полагает Ж.Т. Тощенко, присутствует и в исторической памяти. Разница заключается только в размытости, неопределенности, исторического сознания и целенаправ-

ленности, определенной ограниченности исторической памяти. Историческая память предстает разновидностью исторического сознания. И в силу этого характерная известной неполнотой. Историческая память – «это определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания»¹.

Признаемся, что среди многих десятков существующих определений исторической памяти и исторического сознания, возможно, более точно отражающих содержательную сложность и богатство этих социально-когнитивных феноменов, нас занимало в первую очередь то, в какой мере они в качестве обязательного компонента включали именно индивидуальную/коллективную память и личное/групповое историческое сознание корпорации профессиональных историков и научного гуманитарного сообщества в целом. И прежде, и теперь.

М. Михалак

**ВОЛЬНЫЙ ГОРОД ГДАНСЬК – ПЕРЕКРЕСТОК
КУЛЬТУР И НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ**

После Первой Мировой войны 18 января 1919 г. открылась Парижская Мирная Конференция, которой предстояло решить одну из сложнейших проблем – это границы послевоенной Европы, в частности ее Средневосточной части, где в течение года были воссозданы ранее несуществующие страны. Особенно трудным было разграничить западную и северную границы восстановленного Польского государства, в связи с чем возникла проблема государственной принадлежности города Гданьск². Особое внимание к этому городу было вызвано его значимостью в регионе Балтийского моря. Территориальные и экономические интересы восстановленной Польши и потерпевшей

¹ Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.

² Е. Cieślak, *Historia Gdańska*, t. IV/2: 1920-1945, Sopot 1998, p. 33.

поражение Германии пересекались в многонациональном городе Гданьск. Большую часть населения здесь составляли немцы, однако среди жителей города насчитывалось и огромное количество лиц польской национальности, а также евреи и русские. Польское государство заявило права на этот город после 123-х летнего отсутствия его на Европейской карте. Главным аргументом служили особые экономические отношения между Польшей и Гданьском¹. Город был расположен в устье самой длинной польской реки Вислы. Этот большой порт служил экономической связью между городом и Европой, а также остальной частью мира. Вторым аргументом были немцы, которые составляли почти 90% населения города². Решение проблемы государственной принадлежности зависело от Союзных и Соединенных Держав. Так в соответствии со статьями 100-108 Версальского договора от 28 июня 1919 г. был определен правовой статус Вольного Города Гданьск³. Гданьская область включала в себя сам город Гданьск и прилегающие территории протяженностью 1893 км² с населением 366730 человек⁴. Согласно Версальскому договору, данная территория находилась под защитой Лиги Наций. «Должным образом назначенными представителями» была принята конституция, составляющая политическую систему города⁵. Отношения между Гданьском и Польским государством регулировались принятой обеими сторонами Конвенцией.

Согласованный на Парижской Мирной Конференции особый правовой статус Гданьска был вызван многими факторами. Играли важную роль и отдельные интересы Союзных и Соединенных Держав. Франция, которую Польша считала своим союзником, стремилась укрепить международное положение восстановленного государства и оказать ему поддержку. С другой стороны, Британская делегация была

¹ E. Cieślak, C. Biernat, *History of Gdańsk*, Gdańsk 1995, p. 421.

² S. Mikos, *Struktura społeczna i problem narodowościowy w Wolnym Mieście Gdańsku*, „Zeszyty Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego”, Historia, nr 4, Gdańsk 1975.

³ E. Cieślak, C. Biernat, *op.cit.*, s. 421.

⁴ H. Stępnia, *Ludność polska w Wolnym Mieście Gdańsku 1920-1939*, Gdańsk 1991, p. 34.

⁵ *Zbiór dokumentów urzędowych dotyczących stosunków Wolnego Miasta Gdańska do Rzeczypospolitej Polskiej*

против ослабления позиций Германии и, следовательно, против заявления Польши о своих правах на Гданьск¹. На правовой статус Вольного Города в межвоенный период 1920-1939-х гг. также повлияла и его сложная история с многонациональным и мультикультурным характером: тысячелетняя история города сыграла ключевую роль в анализе правового режима Гданьска. Таким образом, мультинационализм и мультикультурализм оказал особое влияние на уникальный юридический и международный статус Гданьска в первой половине XX в.

Город на пересечении культур и национальностей

Перед представителями Союзных и Соединенных Держав стояла сложная задача – решение вопроса о государственной принадлежности Гданьска. Они, безусловно, видели сложность проблемы в давних традициях города. С момента его основания в конце X в. Гданьск считался перекрестком культур и национальностей². Славянское поселение на побережье Балтийского моря стало коренным населением для вновь созданного Польского государства, и оставалось им вплоть до конца XII века³. В этот период город стал важным экономическим и политическим центром, а также портом, являющимся источником международных соглашений. В XII в. возник новый фактор – приток немецких поселенцев, которые в свою очередь внесли особый вклад в развитие ремесленного производства, торговли, судоходства и правового управления города (закон Любека). Более того, в тот период возникли две коллизии: польские амбиции, связанные с Балтийским побережьем, и немецкая политика в области Востока («Натиск на Восток»)⁴. Эта конкуренция впервые появилась в XIII в., когда Бранденбургу не удалось осуществить экспансию в Гданьском направлении. Однако в 1308 г. тевтонцами удалось завоевать город и все Поморье. Их господство в регионе продолжалось 146 лет.

Во второй половине XV в. началась новая история города. В феврале 1454 г. под принудительным натиском рыцарей Тевтонского ордена население Гданьска начало покидать город. Эти события про-

¹ J. Wójcicki, *Wolne Miasto Gdańsk 1920-1939*, Warszawa 1976, p. 45.

² T. Grzybowska, *Gdańsk*, Wrocław 2000, p. 7.

³ E. Cieślak, *Historia Gdańska*, t. I, Gdańsk 1978, p. 5.

⁴ *Ibidem*, p. 6.

исходили в течение 13-летней войны (1454-1466) Тевтонского ордена с Польшей. Завершил войну подписанный 19 октября 1466 г. Второй Торуньский мир, ставший для Гданьска крайне важным не только в политическом смысле (по Торуньскому миру к Польше отошла западная часть владений ордена — Гданьское Поморье), но и принес существенные изменения в городскую жизнь. Польские короли, которые пользовались множеством привилегий, стали членами местного самоуправления. Собственная армия, право на производство монет и независимая судебная власть гарантировали широкую автономию. Взаимоотношения города с Польским государством, а также расположение его в устье Вислы, были решающими в его динамичном развитии. Последние десятилетия XVI в. стали периодом величайшего процветания Гданьска, его «золотым веком»¹. На тот момент это был самый большой и богатый город Республики. Местоположение Гданьска привлекало многих художников, ученых, юристов и богословов. Многие из них искали здесь жилье, хорошие условия жизни, возможности для художественной и научной работы. Этот фактор привел к значительной национальной диверсификации города. Помимо основных групп — политически и экономически доминирующего населения Германии и польских жителей, в городе проживали люди и более низкого класса, а также большая группа голландских меннонитов, прибывших в середине XVI в., а в XVII веке в городе поселились группа французских купцов². Среди жителей города можно было встретить и англичан, и шотландцев, и венгров и представителей других национальностей. Таким образом, в результате активной экономической и культурной среды появился международный конгломерат.

Раздел Польши привел к процветанию Гданьска. Город был включен в состав централизованного и бюрократического Прусского государства. Еще один прорыв случился в XIX в. Маршал Франсуа-Жозеф Лефевр, командир X Корпуса Великой Армии Наполеона, 27 мая 1807 г. оккупировал город, приняв перед ратушей капитуляцию прусского генерала Калькрейта³. Так начался 6-летний период существования Вольного Города Гданьска (1807-1813/14). Формально но-

¹ J. Friedrich, *Gdańsk – miasto wolności*, Toruń 2008, p. 7.

² E. Cieślak, *Historia Gdańska*, t. I, Gdańsk 1978, p. 8.

³ A. Nieuważny, *Wolne Miasto Gdańsk – uwagi nad dziejami* [in:] „Napoleon i Gdańsk – Pierwsze Wolne Miasto Gdańsk 1807 – 1813/14”, Gdańsk 2008, p. 13.

вый правовой статус города был установлен в Тильзитском соглашении. Гданьск восстановил свою полную автономию. Городской Совет (Сенат), собственная судебная власть и право на производство монет были восстановлены. Однако на практике, реальная власть оказалась в руках Наполеона. Приказы императора выполнялись губернатором Жан Раппом¹. Из-за натиска со стороны Франции автономия города была лишь фикцией. Хотя следует отметить, что, по мнению представителей элиты, получение статуса даже ограниченного юридического лица было лучше, чем функционирование в рамках централизованных и бюрократических ограничений Пруссии². Окончательный разгром города Наполеоном разрушил мечты о малейшей независимости. Будущее Вольного Города Гданьска, захваченного русской армией Александра I, решится на Венском Конгрессе. Граждане Гданьска были готовы вернуться под господство Пруссии. Однако они не теряли надежды, что отвоеванный Наполеоном город не исчезнет. К сожалению, безусловный возврат Гданьска под прусское правление привел к восстановлению первоначальной формы автономии. В 1817 г. в городе была введена политическая система, основанная на новом прусском праве от 1808 г., что означало возвращение к системе управления на национальном уровне³. Гданьск оставался в пределах границ Прусского раздела до начала Первой Мировой Войны.

Гданьский вопрос на Парижской Мирной Конференции

Внезапное начало Первой Мировой Войны изменило положение Гданьска. Подписанный между державами союз в конце XVIII в. разделил Польшу на части. В целях усиления роста человеческого и экономического капитала бывшие оккупанты дали обещание о будущей независимости государства взамен на помощь в войне. В прокламации от 5 ноября 1916 г. Германия и Австро-Венгрия опубликовали совместный манифест о создании «независимого государства с наследственной монархией и с конституционным строем» на российской части Польши⁴. В Новогоднем приказе от 25 декабря 1916 г. Николай II объявил, что целью войны могло бы стать «создание свободной

¹ *Ibidem*, p. 15.

² *Ibidem*, s. 20.

³ *Ibidem*, s. 21.

⁴ W. Roszkowski, *Historia Polski 1914-2005*, Warszawa 2006, p. 12.

Польши»¹. Страны Антанты не оставались в стороне. Президент Томас Вудро Вильсон 22 января 1917 г. заявил о том, что в результате войны должна быть сформирована единая и независимая Польша. Польский Национальный Комитет, работающий в Париже с 17 августа 1917 г., предоставил министрам иностранных дел Союзных Держав подробно изложенную петицию о польской независимости². В то же время, Роман Дмовский, действуя от имени комитета, выступил с предложением, что «Великобритания, Франция, Италия и Соединенные Штаты Америки должны поставить свою печать на соглашении, в рамках которого одной из задач войны станет восстановление независимого Польского государства»³. После чего в соответствии с постулатами польской дипломатии восстановленному государству переходит часть Силезии и Балтийского побережья на устье Вислы и Немана. Для польской дипломатии доступ к морю на устье Вислы и город Гданьск был одним из приоритетных. Обстановка на фронте определила условия для реализации этой цели. Разразившаяся большевистская революция в России, а затем и ухудшение положения армии дали возможность более активно выступать в польском вопросе. 8 января 1918 г. президент США Вудро Вильсон представил программу мирного урегулирования, пункт 13 которой гласил о том, что «необходимо создать независимое польское государство, которое должно включать территории с бесспорно польским населением, и которому должен быть обеспечен свободный и надежный доступ к морю»⁴. Однако в реальности это представлялось очень сложным. Согласно записям из дневников полковника Эдуард М. Хауза, советника президента Вильсона, в пункте 13 употребление слова «необходимо» вместо «должен» неслучайно, ведь все зависело от стечения обстоятельств, а именно от того, как США будет настаивать на своих позициях по поводу польской границы⁵. Не было сомнений, что наиболее спорным вопросом станет вопрос свободного и безопасного доступа к морю, от которого напрямую зависела государственная принадлежность Гданьска.

¹ *Ibidem*, p. 13.

² J. Wójcicki, *op.cit.*, s. 16.

³ R. Dmowski, *Pisma*, t. VI, Częstochowa 1937, p. 359.

⁴ L. Gerson, *Woodrow Wilson and the Rebirth of Poland 1914-1920*, New Haven 1953, p. 122.

⁵ *Diary of Edward M. House*, Yale University Library, 12 I 1918.

В первый день Парижской Мирной Конференции 18 января 1919 г. была назначена Комиссия по польскому вопросу, председателем которой стал бывший посол Франции в Берлине Жюль Камбон¹. Основной задачей его деятельности стала подготовка доклада о польско-немецкой границе. В соответствии с постулатами пункта 13 мирной программы Уилсона, восстановление Польского государства в первую очередь означало безопасный и беспрепятственный доступ к морю. Члены комитета считали, что это возможно только в том случае, если Восточная Пруссия с 1600000 немцами будет отделена от Германии. 22 января 1919 г. Комиссия представила проект, подготовленный американской делегацией об изменении границы Европы². Данный документ под названием «Предварительный Отчет» рекомендует присоединение Поморья и Гданьска обратно к Польше, поскольку «для Польши – это вопрос жизни»³. Фраза «вопрос жизни» означало экономическую роль Гданьска. На тот момент город был естественным портом на реки Висла. В свою очередь, экономический прогресс восстановленного государства зависел от создания торговых отношений между Европой и остальной частью Мира. Однако в своем докладе глава британской делегации высказал возражения по этому поводу, утверждая, что обязательства платить огромные компенсации, а также огромные территориальные потери могут «сломать» правительство Германии, и которая просто не подпишет мирный договор⁴. Более того, согласно своей стратегии политического равновесия, Британская делегация не могла допустить существенного ослабления позиций Германии и в то же время укрепления Франции⁵. Премьер-министр Ллойд-Джордж боялся, что безоговорочное решение о возвращении Гданьска Польше может привести к такому результату. В итоге Британская делегация, сославшись на историю, предложила дать Гданьску и его соседним районам статус вольного города. Согласно британскому проекту, немцы отказались от всех прав на город с территорией 1893 км². При этом область, получившая статус вольного города, функционировала под защитой Лиги Наций. Премьер-министр

¹ J. Wójcicki, *op.cit.*, p. 38.

² *Ibidem*, p. 36.

³ *Ibidem*, p. 36.

⁴ J. Pajewski, *Historia Powszechna 1871-1918*, Warszawa 1978, p. 490.

⁵ J. Wójcicki, *op.cit.*, p. 45.

Ллойд-Джордж сумел убедить президента Вильсона. Предлагаемый вариант звучал следующим образом: «решение вопроса по поводу Гданьска принималось с должным усердием, а также с учетом характера его многовековой истории [...] На протяжении многих лет большую часть населения Гданьска составляли немцы. По этой причине не предлагалось включение Гданьска в состав Польского государства. К тому же, Гданьск был ганзейским городом за пределами германской политической границы, и в этой стране хорошо развивалась независимая торговля с Польшей. Таким образом, экономические интересы Гданьска и Польши пересекались. И, вероятно, Гданьск как крупнейший порт на Висле нуждался в сильных взаимоотношениях с Польшей»¹.

Правовой статус Вольного Города Гданьска

Статьи 100-108 Версальского договора легли в основу правовой системы Гданьска. Окончательно подписанный сторонами регламент должен был быть представлен на следующей Конвенции. Конституция, подготовленная по согласованию с Верховным комиссаром Лиги Наций на основе ст. 103 Версальского договора, определяла политическую систему Вольного Города². После того, как договор вступил в силу, Гданьск оказался под контролем главы Союзных и Соединенных Держав до тех пор, пока Город не был призван вольным. Британский дипломат сэр Реджинальд Тауэр был принят на должность временного управляющего³. Немецкая армия оставила Гданьск и британские войска вошли в город. Р. Тауэр был назначен Верховным комиссаром Лиги Наций по Гданьску⁴.

В соответствии с Версальским договором, Лига Наций была защитником, гарантом и органом, решающим любые возникающие споры в Вольном Городе Гданьск. Под защитой понималось предотвращение вмешательства других стран во внутренние дела Гданьска. Роль гаранта предполагала участие в подготовке Конституции и вне-

¹ Note on the conditions of the peace Treaty, addressed to Germans on 16 June 1919.

² Text of the Treaty of Versailles in: *Zbiór dokumentów urzędowych dotyczących stosunków Wolnego Miasta Gdańska do Rzeczypospolitej Polskiej*.

³ S. Mikos, *Wolne Miasto Gdańsk a Liga Narodów*, Gdańsk 1979, p. 26.

⁴ M. Jałowicki, *Wolne Miasto*, Warszawa 2002, p. 155.

сения поправок к этому документу. Лига Наций разрешала также любые споры на линии Гданьск-Польша¹. Верховный комиссар был представителем Лиги в Вольном Городе. Его функции, в основном, заключались в урегулировании конфликтов между Гданьском и Польшей. В соответствии с договором, Польша имела право на управление внешней политикой Вольного Города, и поэтому в отношении международных соглашений, подписанных правительством Польши от имени Гданьска, Верховный комиссар обладал правом на вето в случае какого-либо несоответствия закону.

Политическая система Вольного Города должна была отразиться в Конституции. Версальский договор ожидал, что она будет принята избранными представителями народа Гданьска по согласованию с Верховным комиссаром Лиги Наций². Выборы в учредительное собрание состоялись 16 мая 1920 г. 11 августа 1920 г. был принят проект Конституции. Лига Наций, как гарант Конституции, требовал введения многочисленных поправок. Обсуждение итогового документа продолжалось в течение двух лет, а официальная версия была представлена на 24 июня 1922 года³. Конституция состояла из 117 статей. Первая часть описывала политическую систему города, вторая – основные права и обязанности граждан, а также две основные власти: Фольстаг – высший законодательный орган и Сенат – орган исполнительной власти. Сенат состоял из 22 членов (президент, вице-президент и 20 членов Сената). Фольстаг состоял из избираемых на 4 года 120 членов.

Права и интересы Польши в Гданьске представлял Генеральный Комиссар. Он был посредником между польским правительством, властью Вольного Города и Высшим Комиссаром Национальной Лиги. Ему подчинялись все чиновники города, кроме таможенных, железнодорожных и других служащих, находящихся в подчинении соответствующих министерств.

Порт Польша-Гданьск и Совет водных путей был последним элементом управления Вольного Города. В Версальском договоре эта власть не предусматривалась. Польше предоставили право пользова-

¹ S. Mikos, *Wolne Miasto Gdańsk a Liga Narodów*, p. 45.

² Text of the Treaty of Versailles in: *Zbiór dokumentów urzędowych dotyczących stosunków Wolnego Miasta Gdańska do Rzeczypospolitej Polskiej*.

³ E. Cieślak, C. Biernat, *op.cit.*, s. 425.

ния портом в Гданьске. Вновь избранная власть Вольного Города, и это в основном немцы, требовали интернационализации порта. Польские власти, сосредоточившиеся на войне с Советской Россией, пошли на уступки. В результате, в соответствии с Парижской Конвенцией от 9 ноября 1920 г., был назначен Совет портов и водных путей, осуществляющий свою деятельность под руководством председателя Совета, пяти комиссаров Польши и Гданьска¹.

Вольный город Гданьск - жизнь между поляками и немцами

По данным переписи 1923 г. общая численность населения Гданьска составляло 366 730 человек, для 348 493 которых родным языком являлся немецкий, для 12027 - польский, для 2628 - русский, для 602 - еврейский и для 204 – другие языки². Однако представленные выше данные вовсе не соответствовали реальной ситуации. Об этом говорит количество отданных голосов поляками на выборах в Фольстаг в 1920 – 1921 годах³. Более того, согласно церковно-приходской статистике, количество польских голосов оценивается между 30 000 и 36 000 человек, то есть около 10% населения города⁴.

Доминирующее положение немецкого населения в Гданьске повлияло на состав руководящих органов. На выборах в Фольстаг в 1920 г. поляки получили лишь 7 голосов из 120 мест. Превосходство немцев было очевидным также на выборах в исполнительный орган – Сенат. Так на пост президента Сената Фольстаг назначил немца Генриха Сахма⁵. С другой стороны, правовой статус Свободного Города создал прочные экономические связи между Гданьском и Польшей. В частности, Свободный Город входил в таможенную зону Польши, что привело к увеличению иммиграция поляков в город. Власть Гданьска

¹ *Ibidem*, s. 429.

² Gemeindelexikon für die Freie Stadt Danzig auf Grund der Ergebnisse der Volkszählungen vom 1. November 1923 und 31 August 1924 und anderer amtlicher Quellen, bearbeitet und herausgegeben vom Statistischen Landesamt der Freien Stadt Danzig, Danzig 1926, s. 54-55; Zob. A. Romanow, *Emigracja rosyjska w Wolnym Mieście Gdańsku 1920-1939* [in:] „Rocznik Gdański”, t. 45, z.2, 1985, s. 77-111; zob. G. Danielewicz, M. Konopacka, M. Walicka, *Polki w Wolnym Mieście Gdańsku*, Gdańsk 1985.

³ H. Stępnia, *op.cit.*, p. 35.

⁴ *Ibidem*, s. 38.

⁵ J. Wójcicki, *op. cit.*, s. 107.

опасалась возможной полонизации города. Поэтому Сенат стремился укрепить отношения с Веймарской Республикой¹. В немецких политических кругах такое сотрудничество приняли с удовольствием. Данное сотрудничество было хорошо разработано особенно в области культуры и спорта. Все эти меры были призваны поддерживать немецкий символ города.

В Вольном Городе Гданьск правовые и политические позиции польского населения регулировались статьей 4, пунктом 5 Версальского договора, статьей 33 Парижской Конвенции и статьей 4 Конституции Свободного Города². Одной из целей Версальского договора было предотвращение какой-либо дискриминации в ущерб гражданам Польши и других лиц польского происхождения. Конституция Свободного Города рассматривала поляков в качестве национальных меньшинств, гарантировала их свободное национальное развитие и применение польского языка в школах, офисах и судах.

Однако существовала проблема отсутствия каких-либо процедур для обеспечения защиты и соблюдения прав польского меньшинства, гарантированных каким-либо договором, Конституцией и другими актами³. Городские власти последовательно проводили политику поддержки немецкого населения Гданьска. На практике права польского населения Свободного Города были ограничены.

В этих условиях польское население Гданьска понимало необходимость организации более эффективной защиты собственных прав и интересов. В результате в городе был создан ряд польских организаций. Так 26 ноября 1921 г. была основана Польская Община. Основной целью этой организации стало объединение всех поляков Гданьска. Польская Община должна была играть ведущую роль в польском обществе. К сожалению, не все члены данной организации имели равные права. К привилегированным членам относились поляки, являющимися гражданами Гданьска и принадлежавшие к одной из христианских вероисповеданий. Те же, кто имел лишь польское гражданство, могли стать только чрезвычайными членами Сообщества без права

¹ H. Stępnia, *op.cit.*, 113.

² K. Weiss, „Swoi” i „obcy” w wolnym Mieście Gdańsku 1920-1939, Toruń 2002, p. 69; zob. F. Marszałek, *Prawa polskie w Wolnym Mieście Gdańsku*, Gdańsk 1958, p. 27-28.

³ *Ibidem*, p. 70.

голоса¹. В 1933 г. была создана новая польская ассоциация – Союз Поляков в Свободном Городе Гданьск, все члены которого имели равные права. Создание конкурентной ассоциации привело к краху Польской Общины. К счастью, внутренние противоречия были, наконец, решены. В апреле 1935 г. на выборах в Фольстаг обе организации – Польское Сообщество и Союз Поляков – представили совместный избирательный список².

В Гданьске появилось большое количество польских культурных учреждений. Особенно оживленно и активно, например, в 1921–1931 гг. в Гданьске, Сопоте, Оливе и других районах города проводил широкую деятельность польский любительский театр. Важная роль принадлежала Польскому Музыкальному Обществу. В то время возобновили свою деятельность множество хоровых обществ, в том числе такие известные, как “Лютня” или “Цецилия”³. Кроме того, в ноябре 1921 г. было создано Польское Образовательное Общество, как учреждение польской системы образования⁴, которое также оказывало медицинскую помощь и организовывало летние лагеря для студентов. Целью деятельности всех этих заведений было укрепление национального духа и пробуждение национального самосознания поляков, живущих на территории Свободного Города Гданьск.

Принимая решение о правовом статусе Гданьска, представители Союзных и Соединенных Держав на Парижской Мирной Конференции верили, что предлагаемый вариант приведет к миру и процветанию города. Так с момента своего основания город был местом совместного существования различных национальностей и культур. А такое гармоничное сосуществование граждан на протяжении долгих лет было возможным лишь при автономии Гданьска. В XVI в. город получил право самоуправления в рамках предоставленных польским королем привилегий. Религиозная терпимость, свобода художественного и научного самовыражения притягивали сюда ученых, художников и торговцев со всей Европы. Без сомнения, процветание достигалось в результате сотрудничества между гражданами. Автономия позволила объединить на территории города лиц разных национально-

¹ H. Stępniaк, *op.cit.*, p. 209.

² *Ibidem*, p. 212.

³ *Ibidem*, p. 207.

⁴ *Ibidem*, p. 210.

стей, создавая своеобразный плавильный котел. Учитывая такую уникальность истории, представители Союзных и Соединенных Держав решили предоставить Гданьску статус Вольного Города.

К сожалению, жесткая реальность межвоенного периода подвергла сомнению правильность принятого решения. Как в Фольстаге, так и в Сенате города с самого начала доминировали немцы. Действия властей были очевидными: они хотели сохранить немецкий дух города. Высшие чиновники не скрывали своего мнения, что Гданьск должен стать частью Великой Германии. Свободный Город стал объектом агрессивной пропаганды Третьего рейха¹. Развитие нацистского движения в Гданьске привело к усилению ревизионистской тенденции. 7 апреля 1935 г. на выборах в Фольстаг НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия) получила 60% голосов². Политическая кампания сопровождалась насилием в отношении проживающих в городе поляков и евреев. Некоторые даже считали, что польское население должно быть изгнано из города. Вновь избранные органы власти, являющимися, в основном, национал-социалистами, не скрывали своего желания включить Гданьск в состав рейха. 1 сентября 1939 г., когда немецкий линкор «Шлезвиг-Гольштейн» открыл огонь по польским солдатам на порту Гданьска в Вестерплаттене, история Свободного Города подошла к концу.

Создание Вольного Города Гданьск оказалось попыткой найти подходящее решение для культурно и национально дифференцированной территории. Долгая история Гданьска показала, что предоставление городу самоуправления привело к его успешному развитию. К сожалению, из-за национализма в Европе город стал одним из жертв этой войны. Тем не менее, история Свободного Города Гданьска явля-

¹ M. Andrzejewski, *Działania propagandowe w państwach skandynawskich postulujące przyłączenie Wolnego Miasta Gdańska do Niemiec* [in:] „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego”, nr 6, Gdańsk 1983; zob. J. Sobczak, *Propaganda zagraniczna Niemiec weimarskich wobec Polski*, Poznań 1973.

² M. Andrzejewski, *Proces opanowywania przez Hitlerowców gdańskiego Volkstagu* [in:] „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego”, nr 11, Gdańsk 1981; zob. M. Andrzejewski *Propaganda niemiecka wobec kwestii Wolnego Miasta Gdańska (1920-1933)* [in:] „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego”, nr 3, Gdańsk 1978.

ется ярким примером правового решения многонациональной и мультикультурной территории.

О.Н. Коршунова, Р.А. Набиев

ТРАДИЦИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА В ПОВОЛЖЬЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Человечество все чаще сталкивается с ростом глобальной ксенофобии и серьезных столкновений на религиозной почве. Трагические события и конфликты способны нарушить некое равновесие и гармонию в обществе, для восстановления которого затрачиваются огромные ресурсы. Значимость обеспечения спокойствия в сфере межрелигиозных отношений для общественного развития очень велика. Любая религия не только составляет важную основу духовной культуры, но и «оказывает мощнейшее влияние на политическую культуру и политическое поведение значительной части общества»¹. Применительно к российским реалиям историко-этноконфессиональный фактор общественного развития особенно важен в силу многонационального и поликонфессионального характера страны.

На повестку дня ныне встал вопрос о необходимости создания энциклопедии под условным названием «Ислам и татары», издание которой призвано способствовать фактором плодотворного межкультурного диалога. Актуальность издания определяется тем, что ислам играет значительную роль в современном мировом общественном развитии, а число его приверженцев растет наиболее быстрыми по сравнению с другими конфессиями темпами. Общее число мусульман составляет от 1,2 до 1,6 млрд. человек. Заметными темпами растёт мусульманское население регионов, где традиционно доминировало христианство – Западной Европы и Северной Америки. За вторую половину XX века доля лиц, относящих себя к мусульманам, в Западной Европе утроилась, а в американском выросла более чем в 14 раз.

¹ Бестужев Е.Л. Современное русское православие как полирелигия // Диалог, толерантность, образование: совместные действия Совета Европы и религиозных конфессий: мат. заключительного международного семинара «Религия и права человека». Казань, 2006. С.142.

Усиление роли исламского фактора имеет отношение к татарскому этносу. Среднее Поволжье исторически представляет собой северный форпост мусульманской цивилизации, и именно ислам сыграл огромную роль в формировании духовной культуры татар, определил её характерные черты и особенности. В условиях религиозного и национального возрождения татарского общества, предпосылкой которого являются фундаментальные культурно-исторические причины (конец XX – начало XXI вв.), особое значение приобретает всестороннее объективное изучение становления и путей развития татарского «варианта» ислама с учётом универсального характера этой религии и отсутствия региональной замкнутости.

Научно-теоретический – преимущественно феноменологический подход к религии как культурному и общественному явлению предполагает конструирование базового дискурса описания различных групп понятий, позволяющих обозначить основную совокупность вопросов и взаимосвязей в рамках данной проблемы. В этом смысле трудно переоценить значение издания энциклопедического типа, которое не только способствует формированию своего рода «метаязыка» – посредника между различными исследовательскими сообществами, но и стимулирует интерес к теме со стороны молодых специалистов и интеллектуалов.

Имеющиеся энциклопедические издания по «татарскому исламу» сориентированы преимущественно на ознакомление с догматами мусульманской религии и особенностями их проявлений в культурно-историческом контексте развития российского общества. Тем самым за пределами базовых установлений темы оказывается целая совокупность проблем, связанных как с воздействием ислама на формирование духовной культуры, психоментальностей, структур повседневности татарского народа, так и с истолкованием теологических, философских и научно-теоретических подходов к процессам развития ислама в татарском обществе как составной части эволюции исламской цивилизации. Целью энциклопедического исследовательского проекта, который явно необходим, должно служить осмысление исторического места и роли ислама в социокультурном и духовном развитии татарского общества со времени принятия ислама до наших дней. Татарская культура, развивавшаяся на основе мусульманских традиций и являясь по своему генезису восточной, в контексте большого исторического времени демонстрировала восприимчивость, открытость

иным культурам, в том числе европейским влияниям. С Нового времени контакты христианского и мусульманского цивилизационных комплексов в Поволжье все более обретают светский, секуляризированный характер. При всех нюансах и соотношениях конфессионального и светского культурных «ядер» взаимодействия в регионе общность исторических судеб предопределила активность культурных взаимовлияний, в спектре которых тюрко-татарское влияние в определенном смысле определенные периоды доминировало.

Татаро-мусульманское сообщество выработало такие принципы, как толерантность, гибкость, политическая лояльность, взаим уважение народов многонационального российского государства. Опыт его развития может поэтому быть в полной мере использован в исламо-христианском диалоге в контексте цивилизационных взаимоотношений Запада и Восток, в том числе на просторах Евразии. Думается, предпринимаемое в энциклопедическом издании исследование и систематизация развития татаро-мусульманской уммы послужит основой для расширения исследований исламской цивилизации и «татарского ислама» с учётом достижений исламоведческой научной мысли.

Межрелигиозный диалог не сводится к свободному обмену мнениями. На примере межконфессиональных отношений в Татарстане мы можем констатировать, что он выходит далеко за рамки сжатого определения термина “диалог”. Это особая атмосфера, взаимопонимания, проявления политкорректности и т.д. Этому способствовали давность взаимодействий народов региона, географические факторы, уникальная роль Казани как «великих ворот в Азию». Русские купцы города торговали с Китаем и Персией, торговые дома татар- с Хивой и Бухарой. В 1912 г. предприимчивые татарские купцы открыли в Казани контору по торговле с Берлином и Лондоном. Существовал в Казани и татарский банк. Эти исторические особенности, отлившие в историческую память народов, придавали еще один параметр специфике исламо-христианских отношений.

Отметим, что в 1990-е гг. в Европе стали говорить о терпимости более интенсивно, а в начале нового тысячелетия заговорили о необходимости создания атмосферы взаимного уважения между конфессиями. В силу исторических и политических условий в Татарстане степень взаимного доверия между двумя крупнейшими конфессиями оказалась гораздо выше. Комиссар Совета Европы по правам человека

Альваро Хиль-Роблес в докладе «О соблюдении прав человека в Российской Федерации» назвал Республику Татарстан настоящей лабораторией, «в котором все определяется духом сотрудничества и диалога»¹.

Целенаправленная политическая практика в сфере государственно-конфессиональных и межрелигиозных отношений способна предопределить судьбу назревающих конфликтов, направив усилия на нормализацию межконфессиональных отношений. В 1990-е гг. прошлого века шел интенсивный процесс религиозного возрождения. В тех условиях была выработана политико-правовая формула: «Соблюдение баланса интересов двух крупных конфессий – Ислама и Православия и равенство всех религиозных объединений перед законом». Это создавало условия для взаимного доверия и межрелигиозных сотрудничества.

Обеспечение условий сотрудничества и сам процесс диалога неразрывно связаны с фактором исторической памяти, складыванием межрелигиозных отношений в контексте осмысления истории конфессиональной политики в России и не только. Точка отсчета свободного развития христианства идет от Миланского эдикта Константина – то есть спустя три столетия по появлении религии. Ислам же перестал быть гонимой в российской империи религией после почти 250 лет момента падения Казанского ханства. Между этими датами простирается большая историческая дистанция, но в коллективной памяти мусульман и христиан они занимают весьма прочное место. В Поволжье и Приуралье немало драматических и тяжелых для восприятия страниц истории исламо-христианских отношений. Вместе с тем в регионе не было религиозных войн. Основой терпимости ментальном уровне лежит помимо прочего прагматическая религиозная политика Чингизидов Золотой Орды. В конце XIX джадиды предложили открытость, устремленность к знаниям и признанию общественно-правовых норм российского государства, в целом принципов нового времени. Это был путь к оживлению межконфессионального диалога.

В период советского социального эксперимента, особенно в 1930-е гг., когда форсированно формировались новые ценностные ориентации, гонениям подвергались все религии. Совокупность этих

¹ Векторы толерантности: религия и образования / под ред. Р.А. Набиева. Казань, 2006.

факторов находит отражение в исторической памяти и проявляется в процессе межконфессионального диалога. Народная мудрость извлекает из истории самую ценную и важную парадигму для мирного сосуществования этноконфессиональных сообществ. Поэтому искусство современных политиков заключается не в создании на пустом месте новых отношений, а в сохранении преемственности, укреплении позитивных тенденций процесса, идущего из глубин исторической памяти и укорененных в веках традиций.

Один из важных инструментов достижения зрелости в общественном развитии – согласование интересов разных групп населения, интеграция религиозной учебной сферы в российское образовательное пространство при соблюдении конституционных принципов. Светское образование сориентировано на социализацию личности, обучению способам добывания успеха в этой жизни, а религиозное – это осмысление вечности, определение будущего после земной жизни и т.д. Несмотря на эти различия в целевых установках как отмечается во Всеобщей Декларации прав человека, всякое образование призвано формировать дружеские отношения между людьми, развивать стремление к сотрудничеству. В Татарстане в десяти мусульманских, православных и протестантских учебных центрах реализуются образовательные запросы верующих в соответствии с этими принципами.

Исходная позиция диалога – познать самого себя, собственную культуру и культуру соседних народов. В этой связи важно содержание и концептуальная подоплека религиозного и светского образования и просвещения верующих. Актуальны вопросы реализации в религиозных учебных заведениях Программ с государственным стандартом и получение соответствующего диплома; сохранение и укрепление сложившихся традиции (через учебники, идеи и образ преподавателей, дисциплинарность учебных программ и т.д.); формирование терпимости и уважения к другим религиям, используя арсенал обучения и воспитания.

Полноценный межконфессиональный диалог и его эффективность обеспечиваются при условии расширения субъектов-участников встреч и взаимного общения: между обществом и властью, между представителями разных религий как по вертикали (лидерами и структурами) так и по горизонтали (рядовыми верующими). Реальная практика постсоветского периода на рубеже веков показала продуктивность работы Совета по взаимодействию с религиозными объеди-

нениями при госоргане по делам религии правительства Татарстана. В инструментарии межрелигиозного диалога появились новые форматы общения со специфичной тематикой: разного уровня конференции с участием заинтересованных сторон, семинары, «круглые столы», издательская деятельность, в частности, серии выпусков «Культура, религия и общество» Совета по делам религии при КМ РТ и т.д. Все они являются инструментами прямого действия в процессе межконфессионального диалога, в содержании которого не обсуждение различий в богословии, а общественно значимые и социокультурные вопросы.

Межконфессиональный диалог ныне переносится из сферы общественно-культурных, публичных мероприятий на площадку конкретных социальных дел и действий, и это явление закономерное. Оно опирается на две базисные позиции. С одной стороны, в государственной конфессиональной политике входит в практику поддержка развития религиозных организации в качестве институтов гражданского общества, с другой – высшие институты религии, в том числе Патриархия РПЦ, Совет муфтиев России разработали в режиме сотрудничества с другими конфессиями Социальную доктрину, Концепцию, определившую цель и задачи в сфере социальной деятельности. Социальное служение хорошо прописано в основах религиозных доктрин. В начале 2000 г. Совет по делам религий при КМ РТ, пожалуй, впервые в России инициировал проведение региональных семинаров для представителей государственных и религиозных структур с тем, чтобы осмысленно и согласованно вести социальную работу. Точками роста в этой сфере стали участие религиозных организации в конкурсах по общественно значимым государственным социальным проектам, проводимым Министерством социальной защиты, а также заметный вклад религиозных структур в копилку добрых дел в рамках «Года благотворительности» в РТ (2007).

Многообразие форм социального служения православных, исламских, протестантских и иных общин – это своеобразная «площадка» межрелигиозного сотрудничества. Она обогащается и договорами с госструктурами, и созданием реабилитационных центров, и работой в социальных учреждениях (больницы, интернаты, дома престарелых, места лишения свободы и т.д.) Значение татарстанского опыта в формировании толерантного сознания в обществе трудно переоценить. На Всероссийской научно-практической конференции, проведенной в

рамках проекта Серии «Культура, религия и общество», «Историческое образование в высшей школе: формирование специалиста и гражданина» в 2010 г. говорилось о том, что Международное сообщество одним из критериев демократии определяет степень свободы совести в стране и состояние государственно-конфессиональных отношений. Татарстан, где ислам и христианство составляют биконфессиональное паритетное большинство, признан в нашей стране и за рубежом как регион с наиболее высоким уровнем религиозной и национальной толерантности.

В период перестройки был взят курс на упразднение Советов по делам религии на всех уровнях. В Татарстане же государственный орган регулирования государственно-конфессиональных отношений был сохранен, что, как показала дальнейшая жизнь, оказалось мудрым политическим решением. Совет по делам религий стал объективным посредником между правительством и религиозными организациями. Он пытался поддерживать баланс интересов конфессий, наций и народностей, населяющих республику и, главное, способствовал осмыслению и продвижению креативно-позитивных действий в сфере государственно - межконфессиональных взаимодействий.

Мысль о необходимости правового и религиозного просвещения пришла «по мере поступления» конфликтных ситуаций. В 1997 г. был принят Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», суть которого активно разъяснялась. По инициативе Совета по делам религий был организован общественный орган, межконфессиональный совет, состоящий из представителей различных конфессий. В рамках новых подходов идея религиозного просвещения материализовать в формате встреч студентов с представителями ведущих конфессий, социального партнерств, развития межконфессионального сотрудничества посредством интеграции религиозных организаций как элементов гражданского общества в социокультурную и общественную жизнь и т. д.

Совет по делам религии с участием сотрудников Казанского университета и АН РТ с 1997 г. начал издавать серию книг «Культура, религия и общество». Были изданы сборники статей и докладов различных конференций, семинаров, посвященных религиозным вопросам, научные исследования, аналитические материалы, различные справочники и словари, учебные курсы. Всего вышло 21 выпуск. Все эти сборники – труды ученых, на протяжении 15 лет работавших в

русле изучения взаимодействия основных религий в России. Настало время говорить не просто о толерантности в многоконфессиональном обществе, а о культурном симбиозе. Термин «исламско-христианский культурный симбиоз» только входит в обиход. На фоне сложных общественно-политических процессов особое значение приобретает осмысление опыта полиэтнокультурных вариантов развития, для которых характерным являются устойчивые тренды к толерантности, нормализации межэтнических и межконфессиональных отношений. Речь, в частности, идет о таких восточных регионах постсоветского пространства, как Татарстан, Башкортостан, Казахстан, где также исторически формировался тип диалога культур и языков в режиме исламо-христианского культурного симбиоза.

Интерпретация социологической наукой термина «симбиоз» базируется на постулатах пассионарной теории этногенеза Л. Н. Гумилева. Она обозначает форму взаимопользовного сосуществования этнических систем в одном регионе, когда симбионты сохраняют свое своеобразие. Между тем ни в этнологии, ни в других направлениях социогуманитарного знания концепт социосимбиоза не получил сколько-нибудь заметного распространения. Взаимодействие двух основных традиционных для российского сообщества религий – православия и ислама, на историческом срезе Татарстана с полным основанием может быть назван моделью межконфессионального культурного симбиоза. Ярким символом взаимоадаптации основных этнокультурных групп, населяющих Республику Татарстан, на современном этапе является крупный социальный проект, связанный с возрождением таких культурно-исторических памятников, как Булгары и Свияжск.

Симбиоз – это не экуменизм или слияние. Речь идет не об исламо-христианском симбиозе в его теологическом формате, но об исламо-христианском культурном симбиозе. Разница велика. Ислам и христианство – это самостоятельные и самодостаточные религиозные системы. Но есть и общие ценности, традиции, праздники, воплощающие эти ценности. Культурное взаимообогащение идет ныне полным ходом. Православные поздравляют мусульман с их праздниками и наоборот. Реальная жизнь вообще богата на явления, события, примеры, прецеденты, требующие изучения прошедшего и настоящего в контексте взаимодействия культур.

Таким образом, речь идет не просто о толерантности – терпимости, а о взаимовыгодном культурном обогащении. Ресурс сотрудничества, взаимообогащения культур – общая основа процветания и комфортного проживания на одной территории. Поэтому понятие «культурного симбиоза» чрезвычайно актуально на современном этапе межкультурного взаимодействия. Обсуждение проблемы исламо-христианского культурного симбиоза, которое, несомненно, привлекает внимание широкого круга ученых и культурной общественности, представляется особо важным и значимым в связи с проведением в столице Татарстана Казани в 2013 г. Всемирного студенческого спортивного форума. Подобные мероприятия наряду с развитием спортивного движения в целом призваны решать и задачи сближения и углубления взаимопонимания между народами.

С.А. Сергеев, З.Х. Сергеева

КАЗАНЬ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПОИСКАХ ГЕНИЯ МЕСТА

Согласно римской мифологии, не только у каждого человека, но и у каждого места, здания, учреждения был свой *гений*, или дух-покровитель. Такой дух-защитник именовался *genius loci*, или *гений места*, и имел антропоморфный облик: обычно *genius loci* изображался в виде молодого человека, держащего рог изобилия щит и/или змею. Последняя является напоминанием о хтоническом происхождении гения места: о гении места как священной змее, в частности, писал Вергилий в «Энеаде» (V, 90-95). В Западной Европе сохранилось множество римских алтарей, посвященных гению места, а в ряде стран Юго-Восточной Азии божеств или духов, покровительствующих данному месту, до сих пор почитают в святилищах, располагающихся как в общественных местах, в парках, магазинах, бизнес-офисах, так и в частных жилищах. Упоминания о духах-хранителях места нередки и в классической литературе, и в литературе мейнстрима, и в фантастической литературе (особенно жанра фэнтези).

Однако понятие «гений места» вышло за рамки мифологических, религиозных или литературных представлений, приобретая историко-социокультурное значение. П. Вайль в книге очерков «Гений места» (и в одноименном цикле телепередач») связал тот или иной город как социальное, историческое, культурное явление с определенной творческой личностью. Так, гением Дублина, по мнению П. Вай-

ля, является Дж. Джойс, гением Толедо – Эль Греко, гением Флоренции – Н. Макиавелли, а гением Киото – Ю. Мисима¹. Выбор П. Вайля исключительно субъективен, так что в некоторых случаях гениями того или города он делал людей, лишь посетивших данный город или даже никогда в этом городе не бывавших, но описавших его в своих произведениях: так, У. Шекспир стал гением не Стратфорда, а Вероны, а Дж. Байрон и И. Бродский – гениями Стамбула. (Но, в конце концов, Дж. Джойс тоже провел в Дублине лишь детские и юношеские годы.)

Если рассматривать концепт «гения места» не как литературную метафору, а научное понятие, можно говорить как минимум о двух подходах к его пониманию. Во-первых, это реальная историческая личность или мифологический персонаж, являющиеся неотъемлемой и важной частью культурной идентичности данного места, определяющие в той или иной степени его уникальное культурное своеобразие. В этом случае гений места целиком и полностью является феноменом, относящимся к сфере общественного сознания.

Во-вторых, в современной философии архитектуры гений места или дух места – это особая духовная атмосфера, которая присуща тому или иному месту и составляет его уникальность. Эта концепция была возвращена в европейскую культуру сначала Д. Х. Лоуренсом, а впоследствии подхвачена и развита Л. Дьюреллом и в особенности К. Норберг-Шульцем. К. Норберг-Шульце – норвежский теоретик архитектуры, испытавший значительное влияние феноменологии Э. Гуссерля и феноменологического экзистенциализма М. Хайдеггера. Метод феноменологического анализа был развит им в работе «Гений места: к феноменологии архитектуры», вышедшей в 1980 г.²

По мнению К. Норберг-Шульца, современное общество характеризуется «утратой человеком ощущения единства с природой и рукотворными предметами, которые составляют его окружение». Это усиливается современной архитектурой, сооружения которой существуют как бы в «пустоте», «не привязаны к местности и не соответствуют облику всего города». Это способствует распространению ощущения бессмысленности жизни и порождает отчуждение. Преодоление отчужде-

¹ Вайль П. Гений места. М., 2007.

² Norberg-Schulz Ch. Genius Loci, Towards a Phenomenology of Architecture. N.Y., 1980.

ния достигается «при помощи зданий, которые вбирают в себя качества данного места и приближают их к человеку»¹. Архитектурное сооружение должно находиться в гармонии и пропорции – как с самим собой, так и с окружающей средой. Таким образом, составляющими духа места являются ландшафт, архитектурные сооружения с присущими им функциями и человек, которые должны гармонически сочетаться.

Два понимания «гения места» – как исторического или мифологического персонажа, имеющего особое значение для данной местности, являющегося неотъемлемой частью его культурной идентичности и особой духовной атмосферы, присущей данному месту, – дополняют друг друга (хотя второе более широкое и может включать первое).

Вместе с тем задача характеристики «genius loci» как культурно-исторической атмосферы того или иного города слишком многоаспектна и объемна, чтобы ее можно было решить в одной лекции и подходит, на наш взгляд, скорее для монографии. Мы ограничимся задачами более скромными: исходя из более узкого определения «гения места», предложенного выше, выявить возможных претендентов на роль «гения места» Казани и проследить, как процесс выдвижения тех или иных фигур, их конкуренция или комплиментарность друг другу составляла ткань диалога культур.

Кто может претендовать на роль «гения Казани»? В первую очередь надо назвать мифического змея Зиланта и царицу Сююмбике. Наиболее ранние изображения змея Зиланта относятся, вероятно, к периоду Казанского ханства, но устойчивое воспроизведение данного образа относится к более позднему периоду: в 1781 г. Зилант царским указом был помещён на герб Казанской губернии (хотя изображение Зиланта встречается и в царском титулярнике 1672 г., и на печати Ивана Грозного, и др.). Что же касается царицы Сююмбике, жившей в середине XVI в., ее имя оказалось прочно связано с башней, возведенной в казанском Кремле, скорее всего, в конце XVII – начале XVIII вв. (возможно, на более древнем фундаменте). В частности, С. Саначин на основе анализа картографических и письменных источников определяет время строительства башни 1694 – 1718 гг. Однако само название «башня Сююмбике» («башня Сумбекина») появляется лишь в 1832 г. в очерке «Казань», опубликованном в казанском журнале «За-

¹ Норвежский профессор архитектуры Кристиан Норберг-Шульц // <http://www.ir6.ru/437-norvezhskij-professor-arxitektury-kristian.html>.

волжский Муравей». Постепенно оно становится общеупотребительным.

Весьма примечательно, что и Зилант, и Сююмбике, по-видимому, являются архетипическими образами. Согласно К.-Г. Юнгу, архетипы – это универсальные врождённые психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного и являющиеся основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок. Архетипы, являясь структурой коллективного бессознательного, проявляются у всех народов и во все эпохи (разумеется, в различной степени) и воспринимаются доосознанно (а не вследствие научения). К. – Г. Юнг подчеркивал, что архетип носит амбивалентный характер, имея как позитивный, так и негативный аспекты.

Хотя змей не относится к числу наиболее часто упоминаемых архетипов (к числу таковых относятся, в частности, Тень, Персона, Анима и Анимус, Самость, Младенец, Дева, Дух, Мать, Трикстер), в «Тэвистокских лекциях» К. – Г. Юнг в числе первых трех примеров архетипических образов упоминает дракона (он упоминает, что этот образ всегда связан с образом героя, а также пещеры или склепа, в котором обитает змея¹. Однако змея – это не только устрашающее и несущее опасность животное, это символ исцеления и хранитель сокровища (вспомним, кстати, что гений места первоначально представлялся в виде змеи). «Таким образом, эти глубины, этот слой абсолютно бессознательного... в то же время содержит ключ к полноте и целостности индивида, иными словами – к исцелению. ... Это место первоизданной бессознательности и в то же время место исцеления и искупления, поскольку здесь связано сокровище целостности»². Победа над Зилантом связана с основанием города Казани. Но город – это еще один образ, символизирующий целостность индивида: «город с четырьмя вратами символизирует идею тотальности; это индивид, обладающий четырьмя воротами в мир, четырьмя психологическими функциями и, следовательно, пребывающий в самости»³.

Что касается Сююмбике, то ее образ, как он бытует в народных легендах, имеет сходство, по нашему мнению, с архетипом ани-

¹ Юнг К. Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика. М., 2009. С. 55.

² Там же. С.167-168.

³ Там же. С. 168.

мы, воплощение женского элемента в мужчине (К. Кереньи и К.-Г. Юнг сближают этот архетип также с образом Кору или «Предвечной девы»)¹. Как известно, легенда гласит о желании Ивана Грозного жениться на Сююмбике (с точки зрения здравого смысла уместное, полагаем, в том случае, если бы она была девой, а не вдовой двух ханов и материю царевича), просьбе-условии Сююмбике построить башню за семь дней и гибели Сююмбике, сбросившейся с седьмого яруса этой башни. Понятно, что эта легенда не имеет почти ничего общего с исторической реальностью, но тем сильнее выражается архетипичность образа казанской царицы.

Интересно, что, несмотря на политическое и административное доминирование в Казани с середины XVI в. русской части населения, первые духи-хранители Казани имели татарское происхождение.

Появление новых «гениев места» (думается, у города-миллионника с многовековой историей их может быть несколько), их сосуществование и соперничество друг с другом обнаруживает явную связь со сменой исторических эпох.

Лишь в XIX в. на роль «гения места» начинают претендовать представители русской интеллигенции. Первым из них был поэт Г.Р. Державин (1723 – 1816). Памятник ему был воздвигнут в Казани в 1846 г. (и простоял до 1932 г., пока не был сломан и сдан комсомольцами-индустриализаторами в металлолом). Еще одним «гением места» Казани должен считаться основатель неевклидовой геометрии, ректор Казанского университета Н.И. Лобачевский (1792 – 1856), бюст которому был сооружен в 1895 г.

Относительно недолгий советский период (1917 – 1991 гг.) распадается по меньшей мере на три этапа, каждый из которых выдвигает новых претендентов на роль «гения места» Казани. В период сталинизма на эту роль выдвигается Максим Горький: в 1940 г. в Казани основан музей Горького, а в 1949 г. открыт памятник.

В период «оттепели» («позднего реабилитанса», как шутили в те времена, противопоставляя «поздний реабилитанс» «раннему репрессансу») в Казани воздвигаются памятники В. Ленину (1954) и А. Пушкину (1956).

Примечательно, что памятник Ленину на площади Свободы, стоящий и поныне, был сооружен в 1954 г. взамен старого памятника

¹ Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. М., Киев, 1997. С. 178 - 201.

Ленину, перенесенного на площадь Свободы в 1951 г. с площади 1 Мая перед казанским Кремлем, чтобы освободить место для памятника Сталину. До памятника Ленину на площади 1 Мая стоял памятник Освобожденному труду, а еще ранее – памятник Александру II (воздвигнут в 1895 г., а снесен в 1918 г.).

Но, на наш взгляд, ни Горький, ни Пушкин, ни тем более Ленин не могут считаться «гениями места» Казани, хотя все они были в нашем городе, а М. Горький и В. Ленин даже жили здесь некоторое время. И не только потому, что с М. Горьким советская традиция пыталась прочно связать Нижний Новгород, переименованный в Горький, а с Лениным – Ленинград и Ульяновск. Ленин, как и Горький, начиная с 1920-х и по 1980-е гг. включительно предстают не локальными «гениями места», а «гениями» всего СССР, подобно тому, как гений правящего императора в Римской империи становился общеимперским культом, поклонение которому было обязанностью всех подданных империи. И в десятках и сотнях советских городов были памятники Ленину, улицы Ленина, музеи Ленина (филиал центрального музея Ленина был создан в Казани уже в 1980-е гг., хотя уже существовал дом-музей Ульяновых), улицы Горького, парки культуры и отдыха, которым также присваивалось имя Горького и т.д. Поэтому ни Горький, ни Ленин не могут считаться специфическими «гениями места» Казани.

Но именно во время «оттепели» начинаются сознательные поиски нового «гения места» Казани. Он должен был удовлетворять следующим неписаным условиям: представлять по преимуществу локальную, республиканскую историю и тем самым укреплять локальную идентичность и при этом быть представителем «прогрессивных сил». Этим условиям удовлетворяла фигура национального татарского поэта Г. Тукая (памятник ему в Казани был воздвигнут в 1958 г.). Вероятно, на выбор фигуры Г. Тукая повлияли и другие мотивы: популярность поэзии как литературного жанра на протяжении всего «хрущевского десятилетия» 1954 – 1964 гг., а также необходимость соблюдения этнического баланса в культурной сфере, как и в других сферах жизни ТАССР: воздвигнут памятник русскому поэту А. Пушкину – следует воздвигнуть памятник и татарскому поэту.

Но Г. Тукай всё-таки считался идеологами правящей партии не совсем «своим» (хотя его близость к передовым демократическим силам всячески подчеркивалась биографами и комментаторами): нужен

был татарин – коммунист, убежденный сторонник Советской власти, фигура, которая, используя известное выражение, была бы национальной по форме, социалистической по содержанию. И на роль еще одного «гения места» был уже в 1960-е гг. выдвинут Муса Джалиль – татарский поэт, Герой Советского Союза, казненный гитлеровцами в тюрьме Моабит. Памятник М. Джалилю, возведенный в 1966 г., и по сей день стоит на площади 1 Мая, где ранее стояли памятники И. Сталину, В. Ленину и Александру II. Кроме того, в 1985 г. в центре Казани был сооружен гигантский памятник М. Вахитову – председателю мусульманского социалистического комитета, расстрелянному белыми в 1918 г. Ранее, в 1970-е гг., в честь М. Вахитова был назван один из центральных районов Казани. Кстати, в конце 2000-х гг. мэрия Казани предложила перенести памятник М. Вахитову на одноименную площадь, чему воспротивились коммунисты, но планы были отложены не из-за них, а из-за кризиса 2008 – 2009 гг.

Провозглашение суверенитета Татарстана в 1990 г., распад СССР, образование независимой Российской Федерации, с руководством которой у татарстанских лидеров были, мягко говоря, непростыми, повлекли поиски новых «гениев места». В 1996 г. перед зданием национально-культурного центра «Казань» со стороны (ранее – филиал центрального музея В. Ленина) была установлена 40-метровая стела, увенчанная сверху вращающейся скульптурой женщины-птицы Хоррият, символизирующей свободу (вероятно, образ Хоррият восходит даже не к татарской, а к общетюркской мифологии). В том же году в казанском Кремле началось сооружение мечети Кул-Шариф, названной так в честь сеида Кул-Шарифа, возглавлявшего оборону Казани от войск Ивана Грозного в 1552 г. (открылась эта мечеть к тысячелетию Казани в 2005 г.).

Нельзя не сказать и еще об одном весьма значимом символе, получившем широкое распространение в Татарстане с начала 1990-х гг. – это крылатый барс, бывший, вероятно, одним из тотемных знаков древних булгар. Поскольку с 1992 г. крылатый барс является государственным символом республики и изображен на государственном гербе, он имеет, конечно, не только культурное, но и политическое значение. Он является, можно сказать, «гением места» всей республики. В связи с этим неудивительно, что статуя самки крылатого браса, выполненная скульптором Даши Намдаковым в стиле, который мы называли бы «этноготика», получила название «Хранительница».

Однако намерение фонда «Возрождение» (председателем попечительского совета этого фонда является бывший президент РТ, госсоветник РТ М. Шаймиев) установить эту статую в музее-заповеднике в Болгарах между памятным знаком принятия ислама Волжской Булгарией и соборной мечетью вызвало в марте 2012 г. жаростные споры среди общественности Татарстана.

Вероятно, причиной тому стали необычная стилистика скульптуры, ее откровенная агрессивность, а также сам факт установки статуи животного вблизи мусульманских святынь. Некоторые участники обсуждения даже называли скульптуру «сатанистской»¹. На специальном совещании по вопросу размещения скульптуры, прошедшем 21 марта 2012 г., М. Шаймиев заявил, что «Хранительница» символизирует связь современного Татарстана и мусульманской Булгарии с языческим прошлым булгар. «До принятия ислама Булгарское государство уже было! ... Мы восстанавливаем исторический памятник Булгарского государства – и для нас важно все, что связано с этой землей... Мы восстанавливаем эту историю – и принимаем во внимание абсолютно всё»². Итогом обсуждения стал компромисс: установить скульптуру крылатого барса в стороне от мусульманских святынь, неподалеку от речного вокзала, на берегу Волги.

Справедливости ради следует сказать, что публичные дискуссии об их уместности или неуместности нахождения в данном месте вызывали и другие работы Д. Намдакова – например, сюрреалистическая статуя Чингисхана.

Возвращаясь к «гению места» Казани, следует отметить, что в течение последних 15 лет неоднократно предпринимались попытки обрести и «русского гения места» Казани, но фигуры, которая бы безоговорочно могла занять это место, пока нет. В качестве претендентов на эту роль следует отметить Ф.И. Шаляпина (памятник ему в Казани был заложен в 1998 г. около Богоявленского собора, в котором певец был крещён в феврале 1873 г., и открыт 29 августа 1999 г.), Г. Р. Державина (памятник, открытый ему в Казани 3 декабря 2003 г., является воспроизведением памятника, существовавшего в 1846 - 1932 гг.)

¹ «Скандал уже есть, значит будет и слава, как у церетелевского Петра I в Москве» // www.business-gazeta.ru/article/56352.

² Катаргин Д. Минтимер Шаймиев: «А если бы мы сейчас заново начали обсуждать Зиланта?» // www.business-gazeta.ru/article/56344.

и В.П. Аксёнов. Хотя в Казани нет ни памятника В. Аксёнову, ни улицы его имени, начиная с 2007 г. в Казани ежегодно проводится международный литературно-музыкальный фестиваль Аксёнов-фест, в 2009 г. воссоздан дом, в котором он провел детство (в нем создан литературный дом-музей В. Аксёнова).

Говоря о «гениях места», выдвинутых на эту роль в последние два десятилетия, следует отметить, что все они принадлежат либо к досоветской (Хоррият, крылатый барс, Кул Шариф, Г. Державин) либо нессоветской культуре (Ф. Шаляпин, В. Аксёнов). Кроме того, по крайней мере некоторые из казанских «гениев места» обнаруживают отчетливую связь с тем, что в маркетинге называется «целевой аудиторией», т.е. являются предпочтением определенной социокультурной общности: так, В. Аксёнов – прежде всего кумир «шестидесятников».

Что же касается гения места как особой духовной атмосферы, которая присуща тому или иному месту и составляет его уникальность, то Казань в течение последних десятилетий являла собой арену особенно драматических перемен. В результате ликвидации трущоб, происходившей в 1996 – 2006 гг., гений места безжалостно, выкорчевывался и уничтожался. Были снесены значительные участки улиц с исторической застройкой, в том числе как малоценной каменной и деревянной, так и с памятниками архитектуры, истории и культуры. В частности, в 2000 – 2011 г. в Казани снесены более 40 памятников истории и культуры, из девяти гражданских зданий XVIII в. в полуразрушенном состоянии сохранились только три дома. Начало этому разрушению было положено еще в советский период, но особенный размах оно приобрело в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Полностью или в значительной мере были снесены следующие улицы центра Казани: Свердлова (Георгиевская, переименованная ныне в Петербургскую; за советское и постсоветское время утеряно большинство из насчитывавшихся на этой улице более 50-ти памятников истории и культуры), южная половина улицы Островского (Вознесенская; вместо малоценных деревянных и прочих зданий ближе к Кольцу разбит парк Тысячелетия, далее сооружены Баскет-холл и прочие здания, оканчивается пустырем, предназначенным под многоэтажный деловой квартал «Б»), Тельмана (Попова гора), Старая, Набережная Казанки, Федосеевская (Нижне-Федоровская), Бассейная, Некрасова (Собачий переулок), Касаткина (Пригонная гора), Галактионова (Нечаев бугор), Щапова

(Старо-Горшечная), Дзержинского (Черноозерская), Калинина (Третья гора) и другие.

Даже лучшие образцы новой застройки носят на себе печать эклектики и безвкусицы. Так, в 2008 – 2010 гг. под казанским Кремлем был возведен Дворец земледельца (здание Министерства сельского хозяйства и продовольствия Татарстана). Формой корпуса и заимствованиями архитектурных элементов ампира и классицизма здание в определённой степени напоминает императорский дворец Хофбург в Вене, а с боковой стороны – Витториано в Риме. По поводу столь примечательного, эклектичного, роскошного и дорогостоящего здания существуют разные мнения и оценки — от восторженных до резко критикующих. Окружное управление бывшей Росохранкультуры в 2010 г. заявило, что такое здание вблизи охранной зоны объекта всемирного наследия – Казанского Кремля – «нарушает законодательство в сфере охраны культурного наследия и диссонирует с культурно-исторической средой»¹, а главный архитектор Казани Т. Прокофьева в августе 2011 г. назвала это здание неуместным по стилю рядом с Кремлем.

Многие дома старой Казани, что избежали сноса, долгое время находились в разрушающемся и ветхом состоянии, так как для них не находились частные инвесторы, согласные на обременение обязательством сохранения исторического облика.

Ситуация стала меняться лишь во второй половине 2011 г. После письма экскурсовода и краеведа О. Балтусовой президенту Татарстана Р. Минниханову последний на заседании Кабмина РТ публично признал вину за разрушение исторического центра Казани и раскритиковал градостроительную политику властей столицы республики. Он заявил, в частности, что снос ветхих домов должен сопровождаться реконструкцией, что «никаких высоток в центре быть не должно», инвесторы в Казани «понабрали зданий и земли и кормят сказками». Глава республики раскритиковал градостроительную политику муниципальных властей Казани и поручил мэру Казани И. Метшину найти тех, кто давал добро на застройку центра города зданиями, которые портят вид города².

¹ Плотникова И. Росохранкультура: мы не кровожадные, но когда плюют на погоны... // Вечерняя Казань. 2009. 21 марта.

² Минвалеев А. Рустам Минниханов: «Никаких высоток в центре Казани быть не должно» // <http://www.business-gazeta.ru/article/45518/19>.

Р. Минниханов вместе с О. Балтусовой совершил ряд пеших экскурсий по историческому центру Казани, и некоторые из этих экскурсий сопровождались оргвыводами: в сентябре 2011 г. Р. Минниханов поручил министру строительства, архитектуры и ЖКХ И. Файзуллину приостановить в исторической части Казани все строительство и тщательно проанализировать проекты возводимых зданий¹. К концу сентября 2011 г. работы были приостановлены практически на всех объектах исторического центра. Был отстранен от должности замминистра культуры РТ И. Нестеренко (он проработал в должности замминистра культуры менее четырех месяцев, а ранее был начальником Главного управления госконтроля, охраны и использования памятников истории и культуры того же министерства).

В то же самое время прокуратура РТ возобновила производство 30 старых уголовных дел, связанных со сносом памятников истории и культуры федерального и республиканского значения в Казани, которые были «заморожены» в связи с отсутствием подозреваемых. Следователи также инициировали 18 новых дел по фактам разрушения памятников истории и архитектуры в центре города. В октябре 2011 г. О. Балтусова была назначена помощником президента Татарстана. В начале 2012 г. Р. Минниханов провел переговоры с крупнейшими бизнесменами республика, в результате чего за каждым из них было закреплено определенное количество зданий, которые должны быть в кратчайшие сроки реставрированы².

Вероятно, эти действия Р. Минниханова были продиктованы приближением Универсиады и тем неприятным впечатлением, которое производит ряд улиц Казани. В конечном итоге, это попытка скорректировать формирующийся облик Казани как спортивного и туристического центра: ведь если гости «третьей столицы» России не увидят ничего, кроме стандартных (или даже не совсем стандартных) зданий постройки 2000-х годов, то резонен будет вопрос: а не являются ли разговоры о тысячелетней Казани блефом?

¹ Латыпов Т., Минвалеев А., Билалов Р. Минниханов остановил стройки в центре Казани // <http://business-gazeta.ru/article/46384/19>.

² Катаргин Д., Минвалеев А., Вильданова Э. Семину все-таки пришлось поделиться землей // <http://www.business-gazeta.ru/article/54443>; А. Шарылин. Метаморфозы Алексея Семина // <http://www.business-gazeta.ru/article/54508>.

Таким образом, гений места может создаваться народом либо конструироваться интеллигенцией, СМИ. Обычно, говоря о гении места, подразумевают некий статичный, сформировавшийся раз и навсегда образ. Это далеко не всегда так, если город растет, развивается, то могут появляться и новые гении места, ведь гений места – это воплощение определенного социокультурного идеала.

СЕКЦИЯ 1

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

А. Мегилл

ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ, ПОДЛИННОСТЬ

Употребление терминов *идентичность* и *память* является спорным. Подлинность преобразовалась в понятие обязательства, а также полемики и неопределенности. Соответственно, память представлена как привилегированный дискурс, имеющий особые требования к подлинности и истине. Чему может научить нас неопределенность, которой окружены память и подлинность? Идеи исторического понимания? И чему может научить история? Памяти и идентичности?

Исторические исследования и труды находятся между обязательством ко всеобщему и утверждениями, сделанными личностями. Это представляется проявлением нерешенного противоречия или диалектики, которая характеризует правдивую историю. Всемирный размах исторических исследований и трудов основан на обязательстве историков ко множеству процедур, предназначенных максимально увеличить шансы подтверждения исторических утверждений и сведения до минимума шансов на ошибку. Узкое направление, получившее искренних сторонников Майкла Фоколта и других теоретиков, которые приравнивают знание к духовной силе, присоединяется к правому делу в настоящем (предполагается, что мы знаем, что это за дело). Так как исторический партикуляризм всегда четко сформулирован на языке памяти, возникает противоречие между историей и памятью. С одной стороны, «история» появляется как псевдо-объективный дискурс, жестоко обращающийся с определенными видами памяти и идентичности, которым необходима реальность, основанная на опыте и

достоверности -ее-то не хватает истории. С другой стороны, память появляется как неизмеримый дискурс, который делает утверждения для своей собственной неподтвержденной достоверности.

Как мы можем добиться невозможного? Это просто нереально – диалектика неумолима. Но мы можем прийти к ясности относительно противоречия «история – память» и относительно отношения того и другого к подлинности. Эта статья исследует некоторые яркие особенности отношений история – память – подлинность. Моя цель – разобраться в этом вопросе. Теория сама по себе не может удовлетворительно охватывать все, что находится в конфликте; она нужна, чтобы показать, где лежат пересечения. Это не вопрос простой оппозиции: история против памяти. Это также не вопрос еще одной простой оппозиции: организованность против желания. Точнее, это вопрос как литературных произведений, так и образа жизни в ситуации, когда может быть достигнута некоторая определенность, но где все-таки основа неопределенности сохраняется. Давайте исследуем эти моменты, которые являются более конкретными и определенными и поэтому их легче понять и осознать...

Волна памяти оказала сильное влияние на современную культуру. Соединенные Штаты были самым значимым местом для «памяти», хотя далеко не единственным. Появившись в 1980-х гг. и достигнув пика в середине 1990-х гг., память вторглась во многие разнообразные области, часто в сопровождении своего «близнеца-злодея» – амнезии. К концу 1990-х гг. некоторые из более экстремальных форм интереса к памяти отступили на задний план, но во многих отношениях память продолжала быть главным интересом в современной культуре. Общей чертой, подкрепляющей большинство современных проявлений увлечения памятью, является неуверенность в подлинности. В мире, где противостоящие реальности постоянно вступают в конфликт друг с другом и где множество возможных подлинностей выставлены напоказ, неуверенность в подлинности может быть неизбежным побочным продуктом. Такая ситуация помогает «памяти» выдвинуться вперед. Мы могли бы сформулировать закономерность: когда подлинность становится неопределенной, память поднимается в цене...

При убеждении, что новая подлинность дозволена Богом, возможно, нет необходимости подтверждать новую подлинность, утверждая, что она уже, безусловно, существовала раньше. В любом случае,

прежняя подлинность кажется неискупленной, связанной воедино с миром, над которым господствует грех. Однако в современной культуре различное языковое и концептуальное движение является более распространенным... Память всегда подтверждается подлинностью, в противном случае она могла бы казаться недостаточно оправданной. Когда такое действие произошло, «память» и «история» вступают в игру.

Неубедительная или находящаяся под угрозой исчезновения подлинность является общей особенностью, объединяющей воскрешение «памяти» в национальном конфликте, в воспоминании об очень тревожащих общественных событиях и восстановление травмирующих или предположительно травмирующих событий личной жизни. В общем, существует факт и, на первый взгляд, его подтверждение факта имеет большое значение. Феномен самоназвания ни в коей мере не сочетается с осознанием того, что подлинность неубедительна или находится под угрозой исчезновения. Наоборот, подлинность, доведенная до наглядного подтверждения посредством самоназвания, нуждалась бы в обоснованности «памяти». Волна памяти и неопределенность, касающаяся подлинности сочетаются...

Сейчас возникает вопрос о соотношении между современным интересом к подлинности – памяти и историческим пониманием. Существует огромное количество литературы по истории и памяти, которая стала расти в числе в конце 1970-х гг. Но пока литература вносила ясность в отношения история – подлинность – память, не удавалось исследовать отношения между историческим пониманием и проблемой подлинности. Литература сфокусировалась больше на том, как история и память содействовали укреплению и продвижению уже предполагаемых подлинностей к существованию. Возможное непостоянство этих подлинностей сильно не изучались...

Модель Хальбвакса основывается на том, что память определяется идентичностью (коллективной или индивидуальной), *которая уже была создана*. Как мнение Хальбвакса о памяти вообще, так и его мнение об исторической памяти является, главным образом, истолкованием памяти благодаря подлинностям. Хальбвакс рассматривает, каким образом подлинность, предполагающая честность в определенный момент, создает прошлое соответствующее этой подлинности...

Наоборот, самая характерная черта современной ситуации – это отсутствие стабильности на уровне подлинности, ведущей к соз-

данию памяти с перспективой на построение самой подлинности. Модель Бенедикта Андерсона является наиболее подходящей моделью для понимания данного контекста. Существует известное выражение Андерсона – «воображаемые сообщества». Предположительно, воображаемые сообщества – это воображаемые подлинности. Несомненно, каждое сообщество за пределами маленькой группы приобретает своего рода сильное «воображаемое». Чем больше сообщество воображаемо, тем больше обнаруживается, что «память» необходима ему, следовательно, оно «забываемо». И, наоборот, чем меньше сообщество укоренилось в настоящем времени и в действующей обыденности, тем более проблематична подлинность, тем более конструктивно для него «незабываемое» прошлое.

Важно отметить, что обсуждаемая «память» не существует. Во-первых, это – ностальгия. Для данного анализа, давайте определим *ностальгию* как тоску по родине для реального или воображаемого прошлого... Как здесь определено, отличие между ностальгией и памятью в том, что ностальгия направлена за пределы объекта (личности, группы), сосредотачивая внимание на реальном или воображаемом прошлом, память направлена на объект и занимается реальным или воображаемым прошлым только потому, что прошлое воспринимается как решающее для объекта. Как описано здесь, память связана с ненадежностью относительно нынешней подлинности, создающей эту память. В свою очередь, ностальгия связана с чувством удовлетворенности нынешней подлинности...

Во-вторых, память, как уже отмечалось, совершенно не является традицией. Давайте определим *традицию* как объективно существующий комплект культурных артефактов и их изложений. Сторонники традиции, уверенные в своей собственной правдивости, вряд ли выступают с обращением к памяти. Взамен, при необходимости защитить традицию, они обычно призывают к не субъективным факторам: к закону, к философским и религиозным истинам, к утвержденным историческим событиям, к существующей институциональной структуре. Надежно существующей подлинности не нужна необходимость в заключении, в тематизированном обращении к памяти. Когда память приближается к традиции, она приближается к *неустойчивой* традиции. Другими словами, обращение к памяти – это обращение к тому, что субъективно и персонально. При появлении человеческого факто-

ра, объективно существующие основания оказываются недостаточными...

Следовательно, в глубине, на эмпирическом уровне, память является крайне важной для нас. Как было упомянуто выше, мы запуганы болезнью Альцгеймера. Мы болезненно восхищаемся расстройствами памяти такого типа, который описывал психиатр Оливер Сакс. Мы храним семейные фотографии. Ничто из перечисленного не связано с «наукой», но это сильно связано с нашим ощущением себя. Высокая оценка памяти стремится войти в историографию (и в общественный интерес к истории) по тем пунктам, где исторические события и обстоятельства пересекаются с личным и семейным опытом. Наш личный опыт, связанный с историей, – дело «памяти». Семейный опыт, связанный с историей, – опыт дедушек и бабушек, которые избежали Холокоста и передают его своим потомкам, часто называется «памятью», хотя в действительности ею не является. Литературный критик Джеффри Хартман написал о целесообразности преобразования истории в память. Суть не том, что кто-то соглашается или не соглашается с Хартманом, а в требовании такого изменения. Он подтверждает и участвует в оценивании памяти (и более того сосредотачивается на подлинности) в современной культуре...

... Нам необходимо *помнить* прошлое. Но мы его не помним. Мы помним настоящее, то есть мы «помним», что следы прошлого просматриваются в *современных* жизненных ситуациях. Мы *думаем*, что прошлое – это то, что мы создаем или восстанавливаем на основании определенных критических действий. Актуальный девиз: «Помни настоящее, думай о прошлом». «Je me souviens» («Я помню», девиз Квебека) относится к субъективности, то есть к настоящему, а не к прошлому, как ранее предполагалось. Почти постоянно, когда историческое понимание описано как «вспоминание», мы можем сделать вывод, что мы противостоям попытке способствовать желательной коллективной подлинности в настоящем...

Понятие зоны непостижимости помогает нам разрешить сложные взаимоотношения между памятью и историей, предлагая перспективу, которая располагается за пределами памяти и истории. Рассматривать память и историю как продолжение друг друга является ошибкой. Например, ошибкой является думать, что память – это исходный материал истории. Заблуждением было бы также думать, что история – это просто сумма всех возможных памятей. При всём

уважении ко Льву Толстому, битва при Ватерлоо не была восстановлена путем сбора всех воспоминаний о ней. Но противопоставление истории и памяти также является ошибкой. С одной стороны, память, будучи далекой от исходного материала истории, постоянно преследует историю. Память – это образ прошлого, созданный субъективно в настоящем. Она субъективна, по определению и также может быть нерациональной и непостоянной. С другой стороны, история, как дисциплина, обязана быть объективной, универсальной, упорядоченной, обоснованной. В то же самое время, полностью таковой она быть не может, так как всегда есть остаточные данные непостижимости и взаимодействие с субъективностью, которые скрываются за известностью...

Может быть и такое, что память возникла как ответная реакция на тревогу, возникающую из неудач современности, ориентируясь на стремление к новому, давая адекватную оценку тому, что есть прошлое, в то же самое время, преследуя настоящее...

Из-за постоянной потребности в доказательствах история находится в резком противостоянии к памяти. История напоминает памяти о необходимости доказательств, исходящих от свидетелей (аутопсия) и оставшихся материалов. Память – это область неизвестности, неясности, ей нельзя доверять. В то же время нельзя думать, что история – это область ясности. Наряду с относительной ясностью истории и относительной неясностью памяти мы должны распознать обширную сферу исторического признания. Это наставление возникает из неоднозначности подлинности в наше время, из ослабления убеждения, что существует единственная авторитетная перспектива, к которой у нас есть доступ. Неоднозначность подлинности также ослабляет амбиции как истории, так и памяти: с одной стороны, амбиции незначительности, с другой стороны, амбиции достоверности.

Границы истории и памяти наиболее ясно показаны в важном феномене двадцатого века, а именно, суды над обвиняемыми в тяжких преступлениях, где судебные процессы должны придти как к торжеству справедливости, так и должны помочь в формировании новой коллективной подлинности, через формирование коллективной памяти. Поражает одновременная необходимость и невозможность невозможности двусторонней программы, представленной в двух вопросах: Как это можно сделать? Как это нельзя сделать? Суды и комиссии одновременно пытаются обнаружить историческую правду и восстановить

коллективную подлинность, которые актуальны в настоящее время и могут быть выражены следующими теоретическими пунктами:

1. Неопределенность истории, подлинности и памяти обоюдны.

2. История и память резко отличаются друг от друга, как было ясно показано ранее..

3. Границы между памятью и историей быть не могут быть точно установлены.

4. В отсутствие единственного неоспоримого авторитета или структуры, «спор» между историей и памятью не может быть разрешен.

Во времена великого повествования наличие Истории означало, что история всегда побеждает память: история превзошла «хронологии». Во времена повествовательного коллапса это таковым не является. Трудно узнать, как преодолеть расстояние между историческим и мнемоническим. Проблема в том, что количество воспоминаний ничего не привносит в историю. Так же, как и история сама по себе не порождает коллективное сознание.

Таким образом, сохраняется граница между историей и ложным, которую мы можем переступать время от времени, но которую мы не можем и не желаем исключить. Возможно, наиболее тревожная тенденция нашего времени - это тенденция исключить суровую историю в пользу подлинной памяти. Но истинности и справедливости или их подобию необходим, по крайней мере, призрак Истории, если они заявляют о своем влиянии на людей. В конце концов, то, что осталось на данный момент - это только оптимизм.

А. Аденины

ВОЗДЕЙСТВИЕ КОЛОНИАЛИЗМА НА НИГЕРИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Нигерия была задумана подругой лорда Фредрика Луггарда после объединения южных и северных протекторатов в 1914 г. Тезис статьи: колониализм принес многое в Нигерию, но больше отнял у нигерийского народа. Нигерия – страна с богатой культурой и давними традициями, ведущими начало с периода, отдаленного от начала колониального господства тысячами лет. Появление колониального господства принесло смешанные чувства, оказало сильное воздействие на давние традиции нигерийского народа. Одна из худших зон

культурного поражения для нигерийского народа – язык. Английский язык стал официальным языком, и поэтому все местные языки были запрещены в школах, офисах и других официальных местах. Воздействие на нигерийские языки больше всего почувствовали в западном регионе с населением более чем 20 миллионов человек, среди которых преобладают йоруба. Язык и культура йоруба остаются одним из самых богатых целой западно-африканской подобласти. Но с появлением колониального господства говорить на языке йоруба вышло из моды. Вас бы называли неграмотным или отнеслись к вам с негодованием, если бы услышали, что вы говорите на языке йоруба.

Чтобы лучше понять воздействие этого явления на культурное наследие народа йоруба, нужно помнить, что культура йоруба и традиция передавались от поколения к поколению устно. Это означало, что чем меньше люди говорили на языке, тем большая часть культуры этих людей терялась навсегда. Для верующих людей язык является единственным хранителем их культуры и традиций. Для народа йоруба отказ от языка означал формирование нового противоречивого периода колониализма. Новая традиция начала утверждаться, и все больше представителей народа йоруба начали отговаривать своих детей говорить на родном языке. Стили йоруба стали непопулярными, в городах появилась новая мода говорить на английском языке «хорошей» Королевы. Эта тенденция привела к потере классического фольклора и театра йоруба. Все больше людей из группы йоруба теперь предпочитает английскую одежду, английские фильмы и хочет, чтобы их дети говорили только на английском языке.

Эта же тенденция замечена в других племенах, где элита – это люди, говорящие с хорошим английским акцентом и т.п. Кроме языковых потерь появление колониализма сломало систему, которая, возможно, сформировала бы близкое к идеальному обществу под названием нигерийский народ. При этой системе каждая область имела свою автономию и управлялась королем и советом руководителей, которые были в основном законодательной ветвью власти правительства. Эта система гарантирует лучшую прозрачность, потому что руководители не могли действовать без разрешения короля, и ни один король не мог действовать без разрешения руководителей. Это была автономная система, где граждане были главным регулятором. Это была своего рода мини демократия в пределах монархии. Монарх мог быть удален советом руководителей, и руководитель мог быть удален

конгрессом людей. Колониализм положил конец этой системы, особенно в Западной Нигерии. Рол королей и совета руководителей стала традиционноритуальной, символичной, большинство их дворцов были разрушены.

Для прикладного искусства – части достижений нигерийского народа, последствия колониального господства были ужасны. Известные маски *Vini*, бронзовые ремесла северных народов, деревянная конструкция *Йорубов* и другие – все стали выставками для колониальных лидеров. Они были взяты в музей Руаяля в Лондоне, и большинство из них до сих пор не возвращено в Нигерию. Прикладное искусство среди молодежи стало непопулярным из-за влияния английской культуры. Большинство ремесленников знали, что, как только их изделия будут готовы, колониальные владельцы захотят заполучить их в свои коллекции без какой-либо компенсации. Позитивное восприятие нигерийского общества и прикладного искусства стал очень непопулярным. Надо принять во внимание то, что в Нигерии имеется более чем 120 университетов, и ни в одном из них нет дисциплин по нигерийскому прикладному искусству.

Колониальное господство оставило Нигерию более разделенной, чем это кажется на первый взгляд. Территориальные области в основном не имели ничего общего, ведется борьба за естественный отбор: север, ищущий свои собственные интересы, запад, требующий большего представления в центральном правительстве и восток, угрожающий превратиться в маргинализированный. Факт, что нет никакой взаимосвязи для культурного сосуществования различных народов, которые представляли нигерийскую страну, и это означало, что они все жили в пределах своих географических границ, в то время как наблюдали их интересы во время национальных диалогов. Над национальной политикой всегда доминируют расовые чувства и племенные конфликты, поэтому не было длительного развития, замеченного в нигерийской стране. Еще один факт состоит в том, что нет никакого культурного обмена между нигерийскими народами, он означает, что вне слова «Нигерия», нет ничего, что позволяет нигерийскому народу быть под одной защитой. Страна осталась разделенной по религиозным и этническим линиям как следствию колониального господства. В результате этого господства было утеряно большое культурное наследие.

Я думаю, что обеспечение людей с такими разнообразными фонами, как нигерийский народ, должно жить по канонам более приемлемой концепции. Север испытал влияние аравийской цивилизации и Ислама; Юг получил западную цивилизацию и Христианство. Чтобы они могли сосуществовать мирно, необходима культурная концепция, которая приспособит их различия друг к другу и наметит линии пересечения, под которыми для двух частей страны будет легче сосуществовать.

В настоящее время такой концепции нет. Рассматривая эту ситуацию с другой стороны, можно сказать, что существует потребность в культурном омоложении среди нигерийских народов. Для начала институты культуры и искусства в каждом из регионов должны предпринять меры, чтобы сохранить традиции и целостность народов. Например, национальный фестиваль культуры и искусств, который, возможно, синхронизировал бы различные культурные действия и смог бы воспитать чувство национального единства нигерийского народа. Когда есть чувство национальности среди всех нигерийцев, я уверен, сосуществование не будет трудным. Разнообразные культуры более чем 450 различных племен могли бы служить дополнением друг другу в атмосфере любви, терпимости и взаимоуважения. Самое большое богатство нигерийской страны таится не в нефтяных залежах юга, это не минеральное изобилие Северной Нигерии. Оно – в изобилии человеческих ресурсов с культурным наследием. Пока Нигерия и нигерийцы не приняли решения использовать их культурные различия для взаимных преимуществ, последствия эпохи колониализма будут изводить страну.

В.В. Алексеев

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ МИФОВ

Историческая наука, как и любая другая, нацелена на поиск истины, она стремится воспроизвести наиболее полно, в максимальной целостности картину ушедшего в небытие прошлого. Вместе с тем особенность работы историка состоит в том, что он, в отличие от естествоиспытателя, не может непосредственно наблюдать изучаемое явление здесь и сейчас. О нём приходится судить лишь на основании фактов, которые извлекаются из разнообразных исторических источ-

ников. Однако степень сохранности источников, как правило, далека от идеала, или, чаще всего, ценные документы в силу тех или иных обстоятельств бывают недоступны. По этим причинам корпус исторических источников, оказывающихся в распоряжении исследователя, обычно имеет существенные лакуны. Поэтому нехватку достоверных сведений приходится чаще всего восполнять посредством умозрительных реконструкций. Очень многое тут зависит от добросовестности историка, его способностей и таланта. Хотя не всегда такие построения являются верными. Это связано с тем, что в гуманитарных науках, как бы объективно не пытались рассматривать изучаемое событие или явление, неизбежно присутствует субъективный, т.е. оценочный взгляд создателя исторического сочинения. Но на основе одних и тех же фактов можно сделать совершенно противоположные выводы. Тут есть место некоторым фантазиям на тему истории. Вот почему, для того чтобы придать мыслительному конструкту образа исторической реальности ещё большую убедительность, историки порой облачают его в яркую форму, не жалеют выразительных средств для описания предполагаемых мотиваций поступков исторических персонажей.

Недаром в старину историю нередко приравнивали к искусству: даже достоверные факты так или иначе нуждаются в осмыслении и толковании, что несколько сродни литературному творчеству. В некоторой степени можно провести параллель с используемым в релятивистской физике принципа неопределённости Гейзенберга, когда вмешательство стороннего наблюдателя искажает истинную картину микромира. Данное обстоятельство открывает потенциальную возможность для рождения историографических мифов из-за того, что метод «мысленного проникновения» чреват использованием превратно изложенных сведений, неподтверждённых легенд для драматизации подлинной истории.

Характерна в этом отношении деятельность историка-дилетанта XVIII столетия П.Н. Крёкшина, который преклонялся перед личностью Петра Великого и написал ряд трудов, посвящённых его царствованию. При этом он без зазрения совести вставлял в свое повествование придуманные им самим красивые «факты» и «подробности», вводил вымышленных лиц, указывал для вящей правдивости «точные» цифры и даты, делал ссылки на не существовавшие документальные материалы. Особенно отличался он тем, что сочинил мно-

гочисленные напыщенно-благородные, театрально-возвышенные «речи», диалоги, «крылатые выражения», якобы произнесённые описываемыми героями. Хотя опусы Крёкшина есть не что иное, как художественно-литературные произведения, тем не менее, благодаря красочности изображённых им картин, многие эпизоды (например, о действиях Петра I в решающей фазе Полтавской битвы) вошли впоследствии в учебники и научную литературу¹, став тем самым частью историографии.

Другой иллюстрацией того, как литературный текст превращается в устойчивую историографическую легенду может служить случай, о котором поведал А.Я. Булгаков. В мемуарах он признался, что во время наполеоновского нашествия на Россию в 1812 г. им от скуки и ради развлечения был вымышлен разговор французского маршала И. Мюрата с русским генералом М.А. Милорадовичем при их встрече подле Тарутинского лагеря. С лёгкой руки московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина данный диалог вскоре был напечатан в журнале «Сын отечества». После этого мнимый разговор даже попал в дипломатическую переписку и труды иностранных историков в качестве подлинно состоявшегося². Примерно по аналогичной схеме уже в наши дни из детективной повести Э. Тополя «Красная площадь»³ в претендующий на серьёзный анализ историко-политологический труд перекочевал будто бы «документ особой важности», связанный с так называемым «бриллиантовым делом» Галины Брежневой, дочери Генерального секретаря ЦК КПСС⁴. Хотя лично Э. Тополь публично заявлял о том, что упомянутая докладная записка только плод его собственной фантазии и не более.

Такого рода исповеди в принципе дают возможность выявить первичный источник сложившегося историографического мифа. Но далеко не всегда удаётся проследить полную цепочку трансформации выдумки беллетриста в расхожий штамп историографии. Примером

¹ Кротов П. «Прекрасных вымыслов плетя искусно нить...» // Родина. 2009. №2. С. 53.

² Булгаков А.Я. Из записок // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года её участников и очевидцев. М., 1988. С. 433- 435.

³ Тополь Э. Красная площадь. М., б/г. С. 200-201.

⁴ Дроздов Ю.И., Фартышев В.И. На пути к возрождению. Юрий Андропов и Владимир Путин // Альманах «Вымпел». М., 2000. №2. С 42-43.

служит роман А.С. Иванова «Вечный зов». В уста отрицательного персонажа А.М. Лахновского литератор вложил рассуждения о том, какими способами следует подрывать изнутри основы советского общества и государственности¹. Оторвавшись от первоосновы, этот сюжет не вполне пока ясным образом прочно закрепился в работах разных авторов в виде приписываемых главе ЦРУ Аллену Даллесу «Размышлениях о реализации американской послевоенной доктрины против СССР»².

Ещё труднее вскрыть процесс внедрения в научное пространство намеренно продуманных фальсификаций на исторические темы. Показательна судьба «творений» А.И. Сулакадзева, особенно сфабрикованной им рукописи «О воздушном летании в России с 906 лета по Р.Х.». Сулакадзева довольно своеобразным способом стремился увеличить количество источников по российской истории, изготавливая их собственноручно. Тем самым он пытался вмешаться в научные споры по поводу существования тех или иных исторических источников□ поставить завершающую точку. Ему удавалось довольно искусно подделывать внешние особенности и палеографические признаки якобы когда-то существовавших памятников, что подкупающе действовало на доверчивых любителей страны. В свою очередь они стремились обнародовать «вновь обретенные» сведения о родной истории, ввести их в научный оборот. Изготовленная Сулакадзевым тетрадь «О воздушном летании в России» стала использоваться как вполне авторитетное первое справочное пособие по истории отечественного воздухоплавания. Измышленный им полёт некоего подьячего Крякутного удостоился упоминания в одном из изданий Большой Советской Энциклопедии, в честь 225-летнего легендарного события выпустили специальную почтовую марку, самому подьячему в Нерехте установили памятник³. Хотя советским специалистам - источниковедам удалось разоблачить подделку, тем не менее, имя Крякутного продолжает

¹ Иванов А.С. Вечный зов. Кн.2. М., 2001. С. 456, 457, 460.

² Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983; Жириновский В.В. Последний удар по России. М., 1995; Широкин В. КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997 и др.

³ Алексеев Д.А., Новокшенов П.А. По следам «таинственных путешествий». М., 1988; Козлов В.П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII-XIX веков. 2-е изд. М., 1996.

иногда всплывать на страницах периодики и популярных изданий, особенно когда речь идёт об отстаивании приоритета доморощенных достижений в освоении воздушного океана.

Довольно точно изложил механизм рождения историографического мифа известный русский писатель, впрочем, стремившийся одно время стать профессиональным историком, а именно – Н.В. Гоголь. Он отмечал, что исходным пунктом становится предположение, основанное на внутреннем убеждении: «Сперва учёный, ... , начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли? Не из этого ли угла получила имя такая-то страна? Или: не принадлежит ли этот документ к другому, позднеjšíему времени? Или: не нужно ли под этим народом разуместь вот какой народ? Цитирует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намёк или просто показалось ему намёком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задаёт им запросы и сам даже отвечает на них, позабывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно, - и рассуждение заключено словами: так вот как было, так вот какой народ нужно разуместь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет! Потом во всеуслышанье с кафедры, – и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников»¹. Таким образом, получается, что одно непроверенное утверждение постепенно переходит от одного автора к другому. Домысел, повторённый несколько раз, объявляется непреложным фактом. В результате складывается целая цепь умозаключений, базирующихся, по сути дела, на ошибке. В конечном же итоге рождаются гипотезы и целые «теории», которые разделяют сонм адептов².

Одним из условий, способствующих мифологизации прошлого, является наличие временной дистанции по отношению к историческому событию. Рассуждая о путях образования историографического мифа, С. Новопрудский попытался определить соответствующие стадии его складывания. «Любое событие, – пишет он, – независимо от его масштаба и значения для нации из актуальной человеческой истории (когда реально волнует всех или почти всех) сначала

¹ Гоголь Н.В. Мёртвые души. СПб., 2008, С. 255-256.

² Кренделев Ф.П., Кондратов А.В. Безмолвные стражи тайн. Новосибирск. 1980. С. 139.

переходит в *актуальную идеологическую историю* (когда волнует власть), а потом становится *мифологической историей* (то есть волнует только творца)»¹.

В принципе, отмечают специалисты, практически любая научная система имеет мифическое ядро. Связано это с тем, что человеческому сознанию имманентно присуще неосознанное тяготение к мифологизации действительности. Это очень сложный биосоциокультурный феномен, когда: «Мифологический образ выступает не только как превратное сознание, вымысел, наглядно-чувственное представление, но и как сплав истиной лжи и правдоподобной лживой истины, иррационального бессознательного с элементами многоуровневого, рационального, научного знания, в компактном виде отражающего многообразие и неисчерпаемость Космоса, глубину и сложность внутреннего мира человека – его микрокосмоса»². Не обеспечивая приращения настоящего научного знания, тем не менее, миф специфическим способом замещает пробелы в познании действительности.

Но историографические мифы в подавляющей массе тесно сопряжены с обслуживанием актуальных политических интересов или социальных потребностей, что обеспечивает их устойчивое бытование. Обуславливается это тем, что историческое прошлое играет важную роль в общественном сознании, т.к. оно является одним из важнейших элементов, укрепляющих (либо, наоборот, разобщающих) социально-психологическое единство нации. Такой политизированный исторический миф создаётся для подкрепления продуманных целей и планов, с тем, чтобы воздействовать на людей в нужном направлении, регулировать и контролировать их действия³.

Иногда историографическая мифологизация имеет благородные мотивации – вдохновлять на борьбу с врагом, прославлять подвиги предков, служить вдохновляющим примером для ныне живущих поколений. Характерным примером служит миф о подвиге 28 панфиловцев. Хотя установлено, что реальный бой проходил несколько по-

¹ Новопрудский С. Гитлера убил Колобок // Известия. 2003. 22 января.

² Уткин А.И. Глобальная мифологизация истории XX века // Общество, государство, политика. 2009. №4. С. 68.

³ Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Война после войны. Информационная оккупация продолжается. М., 2005. С. 46.

другому, чем ставший уже каноническим рассказ о нём¹, тем не менее, до сих пор героическая гибель 28 героев остаётся аксиомой для многих людей.

В других случаях историографический миф искажает действительность, чтобы представить в выгодном свете власть предрежащих. Стереотипом стало утверждение, что одной из главных причин голода в блокадном Ленинграде явился катастрофический пожар на Бадаевских складах. Он возник в результате бомбёжки гитлеровской авиацией 8 сентября 1941 г. Пламя уничтожило три тысячи тонн муки и около двух с половиной тысяч тонн сахара. Но согласно современным подсчётам сгоревший на складах сахар составлял всего лишь трёхсуточную норму продовольствия для Ленинграда, а сгоревшая мука – и того меньше. Зато версия о пожаре оказалась удобной для прикрытия преступной бесхозяйственности местного хозяйственного и партийного руководства как во время подготовке к войне, так и в первые недели после её начала².

И всё-таки чаще всего историографические мифы используются в качестве информационного обеспечения текущей внешне – и внутри – политической конъюнктуры. Делается это для того, дабы во имя политической целесообразности подретушировать неприглядные эпизоды собственной истории, потрафить национальным чувствам, обеспечить державные амбиции и претензии к соседям. Наиболее показательна в этом плане историографическая ситуация в новообразованных государствах на постсоветском пространстве³. Опасность заключается в формировании ложных информационных структур, где главным становится опора не на рассудительное восприятие, а слепая вера в существование какой-то «большой» реальности, нежели исчез-

¹ Балабуха А.Д. Когда врут учебники истории. Прошлое, которого не было. М., 2006. С. 477-495; Дроздов К. Героев было не только двадцать восемь // Родина. 2012. №5, 6, 7.

² Синдаловский Н.А. Санкт-Петербург: История в преданиях и легендах. СПб., 2002. С. 408-409.

³ Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1996; Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы. М., 2002; Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: Старые и новые образы в современных учебниках истории / под ред. Ф. Бомсфорда, Г. Бордюгова. М., 2003.

нувшее прошлое. Память нации при этом превращается в сборник тщательно отредактированных «исторических примеров». «Инженер исторической памяти, в отличие от учёных-историков, не волнует не только «как оно в сущности было», но даже было ли оно в сущности»¹.

Существенным фактором в укоренении историографического мифа становится момент, когда он с научного переходит на уровень обыденного сознания. Здесь сказываются особенности восприятия происходящего сознанием рядового обывателя. Оно поневоле тяготеет к некоей примитивизации сложных явлений и процессов, низведения их до более привычных опознавательных схем, регрессии к изначальным архетипам. Неудивительно, что яркое, но многоаспектное по содержанию и хронологии историческое событие, внедряясь в массовое сознание, неимоверно упрощается. «Оно – это сознание – приспособливает его к своему уровню знаний, пониманию предмета. Возникает собирательный образ, а иной раз просто символ, содержащий, впрочем, наиболее запомнившийся и очень характерный факт» – справедливо заметил А.М. Петров². Из подлинной истории отбирается лишь то, что находится в резонансе с общественными настроениями. Соответственно осуществляется интерпретация отобранного материала. Безусловно, социоисторические мифы внедряются в массовое сознание при условии наличия более или менее достоверного исторического фона, видимости документальности. А уж привлекательными их делает налёт сенсационности и загадочности. Зато, отделившись от исходной историографической первоосновы, такая мифологема становится практически неискоренимой. Миф утверждается в коллективном сознании надолго, для убедительности продолжая вбирать в себя реальные и вымышленные детали.

Таким образом, историографические мифы являются неотъемлемой компонентой исторической памяти. Они отвечают потребностям (политическим, культурным, эмоциональным, психологическим) конкретного периода в жизни того или иного социума. В них запечатлевается поиск идеалов, находят выражение наиболее важные духовные ценности и национальные стереотипы массового сознания, кото-

¹ Эрлих С. На какую площадь выходили декабристы? // Россия XXI. 2011. №2. С. 85.

² Петров А.М. Великий шелковый путь. М., 1995. С. 44-46.

рые выдвигаются в качестве главных для общества на определённом временном отрезке. В этом заключается их эпистимологическая ценность. Вместе с тем научная критика подобных мифов является далеко не всегда простой задачей. Связано это с тем, что подчас трудно установить, когда историографический миф рождается из искреннего заблуждения, а когда возникает в результате продуманной подтасовки фактов. Довольно нелегко порой выявить что первично, а что вторично – легенда, в которую готовы поверить, или реальный прототип для неё; на каком этапе происходит качественный скачок и комплекс мифологем становится не подвергаемым сомнению набором убеждений в истинности представлений о прошлом. Многократно выросший за последние десятилетия и продолжающий увеличиваться быстрыми темпами объём информации усложняет поиск исходного пункта. Тем более, что «природа мифа в том и состоит, что он черпает силы в себе самом, не нуждаясь в обосновании и не страшась никаких доказательств, никаких фактов, сколь бы ни были они весомы»¹. Доказать его достоверность или вымышленность крайне сложно. Для этого необходим широкий кругозор, набор самых разноплановых внеисточниковых знаний. Псевдоисторические факты обычно концептуально необычайно привлекательны, художественно выразительны, а потому легко внедряются в историческое сознание. Отделившись от породивших его реальных исторических событий, такой «факт» становится едва ли не хрестоматийным.

Д.А. Аникин

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ:
МЕЖДУ ДИАЛОГОМ И КОНФЛИКТОМ**

Становление глобального мира демонстрирует различные тенденции по отношению к сохранению, забыванию и конструированию исторического прошлого, но при более внимательном анализе противоречивость отмеченных тенденций становится кажущейся. Дело в том, что, наряду с появлением проектов глобальной исторической памяти (по крайней мере, выходящей за пределы государств), сохраняется и даже усиливается стремление к фрагментаризации прошлого. Оба этих процесса вполне вписываются в процесс деконструкции того политического порядка, который сложился в Европе в XVII в. и рас-

¹ Балабуха А.Д. Указ. соч. С. 126.

пространился в результате колонизационных процессов на остальные регионы земного шара. Таким образом, политические реалии XXI века делают актуальными две взаимосвязанные стратегии политики памяти: с одной стороны, попытки государств сохранить свою монополию на формирование картины прошлого – при всем многообразии средств (от принудительных до рыночно-потребительских), а с другой – активизация новых игроков социального пространства, стремящихся выстроить собственную конфигурацию прошлого в соответствии с актуальными потребностями и намечаемыми перспективами.

Задача социально-философского анализа сложившейся ситуации заключается не только в выявлении всей совокупности факторов, определяющих изменение отношения к прошлому на разных уровнях социального пространства (от государства до отдельного человека), но и в прогнозировании тех изменений, которые окажутся результатом воздействия этих факторов. Можно лишь констатировать, что ценность прошлого в качестве фактора легитимации существующего порядка или готовящихся изменений не становится меньшей, в силу чего конфигурирование исторической памяти в целях налаживания межкультурного диалога или развития внутривнутриполитических и внешнеполитических конфликтов приобретает характер универсального инструмента, требующего предельной осторожности в обращении.

Современная глобальная ситуация оказывается прямо противоположной эпохе созидания национальных государств, когда все доступные государственные ресурсы задействовались в процессе закрепления за политическими субъектами определенных зон экономического влияния. Национально-государственный тип исторической памяти в этот момент находился на пике своей популярности, поскольку для подкрепления своих притязаний (прежде всего, территориальных) требовалось постоянное повторение рассказываемых историй с целью усвоения национальной идентичности всеми жителями территории, охваченной влиянием того или иного государства. В современном обществе происходит деконструкция национальной памяти, расчленение ее до составных элементов с целью возможности собирания из этой мозаики совершенно иного типа социальной памяти, позволяющего избежать конфликтов между образами прошлого, транслируемыми в различных национальных государствах. Трудности, переживаемые в настоящий момент национальной памятью, вызваны не только внешним натиском со стороны глобализирующих

тенденций мирового развития, но и дискомфортом в процессе самоидентификации с определенной национальной общностью – во многом, из-за того, что социальная память многих подобных общностей в результате бурных событий последнего столетия оказалась запятнана фактами, нуждающимися, скорее, в забвении, нежели в сознательном запоминании и реконструировании. Национальная идентичность, основывающаяся на сохранении в памяти социального сообщества событий национальной истории, становится чересчур дискомфортной, что заставляет индивида искать альтернативные способы идентификации – через соотнесение себя в первую очередь с другими социальными общностями, либо через приобретение виртуальной идентичности¹.

Можно выявить два существенных недостатка, не позволяющих национальной памяти успешно функционировать в условиях современного мирового порядка:

1. *Информационный плюрализм*, заключающийся в потенциальной возможности любого гражданина при помощи средств массовой информации (телевидения, Интернета и т.д.) выйти за пределы навязываемых ему государственной «политикой памяти» воззрений на прошлое;

2. *Кризис легитимности профессионального (в том числе и исторического) знания*, который служит побочным проявлением все того же информационного плюрализма. В эпоху доступности и конкурируемости различных источников информации профессиональное знание становится всего лишь одной из точек зрения, которая, к тому же, может сильно проигрывать альтернативным концепциям национальной памяти именно в силу своей привычности и отсутствия интригующих моментов.

Затруднительная, с гносеологической точки зрения, возможность объективного познания исторического прошлого, наряду с чисто психологическими затруднениями, вызванными тупиками исторического развития, которым, как оказалось, можно не только гордиться, но и испытывать по его поводу вполне обоснованный стыд, накладыва-

¹ Подробнее проблема возникновения национальных мифов и трансформации социальной памяти рассматривается в: Аникин Д.А. Память и миф в современном политическом дискурсе // Парадигма: Очерки философии и теории культуры. Вып. 8. СПб., 2007. С. 73-81.

ваются на информационный дискомфорт, испытываемый человеком в условиях наличия множества источников вполне объективной, но противоречащей друг другу информации.

Современное общество представляет несравнимо более широкие возможности для идентификации себя не только с определенной нацией, к которой индивид принадлежит по рождению, но с любой другой социальной общностью, ценности и нормы которой он готов разделить. Сторонники концепции «глобального общества» указывают на расширение возможностей самореализации, забывая при этом уточнить, что сама глобализация служит не формированию многополярного (в смысле типов социальной памяти) мира, а распространению образцов западноевропейской по своему происхождению культуры. Поскольку и национальная идентичность не является заложенной на генетическом уровне, а представляет собой социальный конструкт, воспринимаемый человеком в момент первичной социализации, то онтологической предрасположенности у одного типа социальной памяти перед остальными попросту не может быть. Оказываясь в ситуации выбора, человек вполне естественно склонен выбрать тот тип памяти, который окажется наиболее «удобен» и наименее конфликтен в глобализированном обществе.¹ Из альтернативных моделей идентификации особенно четко проявила себя в последние десятилетия так называемая «локальная» модель. Глобализация, размывающая национальную государственность, резко усиливает тягу к конструированию локальной, местной идентичности, что нашло отражение в появлении в социологической литературе специального термина «глокализация», призванного охарактеризовать амбивалентность социальных и культурных стратегий глобализирующегося социума.² Хотя, необходимо учитывать, что сведение всего многообразия зарождающихся иден-

¹ Особый интерес в данном контексте представляет понятие «менталитет», которое на русской почве избавилось от своей сугубо социальной основы, которая была заложена в нем изначально представителями французской школы «Анналов», и приобрела взамен иррационально-мистический характер. Подробнее критику примордиалистской точки зрения см.: Аникин Д.А. Ментальность как предмет культурологического дискурса // Первый культурологический конгресс. Программа. Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 123-124.

² Mazlish B. The Global and the Local // Current Sociology. 2005. Vol. 53. P. 43.

тичности к простому противопоставлению «глобальное – локальное» едва ли может считаться верным, поскольку далеко не каждая идентичность легитимирует свое существование через идею общего прошлого, которое может быть соотнесено с прошлым другой социальной группы. Дробление и распад исторических метанарративов как раз и вызывается общей децентрализацией идентичностей, а не простой их переориентацией с национального государства на локальную местность.

Основной функцией исторической памяти в современную эпоху, таким образом, является уже не средство идентификации сообщества и индивида, как это было в «модернистском» обществе, а источник коммерциализируемых образов. Контуров формирующегося глобального общества начинают обрисовывать тотальный рынок, на котором представители различных стран и социальных общностей выступают равноправными потребителями глобальных товаров, распространяемых через коммуникативные сети. От социальной памяти в таком обществе требуется не соответствие исторической действительности (ввиду сомнений в наличии таковой), а умение развлекать потребителя, предлагая ему узнаваемый товар, в качестве какового и выступает прошлое. В подобных условиях исчезает дилемма подлинной и фальшивой социальной памяти, которая остро стояла для М. Хальбвакса, стремившегося очистить память от субъективных наслоений и сделать ее верифицируемым научным источником, а проблема выбора того или иного типа памяти становится делом интерпретации исторических событий в контексте максимального удобства для современного положения дел.¹ Один и тот же исторический факт не только может поддаваться различным интерпретациям в зависимости от того, какими политическими и культурными предпочтениями обладает индивид, обращающийся к этому факту, но и само его существование как исторического факта подвержено структурным изменениям. Понятно, что конкретное историческое событие не может быть лишено своих пространственных и хронологических характеристик (речь в данном случае не идет об уточнении исторических фактов, которым занимается профессиональная историческая наука), но оно может восприниматься, либо не восприниматься современным сообществом в качестве достаточно значимого факта, чтобы служить источником социальной

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 13-14.

и исторической идентификации. Для представителей различных национальных и культурных общностей, проживающих на территории одного государства, в качестве истоков национального самосознания и национальной идентичности могут избираться различные исторические события. Это обуславливает конфликт различных вариантов социальной памяти, что проявляется даже на бытовом уровне: следует ли считать государственным праздником некое событие, если оно не представляется знаковым для одного или нескольких социальных обществ или, что еще хуже, наделяется в их социальной памяти негативными коннотациями¹. Историческая память, в условиях национального государства представлявшая собой складывающееся на протяжении нескольких столетий относительно стабильное пространство, подвергается дроблению и распаду на отдельные «места памяти». Эта метафора, которую впервые использовал П. Нора, оказалась весьма точно характеризующей современное состояние социальной памяти в условиях трансформирующегося общества с нестабильной социальной структурой и отсутствием четко выраженного центра.

Таким образом, ведущими тенденциями в развитии современной исторической памяти являются децентрализация и фрагментаризация ее содержания. Изменение доминирующей формы социальных институтов и резкое увеличение их количества, развитие средств коммуникации и получение доступа к ним практически всех социальных групп лишают социальную память той абсолютности и общезначимости, которую она приобретала, пока замыкалась в рамках национальной памяти. Любое знание, в том числе и знание о прошлом, становится принципиально верифицируемым и корректируемым со стороны любых заинтересованных в этом знании социальных институтов или отдельных индивидов. Образ последовательно развивающейся, однонаправленной и непрерывной памяти сменяется множеством отдельных серий событий, «мест памяти», выражаясь терминологией П. Нора, которые образуют последовательность лишь в результате совокупности историографических операций и коммеморативных практик.

¹ В качестве примера можно привести празднование 625-летия со дня Куликовской битвы в 2005 г., организаторы которого, пытавшиеся подчеркнуть общезначимый характер этой даты, столкнулись с возмущением представителей татарских общин, для которых эта битва является, скорее, датой поражения, нежели победы.

Суть подобных операций заключается в превращении разрозненных фактов и единичных воспоминаний в связную картину памяти определенной социальной группы. Гуманитарные науки Нового времени, построенные на принципе историзма, считали подобную операцию настолько естественной, что время выступало априорной границей и вообще условием исторического познания, стирая грани между исторической реальностью и историческим нарративом. С наступлением постиндустриальной эпохи историзм сменяется *презентизмом*, т.е. ситуацией, в которой свойства исторического текста и сами события рассматриваются как принадлежащие различным плоскостям и подчиняющиеся, соответственно, особым закономерностям. Последовательность и непрерывность, согласно Ф. Артогу, являются свойствами нарратива, т.е. могут относиться лишь к репрезентации исторических событий, а не к самим событиям¹.

В этом смысле, настоящее поглощает прошлое и будущее, сводя их к уникальности единственного времени, что возвращает, по сравнению со структуралистской версией философии истории, динамизм в описание событий, но интерпретирует этот динамизм совершенно иначе. Динамизм настоящего связан с протеканием в нем «отдельных, не связанных между собой процессов мутаций и трансформаций»². Таким образом, непрерывность времени в рамках исторического повествования оказывается лишь историографической фикцией, подменяющей собой прерывистость и неоднородность прошлого в самой исторической реальности, а социальная память, как репрезентация прошлого в настоящем, играет промежуточную роль. С одной стороны, соединяя в себе разрозненные исторические события и их интерпретации, историческая память воплощает в себе характерные черты самой исторической (и социальной) реальности, а с другой стороны, память представляет собой срез исторического процесса в определенный момент времени, что позволяет различным ее элементам («местам памяти») сохранять определенную взаимосвязанность между собой.

¹ Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 215.

² Хапаева Д. Прошлое как вызов истории // Франция-Память. СПб., 1999. С. 311.

Й. Рюзен, рассматривая механизмы конструирования прошлого, вводит понятие *кризиса исторической памяти*.

Нормальный кризис может быть преодолен на основе внутреннего потенциала сложившегося исторического сознания с несущественными изменениями в способах смыслообразования, характерных для данного типа исторического сознания. *Критический* — ставит под сомнение возможности воспринимать и адекватно интерпретировать прошлый опыт, зафиксированный в исторической памяти, в соответствии с современными потребностями и задачами, которые ставят перед собой субъекты. В результате происходят коренные изменения в историческом сознании, по сути, формируется его новый тип. Следствием этого становится изменение исторической памяти в процессе не только формирования новых способов смыслообразования, но и изменения оснований и принципов идентификации, а также ментальных форм сохранения исторической памяти. И, наконец, *катастрофический кризис*, который препятствует восстановлению идентичности, ставя под сомнение возможность исторического смыслообразования в целом. Такой кризис выступает как психологическая травма для субъектов, которые его пережили. При таком кризисе пережитый опыт воспринимается как катастрофа, поскольку он не может быть с точки зрения субъектов наделян каким-либо смыслом. Отчуждение «катастрофического опыта» путем замалчивания или фальсификации не решает проблемы: он продолжает влиять на современную реальность, а отказ учитывать его сужает возможности адекватной постановки целей и выбора средств их достижения. Если нормальный кризис является элементом повседневной человеческой жизни, поскольку сопровождает любое, достаточно значимое изменение в рефлексии по поводу последовательности происходящих с человеком событий, а катастрофический кризис знаменует собой, по сути, невозможность дальнейшего существования с грузом имеющейся социальной памяти, то критический кризис как раз обозначает необходимость смены господствующего типа социальной памяти, что становится возможным без катастрофических последствий для отдельного сообщества или общества в целом¹.

¹ Способы преодоления травматического прошлого в контексте общеевропейской социальной памяти рассматриваются в: Файхтингер Й. По то сто-

Травма — это опыт, который разрушает возможности его интерпретации, используемой для ориентации человеческой деятельности. Историческая травма возникает в тот момент, когда актуальный опыт не может быть упорядочен в рамках имеющегося типа исторической памяти, что заставляет индивида либо искать себе новый тип памяти, который позволит избежать подобного несоответствия, поскольку избранное сообщество оказалось лишено травматической памяти, либо искать стратегии преодоления психологического дискомфорта. В этом случае человек остается членом своего сообщества, но «неудобный» исторический опыт подвергается переосмыслению, становясь элементом социальной памяти, который и в дальнейшем будет передаваться от поколения к поколению.

Сложность анализа исторической памяти в глобальном мире заключается в разноуровневости отмечаемых тенденций. Наряду с разногласиями между различными интерпретациями прошлого, существующими между представителями различных политических образований и транслируемыми посредством образовательных практик, происходит кризис исторической памяти, вызванный столкновением различных пространственных структур. Политическая структура Нового времени, узловыми элементами которой являлись национальные государства, испытывает давление со стороны новых экономических и культурных сообществ, трансформируясь под этим воздействием и порождая конфликтогенные ситуации. В либеральном дискурсе отчетливо звучит стремление придать исторической памяти характер «разменной монеты», благодаря которой могут находиться контуры соприкосновения между различными сообществами, общие точки прошлого, включение которых в коммеморативные практики сделает возможным налаживание межкультурного диалога. Реальность оказывается более суровой, поскольку рост межнациональных конфликтов, вызванный постепенной деконструкцией остатков колониционной системы и легитимирующей данную систему европоцентристской модели исторической памяти, сводит к нулю зачатки «консенсусной демократии». В изучении исторической памяти все больший упор делается на конфликтогенный характер этого явления. Прошлое начинает выступать в качестве «ящика Пандоры», из которого с утомительным

рону методичного национализма. Перспективы культуры, исторической памяти и идентичности в Европе // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 32-38.

постоянством извлекаются поводы для все новых и новых конфликтов на национальной, культурной или религиозной почве. Таким образом, поиск новых методологических оснований изучения памяти, свободных от либеральных презумпций и утилитарного прагматизма, является доминантой современных гуманитарных и социальных наук.

С.А. Байкин

УРОКИ ЗАБВЕНИЯ ИСТОРИИ И РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

В последние годы стараниями некоторых политиков и историков события истории сознательно искажаются. Особенно это касается фальсификации итогов Великой Отечественной войны. В одних государствах бывшие фашистские пособники возводятся в ранг национальных героев, в других – предпринимаются попытки обелить их, а тех, кто боролся с фашизмом, посадить на скамью подсудимых. Исходя из подобных фактов, можно сказать, что историческое и социальное сознание общества в своём развитии кардинально меняется. Знания, получаемые в школах, оказываются всё более сложными и дифференцируемыми. Культура становится ареной столкновений сторонников сохранения и адептов низвержения морально нравственных принципов. В спорте зарабатываются большие деньги. Производство товаров и услуг подвергается взлётам и падениям из-за кризисов.

Эти перемены можно проследить даже на примере муниципального образования. Жилищно-коммунальная сфера подвержена удорожанию своих услуг. Транспорт по мере увеличения скоростного режима становится менее безопасным. На муниципальном уровне проявляются следующие действия: происходит нецелевое использование общественных средств: получаемые доходы люди стараются вывести от налогов; люди стараются уйти от ответственности в случае совершения правонарушений. Медицина сталкивается с вызовом возникновения новых болезней и усложнения старых. Казалось бы, вызовы XXI в. должны побудить общество мобилизовать созидательный ресурс, обращаясь к урокам прошлого. Однако с очевидностью прослеживается эрозия решимости скорректировать стратегии поведения государств и сообществ в направлении поддержки жизненно необходимых начал, апробированных веками.

О забвении этой максимы можно прочесть в произведениях классиков мировой и отечественной литературы XIX и XX веков¹. Лишь малая часть населения на заре капитализма становилась владельцем больших богатств, а большая часть населения должна была довольствоваться тем, что позволялось властными структурами, бизнесменами и финансистами. Все это сопровождалось умножением количества органов надзора, контроля, наказания и воспитания.

Сложившееся неравенство часто наталкивало на простое объяснение: одним людям повезло в жизни, другим не повезло; одни стали господами, избранными людьми, а другим досталась доля неудачников, слуг, исполнителей. Многие эксперты полагают, что это – часть хорошо продуманной политики и идеологии, которая преследует четкие внешнеполитические цели: насаждение ультранационалистической идеологии, построенной на шовинизме и ненависти не только к соседям, но и в ряде стран – к части собственного населения, лишенного всей полноты гражданских прав; попытки пересмотреть послевоенные границы; стремление раздуть пожар ксенофобии и междоусобицы.

Для закрепления подобного положения населения подвергается манипуляциям сознания². Это публично подтверждено руководителем акционерного общества «Сбербанк» Г.О. Грефом на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме, состоявшемся 21-23 июня 2012 г.

В этой связи напрашивается аналогия: в фашистской Германии немцы были провозглашены избранной нацией, а все другие народы должны выполнять волю немцев. Современные избранные составляют малую часть своих народов и тоже провозглашают себя «сверхгосподами». Из исторического небытия возвращается евгеника³ – наука о продлении жизни элиты и представителей «золотого миллиарда». Этому положению находится объяснение(!): на Земле нельзя построить рай для всех. Адепты концепции ссылаются даже на религиозные

¹ Салтыков М.Е. (Щедрин) История одного города // Соч. Т.1. М., 1926; Т.5. М. – Л., 1927.

² Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2005.

³ Евгеника в дискурсе глобальных проблем современности. М., 2005.

источники¹. Однако в религиозных источниках, кроме этого, указывается на необходимость соблюдения определённых канонов. Согласно канонам христианской веры, обязательными являются следующие заповеди: не убий, что надо воспринимать не только как запрет на убийство физическое, но и моральное; не укради – осуждается присвоение чужой собственности, в том числе части заработка; не сотвори кумира – образцом не следует иметь самого себя или делать фетиш из вещей; не лжесвидетельствуй – не клевети ... Однако подобные каноны «позванные но не избранные», мягко выражаясь, игнорируют.

Для того, чтобы уменьшить наказание за свои дела, «избранные» делают подарки, подношения тем общинам к которым они себя причисляют. Новый образ забвения истории развития общества приводит к возвращению ошибок и бед, которые уже когда-то и где-то были. Это возвращение происходит в измененных формах и объёмах. Память общества, сознание человечества нельзя подчинить ни политике, ни сиюминутным прихотям. Она не чья-то личная собственность, ею не торгуют, её берегут, как святыню. Во имя того, что было. Во имя того, что будет.

М.Галедек

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ МЕСТНОГО
САМУПРАВЛЕНИЯ ВИЛЬНЮСА И РУССКОГО МЕНЬШИНСТВА
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

По данным переписи в 1922 г. в Вильнюсе насчитывалось огромное количество лиц польской национальности, численности которых намного уступали белорусы и литовцы. Однако большую часть населения Вильнюса составляли этнические русские, и это несмотря на их резкое сокращение в 1915 г. в результате оккупации города немецкими войсками. Среди жителей русской национальности была и русская интеллигенция – владельцы недвижимости, бывшие чиновники царской администрации, сформированные в дружную, динамичную группу, поддерживающую тесную связь с землевладельцами. Кроме того, относительно большая группа этнических русских проживали и

¹ Например: Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В 11 тт. / Под редакцией А.П. Лопухина (т.1); издание преемников А.П. Лопухина (тт. 2-11). СПб., 1904-1913.

в пригороде Вильнюса¹. Согласно секретным докладом о политической ситуации в Вильнюсе, после того как в 1922 г. город был аннексирован Польшей, русские в Вильнюсском крае были разделены на группы коренных жителей и иммигрантов из России. Многие из проживающих в Вильнюсе россиян работали в качестве должностных лиц в железнодорожных компаниях, судебных органах и других административных подразделениях². Отчеты полиции поясняют: «старожилы могут быть подразделены на две категории: собственников имущества и тех, кто потерял всю собственность. Первая категория поддерживает Польшу, стыдясь своей этнической принадлежности, а вторая проявляет враждебность к Польше, оказывая поддержку в пользу царской России, а некоторые из них даже склоняются к власти большевиков. Все беженцы, однако, являются анти-большевиками»³.

Как следствие, из-за политических противоречий начала 1920-х годов разные условия жизни породили разное отношение к польскому государству, где не было ни одной организации, представляющей всю русскую общину Вильнюса и Вильнюсской области. Таким образом, Православная епархия, которая главным образом интегрировала всю русскую общину и придавала ей ощущение стабильности, оказалась разделенной на группы.

К тому же, Православную общину города затронуло и провозглашение автокефалии Польской православной церкви⁴. Данный конфликт в значительной степени усилил общее восприятие православия на окраинах бывшей Российской империи. «Русский» характер, который ранее проявил себя в роли православного христианства Российской империи, после первой мировой войны придавал еще более особое значение тому факту, что священнослужители являлись исконно русскими, в религиозных Писаниях церковнославянский язык произносился с русским акцентом, а русский язык, используемый в проповедях, в публикациях и на уроках религии для детей, был языком об-

¹ J. Kirchmyer, *Pamiętniki*, Warszawa 1987, p. 55.

² S. Wołosowicz, *Ziemia wileńska*, Kraków 1925, p. 74.

³ Lietuvos Centrinis Valstybes Archyvas [LCVA], fond [f.] 21, apyso [ap.] 1, bylos [b. 12], p. 25, *Raport o stosunku narodowości białoruskiej i żydowskiej do Sejmu Wileńskiego*.

⁴ See: A. Mironowicz, *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*, Białystok 2005, p. 95-97.

щения между духовенством и тех, кто работал в церковной администрации.

В Вильнюсе большинство православных христиан идентифицировали себя как русская этничность. Администрация была убеждена, что большинство православного духовенства идеологически и политически являются сторонниками монархии и националистов¹. В провинции, однако, в основном это были белорусы, исповедовавшие Православную веру. Белорусские националисты в русскости Православной церкви видели препятствие для роста националистического движения, хотя сама религия рассматривалась как важнейший компонент интеграции группы и считалась методом распространения националистических взглядов посредством евангельской деятельности общественных и религиозных организаций. Это привело к очередной попытке белорусифицировать Православную церковь белорусской национальной элитой. Подавляющим большинством духовенства эти попытки воспринимались в штыки и не получили широкой поддержки среди общественности, которая была привержена сохранить существующую структуру Православной церкви.

Администрация видела тесную взаимосвязь между отношениями российского населения к власти Польши и связь польского государства с Православной церковью. Сообщалось, что «Защита русскости церкви [...] рассматривалась как борьба за сохранение в Польше своей собственной, Святой, истинной церкви [...]. Кроме того, с провозглашением государственной кампании по ее утилизации – сокращение количества приходов, разрушение православных церквей, давление на людей – русскость была возведена в оплот Православной религиозной организации, в неперемненное условие ее выживания в Польше и сохранения ее связи с Матерью-церковью»². Более того, события майского переворота 1926 г., неудачная политика польского правительства и лагеря Пилсудского по отношению к Православной церкви, а также междоусобные конфликты между православной об-

¹ LCVA, f. 15, ap. 2, b. 114, p. 122, *Sprawozdanie z ruchu politycznego i ekonomiczno-społecznego w m. Wilnie za lipiec 1923*.

² М. Papierzyńska-Turek, *Spory i konflikty wokół sprawy narodowego charakteru Kościoła prawosławnego w II Rzeczypospolitej*, in: *Trudna tożsamość. Problemy narodowościowe i religijne w Europie Środkowo-Wschodniej w XIX i XX wieku*, J. Lewandowski, Lublin 1996, p. 71.

щественностью, в основном, в результате требования белорусифицировать Православную церковь или планов полонизировать ее, еще значительнее укрепили эту идею у православных россиян. Администрация Вильнюса видела этот затяжной конфликт в сущности Семинарии, в разных взглядах на этот вопрос белорусских и российских деятелей, а также польской власти, не говоря уже в противоречиях внутри самого православного духовенства¹.

Насколько известно, в начале межвоенного периода аполитичным учреждением, сыгравшим наиболее важную роль в сближении русского духовенства и преподавателей педагогического колледжа, в Вильнюсе стал Православный Комитет². Польская власть отмечала, Православный Комитет, связанный с русскими монархистами, «настойчиво выступает против «независимых» белорусов». Автор данной заметки добавил: «В целом, русская община проявляет враждебность как к белорусам, так и к евреям»³. Националисты и монархисты, связанные с Православной Общиной, расширили свою сферу влияния еще в 1922 г. до присоединения Вильны к Польше, основав Российское Общество Вильнюса (РОВ), которое наряду с Обществом Поддержки Нуждающихся⁴ вскоре стало организацией, вокруг которой вращалась российская социальная жизнь в Вильнюсе⁵. Пресса отмечала значительные силы кругов РОВ, насчитывающихся порядка двух тысяч членов. На этапе развития общества русские монархисты пытались установить контакт с польскими «правыми» кругами и поддерживать отношения с белорусскими активистами⁶. Сначала они

¹ A. Mironowicz, *Kościół prawosławny...*, p. 168-188.

² LCVA, f. 21, ap. 1, b. 12, p. 25, *Raport o stosunku narodowości białoruskiej i żydowskiej do Sejmu Wileńskiego*.

³ Ibidem.

⁴ The Society to Support the Needy and the Children of the Orthodox Faith in Vilnius was considered mainly an Orthodox rather than a Russian nationalist institution.

⁵ LCVA, f. 51, ap. 15, b. 1234, p. 73-74, *Sprawozdanie z działalności stowarzyszeń kulturalno-oświatowych i filantropijnych na terenie m. Wilna*.

⁶ LCVA, f. 51, ap. 15, b. 24, p. 53-54, *Sprawozdanie o stanie bezpieczeństwa publicznego i nastrojach ludności oraz działalności Wydziału Bezpieczeństwa za I I – 30 VI 1922*.

осуществляли свою деятельность в открытую, но вскоре были вынуждены действовать подпольно¹.

Хотя часть польской общественности в выступающих против большевиков русских не видела иммигрантов своей страны, как правило, присутствие монархистов в Вильнюсе считалось нежелательным. Администрацией Вильнюсского района Российское Общество Вильнюса было воспринято как нечто враждебное по отношению к польскому государству, которое, по мнению РОВ, являлось частью *истинной* (по-настоящему) российской территории. По данным Вильнюсской полиции, монархисты пытались укрепить российское политическое влияние и культуру в России, а также сохранить белорусские организации, экспонирующих пророссийские наклонности. Это воспринималось не только как попытка повлиять на обстановку, заключающейся в намерениях польского государства в монополии, но и как проявление надежды присоединить Вильнюсский регион к России². Предполагалось, что эти группы, считая существование польского государства недолгим, ожидают войны между Польшей, Советской Россией и Литвой. Это касалось и подготовки в Вильнюсской области про-монархическими политическими активистами руководящих партийных кадров для возможного конфликта с большевиками. Польша наблюдала за этой деятельностью, опасаясь, что все это может привести к новой войне. Даже к скоординированным с монархистами усилиям в области образования и благотворительности относились с подозрениями, считая, что они могут быть использованы в качестве прикрытия для политических амбиций³.

Эти наблюдения вынуждали власть Вильнюсской области постоянно проявлять осторожность. Подобные отношения в целом не менялись на протяжении всего межвоенного периода. Местная администрация постоянно наблюдала за монархистами с подозрением, убеждаясь, что в рамках сложившейся ситуации их лояльность по отношению к Польше всего лишь вынужденная. Укрепление сил монархических кругов было нежелательным, и – наоборот – любые обстоя-

¹ As a result of the Russian Red Cross Society members arrest in Warsaw and expulsion from Poland.

² Ibidem.

³ J. Obst, *Monarchiści rosyjscy w Wileńszczyźnie*, „Dziennik Wileński”, 2 VI 1923.

тельства, которые могли ослабить их положение, были только выгодными¹.

В начале 1920-х гг. в Вильнюсе и Вильнюсской области в отличие от монархистов отношение польских спецслужб к российскому демократическому движению можно было считать вполне положительным. Данное движение, в свою очередь, концентрировалось в основном вокруг Бориса Савинкова, проживавшего на тот момент в Варшаве². Российское демократическое движение провозгласило готовность сотрудничать и признать независимость государства Польши, возникшего на руинах Российской империи, допуская мысль, что Россия должна стать демократической республикой³. Однако данное движение не получило дальнейшего развития и в конце 1920-х гг. завершила свою самостоятельную деятельность.

В перспективе война не только стала менее вероятной ситуацией в Вильнюсе, но и жизнь здесь начала возвращаться к нормальному образу. Это способствовало стабилизации польского государства. Должностные лица местного самоуправления представили докла-

¹ Activities of the internal opposition centered around Ivashitsev and Zubkov, who were trying to assume control of the Orthodox Committee were not looked upon unfavorably. LCVA, f. 15, ap. 2, b. 114, p. 231, *Sprawozdanie z ruchu politycznego i ekonomiczno-społecznego w mieście Wilnie za sierpień 1923 r.* In April 1925 the WTR opposition founded a new party - the Russian National Party. LCVA, f. 15, ap. 2, b. 232, p. 215, *Sprawozdanie z ruchu politycznego za kwiecień 1925 r.* Ivanshitsev became the party leader. The party's foundations, however, did not prove strong enough and as early as in the summer the administration noted its activities died down. LCVA, f. 15, ap. 2, b. 232, p. 178, *Sprawozdanie z ruchu polityczno-społeczno-ekonomicznego za lipiec 1925 r.*

² See: *Sąsiedzi wobec wojny 1920 roku*, J. Cisek, Londyn 1990, p. 111-112, 125-131; O. Łatyszonek, *Białoruskie formacje zbrojne*, Białystok 1996, p. 166, 168-171; J. Januszewska-Jurkiewicz, *Białoruski i rosyjski ruch antysowiecki na Litwie Środkowej w świetle materiałów policji z lat 1921-1922*, „Wieki Stare i Nowe”, No 1, Katowice 2000, p. 135.

³ J. Januszewska-Jurkiewicz, *Białoruski...*, p. 148-149. LCVA, f. 51, ap. 15, b. 24, p. 53-54, *Sprawozdanie o stanie bezpieczeństwa publicznego i nastrojach ludności oraz działalności Wydziału Bezpieczeństwa za I I – 30 VI 1922.*

ды, в которых отмечали лояльность к российскому обществу, как к православным, так и к старообрядцам¹.

Однако, согласно отчетам того периода, важно отметить резкий контраст между суровыми оценками национальной и культурной ситуации в пограничных областях, часто фигурирующих в трудах Заграничного Корпуса Защиты офицеров 1930-х гг. (как правило, из разных уголков Польши), и мнениями жителей самой Вильнюсской области². Правда, вначале даже пограничные поляки выражали «враждебное отношение к русским в Вильнюсе»³, к российской власти и русификации. Поэтому поляки открыто испытывали неприязнь к русскому языку, а порой и к российской культуре. Это, прежде всего, касалось бывшей российской элиты, решительно поддерживающей монархию. Однако сразу после получения независимости эти предрассудки быстро испарились и отношения в Польше стабилизировались. Это привело к снижению напряженности и враждебности к русскому языку⁴.

Вскоре, в 1930-е гг в провинциях наблюдалась постепенная интеграция русских общин с местным населением⁵. Православные русские составляли лишь небольшую часть общества. Происходило постепенное смешение и ассимиляция польских семей. Со временем в окрестностях польской территории получили широкое распространение колонии русских поселенцев, иммигрировавших в свое время в Виленскую Губернию из царской России. Некоторые из них смотрели на русскую культуру даже с восхищением⁶. Большинство русских в

¹ LCVA, f. 51, ap. 1, b. 165, p. 306, *Raport sytuacyjny starostwa wileńsko-trockiego za II kwartał 1926 r.*; ibidem, p. 328, *Sprawozdanie sytuacyjne starostwa dziśnińskiego za II kwartał 1926 r.*

² J. Januszewska-Jurkiewicz, *Stosunki narodowościowe na Wileńszczyźnie w latach 1920-1939*, Katowice 2010, p. 649.

³ Eadem, *Białoruski...*, p. 151.

⁴ In many accounts Vilnius-dwelling Russians who ran catering businesses, rented out rooms, worked in government offices are described in a fond and good-natured manner, as an example of a melting pot, capable to coexist peacefully with its respective members even enriching each other. T. Łopalewski, *Czasy dobre i złe*, Warszawa 1966, p. 110.

⁵ This was particularly common in the provinces where mixed marriages were frequent.

⁶ J. Szłuiński, *Rozdarcie. Opowieść o Ziemi Wileńskiej*, Warszawa 1998, p. 76.

свою очередь поддерживали достаточно хорошие отношения со своими польскими соседями. Например, в Дисне (город восточной части Виленской губернии) – как было отмечено в одном из дневников – «несколько десятков российских семей [...] образовали небольшой анклав с православным приходом. Многие из них были интеллигенцией, и по их собственным словам, они являлись «остатками былой славы» [...]. Как правило, свое присутствие в Польше русские считали результатом жестокой судьбы, которая уничтожила их отчизну и положила конец карьере, богатой жизни. Они были лояльны к польскому государству, и не участвовали в конфликтах белорусов. Они не организовали группы [...], но в то же время их объединяло православие, и это отличало их от польского общества. В подавляющем своем большинстве они были антикоммунистами»¹. К тому же, данные взаимоотношения процветали и в результате того, что практически отсутствовал языковой барьер между русскими и поляками пограничной полосы². Было много образованных поляков, обучающихся в российских вузах и увлекающихся русской культурой, но, в то же время, испытывающих неприязнь к Российской власти³.

В провинциях Виленской области жили также и старообрядцы, которых считали обособленной группой русской общины. С одной стороны, глубоко укоренившаяся вражда между ними и православными русскими медленно ослабевала. С другой же стороны, администрация была убеждена, что старообрядцы были непоколебимо преданы польскому государству.

Российская политическая деятельность, по-прежнему, однако, вынуждала правительство быть бдительным. Сотрудничество российских политиков с этническими меньшинствами, усугубляющихся в основном, во время парламентских выборов, было очевидно неблагоприятным. Данное сотрудничество стремилось к созданию политической партии, которая представляло бы все российское сообщество, и позволяла бы отстаивать культурные права и сам русский язык. Эти

¹ E. Zabiełło, *Dzisiaj. Bastion nad Dźwiną*, Bydgoszcz 1998, p. 199-200.

² Ibidem, p. 175.

³ M. Zdziechowski, *Idea polska na Kresach*, in: idem, *Widmo przyszłości*, Warszawa 1999, p. 21. Z. Opacki, *Marian Zdziechowski a emigracja rosyjska – konflikty, opinie, refleksje*, in: *Emigracja rosyjska. Losy i idee*, L. Becker, Z. Karpus, Łódź 2002, p. 258-260.

мероприятия контролировались администрацией. 24 января 1926 г. в Польше был основан Русский Общенациональный Союз (РОНС). Данная организация действовала в масштабах всей страны, в том числе и за пределами Вильнюса. Русский Общенациональный Союз требовал, в частности, равные права для русских, считая, что именно русский язык должен быть признан официальным в городах и населенных пунктах России, и призвал к введению русского языка в государственных школах. Автокефалия Православной церкви считалось пагубным. Нагнеталась борьба между Российской политической организацией и белорусским национальным движением. В РОНС были убеждены, что часть населения России выдают себя за белорусов, опасаясь политических репрессий в Польше. Российские активисты все еще были склонны к ассимиляции Православного белорусского населения в российскую культуру. Попытки мобилизовать старообрядцев в поддержку русского национального движения, таким образом, казалось бы, ликвидировали непреодолимый разрыв - взаимную неприязнь между православными и старообрядцами¹ – что стало неожиданностью, и, несомненно, неприятным фактом для польского правительства. Попытки Русского Общенационального Союза добиться расположения старообрядцев явно наблюдались и в 1928 г. в период выборов². Однако, данное сотрудничество отнюдь не означало, что Российская политическая элита в корне изменила свое отношение к Православной вере. Данные усилия делались в целях привлечь на свою сторону духовенство – большинство из них считали себя русскими³.

Новая эра в отношениях между Российским политическим движением и польским правительством началась, когда два российских политиков (старообрядцев) из Вильнюса - Арсений (отец) и Борис (сын) Пимоновы подали заявку на вступление в Беспартийный Блок Сотрудничества с Правительством. Оба были избраны: Борис Пимонов в Сейм, и Арсений в Сенат. Данный успех улучшил напря-

¹ Although views still emphasizing the loyalty of the Old Believers to the Polish state were still more widespread, in 1930s they were no longer as predominant as before. See: *Kresy w oczach oficerów KOP*, J. Widacki, Katowice 2005, p. 116-117.

² LCVA, f. 15, ap. 2, b. 378, p. 22, *Sprawozdanie wyborcze Komisarza Rządu z 27 XII 1927*.

³ Ibidem, p. 10, *Sprawozdanie wyborcze Komisarza Rządu z 24 I 1928*.

женные отношения между российскими политиками и привел РОНС к одобрению деятельности Пимоновых. В 1931 г. Борис Пимонов возглавил новую политическую партию – Союз русских меньшинственных организаций в Польше. Государственное правительство утвердило Устав политической партии, официально подтвердив, таким образом, статус русского сообщества в лице этнических меньшинств, как следствие, это привело к росту внутри Российской диаспоры количества кругов, склонных лояльно сотрудничать с польским правительством¹.

Подводя итог, отметим, что неудачная политика польского правительства по отношению к Православной церкви, а также междоусобные конфликты в Православной общине, в основном связанные с требованиями белорусифицировать Православную церковь или полонизировать ее, в значительной степени сформировали определенное отношение Православной общины к польскому государству. Местная администрация постоянно наблюдала за монархистами с подозрением, убеждаясь, что в рамках сложившейся ситуации их лояльность по отношению к Польше вынужденна. Хотя часть польской общественности в выступающих против большевиков русских не видела иммигрантов своей страны, присутствие монархистов в Вильнюсе считалось нежелательным. Некоторые поляки разделяли эту точку зрения, другие считали, что русские заслуживают лишь сострадания. Другие, более того, любили русскую культуру, лелея воспоминания о временах, проведенных среди российских друзей. Эти чувства частично разделялись управлением Вильнюсской области, особенно теми чиновниками, кто прибыл. Прибывшие из окраин лучше других понимали реалии жизни в многонациональном обществе. После событий майского переворота 1926 г., во время правления лагеря Пилсудского память о российском разделе начала угасать, состояние польского государства стабилизировалось, а политические отношения между российскими меньшинствами и польской администрацией улучшились. Однако они были еще далеки от идеала, особенно между властями и Православной церковью, заметно усугубившиеся в период репрессивной и конфронтационной националистической политики конца 1930-х гг.

¹ Z. Urbański, *Mniejszości narodowe w Polsce*, Warszawa 1932, p. 138-139.

**МИТРОПОЛИТ КИЕВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛ II(III):
ШТРИХИ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ОБРАЗУ**

В 1246 г., после первых опустошительных волн монгольского нашествия, русская православная церковь усилиями князя Даниила Романовича Галицкого вновь обрела своего предстоятеля и молитвенника, Кирилла, сменившего таинственно исчезнувшего в водовороте событий 1240 г. митрополита Иосифа. Кирилл предстал перед современниками, во всяком случае, перед древнерусской знатью и местными элитами, невероятно усердным и деятельным первосвятителем. Данное обстоятельство разительно отличало этого главу русской церковной организации не только от его предшественника, Иосифа, но и многих прежних киевских первоиерархов, стопы которых редко оставляли пределы кафедрального города или его ближайших окраин, обустроенных стараниями монахов печерской обители и княжеских монастырей.

Продолжительная жизнь нового первосвятителем отличалась постоянными перемещениями не только в пределах разорённого киевского княжества, но и иных епархиальных центров. Особое внимание в поездках уделялось землям Северо-Восточной Руси. В 1250 г., вскоре после своего возвращения из Никеи, где Кирилл был поставлен на Киевскую кафедру, новорукоположенный предстоятель русской церкви посетил «Суждальскую» землю и в тот же год венчал Андрея Ярославича с дочерью Даниила Галицкого¹. В 1251 г. Кирилл побывал в Новгороде², а в 1252 г. встретился во Владимире с Александром Ярославичем³. По прошествии одиннадцати лет, в 1263 г., Кирилл уже участвовал в похоронах прославленного князя⁴. В 1274 г. он совершил очередную поездку из Киева во Владимир, на этот раз для рукоположения печерского архимандрита Серапиона в сан епископа и поставил его на местную Владимирскую кафедру⁵. В 1280 г. очередное посещение Суздальской земли было вызвано необходимостью «исправления»

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.

² Там же. Стб. 472.

³ Там же. Стб. 473.

⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 143.

⁵ Там же. С. 152

ростовского епископа Игнатия¹. Точное же количество «хожений» митрополита не известно, но не вызывает сомнения то, что зафиксированные в летописях поездки лишь малая часть совершённых Кириллом путешествий. Об этих поездках сообщают не только летописные источники, но и сам Кирилл в своём «Правиле»². На то, что число святительских «хожений» было значительным указывает отношение к ним со стороны современников, которые к концу жизни митрополита воспринимали эти митрополичьи перемещения как нечто естественное. Во всяком случае, упоминая о поездке 1280 г., Никоновская летопись сообщала, что «преосвященный Кирилл митрополит Киевский и всея Руси изыде из Киева *по обычаю* (выделено – Г.Т.)»³.

Указанная особенность жизни нового митрополита нередко умиляла историков русской церкви, видевших в постоянных перемещениях Кирилла исключительную пастырскую ревность и святительскую попечительность о многострадальной русской пастве⁴. Скажем, в Киевский период перемещения митрополитов были ограничены не только в пределах обширнейшего митрополичьего округа, но и киевского пригорода, как будто бы находившегося под святительским омофором киевского иерарха⁵. Лишь единожды, в 1135 г., митрополит лит Михаил покинул пределы Киева и прибыл в непокорный Новгород. Но предпринятое путешествие оказалось малорезультативным и закончилось для киевского первоиерарха «удержанием» на берегах

¹ Там же. С. 157.

² Правило Кирилла, митрополита Русского, с епископами Далматом Новгородским, Игнатием Ростовским, Феогностом Переяславским и Симеоном Полоцким, собравшимися на поставление епископа Серапиона Владимирского. //Памятники древне-русского канонического права. Ч.1. СПб, 1880. С.84-102.

³ ПСРЛ. Т. 10. С. 157.

⁴ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви: Том 2. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Ч. 1. М., 1900. С. 66, 89; Карташев А.В. История Русской Церкви. М., 2010. С. 128; Петрушко В.И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества. М., 2007. С. 99.

⁵ Гайденко П.И. Архиерейские поездки в домонгольской Руси: К вопросу о механизмах церковного управления // Иерархическое Средневековье [в печати].

Волхова, по сути, почётным арестом¹. Что же касается пребывания в 1158-59 гг. в Чернигове митрополита Константина, поразившего современников своим предсмертным завещанием, то его удаление из Киева было результатом бегства, а не пастырской ревности². Впрочем, и его недруг, митр. Климент, с именем которого связывали внутрицерковную смуту середины XII в., не единожды покидал кафедральный город по такой же вынужденной причине, чтобы сохраниться от гнева врагов³. Ныне же, в случае Кирилла II, всё выглядело иначе. Летописание, а более всего литературное наследие самого нового митрополита представили первосвятителя неутомимым тружеником на Христовой ниве и ревностным поборником церковного единства, который как истинный архипастырь «проходяще грады всяя Руси, учаше, наказываше, исправляше»⁴.

В итоге принято считать, что его «хождения» и «Правило» объединили и укрепили русскую церковь, а приобретенные им налоговые и иные льготы по выплате монгольской (а позднее ордынской) империи дани открыли перед русской церковью широкие проповеднические и экономические возможности в будущем. Казалось бы, подобная ключевая фигура в истории русской церкви должна быть отлично изучена, а житие митрополита написано и сохранено для потомков. Однако личность Кирилла рассматривалась только в общих чертах, а причины его появления на русской первосвятительской кафедре скрываются за множеством догадок и тёмных пятен. Дело не видится таким же однозначным и в отношении самой архипастырской ревности. Характер путешествий и их цели, наложенные на политическую ситуацию на Руси и на процессы в русско-ордынских отношениях, позволяют заключить, что митрополитом во время его «хожений» дви-

¹ ПСРЛ. Т. 3. 208; Т. 9. С. 158.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349; Литвина А.Ф., Успенский Б.Ф. Траектория традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010. С. 80-86.

³ О судьбе Климента Смолятича см. подробнее: Голубинский Е.Е. История Русской Церкви: Том 1. Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 1. М., 1901. С. 300-316; Литвина А.Ф., Успенский Б.Ф. Траектория традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. С. 21-79.

⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 157.

гали не только благочестивые мотивы и христианское усердие, но и иные не менее важные и существенные причины экономического и административно-политического свойства.

Первое упоминание о митр. Кирилле возникло в записи Ипатьевской летописи 1243 г. Сухое и краткое сообщение дает весьма расплывчатое представление о личности нового предстоятеля русской церкви, образ которого блёк на фоне властного галицкого князя: «Даниль же затворивъ Холмъ, еха ко брату си Василкови, поима с собою Курила митрополита»¹. Причины отъезда Кирилла с Даниилом Романовичем из Холма, вероятно, объяснялись нуждами безопасности. Холм считался «излюбленным» городом Даниила, построенным относительно недавно и укрепленного по всем стандартам европейской фортификации. Стены города уже спасали жителей от разорения первой волной монгольского нашествия. На некоторое время этот город даже стал временной столицей земель Даниила Романовича Галицкого, оставившего Киев, но ещё сохранявшего титул великого князя. Очевидно, ожидая грядущего прихода, возвращавшихся из западноевропейского похода монголов, Даниил желал соединиться со своим братом Васильком, а, забирая с собой Кирилла, спасал тому жизнь. Однако это известие, называвшее Кирилла митрополитом, вступает в некоторое противоречие со следующими сообщениями об этом святытеле. Ввиду записи о поставлении в 1250 г. в Никее этого же Кирилла в митрополиты² совершенно непонятно, что в данном случае, в 1243 г., понималось под «митрополитом»: реальный священный сан или одно лишь именование, дававшееся при наречении, предшествующем хиротонии. При этом абсолютно не известно, кто и как совершил это наречение, поскольку данный акт должен быть совершён либо патриархом, либо, по крайней мере, не менее чем двумя епископами в присутствии церкви (народа)³. В последующем большинство

¹ ПСРЛ. Т. 2. С. 794.

² «В лѣто [6758 (1250)]... Коуриль бо митрополить . идаше посланъ . Даниломъ. и Василкомъ . на поставление митрополье Роуской. бывшоу же емоу оу корола . оубѣди и . король словесы многими дары оувѣщова æко проведоу тæ оу Грькы с великою чѣстью.» (ПСРЛ. Т. 2, Стб. 809).

³ Первое Апостольское правило определяет: «Епископа да поставляют два или три епископа» (Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. М., 1911. Т. 1. С. 45-47), следова-

историков церкви склонялись к мнению, что в данном случае Кирилл был наречённым митрополитом¹, и, следовательно, пользовался полным административно-каноническим комплексом прав главы русской церкви, за исключением права совершать рукоположения. Вместе с этим не ясно, кто совершил наречение Кирилла. Скорее всего, это были находившиеся под контролем Даниила Романовича епископы южнорусских кафедр. Однако, и в данном случае наречение могло произойти лишь при одобрении большинства русских архиереев.

Источники не дают прямых свидетельств о происхождении митрополита Кирилла. Не ясно был ли он жителем Холма или же откуда-то прибыл. Едва ли что можно сказать о его семейном положении. Достоверно не известен и социальный статус Кирилла до наречения: являлся ли он игуменом или архимандритом, как домысливали эту ситуацию А.В. Карташев² и Е.Е. Голубинский³, или же происходил из боярской знати. Единственной наиболее подходящей кандидатурой для отождествления с личностью митрополита Кирилла мог быть печатник⁴ «Курил», в тот период входивший в круг самых близ-

тельно и наречение должно быть одобрено не менее чем двумя или тремя епископами.

¹ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви: Т. 2. Ч. 1. С.54; Карташев А.В. История Русской Церкви. С. 125; Петрушко В.И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества. С. 96.

² «В виду уклончивого поведения греков, он <Даниил Романович Галицкий - *прим. авт.*> в 1242 году сам избрал кандидатом на митрополию игумена или архимандрита Кирилла» (Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1993. Т. 1. С. 290). Однако данное толкование ничем не подкрепляется.

³ «... должно предполагать, что он былъ или изъ игуменовъ какого-нибудь монастыря области или же изъ простых монаховъ» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви: Т. 2. Ч. 1. С.53).

⁴ Хранитель княжеской печати, канцлер. Вероятно данная должность была заимствована в Венгрии. Хотя, подобные должности были в этот период характерны и для большинства западноевропейских держав Средневековья (о должностях в Венгерском королевстве см. подробнее: Гусарова Т.П. Потестарные институты и должности в Венгерском королевстве в XI-XVII вв. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011. С. 457-512).

ких к Даниилу Романовичу лиц¹. Грозный воитель, этот печатник, в своё время вернул своему князю власть над его южными владениями, подавив здесь волнения и укрепив господство Даниила над землёй Романовичей². Здесь необходимо особо отметить, что в описываемый период времени Даниил Романович находился в очень тяжелых отношениях как с боярством, так и с местными православными иерархами.

Наиболее ярко проблема сложных отношений князя и боярской верхушки Галицкой земли выразилась в словах летописца по случаю победы Даниила над перемышльскими боярами в 1241 г.³ Что касается напряжённости, существовавшей между Даниилом и церковными иерархами, то в этом отношении показательно летописное сообщение об изгнании епископа города Угровска, Иоасафа. Воспользовавшись временным отсутствием Даниила и опустением митропо-

¹ «приде же Коуриль печатникъ княза Данила. со треими тысящами пѣшець . и трѣими сты коньникъ . и водасть имъ взати Дадьковъ градъ . Ѡтоуда же плѣнивъ землю Болоховскоую . и пожегъ . Ѡставили бо ихъ Татарове .» (ПСРЛ. Т. 2, Стб. 792).

² «Ростиславъ . собра князе Болоховьские . и останокъ Галичанъ . приде ко Бакоте . Коурилови же соушоу печатникоу . тогда въ Бакоте посланоу Даниломъ княземъ и Василкомъ . исписати грабительства нечѣствыхъ бояръ оутиши землю . бившимъ же сямъ оу вратъ . остоупився хотяше премолвити его словесы многими . Коуриль же отвеща емоу. се ли твори возмездье оуема своиа . воз добродеанье. Не помниши ли ся . яко король Оугорьскый изгналь тя бе и земле съ оцмъ ти . како тя восприаста огъна моя . оуя твоя . очати во величи чѣсти держаства . и Киевъ обечаста тебе Лоуческъ вдаста. и мтръ. твою и сестроу свою изъ Ярославлю роукоу . изяста и очю ти вдаста . инеми словесы моудрыми глѣста емоу много .видев же не послоуша его . изииде на нь со пешьци. онъ же оуведевъ то поиде прочь . Ѡнъ же моудростью и крепостью оудержа Бакотоу Ростислав же изииде за Днепръ . слышавъ же Даниль прихощь Ростиславль . со князи Болоховьскими. на Бакотоу» (ПСРЛ. Т. 2, Стб. 791).

³ «Даниль же дворечкого посла на Перемышль . на Костянтина Рязаньского. посланаго от Ростислава .и владыце Перемышльскомоу. коромолоующе с нимъ . и слышавъ Костянтинъ Адреа грядуща на нь .иизбѣже ночью . Андрѣи же не оудоси его но оудоси владыкоу . и слоуги его разьграби гордые и тоулы ихъ . бобровые раздра . и прилбичѣ ихъ вольчье. и борьсоуковые раздраны быша» (ПСРЛ. Т. 2, Стб. 793-794).

личьей кафедры, тот самочинно назначившего себя митрополитом. В итоге это и вызвало гнев великого князя¹. В создавшихся условиях печатник Кирилл, как верный союзник и помощник князя оказался тем лицом, которому и было доверено взойти на митрополичью кафедру Киева.

Необходимо признать, что в сложившихся церковно-политических условиях положение Кирилла оказалось столь же неоднозначным, как и положение его покровителя Даниила Романовича. Ситуация объяснялась как политическими обстоятельствами, так и каноническими нормами. Во-первых, несмотря на законы Ясы, допускавшие терпимое и уважительное отношение монголов к культам покорённых народов, статус русских церковных иерархов, в том числе митрополита, в новых политических и социальных условиях не был определён. Во-вторых, разорённые русские княжества, обескровленные и физически, и материально, и духовно, отнеслись к проблемам церковного строительства едва ли ни с безразличием, что, собственно и привело к самовольному захвату киевской митрополии Иоасафом. Впрочем, если это произошло, то, возможно, действия угровского епископа не имели корыстных целей и лишь пробовали предотвратить разрастающийся в церкви хаос. В-третьих, в этот период разорённая Византия, точнее её клочки, сама переживала не лучшие времена в своей истории. Центром стремительно угасающего византийского мира стала Никея. В итоге судьба ещё недавно богатой, а ныне разорённой и далёкой киевской митрополии её в этот период волновала меньше всего. В-четвёртых, состояние самой русской церкви, понёсшей тяжелейшие утраты от батыева разорения, сыграло не самую последнюю роль в ослаблении иерархических и канонических связей внутри русского православного мира. Испуганные «удельные» иерархи предпочли оставаться под крылом своих местных попечителей-князей и не вникать в нюансы канонического строя церкви. Возможно, это и объясняло то, что кандидатура Кирилла была легко принята епископатом и одновременно так долго не получала необходимой поддержки ни от своих епископов, ни из Константинополя. Впрочем, видимо, такую же поддержку получил ещё один наречённый митрополит, Петр (Акерович), ставленник Черниговского князя Михаила. Вследствие сложившейся церковной «раздробленности» на террито-

¹ Карташев А.В. История Русской Церкви. Т. 1. С. 290.

рии южной Руси одновременно действовало два наречённых митрополита, одинаково признаваемых и однократно игнорируемых своей пасторской и духовенством также появляется нареченный митрополит Петр (Акеревич), ставленник князя Михаила Черниговского. Известно лишь то, что следы этого митрополита затерялись где-то в Леоне¹.

В итоге даже в случае поставления в Константинополе Кирилл мог рассчитывать, во-первых, на зыбкое и неоднозначное решение патриарха, если и не признававшего, то и не отрицавшего остальных русских митрополитов; во-вторых, на помощь князя; и наконец, в-третьих, на своё усердие, поскольку разорённая киевская митрополия не обладала ни сборами, ни авторитетом, ни какими-либо иными ресурсами. К тому же бедствующая после монгольского разорения пастора не могла обеспечить прежнее содержание церкви. Поэтому Кириллу ещё предстояло убедить русских князей и народ в том, что они должны содержать своего предстоятеля, который к тому же был лишь наречённым, а не рукоположенным митрополитом.

В этот же период Даниил Романович имел тесные связи как с Беллой IV (королём Венгрии), ярким представителем восточной Европы, так и с Византией, утратившей, правда, бывшее величие, но всё ещё сохранявшей за собой право именоваться хранительницей веры и центром Православия. И, разумеется, около 1249 г. Даниил Романович воспользовался своим положением и отправил своего нареченного митрополита на постановление². Ведь в случае обретения союзного митрополита, Даниил получал бы достаточно крепкий инструмент для изыскания помощи против монгольского гнета и борьбы за киевское наследство.

По возвращению из Никеи, осенью 1250 г. Кирилл был отправлен Даниилом в качестве сопроводителя невесты, дочери Даниила, Андрею Ярославичу, княжившему во Владимире³. Вероятно, Да-

¹ Карташёв А.В. История Русской Церкви. С. 126-128.

² «Коуриль бо митрополить . идѣше посланъ . Даниломъ . и Василкомъ . на поставление митрополье Роускои . бывшоу же емоу оу корола . оубѣди и . король словесы многими дары оувѣщова æко проведоу тæ оу Грькы с великою чстъю.» (ПСРЛ. Т. 2, Стб. 809) .

³ «Тое же ѡсени . Приѣха митрополить Кириль на Суждальскую землю . Тое же зимы ѡжени сѧ князь Ѧрославичь Андрѣи . Даниловноу Романовича .

нии́л поше́л на э́тот шаг ради сбли́жения с Андре́ем Яросла́вичем, дабы пере́манить его́ на свою́ сторо́ну, что, похо́же, и случи́лось. Веро́ятно, во вре́мя э́того посольства́ были́ дости́гнуты ка́кие-то догово́ренности, пото́му что́ вскоре, Андре́й Яросла́вич отка́злся пла́тить да́нь. Э́тот сме́лый и ре́шительный шаг сто́ил Андре́ю кня́жения, поско́льку уже́ че́рез ко́роткое вре́мя в преде́лы его́ земе́ль при́шла «Неврю́ева ра́ть». Кня́жество ото́шло в ру́ки ста́ршего бра́та Андре́я, Алекса́ндра Яросла́вича.

Вскоре Алекса́ндр Яросла́вич, ста́рший бра́т Андре́я, оце́нил возмо́жности Кири́лла и по́пытался сбли́зиться с но́вым митрополи́том. В 1251 г. для осу́ществления́ за́думанно́го представи́лся удо́бный по́вод. В Ново́городе умер влады́ка Спири́дон и возникла́ необходи́мость в рукопо́ложении но́вого архие́пископа. Кири́лл при́был на бе́рега Во́лхова в то́м же 1251 г.¹ и, возмо́жно, да́же ста́л сви́детелем (по́ всей ви́димости, да́же неслуча́йным²) ре́шительного отка́за Алекса́ндра Яросла́вича на предло́жение като́лических посло́в Га́лда и Ге́монта при́нять уче́ние ри́мской це́ркви³. Прису́тствовал ли при э́том са́м митрополи́т Кири́лл, не изве́стно. Одна́ко сто́ль я́ркий рели́гиозный по́ступок ста́л доста́точно убе́дительным а́ргументом в сбли́жении инте́-

и вѣнча и митрополить в Володимери оу стѣе Бѣи . съ еписѣмъ Кириломъ и много весельѣ бысѣ .»(ПСРЛ. Т. 2. Стб. 472)

¹ «В лето ... [6759 (1251)] Поѣха митрополить в Новѣгородъ Великий . ко Ѡлексанѣдру . съ еписѣмъ Кирилом . и оумоленъ бывъ Новгородци . поставиша блжѣнаго Далмата еписѣмомъ . мѣца маѣ . въ . кѣ . на памѣт Ѡбретенѣ главы стаг Іѡан Прѣтчѣ .» (ПСРЛ Т. 1. Стб. 472.)

² До этого было два послания папы Иннокентия IV, которые собой представляли достаточно основательную переписку при этом весьма неоднозначного содержания. Но вот решительный отказ был дан именно в 1251 году. Стоит отметить и тот факт, что «В списках католической иерархии таких имен ни кардинальских, ни епископских нет. Тем не менее рассказ об этом посольстве, по-видимому, заслуживает доверия.» (Рамм Б.Я. Папство и Русь в X-XV веках. М, Л., 1959. С.167.)

³ «В лето 6759 [1251] ... Некогда же прислаша к нему послы папа из Великого Рима. Велики- же князь Александръ, рече - ... от вас учения не приимаем» (ПСРЛ. Т. 5. С. 238).

ресов митрополита и Александра Ярославича¹. Митрополит поставил архиепископом Далмата, чем своё укрепил единство с Новгородской кафедрой². Тем самым было положено начало союзу интересов Александра Ярославича и Кирилла.

Казалось бы, один лишь факт присланного Даниилу Романовичу в 1249 г. королевского венца должен был внести раскол в отношения Кирилла с галицким князем и подтолкнуть нареченного митрополита к принятию стороны Александра Ярославича. Однако этого не произошло. Теперь же митрополит решительно сблизился с владимирским князем. Но только ли ревностью к православной идентичности был продиктован этот шаг митрополита?

Вероятно, действия Кирилла можно объяснить более сложным комплексом причин. Вспомним, что в описываемый период митрополит Киевский не мог опираться лишь на собственные силы. Поэтому постоянно возникала необходимость, как и прежде, заручиться великокняжеской поддержкой как в финансовом, так и политическом плане. После 1247 г. великокняжеский титул был выдан в Орде Андрею Ярославичу, к которому Кирилл и направился сразу же после поставления в Никее. В 1252 г. ярлык на великое княжение достался Александру Ярославичу и, разумеется, митрополит Кирилл обязан был устремиться уже к его столу. Строго говоря, Кирилл был движим поиском действительного центра политической силы на Руси. И, естественно, наблюдая за все большим погружением политически слабого Даниила Романовича в свору латинских политических интриг, митрополит всё более склонялся к союзу с Александром Ярославичем, который также не упустил шанс использовать Кирилла в качестве своеобразного дипломата в отношениях с Ордой. В благодар-

¹ Судя по Софийской летописи реакция была просто невообразимой, Александра стали чтить как Христа: «бе бо любо чинъ священскыи, митрополиты и епископы: чтяше бо яко самого Христа и вся крестьяны любяше» (ПСРЛ. Т. 5. С. 238).

² По сути с 1136 года, после фактического ратифицирования митрополитом Константином права выборности новгородского владыки, новгородское вече получило собственного независимого архиепископа (Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 35). Естественно в связи с укреплением церковной власти митрополита данное обстоятельство требовало если и не изменения, то корректировки.

ность Кирилл также получил возможность принять ордынский ярлык, открывший перед русской церковью и её главой невиданные прежде материальные и административно-канонические возможности. В 1252 г. церковь впервые стала безусловной собственницей всего находящегося в её распоряжении имущества и земель. Это богатство теперь приобретало статус неприкосновенности. Более того, в 1267 г. митрополия приобрела налоговые льготы¹.

Таким образом, в лице митрополита Кирилла церковная организация Руси обрела ревностного предстоятеля, обладавшего полной канонических прав и грандиозным политическим и социальным весом. Не меньшей заслугой Кирилла можно считать его постоянную заботу по укреплению иерархического и дисциплинарного строя русской церкви.

А.С. Гарцев

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА УКРЕПЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИИ

Основной проблемой перехода общества к демократии было наличие или отсутствие определенных сил, которые имели бы желание и возможность осуществить переход к демократии как «снизу», так и «сверху». Эти силы должны быть способны синхронно согласовать модернизацию всех сторон общественной жизни- политической, экономической, социальной. Путь к демократии в разных странах был различен: где-то через мирные «бархатные революции», а где-то с огромным числом жертв.

Историческая память народа может стать катализатором, который укрепит в народе демократическую традицию. Особо заслуживает внимание отношение россиян к демократии и свободе. Древние славяне вели свою демократическую традицию еще с догосударственного периода. Историк из Византии Прокопий Кесарийский сообщает: «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем осталь-

¹ ПСРЛ. Т. 10. Стр. 157.

ном у обоих этих варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы»¹.

Следующий этап утверждения демократической традиции был связан с появлением на Руси первых городов (Ладога, Новгород, Полоцк, Ростов, Смоленск, Суздаль и др.) В древнерусских городах устанавливалась республиканская форма правления, связанная с институализацией вече – представительного органа. Отечественная историография отмечает: «Все свободные граждане такой общины имели право собираться и участвовать в вече. Вече было единственным и неограниченным носителем законодательной власти, оно руководило финансами, объявляло войну и заключало мир, утверждало договоры с иностранцами, вело суд по политическим и должностным преступлениям»². Большинство должностных лиц древнерусских республик были выборными (посадник, тысяцкий). После монгольского вторжения монархическая форма стала вытеснять республиканскую, но демократическая традиция в форме вече сохранилась в некоторых городах Руси (Псков, Новгород).

По завершении в XVI в. формирования Государства Московского на Руси установилась новая система политической власти – сословно-представительная монархия, которая также воплощала в себе российскую демократическую традицию. Данная система предполагала созыв нового для государства представительного учреждения – Земского Собора. Соборы составлялись из представителей различных сословий и решали основные вопросы внешней и внутренней политики государства. Профессор С.Ф.Платонов отмечает: «Соборы не возникли внезапно, под давлением экстренных событий или под влиянием творческой политической мысли; они развились постепенно из давнишней правительственной практики, из старого обычая усиливать государев совет советниками из «всех людей»³.

¹ Прокопий Кесарийский. О славянах и антах // Хрестоматия по истории СССР. Том I. С древнейших времен до конца XVII века / под ред. В. И. Лебедева, М. Н. Тихомирова, В. Е. Сыроечковского. М., 1951. С. 16.

² Халявин Н.В. Новгородские вечевые собрания в отечественной историографии новейшего времени // Вестник УдГУ. Серия «История». 2005. №7. С. 4.

³ Платонов С.Ф. К истории московских земских соборов. // <http://www.rus-sky.com/history/library/platonovs.htm> (последнее посещение: 10. 08. 2012).

В XVIII в., когда Московское государство трансформировалось империю, новой формой власти стал абсолютизм. Роль представительных органов власти была сведена к нулю. Несмотря на это, Российские императоры реформировали самоуправление, то расширяя его органы, то лишая всех прав. Лишь со второй половины XIX в. было дано новое дыхание представительным учреждениям в виде земства. Профессор Р. М. Шпакова отмечает: «Российское земство... представляет собой успешно работающий и подлинно демократический орган самоуправления. Оно открыто в своей структуре, динамично в развитии и имеет огромные перспективы, потому что опирается на широкие слои населения. Земство не только действует в интересах провинциального населения страны, но и развивает его инициативу. Это работа ветеринарных служб, строительных и дорожных организаций, школ и иных просветительных учреждений, органов опеки и призрения и т.п. Земские комитеты и комиссии – воплощение востребованной инициативы «снизу». Практика их работы дает... яркий пример того, что у России есть мощный внутренний потенциал плодотворных демократических преобразований для становления в стране гражданского общества»¹.

Отмена 19 февраля 1861 г. крепостного права и последовавший за этим рост рабочего класса привел к его самоорганизации. Первая буржуазно-демократическая революция 1905 г. вынудила императора Николая II пойти на дальнейшую демократическую модернизацию. Манифест от 17 октября 1905 г. прокламировал: «1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы ... 3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы ...»², тем самым были провозглашены демократические права и свободы и учрежден первый российский Парламент. Здесь стоит отметить, что слово «Дума» присутствует еще в «Поучении» Владимира Мономаха, написанном около 1117 г., обозначая совещание князя с дружиной.

¹ Шпакова Р. П. Макс Вебер о становлении демократии в России // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 112.

² Манифест 17 октября, а также Россия после 17 октября // <http://www.agitclub.ru/vyborny/duma100/1905manifest.htm> (последнее посещение: 10.08.2012).

Лозунгом Февральской революции 1917 г. был созыв Учредительного Собрания, которое бы, будучи полноправным представительством народа, решило судьбу страны. Политика Временного правительства привела к формированию альтернативных представительных органов – Советов. К.М.Оберучев пишет об этом так: «Растерянность старой правительственной власти с одной стороны и отсутствие доверия к органам общественного самоуправления с другой, – всё это заставило население в первые же дни революции искать такие формы местного управления, которые с одной стороны обеспечивали большую демократичность этой организации, с другой могли бы пользоваться доверием широких масс населения.»¹

Октябрьский переворот 1917 г. установил в России новую форму власти – диктатуру пролетариата. После провозглашения РСФСР и образования СССР с формальной точки зрения Советы как органы народного представительства были высшими органами власти, существовали конституции провозглашавшие права и свободы, но фактически из них обеспечивались только социальные и экономические права; отсутствовала реальная оппозиция. Так, статья 126 Конституции СССР 1936 г. устанавливала: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом: а) свобода слова, б) свобода печати, в) свобода собраний и митингов, г) свобода уличных шествий и демонстраций»², именно формулировка «с интересами трудящихся» при режиме, когда государство определяло, действуешь и ты в их интересах делала эти права и свободы пустым звуком.

События начала 1990-х гг. означали слом тоталитарной системы, существовавшей в России на протяжении 70 лет. Впервые в истории страны была всенародно принята 12 декабря 1993 г. демократическая Конституция, статья первая которой провозглашает: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое го-

¹ Оберучев К. М. Советы и Советская власть в России. Нью-Йорк, 1919 // <http://ru.wikisource.org/wiki/> (последнее посещение: 10.08.2012).

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 год // <http://stalinism.narod.ru/vieux/konst.htm> (последнее посещение: 10.08.2012).

сударство с республиканской формой правления»¹. Она же закрепила основные права и свободы человека, как политические, так и социально-экономические. По форме правления в России был установлен, как отмечает Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин: «тип смешанной президентско-парламентской республики»².

Историческая память была не только идеологическим элементом в борьбе за демократический строй. После падения тоталитарного режима стал действовать содержащий в себе правила и ценности дух, накопленной веками культуры политической жизни. Становление новой государственности началось с обращения к предыдущему историческому опыту для того, чтобы в новом формате воссоздать традицию прошлого, наполнив её современным компонентом. Так, была воссоздана Государственная Дума как нижняя палата нового российского парламента. Однако необходимо отметить, что в исторической памяти российского народа продолжительного подлинно демократического периода не было...

Незавершенность процессов демократизации в Российской Федерации в настоящий момент выражается в октроированности демократических процедур по формированию органов власти, что говорит о ведущей роли исполнительной власти в системе разделения властей и о сильном крене в направлении ее доминирования. Российский народ исторически привык принимать все властные решения «сверху». «Сверху» же ему был предложено демократическое реформирование российской государственности, а это говорит об опасности, что власть с такой же легкостью может в любой момент свернуть демократический азимут развития.

Хотя настоящая жизнь кажется большей части населения как нечто «чуждое», которое будет иметь смысл и оправдание, если оно приведет к становлению «нормальной» жизни. По-прежнему доми-

¹ Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изменениями от 30 декабря 2008 года // <http://www.rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html> (последнее посещение: 10.08.2012).

² Доклад В.Д. Зорькина на юбилейной Конференции в РАН 10 декабря 2003 года «Конституция России» // <http://www.ksrf.ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=11> (последнее посещение: 10.08.2012).

нирует традиция патернализма. Россияне часто думают, что именно государство должно решать общественные проблемы, из чего следует что «слабое» государство в России невозможно, потому что народ не будет признавать его «правильным» государством. Историческая память народа одновременно удерживает в себе два образа мыслей: патерналистский, как пережиток прошлого, и индивидуалистический, навязанный обстоятельствами дня сегодняшнего, но уже существующая, как эффективная модель решения проблем настоящего.

Но это не означает склонности российского народа к тоталитарной системе, обществу. Государство поистине может быть законным для россиян только тогда, когда оно будет соблюдать не свои интересы, понимаемые как интерес отдельных классов или социальных групп, а интересы «всех», то есть «народа». На протяжении многовековой истории России историческая память сохранила такой взгляд на государство, при котором оно выступало главным выразителем интересов «всех», при этом личность получала право быть услышанной властью. Поэтому российский народ согласен признавать и блюсти законы только такого государства. Стоит отметить, что перед интересами «всех» личные права и свободы хотя и занимают не последнее место, но все-таки отходят на второй план. Именно в этом смысле можно говорить о коллективизме российского народа.

Историческая память россиян выработала следующие приоритеты: сначала равенство, потом братство и лишь затем свобода, определяемая как личная независимость. Политические права и свободы поэтому относительно не важны, так как не отдельные политические силы, а государство должно быть выразителем интересов «всех». Хотя оно должно принимать во внимание интересы отдельных личностей и социальных групп, но все-таки проводить политику, направленную на благо всего народа. Таким образом, историческая память сформировала у россиян свою трактовку свободы, с которой непосредственно связана и демократия. В прямом демократическом смысле россияне не придают личным свободам особого значения. Это связано не с тем, что свобода им вообще не нужна, а с тем, что свобода для нас означает возможность жить «для души», быть господином себе, а не воплощать в жизнь какие-то права.

Несовершенство демократических институтов вовсе не означает, что они не нужны. Большинство отчетливо понимает, что они необходимы как «страховочный трос» от поглощения всей полноты вла-

сти одним классом бюрократов и кланом олигархов. Историческая память сформировала также и стойкое отвращение к «временщикам», которые, не решая старых проблем, создают большое количество новых. Несмотря на все сложности «демократического транзита», Россия по его темпам не уступает тенденциям общемирового развития, хотя, несомненно, в чем-то и проигрывая «развитым демократиям», но одновременно ставит перед собой адекватные ответы на возникающие проблемы.

«Историческая память — источник эмоциональных и психологических переживаний человека, она вызывает чувства благоговения и радости, сострадания и величия»¹. Поэтому отношение к ней с идеологической или политической позиций нераздельно связано. Стараниями власти народу предписывается то, что нужно помнить и то, что стоит забыть. Вымывание исторической памяти из нашего сознания приводит к тому, что продолжают существовать пороки настоящего времени: управляемое правосудие, имитация демократических форм, неприязнь к любым проявлениям независимой общественной активности, что в конечном итоге приводит к обесцениванию человеческой жизни. Таким образом, сохранение исторической памяти, которое предполагает реализацию прав на свободу слова и собственное мнение приведет к развитию демократической традиции способной противостоять авторитаризму и тоталитаризму, а так же будет способствовать полному искоренению существующих в обществе зол.

К.Н. Гедзь

ПРАКТИЧЕСКОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ КАК ЖИВАЯ ИСТОРИЯ: ЗАМЕТКИ К ТЕКСТУАЛЬНОМУ ПОДХОДУ

В данной статье мы хотели бы обратить внимание на понятие практического бессознательного², которое выражает включенность макросоциальной истории в индивидуальное бытие, и индивидуальной истории в бытие макросоциальное. Причем под историей понимается не

¹ Иконникова С.Н. Историческая память как духовный ресурс цивилизации//<http://www.lihachev.ru/chten/2006god/dokladi/seksiya3/ikonnikova/?bpage=1>(последнее посещение: 10.08.2012)

² См.: Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999; Он же. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008.

«объективная картина последовательности событий», а история действительная, то есть совокупность конкретных форм и содержаний общественной деятельности людей. История откладывается в индивидуе в *привычных* формах и содержаниях деятельности, среди которых основными являются предметная деятельность (материальная и духовная), общение и отношение.

Понятие практического бессознательного выработано в процессе диалоге марксистского и психоаналитического подходов. Если быть более точным, указанное понятие выступает неклассической модификацией понятия истории в рамках классического марксизма. Обратим внимание на то «слабое место» в теории Карла Маркса, которое вызвало к жизни эту модификацию и которое, кстати, является также симптоматичным для идеологии Просвещения вообще.

Идеология преобразования не хочет замечать того, что сам Маркс назвал бы «внутренней логикой предмета», а именно то обстоятельство, что человек и социальные группы имеют свои собственные истории и свои собственные идеологии, которые нельзя отменить раз и навсегда одним волевым решением (даже решением самого носителя). Идеология Просвещения мыслит человека чисто классически – как носителя «прозрачного» сознания. Поэтому и любая идеология, как казалось творцам той эпохи, может беспрепятственно экстраполироваться на любые человеческие множества. Функционирует чисто механистическая модель производства, которую можно описать как вкладывание субъективного содержания в обрабатываемый материал.

Эта упрощенная модель явно указывает, кроме прочего, на мотивы специфически мускулинного фантазма. В этом нетрудно убедиться, обратив внимание на то, что ни в каком виде производства не встречается подобное отношение к материалу, поскольку оно в принципе не может привести к продуктивности. Более того, любой труд успешен настолько, насколько производителю известны закономерности самого обрабатываемого материала.

Данный фантазм может возникнуть только на той стадии развития производства, когда появляется фигура профессионала, участвующего в системе производства, но не вступающего в прямые взаимоотношения с самим предметом. Это фигура управленца, системного администратора в широком смысле и т.п. Именно дистанция между материалом и производителем, возникшая вследствие высокой степени опосредования деятельности дополняет конкретно-телесный спо-

соб труда рабочего абстрактно-теоретическим трудом управленца. А значит, управляющий производством лишается той телесной памяти о правилах результативного труда, которая принуждала рабочего учитывать своенравность обрабатываемого материала. Каждый раз, когда некая система производства развивается до стадии появления обособленного управления, возникает возможность образования фантазмов господствующего характера (а также и условия для их воплощения).

Думается, что проблема встречается и в сфере социального управления в наши дни, когда речь идет о дискурсах культуры, самосознания, общественной психологии. В частности, в русле марксизма подходы к решению проблемы разрабатывали Д. Лукач¹, А. Грамши² и Сартр. Однако позитивное решение дилеммы всеобщей истории и индивидуальной памяти в марксизме было выдвинуто только в конце XX века С. Жижекком. С. Жижек предложил использовать понятие практического бессознательного.

Именно внимание к опосредующим звеньям позволяет переместить фокус теоретического внимания социогуманитарных наук с взаимоотношений индивид – макросоциум к микросоциальной сфере. Микросоциум, то есть совокупность социокультурных групп или общностей, выступает местом взаимодействия индивидуальных систем с системой макросоциальной. Так, на уровне «большого» общества индивид выступает как представитель класса, что убедительно показал К. Маркс, а жизненный мир индивида выступает миром экзистенциальным, то есть большей частью производным от действительных отношений с другими индивидами в рамках конкретных сообществ.

Любое сообщество складывается спонтанно или осознанно для удовлетворения определенных интересов его членов. Если на восходе исторического развития такими интересами выступали естественные потребности, то с развитием общества растет роль ценностей, неудовлетворение которых не ведет к его физической смерти. Возрастает роль социокультурных потребностей. Человек и общество, все более отождествляя себя с социокультурными определениями, вырабатывает формы их экстраполяции в пространстве и времени. Развивается способность самоорганизации индивидов и социальных групп. На ка-

¹ См.: Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991.

² См.: Грамши А. Тюремные тетради: В 3 ч.: [Пер. с итал.]. М., 1991. Ч.1.

ждем уровне общества – от индивидуального до макросоциального – мы видим, что именно ценность, объективный интерес структурирует определенную систему, в соответствии с характеристиками входящих в нее элементов таким образом, чтобы ценность реализовалась. Однако заметим, что объективный интерес социальной группы не всегда сосредоточен на собственности – на микросоциальном уровне он связан с реализацией ценностей.

Понятие практического бессознательного выражает присутствие макросоциальной истории в настоящем в качестве «следов», которые оставляет общественная практика в самом индивиде, а следовательно, намечает и возможный метод исследования самой истории посредством самопознания. Разумеется, это исследование обречено быть частичным, частным, «необъективным», «пристрастным». Отсюда два идеала-подхода, стоящие перед современным историком – необходимость прояснения бессознательных оснований своих собственных научных конструкций и необходимость диалога с носителями других частных точек зрения на общую историю.

Таким образом, история выступает совокупностью видов деятельности, реализующих частные формы самоопределения субъекта на трех уровнях: индивидуальном, социокультурных групп и культурно-языковых макросоциумов. Мы полагаем, что центральную роль в процессах самоопределения играют тексты. Именно в текстах сохранена память самоопределения индивида или сообщества – от конкретных определений субъекта и объекта до конкретной стратегии деятельности, требующейся для реализации ценностей – высших определений субъект-объектной системы. Если Гегель употреблял понятие «снятия» для обозначения эволюционных трансформаций, то текст выступает снятием как таковым, «снятием в становлении». При этом под текстом следует понимать предельно широкое множество феноменов – от простого речевого высказывания до сложного гиперссылочного электронного текста, от визуальных текстов до ритуальных, от повседневного жанра до научного.

Сущность текста мы можем называть идеологией. В своей предельной форме юридический текст и идеология тождественны. Последнее не означает, что любой юридический документ репрезентирует идеологию господствующего класса. Статус господствующего класса и реальные стратегии власти мы можем восстановить лишь посредством вторичного научно-исторического означивания. Но юриди-

ческий текст выражает идеологию макросоциальную, то есть априори фиктивную, распределяя в превращенной форме роли между действительными классами.

Таким образом, текст определяет форму и содержание практического бессознательного, выступающего в плане общественного управления объектом социальной политики и ресурсом производства. В теоретическом плане данный подход намечает возможный путь конкретизации социальных исследований.

Всеобщая история представляет собой такой процесс развития идеологических программ, центральными фазой которого выступают конкретизация-развертывание идеологических программ в тексте и материализация текста в действительности. С точки зрения деятельностного подхода субъект раскрывается в трех аспектах: индивидуальные формы деятельности, субъектные формы деятельности, предметный план сущего. При этом условно можно выделить три всеобщих вида деятельности: отношение, общение, предметное производство и обмен предметами. Соответственно в ряду основных типов идеологических программ можно назвать интересубъектно-релятивные (мифологические, религиозные), акционно-продуктивные (просветительские, либерально-буржуазную, пролетарско-коммунистическую). Наряду с этими текстами можно выделить гендерные программы, социально-групповые (например, школьная, армейская, тюремная и др.).

Однако текстуальный подход неминуемо натывается на проблему «молчаливого большинства», не выражающего себя в вербальных текстах. С этой точки зрения нам хотелось бы наметить некоторые теоретические методы, которые смогут продвинуть исследования в этом направлении.

Во-первых, СМИ или этнографические исследования могут схватить симптомы, выражающие культурную специфику социальной группы. Во-вторых, история миграций может указать путь для культурного анализа, который дополнит господствующий ныне социально-групповой анализ, зачастую отождествляющий культурную принадлежность с географическим положением. В-третьих, анализ событийного пространства: событие выступает хронотопом, аккумулятивом желаний индивидов, а следовательно, простой сопоставительно-количественный анализ участников различных мероприятий может указать на их идеологию.

Кроме традиционных текстов следует обратить внимание на медиа-сферу как относительно новый вид текстообразования со специфичными способами означивания. В частности, медиа-бизнес, существенно устроенный по принципу соблазнения, представляет основные групповые фантазмы. В этом случае бизнес в погоне за прибавочной стоимостью вынужден не только и не столько создавать фантазмы, сколько раскрывает глубинные основания либидо целевых групп.

Р.Н. Гибадуллина

АРХИВНЫЙ АУТСОРСИНГ – ОДИН ИЗ СПОСОБОВ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Значимость документов, особенно исторических как информационного ресурса неоспорима и для общества в целом, и для любой организации в частности. Информация на сегодняшний день является таким же весомым ресурсом для любых компаний, как и финансовые вложения. В связи с ускорением темпов жизни оперативная информация быстро становится ретроспективной, однако происходит и обратный процесс, когда ретроспективная информация становится жизненно необходимой в оперативной работе. Поэтому немаловажно то, кто и как будет осуществлять хранение носителей архивной информации, т.е. архивных документов.

Архивная информация может быть задействована в различных направлениях, поэтому необходимость наладить четкую и оперативную работу архива понимают и современные бизнесмены. Однако им не хочется отвлекать лишние средства от основного бизнеса. Тогда и приходит на помощь аутсорсинг архивов, который при определенных условиях помогает одновременно сэкономить средства и сохранить в целостности важные и нужные бумаги и содержать архив в порядке.

Термин «аутсорсинг» ныне на слуху, и хотя он пока он непривычен, за ним не кроется ничего необычного. Аутсорсинг (от англ. «Outsorsing» – «внешний источник») означает передачу ряда непрофильных, второстепенных, с точки зрения компании, функций на обслуживание другой компании, специализирующейся в соответствующей области. В отличие от однократного оказания услуг сервиса, такие услуги предполагают длительное (не менее 1 года) исполнение непрофильных функций организации на основе заключенного договора.

Явление аутсорсинга пришло с запада. Еще в начале XX века некоторые западные компании стали передавать ведение бухгалтерского учета бухгалтерам, имеющим частную практику, или внешним специализированным компаниям. Однако в современном виде аутсорсинг формируется на Западе лишь в 1960-е годы. Первопроходцем в этом деле считается фирма Electronic Data System (EDS), специализировавшаяся на аутсорсинге информационных технологий¹. Считается, что на аутсорсинг можно передать любую функцию организации, не являющейся для нее основной. Существует и такое понятие, как «core business» – та часть бизнеса, которая не может быть передана на аутсорсинг в силу ее уникальности. Обычно это часть, которая обеспечивает конкурентное преимущество компании-заказчика на ее рынке².

Аутсорсинг как метод работы, становится всё более и более популярным и в сфере российского бизнеса. Считается, что с его помощью можно повысить эффективность и качество исполнения таких вспомогательных работ, как управление информацией, обслуживание компьютерной сети, бухгалтерский учет, делопроизводство, питание, уборка помещений, транспортные услуги и т.д. В западных странах бизнес, крупный и средний давно успешно использует аутсорсинг в архивном деле и документообороте. Исследователи говорят о том, что еще в послевоенные годы в США и Великобритании стали создаваться частные архивы в заброшенных соляных и угольных шахтах, так как температура и влажность в них была идеальной для хранения бумаги³.

Архивный аутсорсинг на западе переживает бурный рост, включая управление не только хранением документов, но и делопроизводственным циклом. Все это связано с электронным документооборотом. На западе он распространен, и компании-аутсорсеры в области архивного дела упор делают на хранение архивных файлов электронных документов на своих защищенных серверах либо на жестких дис-

¹ Вайнштейн В. Российский аутсорсинг в зеркале мирового опыта. М., 2004. С. 12.

² Михайлов Д.М. Аутсорсинг. Новая система организации бизнеса: учебное пособие. М., 2009. С. 5.

³ Черемисин Д.В. Аутсорсинг как элемент современного хозяйственного механизма: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2005. С. 98.

ках. Эксперты прогнозируют значительный рост спроса на архивный аутсорсинг, ибо арендная цена офисных помещений в целом и выделяемых под архив в частности будет возрастать¹.

Вопросы эффективности и уменьшения затрат волнуют и российские компании; они также стали использовать аутсорсинг. Аутсорсинг архивов появился на российском рынке услуг сравнительно недавно (с 1998 г.), однако развивается быстрыми темпами. Аутсорсинговые компании, специализирующиеся в области архивного дела, на сегодняшний день предлагают разнообразный спектр услуг, включающие разработку номенклатуры дел; систематизацию и упорядочение архивных дел; уничтожение архивных документов с истекшим сроком хранения; внешнее (внеофисное) хранение архивных документов и ряд других.

Наиболее распространённый вариант аутсорсинга в делопроизводстве – передача сторонней организации функции хранения бумажных документов². Согласно российскому законодательству, организации обязаны хранить свои документы в течение установленного законом периода времени, причем, как показывает практика, многим из них требуется, чтобы документ не пропадал в недрах архива, а был доступен для просмотра в любое время. В любой организации, имеющей определенный штат, образуются документы, подлежащие различным срокам хранения. Так, личные документы (трудовые книжки, дипломы, аттестаты, удостоверения, свидетельства) хранятся до востребования, а невостребованные — не менее 50 лет³. Сроки хранения документов, указанные в Перечне, организация сократить не может, она обязана их сохранить в надлежащем виде. И уже за несколько лет существования любой организации, государственной или негосударственной, накапливается комплекс документов долговременного и постоянного хранения.

¹ Никифорова С.В., Росс Г.В. Оптимизация инвестиционного проекта аутсорсинга архивной деятельности. М., 2003. С.132.

² Наиболее востребованные услуги на архивном рынке и их особенности: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archives.su/poleznoe/success/?nuin=163>, свободный. Проверено 20.05.2012.

³ Перечень типовых управленческих документов, образующихся в деятельности организаций, с указанием сроков хранения. М., 2010.

Ответственность за нарушение порядка и сроков хранения документов несет руководитель организации. Поэтому на определенном этапе развития любой компании наступает момент, когда становится очевидна необходимость управления процессом роста количества документов, обеспечения их правильного учета и безопасного хранения. Вопрос «где и как хранить?», каждый руководитель решает по-своему. И если для организаций, являющихся источниками комплектования государственных или муниципальных архивов, предусмотрена передача таких документов в соответствующие архивы, то остальным приходится справляться самостоятельно. Тогда и возникает вопрос, организовывать ли свой архив, выделять помещение и нанимать нового сотрудника для него (либо назначить ответственного за архив из уже имеющегося штата сотрудников) или же отдать свои документы на хранение в стороннюю организацию, т.е. на архивный аутсорсинг. Большинство руководителей считает самостоятельное приобретение новых технологий или оборудования слишком дорогим, их также привлекает возможность использования профессиональных знаний, современных технологий и специализированного оборудования компании-аутсосера за определенную умеренную плату. Архивный аутсорсинг может быть выгоден:

- если невозможно самостоятельно обеспечить надлежащее хранение документов;
- за счёт вывоза документов на внеофисное хранение можно высвободить дефицитные площади, оборудование и квалифицированную рабочую силу;
- нет места для хранения документов, а стоимость аренды дополнительной площади высока;
- имеется большое количество документов временного срока хранения, не требующихся для оперативной работы;
- большое количество сотрудников заняты исключительно обслуживанием «бумажного» архива;

Но от аутсорсинга лучше отказаться, если:

- отсутствуют надежные поставщики, либо имеются монополисты;
- качество услуг, опускается ниже требуемого уровня;
- затраты на аутсорсинг увеличиваются настолько, что решить проблему своими силами оказывается дешевле.

К сожалению, организации не проходят государственного лицензирования, и при обращении к ним приходится действовать на

свой страх и риск. Представляется, что отсутствие лицензирования архивных компаний негативно скажется на качестве осуществляемых услуг. Сотрудники архивных компаний должны обладать широким набором профессиональных навыков и знаний. Для оказания качественных услуг они должны понимать тонкости архивного дела, юриспруденции и управления. Необходимо ввести хотя бы минимальные требования к сотрудникам архивных компаний: наличие соответствующего высшего или среднеспециального образования либо опыт работы в архиве не менее 3 лет.

Хранить документы вне офиса законом не запрещено, хотя со стороны государства существуют определенные требования. В российском законодательстве нет общих норм, регулирующих конкретно правоотношения, возникающие при применении аутсорсинга. Впервые в официальных юридических документах термин «аутсорсинг» появился сравнительно недавно (2006 г.). На сегодняшний день внеофисное хранение документов с юридической точки зрения рассматривается как хранение поклажи. По Гражданскому кодексу РФ (ст. 901 и 902) «Профессиональный хранитель отвечает за утрату, недостачу или повреждение вещей, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение произошли вследствие непреодолимой силы»¹. Соответственно профессиональный хранитель обязан возместить убытки. Но на практике в США организации, предоставляющие услуги хранения, после пожара уничтожают *все поврежденные* огнем или водой документы вне зависимости от степени повреждения, выплачивая компенсацию по 2 доллара за короб.

Фактически они выплачивают стоимость коробки, но не документов(!). Контракты же составлены таким образом, что другой компенсации за причиненный ущерб получить невозможно². Российское законодательство в этой сфере еще более неполноценно. На наш взгляд, правоотношения, возникающие между компаниями и аутсорсерами, предоставляющими архивные услуги, должны регулироваться не только Гражданским кодексом, но и непосредственно архивным

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/10164072-047.htm#par4306>, свободный. Проверено 26.05.2012.

² Доронина Л. Сроки и способы хранения кадровой документации // Кадровик. Кадровое делопроизводство. 2008. № 3. С. 23.

законодательством, причем разработку рекомендаций и законов необходимо осуществлять с учетом перспективы развития архивного аутсорсинга в России ¹.

Немаловажным нам представляется вопрос о взаимодействии государственных архивов и архивно-аутсорсинговых компаний. Согласно закону «Об архивном деле в РФ», организации – источники комплектования государственных архивов обязаны передавать документы на постоянное или депозитарное хранение после проведения экспертизы их ценности и в упорядоченном состоянии². В данной ситуации обращение к услугам архивно-аутсорсинговых компаний наиболее удачный вариант. Организации не тратят время на неосновные задачи, а государственные архивы принимают на хранение архивные документы в упорядоченном виде. Таким образом, архивно-аутсорсинговые компании могут стать партнерами государственных и муниципальных архивов в деле полноценного формирования Архивного фонда Российской Федерации, сохранения исторических источников, «подпорки» коллективной памяти.

И.А. Горелова

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В 20-30-е гг.
XX в. (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУРСКОГО ИСТПАРТА)

Завоевание власти большевиками обусловило коренные изменения в сознании российского общества. Для стабильного функционирования государства задача формирования новой государственной идеологии, национальных идей и ценностей в сознании граждан представлялась весьма актуальной. Особую роль в этом процессе играло формирование новой исторической памяти, создания новых советских праздников, появление новых героев. Другими словами, новой власти были нужны своя история, идеалы, герои, праздники.

В этой связи огромная роль отводилась специальной Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП (б), которая занималась

¹ Храмцовская Н.А. Внеофисное хранение документов: опыт аутсорсинга в делопроизводстве // Архивное дело. 2005. №2. С.29.

² Федеральный закон Российской Федерации «Об архивном деле в Российской Федерации» от 1 октября 2004 г. // Российская газета. 2004. 27 октября.

собираанием, научной обработкой и изданием материалов по истории Коммунистической партии и октябрьской революции. Большевики хорошо осознавали, что историческая память - это совокупность транслируемых от поколения к поколению исторических знаний и представлений, ценностей и символов, идей и убеждений, традиций, норм и стандартов поведения. Истпарт поставил перед собой задачу «быть не только ученой комиссией, но и такой организацией, которая во всей текущей работе обслуживает текущие нужды партии в области пропаганды и политического просвещения»¹.

За весь период деятельности центральным истпартком были выпущены три издания книги «ВКП(б) в резолюциях ее съездов и конференций», 6 томов хроники событий Октябрьской революции, переизданы протоколы II-IV, VI-VII партийных съездов, 7-й Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б), опубликовано большое количество сборников историко-партийных документов (в том числе и документов В.И. Ленина), Воспоминания участников революционных событий, биографические справочники, научно-исследовательские и научно-популярные работы².

Истпартотделы создавались в губерниях и областях. 12 мая 1922 г. бюро Курского губкома РКП(б) вынесло решение об организации бюро истпарткома, в состав которого вошли Е.И. Брянцева, Р.П. Юонас, И.И. Каминский³. Уже 2 июня 1922 г. состоялось первое заседание, на котором был утвержден план работы, предусматривающий сбор документов и воспоминаний по истории революционной борьбы и участия в гражданской войне Курской губернии. Также было решено создать институт уполномоченных истпарткома в уездах. Ими стали коммунисты: в Старом Осколе – Ширяев В.Д., во Льгове – Таран Г.Т., в Обояни - Афанасьев П.П., в Короче – Дьяков Г.Н., в Путивле Кишлоцаев К.Ф., в Белгороде – Костюков П.А., в Судже – Полянский Я.П., в Дмитриеве – Голиков Н.Ф., в Щиграх – Васильев В.П., в Рыльске – Поляков А.М., в Новом Осколе – Скрипников С.Е.⁴ Уполномо-

¹ Покровский М.Н. О возникновении Истпарткома // Пролетарская революция. 1930. № 5. С. 163 – 165.

² <http://slovari.yandex/> - книги/БСЭ/Истпарт.

³ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. 16. Оп.1. Д. 36. Л.12.

⁴ Там же. Л.8.

ченные не освобождались от основных занятий, а дополнительную испартовскую работу рассматривали как партийную нагрузку. Именно этим и объяснялась невысокая результативность работы исптруполномоченных.

В своей деятельности они должны были руководствоваться разработанными бюро испарта «Тезисами для ячеек по собиранию материалов по истории Русской революции и РКП(б)». Для этих целей необходимо было привлечь рабочих и крестьян к выявлению и сбору документов, сбору листовок, воззваний, резолюций, всех печатных изданий, протоколов конференций, циркуляров партийных организаций и коллективов, коммунистических фракций Советов, профсоюзов и т.д. В обязанности вменялась «работа по сбору воспоминаний из прошлого РКП, а также сбор документов, освещающих жизнь РКП во время царизма»¹. Только местные комитеты РКП(б) это распоряжение фактически не выполнили. Материалы поступали слабо. Уполномоченные ссылались на большую загруженность.

В ответ на это Курское бюро испарта предложило уездкомам на собрании ответственных руководителей ячеек, открытых собраниях коммунистов, собраниях рабочих, служащих, красноармейцев, собраниях беспартийных товарищей сделать доклад о необходимости сбора материалов и значении истории партии. Это воззвание дало положительные результаты. Но вопросник, составленный курским испартом, страдал одним недостатком – избытием вопросов по различным периодам.

Уже в 1922 г. к печати был подготовлен первый выпуск журнала воспоминаний «Этапы революционной борьбы по Курской губернии». В Курске и по уездам прошли вечера воспоминаний. Была начата работа по сбору фотографий и биографий погибших революционеров². В 1923 г. издается сборник воспоминаний и статей «Летопись революционной борьбы в Курской губернии»³. Вновь огромную роль сыграли воспоминания очевидцев. Интересны воспоминания жителей г. Рыльска об установлении советской власти в их городе. Они свидетельствовали, что Советы взяли власть в городе 26 ноября, были

¹ Там же. Д.48. Л.2.

² Там же. Л.12.

³ См.: Летопись революционной борьбы в Курской губернии: материалы Курского испарта. Курск, 1923.

распущены земская и городская управы, в результате неудавшихся попыток представителей купцов, меньшевиков, эсеров, учащихся мужской гимназии и духовного училища противостоять новому режиму город оказался на осадном положении.

Истпарт ЦК РКП(б) ответил на издание сборника закрытой рецензией, в которой указал, что в воспоминаниях «нет ни малейшей попытки дать какой-либо анализ социальной структуры района», и неясно как курский истпарт проверяет достоверность воспоминаний, что «ясного плана работы исторического характера редакция не имеет» и данная «летопись» не может считаться достоверной¹.

Когда по стране развернулась подготовка к празднованию 20-й годовщины революции 1905 г., Курский истпарт включился в эту важную работу. Была образована центральной комиссии – Губкомиссия для подготовки празднования, которая выпускала соответствующие циркуляры с рекомендациями о проведении предстоящих мероприятий и рассылала их на места. Проводилось чтение лекций и докладов, проходили беседы, встречи с участниками событий, в прессе появлялись лозунги с призывами к активному участию в праздничных мероприятиях, печатались новости и программа проведения празднования, давалась историческая справка о грядущем празднике, выпускались листовки, брошюры и книги. В итоге был составлен календарь революционных событий 1905 г. по Курской губернии, в Доме Ильича подготовлена к открытию выставка «1905 год», во все избы-читальни и красные уголки разосланы книги о событиях Первой русской революции, приобретены 14 эпидиаскопов с диапозитивами по истории 1905 г., подготовлена тематическая образцовая передвижная изба-читальня, в «Курской Правде» помещены статьи и материалы о событиях 1905 г., выпущен специальный номер «Спутника большевика». Огромную помощь в подготовке и проведении праздничных мероприятий оказали уездные уполномоченные.

При подготовке к празднику выявилось, что документы о деятельности РСДРП в период Первой русской революции в Курской губернии были уничтожены во время наступления белогвардейцев, а часть жандармского архива сгорела при пожаре в ЧК, другая же его часть была отослана в 1918 г. в Москву, где найти его не удалось. Поэтому практически единственным источником информации могли

¹ ГАОПИКО. Ф. 16. Оп. 1. Д.48. Л.6.

служить воспоминания очевидцев событий. Протоколов «Дней Воспоминаний» не велось, но известно, что они записывались под стенограмму, а затем зачитывались вслух другим очевидцам событий, которые вносили свои поправки и коррективы. Удалось собрать фотографии и биографии членов РСДРП, погибших во время Первой русской революции 1905 г.

Большое значение для сбора материалов, посвященных Первой русской революции, имели сведения подпольных работников и железнодорожных рабочих в Ямском районе г. Курска. По ним был восстановлен ход событий на железнодорожном узле: как проходила забастовка, арест стачечного комитета, и последующие события. Подробно описывались стачки на свечном заводе, отдельные моменты еврейского погрома и расправа с учащимися средних учебных заведений. Истпартом была намечена работа по обработке имеющихся материалов¹. Для обработки материала было выделено 5 человек. Собраны фотографии: Манифест 1905 г., железнодорожники в тюрьме, витрины газет революционного периода, группа железнодорожников-членов РСДРП с провокатором, карикатуры на самодержавие². Отметим, что в уездах работа велась очень слабо по причине загруженности работников очередными задачами по укреплению низового советского аппарата.

Специально к праздничным мероприятиям был выпущен сборник «1905 год в Курской губернии», куда были включены статьи и материалы, собранные по революционному движению в Курской губернии. Он был издан в 1925 г.³ в количестве 1500 экземпляров. В качестве основных статей туда вошли: «Экономические предпосылки массового движения в Курской губернии (по материалам Губстатбюро)», «Крестьянское движение в Курской губернии (по материалам Губархива)», «Из истории Курской организации РСДРП» (по воспоминаниям участников и секретного архива губернатора)⁴.

Этот труд был написан на документальных материалах, мемуарах участников, т.е. у истпарта имелись фактические возможности формирования новой исторической памяти не только всего населения,

¹ Там же. Д. 53. Л.3.

² Там же. Д. 64. Л.4.

³ См.: 1905 год в Курской губернии: сб. статей. Курск, 1925.

⁴ ГАОПИКО. Ф. 16. Оп.1. Д. 54. Л.25.

но и участников событий, и перекройки старых воспоминаний. Укажем, что записки участников событий начала века отличаются от более поздних меньшей степенью идеологизированности.

Отсутствие идеологических штампов в большей степени характерно для воспоминаний рядовых участников революционных событий особенно в провинции. Так, в воспоминаниях курских большевиков неоднократно говорится о большом влиянии в регионе эсеров. Отметим, что в 1954 г. постановлением Бюро Курского Обкома КПСС из библиотек общего пользования были изъят сборник «1905 год в Курской губернии» как не представляющий научного и познавательного интереса¹.

В канун празднования 10-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции Курский истпарт вновь обратился к коммунистам и комсомольцам: «Губистпарт призывает всех членов партии и комсомольцев к активной работе над историей революционной борьбы в Курской губернии. Необходимо помнить, что без изучения прошлого нельзя целиком понять и современных процессов, происходящих в нашей губернии»², – говорилось в обращении истпарта. Улучшению работы способствовало и то, что журнал «Спутник большевика» стал систематически публиковать планы работы Курского истпарта, информацию о его деятельности, воспоминания участников революционных событий. В 1927 г. Курский истпарт, при активной поддержке уездных уполномоченных, выпустил три сборника по истории Курской губернии, один из которых был посвящен событиям гражданской войны, где освещается состояние губернских и уездных партийных организаций накануне гражданской войны.

Основной проблемой Курского истпарта и уполномоченных на местах всегда оставалось отсутствие денежных средств и кадров, о чем свидетельствует Протокол № 13/3 Заседания коллегии Истпарта ВКП(б) ЦЧО от 25.11.1930 г., на котором был заслушан отчет о работе Окристпарта (докладчик К.Ф. Матлау), на котором истпартовская работа в округе признана неудовлетворительной³. Эту проблему истпарт попытается решить путем привлечения молодежи и учащихся.

¹ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д.2285-а. Л. 189.

² Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д.64. Л.2.

³ Там же. Л.4.

Истпарт был не только научным, но и издательским центром страны по истории партии, революционного движения, Октябрьской революции и Гражданской войны на территории Курского региона. Постановлениями ЦК ВКП(б) от 10 мая и 20 августа 1928 г. сеть местных Истпарта была сокращена, крупнейшие из них к 1931 г. были преобразованы в научно-исследовательские институты истории партии, а остальные к концу 30-х гг. XX столетия прекратили своё существование. Курский истпартотдел также был сокращен, его материалы и документы были переданы Губернской комиссии по проведению празднования 10-летия Октябрьской революции¹.

Но материал по истории революционного движения, который был собран и систематизирован благодаря деятельности Курского истпарта, уездных уполномоченных, до сих пор является важным при изучении этого периода истории Центрального Черноземья. Таким образом, деятельность Комиссии по истории РКП и Октябрьской революции при ЦК ВКП (б) (истпарта) и его губернских представительств является немаловажным и специфичным элементом истории России XX века. Возникнув в начале 20-х годов, он создавал новые направления исследований, такие как история революционных, общественных движений, биографии партийных лидеров и т.д. и формировал официальную идеологию государства и его граждан.

О.В. Десяткова

КУЛЬТ ПОГИБШИХ ВОИНОВ В САКРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ ВЯТКИ²

В течение XI–XV вв. происходило расселение русских в северных землях. Новгородцы, двиняне, жители Владимиро-Суздальской, Нижегородской, устюжской земель заселяли северо-восточные регионы, берега Камы и Вятки. В отсутствии единого русского государства их отношения друг с другом, с местными народами складывались по-разному: в одних случаях налаживалось мирное сосуществование, в других – новые территории отвоёвывались силой оружия. Военное завоевание сопровождалось ментальным освоением территории. «Чужое» пространство становилось «своим» за счёт уста-

¹ Там же. Д. 67. Л.104.

² Исследование выполнено по гранту Президента РФ для поддержки молодых российских учёных и научных школ.

новления священной связи потомков с предками-завоевателями. Символическим воплощением этой связи стали мемориальные памятники и памятные места русского севера.

Места сражений и захоронений отмечали часовнями, которые маркировали пространство православия на отвоёванных у язычников землях. По мнению пермских исследователей, строительство часовен в этом регионе стало важной акцией закрепления Перми за Москвой как центром православия. Пристальное внимание церкви привлекла битва 1547 г., в которой погибло 85 чердынских воинов, город был спасён от разорения. В память о воинах, защищавших Пермь и погибших от ногайских татар, устанавливается часовня¹. Как пишет исследователь пермских мемориальных памятников средневековья Г.Н. Чагин, «культовые постройки наделяли пространство исторической символикой, определяли церемониальную остановку в официальном праздничном и поминальном действии»².

Знаком ментального освоения завоёванного пространства является Крестный ход, который является обязательным атрибутом культа погибших воинов. Крестный ход выполняет функцию ритуала, с помощью которого за отвоёванными землями закрепляется новый семиотический статус. По мнению А. К. Байбурина, обход пространства связан с потребностью его разграничения, усиления границ своего и чужого³. Не случайно происхождение многих вятских Крестных ходов связано именно с военными битвами. По мнению краеведа Е. Харина, они возникали из ежегодных поминальных процессий на места сражений колонизирующих Вятский край новгородцев с местными финно-угорскими народами⁴.

Однако появлению мемориальных комплексов в вятских городах и сёлах способствовали не только события, связанные с завоеванием территорий издавна проживавших здесь народностей, но и с включением Вятки в состав Московского государства. Известно, что

¹ Чагин Г.Н. Пермский край на перекрёстках истории и культуры. Пермь, 2010. С. 30.

² Там же. С. 33.

³ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dobre.ru/book/baburin/baybur14.htm>

⁴ Харин Е. История страны Вятской: [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://skygrad.narod.ru/texts.htm>

полное подчинение Вятки Московскому князю произошло лишь в 1459 г. До этого она была убежищем «беспокойных скитальцев и беглецов». Новгородско-суздальские князья вели отсюда борьбу с притязавшей на статус столицы единого государства Москвой. В 1414 г. Василий I посылает в главный вятский город Хлынов дружину во главе с Михаилом Россохиным, вятчане присягают московскому князю. Россохин остаётся в Хлынове, с помощью вятских и устюжских воинов он ведёт борьбу с новгородской вольницей. В 1417 г. это войско терпит поражение. Вятчане, недовольные результатом похода, вновь отказываются повиноваться московскому князю, Россохин возглавляет смуту. В 1418 г. двинской боярин, любимец устюжан и приверженец политики великого кн. Василия Дмитриевича Анфал Никитин и устюжский воевода Сабуров приводят войско для умирения непокорных вятчан.

Противники бились у города Котельнича, в сёлах Гостино и Истобенском, однако, по легенде, самая ожесточенная битва, продолжавшаяся всю ночь, произошла в Хлынове, у Вздерихинского оврага. Исторический миф послужил закреплению за оврагом нового названия – Раздерихинский. Четыре тысячи воинов полегли в битве, положившей начало вражде устюжан и вятчан. Погибли воевода Анфал, его сын Нестор, знатные воины из сабуровой дружины. Остатки устюжской дружины бежали, взяв с собой тела Анфала и Нестора. Жители селений, расположенных около реки Анданги, долгое время хранили предание о погребённом некогда в их земле вожде их предков Анфале¹. Вятчане так и не смогли отстоять свою независимость, и вскоре после побоища Василий отдал Вятку в удел своему брату – Юрию Галицкому, а события битвы вятчан с устюжанами стали причиной возникновения почитания убиенных воинов на устюжской земле. По преданиям, из анданских селений потомки погибших ходили поминать своих прародителей. Дорога, которой некогда в вятскую землю попадали матери и вдовы погибших воинов, получила название «девьей тропы»². В самой Вятке появилось несколько мемориальных памятников, связываемых преданием с битвой устюжан и вятчан. Од-

¹ Исторические сведения. Отдел 3 // Календарь Вятской губернии на 1893 г. Вятка, 1892. С. 336.

² Там же. С. 337.

нако далеко не все из них изначально были посвящены именно этому событию.

Над Раздерихинским оврагом в Хлынове, где якобы лежат кости убитых, была поставлена часовня «убиенных родителей», в которой вплоть до её уничтожения проходили панихиды. Нередко часовни в память о важнейших сражениях ставились не там, где они произошли, а по месту проживания благодарных потомков, однако выбор места не был случайным. На месте разгрома новгородцами Бадзым Куалы – культовое место черемисов¹. Вероятно, русское население, считая это место нечистым, хоронило здесь «заложных» покойников и устраивало похоронные тризны, и лишь позже памятное место подверглось новому переосмыслению.

Выбор места подсказан и природным ландшафтом: часовня поставлена на вершине оврага, что соответствует языческой традиции совершать обряды на возвышенностях. Так, в Перми для почитания воинов был избран овраг между двумя холмами, на одном из которых был сооружён деревянный кремль, на другом находились Воскресенский собор и Преображенская церковь. Дорога от реки подходила к Спасским воротам кремля, а затем к святыне города – «убиенным родителям».

Почитание убиенных родителей в Перми и Вятке совпадают и по времени, которое соответствует особому периоду русского обрядового календаря. Оба праздника приурочены к Семику, когда согласно народному календарю, происходило почитание «заложных» покойников. Пережиток языческой похоронной тризны в вятском празднике увидел ещё Д. Зеленин². Обряды, связанные с почитанием убитых воинов в разных местах Вятской губернии, происходили в одно и то же время. В г. Слободском поминовение усопших в Семик происходило в мужском монастыре, на площади, что находилась поблизости, совершали «вселенскую панихиду». Здесь же проходила ярмарка, на которой продавались свистки и куклы.

Праздник сопровождался поминовением убиенных, продажей глиняных игрушек и свистулек, которые в Хлынове изготавливались

¹ Харин Е. История страны Вятской [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://skygrad.narod.ru/texts.htm>

² Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 131.

потомками устюжан из Дымковской слободы. Отсюда произошло название праздника – «свистуни», или «свистопляски». Обязательной частью вятских гуляний были ристания, которые вместе с весельем и свистом являются традиционным атрибутом языческих весенне-летних праздников. В контексте вятской свистопляски это стало рассматриваться как отголосок памяти о битве устюжан, основавших за рекой Дымково, и посадских, хлыновцев. Старожилы «вспоминают, как во времена их молодости сходились на спуске к реке стенка на стенку заречные с посадскими. Бились жестоким, но честным боем»¹. Участники праздника считают, что «куклы из глины, расписанные разными красками, продаются в честь оставшихся после сражения вдов»².

Таким образом, возникновение Устюжской часовни в Хлынове связано с целым комплексом текстов местного культурного ландшафта: часовня является символом победы христианства над язычеством и одновременно включает Хлынов в единое пространство Московского царства, где нет места вражде русских городов. Появляется легенда о том, что в битве устюжане были избиты вятчанами по недоразумению. По одному из преданий, устюжане пришли в Хлынов, чтобы помочь местным жителям защититься от враждебных черемис, по другому – от татар.

После окончательного покорения московская власть «разводит» Вятку, непокорные вятчане переселяются в Московию, а Хлынов заселяется выходцами из других русских городов. По сути, в Хлынове появляется новое, лояльное централизованной власти население. На противоположном от Хлыновского предками кремля берегу реки появилось поселение выходцев из устюжской земли – слобода Дымково. Службы в Устюжской часовне символически закрепляли в сознании новых жителей факт завоевания города, связь с погибшими в борьбе за эту землю предками.

Сакральные места, появившиеся в память о междоусобных битвах северорусских городов, находятся и в других вятских поселениях – г. Котельниче и с. Истобенском. Эти территории, находящиеся по течению реки Моломы, в древности осваивались устюжанами.

¹ Пономарёв В. Ристания на празднике // Комсомольское пламя. 1989. № 17. С. 4.

² Зеленин Д.К. Указ соч. С. 135.

Именно котельнический мемориал вероятней всего возник на месте битвы устюжан и вятчан. В Предтеченском монастыре Котельнича хранились черепа предводителей устюжан: Василия, Феодора и Патрикия, союзников Анфала Никитина, которые почитались за святых воинов. Крестьяне записывали их имена в пометки, обматывали черепа полотенцами и лечили головную боль. Как и в Хлынове, здесь совершается «всемирная панихида» над ямой, в которой местные жители видят могилу воинов, павших в битве с новгородскими выходцами. Дети целый день бросают и катают глиняные «шариши», свистят в дудки, палят из пищалей. Сосновые пищали, берестяные и глиняные дудки, рожки, деревянные волынки, глиняные шары продаются на кладбище¹.

Выше с. Истобенского, за оврагом, находится каменная часовня, построенная в 1855 г. вместо деревянной, устроенной в память устюжских и «рязановских» родителей. Истобенское предание отличается от хлыновского: местные жители, «рязановцы», были предупреждены о приближении шайки неких врагов, желавших отнять у них землю, собравшись, они стали ожидать неприятеля. Между тем большее число устюжских поселенцев, искавших место поселения, спустились по Моломе, потом по Вятке, дошли до поселения «рязановцев», которые, не разобрав дела, на них напали, завязалась страшная кровопролитная битва. В часовне поминаются преставившиеся на брани Василий, Патрикий, Фёдор, Иоанн². Интересно предположение Е. Харина, что в действительности здесь произошла битва с булгарами, погибшим в ней воинам и посвящена часовня³.

Мемориальные памятники Яранского уезда Вятской губернии описаны П. Алабиным. Один из них располагался вблизи деревни Косогор, на берегу р. Немды. Как утверждал исследователь, здесь стояла многократно обновлявшаяся, но по первоначальному своему сооружению весьма древняя часовня. Она воздвигнута в память об устюжских купцах, возвращавшихся из путешествия на восток, ограбленных и убитых местными жителями. Устюжские родственники убитых на

¹ Там же. С. 130.

² Банников А. Заметка о селе Истобенском // Вятские Губернские Ведомости. 1865. № 21.

³ Харин Е. История страны Вятской: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://skygrad.narod.ru/texts.htm>

этом месте построили часовню и, отыскав тела погибших, похоронили их. Впоследствии, священники ближайшего села стали по приглашению устюжан служить в часовне панихиды. Со временем на панихиду стало стекаться множество народа, и у часовни образовалась ярмарка. Кости убитых устюжан, как и в Котельниче, стали считать чудотворными. П. Алабин пишет: «Мы сами видели, что ими трут больные части в чаянии исцеления»¹. Целебным считается и родник, протекающий под часовней: «толпы богомольцев теснятся в темном подвале часовни, полощась в целебной воде и в тоже время употребляя эту воду как спасительное средство от внутренних болезней»². Другая часовня располагалась на высоком правом берегу реки Вятки, у села Жерновые Горы. Народная память сохранила легенду о том, что она построена на месте, где стояло капище и идол древних обитателей этой земли, на месте, где после победы новгородцев над местными жителями были похоронены погибшие новгородцы. Здесь также ежегодно происходило народное гульбище и небольшая ярмарка.

Обряды, связанные с почитанием погибших воинов, совершались и в окрестностях Слободского – ещё одного значительного центра расселения русского и инородческого населения, Подчуршинском городище – сакральном центре вотяков и черемис. С двух сторон городище окружено оврагом с насыпанными в них небольшими валами; с западной стороны находится озеро, с южной стороны протекает Вятка. На полугоре находится яма, в которой, по народному преданию, засыпаны железные двери, запертые огромным замком, а ключи от него лежат в озере. Предание гласит, что однажды с запада пришли двенадцать богатырей во главе с Онохой Они насыпали холм, основали на нем городище и стали воевать с Никулицей, самым сильным из соседних богатырей. Воевали они, перекидываясь палицами с городища на городище. После примирения Оноха посватался к дочери Никулицы, который согласился отдать дочь при условии, что богатыри «до двенадцатых петухов» привезут ему самоцветные камни, иначе он повесит Оноху, а богатыри окаменеют. Богатыри привезли камни, но

¹ Алабин П. Относительно некоторых древностей Вятского края: [Электронный ресурс]. Вятка, 1865. Режим доступа: http://www.vstrana.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=236&Itemid=239

² Там же.

петух пропел, когда они были у ямы, из которой таскали глину для холма. На этом месте они окаменели, и над ними образовалось озеро. Оноха украл дочь Никулицы и убежал с ней на свое городище. Никулица напал на городище, сжег его, убил Оноху, а кости закопал¹. Символика легенды – окаменение, вырывание ямы-могилы, появившееся озеро как путь в иной мир – создаёт образ страшного, опасного места, места смерти.

Если предположить, что данная легенда поэтизирует вражду между новгородцами, основавшими Никулицкое поселение, и вятскими финно-уграми, то сакрализация Подчуршинского холма кроме всего прочего может связываться с поминовением погибших воинов. По мнению Д. Зеленина, здесь погребены убитые некогда в битве с вотяками². В 1730 г. на месте прежней сгоревшей церкви здесь была сооружена часовня, к которой стекался народ, особенно новокрещённые вотяки, для отправления панихид. Как сообщает Д. Зеленин, панихиды совершались не по своим умершим родственникам, а «по заложным». Крестный ход, проходивший из села в часовню, также может служить доказательством того, что восприятие данного сакрального места связано с ментальным присвоением «чужого», «нечистого» пространства. Символическое действо сохраняется как отголосок памяти о какой-то исторической битве.

С переосмыслением пространства в результате военных завоеваний появляются памятные места, посвящённые победам русского оружия за границами Вятской земли. В Усть-Чепецком приходе д. Северюхи стояла Вознесенская часовня с большим деревянным крестом, на котором была вырезана дата неизвестного события – «1547». Местные жители совершали здесь обряды, напоминавшие похоронную тризну, еще в 1880-х гг. сюда приносили блины, оладьи, яичницу-омлет³. По одним сведениям, часовня и крест были поставлены на могилу новгородцев, павших в 1182 г. в бою с местными удмуртами. Погибших русских воинов похоронили в д. Северюхинской, а на месте

¹ Амосова С. Н. Спасо-Подчуршинское городище: легенды и обряды: [Электронный ресурс] // Герценка: Вятские записки. Вып. 3. Режим доступа: <http://www.herzenlib.ru>

² Зеленин Д.К. Указ соч. С. 132.

³ История церквей и приходов села Усть-Чепца: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blagoslovi.ru/istoriya-tserkvei-i-prikhodov-sela-ust-chepts>

захоронения поставили часовню. Позднее местные жители связали эту битву с противостоянием вятчан и татар в 1390 г.¹ Однако исторические исследования указывают, что в 1547 г. был поход на Казань, в котором участвовали казаки с вятского левобережья².

Таким образом, подлинные исторические истоки большинства мемориальных мест вятской старины неизвестны, однако история их осмысления имеет не меньшее значение. Общий сюжет преданий, связанных с памятными местами, вписывается в процесс формирования великокняжеской идеологии Москвы, исключая враждебность, самостоятельность русских городов, давнюю приверженность их населения язычеству. Комплекс вятских часовен и связанных с ними поминальных обрядов для русского средневекового человека служил священным образом пространства, а для современного человека является уникальным символом местной культуры, формировавшейся в режиме взаимодействия культур.

О.Н. Захарченко

БОГЕМА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Богема...слово вызывает массу ассоциаций – веселье, распутность, вседозволенность, беспечный образ жизни, нарушение общественных устоев... или гениальность? В любом случае, богема – это *особый* образ жизни особых людей. Творческих, талантливых и алкающих нового. Вряд ли кто-то может представить себе преуспевающего бизнесмена, политика или рабочего при упоминании о богеме. Богема – это страстно дискутирующая компания художников и поэтов. В клубах дыма и за бутылкой абсента.

Но так ли это было на самом деле? И кто они такие, представители богемы? Кем они были и были ли вообще? Богема – миф или реальность? Ответить на эти вопросы непросто. Сложность задачи заключена в выборе критериев отбора персоналий в «штат» представителей богемы. Не меньшую сложность представляет выявление основных характеристик этого специфического образа жизни. Непросто ответить на эти вопросы и потому, что прилагательное «богемный»

¹ Там же.

² Харин Е. История страны Вятской: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://skygrad.narod.ru/texts.htm>

применимо для более чем противоречащих образов жизни и столь поразительного ассортимента групп, обществ и индивидуальностей.

Слово богема происходит от французского «bohème» (цыганщина). Богемцами называли цыган в период Средневековья и Раннего нового времени. Они проживали в Богемии, области на территории современной Чехии. Изначально во Франции, куда со временем прибыли многие цыгане из Чехии, обозначение богемец имело негативный смысл и ассоциировалось с социально нестабильными и деклассированными элементами. Артисты, особенно уличные, относились к низам общества. Со временем в глазах общественности понятия цыгане и артисты, ведущие одинаковый образ жизни, слились.

Выделение богемы как своеобразной субкультуры относится к началу XIX в. До этого богемный образ жизни присутствовал в том смысле, в котором мы его понимаем, но он не был распространен, а тем более признан. В культуре Древнего Вавилона или Египта не было места для богемцев. В Средневековье и эпоху Возрождения фигура художника-бунтаря также не была понятой и терпимой. Артист мог быть ремесленником или заслуженным мастером, но он находился в закрытых границах мира, для которого работал. Искусство ещё не было оппозиционным началом. Напротив, артист был слугой общества, а не его критиком¹.

Появление на исторической сцене артиста, ведущего богемный образ жизни, связано с промышленной революцией, а также с Великой Французской революцией. Коренные изменения повлияли и на роль искусства. Фигура представителя богемы демонстрировала в его личности конфликты, которые происходили в искусстве и не только. Роль искусства трансформировалась. В средневековом обществе искусство было интегрировано в социальные институты религии. Произведения искусства имели религиозное значение и ценность. Они создавались коллективно, и рецепция была коллективной и публичной. Христианская община воспринимала эти работы как часть богослужения.

В период Ренессанса было открыто изящное искусство, чья функция была достаточно ясна: праздновать славу правителя и репрезентовать аристократическое общество. Художник работал индивидуально, но восприятие произведений искусства оставалось коллективным. Дальнейшие изменения связаны с ростом буржуазии. Искусство

¹ Wilson E. Bohemians: the glamorous outcasts. London, 2003. S. 2.

в эру ее торжества создавалось и воспринималось индивидуально. Вглядывание в произведение искусства больше не было участием в коллективном прославлении христианства или светской помпы; оно стало приватным и субъективным опытом.

Промышленная революция порвала с прежним образом жизни, «обнажив» деревню, она породила большие города, наполнила их новой популяцией. С ростом богатств росли эстетические запросы их обладателей. Растущая буржуазия требовала фурнитуру, керамику, картины, декор, текстиль и обои для своих домов и формировала образованную публику, интересующуюся живописью, музыкой, литературой, нуждающуюся в перформансе. Результатом стало увеличение числа издательств, театров, концертных залов, библиотек и музеев и революция в журналистике. В итоге коммерческая культура, предназначенная для потребления массами, тоже выросла. Итак, индустриализация была причиной переворота в способах создания и финансирования искусства. Умелые ремесленники сотни лет создавали богатства города, оформляясь в гильдии, которые организовывали работу скульпторов и художников, а также как работу каменщиков, портных, кузнецов. Однако в XVIII в. расширение патронажа отделило искусство от других ремёсел. Композиторов, художников, писателей и даже философов, включая Вольтера, нанимали аристократические или венценосные покровители. Порой они выплачивали ежегодные ренты или пенсии, иногда оплачивали «по выполнению работ».

В Британии коммерциализация искусств уже полным ходом существовала в XVIII в. Во Франции движение к рынку, простимулированное Французской революцией, было более внезапным. Изменения начались в середине XVIII в., с появлением амплуа критика, практикой публичных выставок и созданием Французской королевской академии живописи и скульптуры, когда писатели и художники начали отделять себя от ремесленников и мастеровых.

После 1789 г. буржуазия окончательно разрушила старые формы организации. Структуры поддержки людей искусства, существовавшие при Старом режиме, были разрушены. Это открыло дорогу свободному рынку в искусстве, но традиционная клиентура, аристократия и духовенство также исчезли, и всё ещё существующее общество знатоков, сведущих в искусстве, не обязательно были в состоянии купить и потому поддержать творцов в финансовом отношении...

В то время, как рынок дестабилизировал организацию искусств и ремёсел, Романтизм возвысил артистический гений до статуса героя. Искусство поклонения оригинальности уникальной творческой индивидуальности, долг художника обязывали реализовать себя и своё уникальное видение-в противовес установке создавать работы, которые выражали бы доминирующие убеждения общества.

Эйфория свободы и независимости творческого гения была недолгой. Вскоре стало ясно, что новая свобода была банальной свободой выживания. Покровительство художникам могло быть утомительным, но относительно предсказуемым. Привычному ремеслу угрожало фабричное производство, и все формы искусства подлежали капризам рынка. У художников исчезла гарантированная аудитория, в то время как покровитель поручал специфическую работу; вкусы буржуазных потребителей были в большинстве случаев неизвестны, поэтому художник не мог их угадать. Искусство становилось товаром, производимым в надежде быть купленным. Художник не только был вынужден приспособлять своё искусство к логике прибыли, но и развлекать публику.

Таким образом, художник был антогонистом буржуазного обывателя, для которого искусство было символом статуса, возможности демонстрации богатства, но не вкуса. Но противостояние художника и покупателя его картин не было столь острым и непримиримым, как принято считать. Это только часть мифа о богеме, отделение её от коммерческого начала, а значит от противного идее независимого и истинного искусства. Дж. Сейгель (J. Seigel), изучив отношения между представителями искусства и буржуазии, пришёл к выводу, что это были *взаимоотношения*, и далеко не всегда они были конфликтными¹. Богема также нуждалась в обществе буржуазии, как и буржуазия в обществе талантливых художников, поэтов и музыкантов.

В новых условиях неуверенности и нестабильности люди искусства вели себя импульсивно. Жизнью, манерой одевания и поведением они не только отличались от окружающей социальной культуры, но в манере, рассчитанной на шок и возмущение публики, они драматизировали свою любовь-ненависть к обществу, что давало рождение

¹ Seigel J. Bohemian Paris: culture, politics and the boundaries of bourgeois life, 1830-1930. New York, 1999. P. 339

мифу. С появлением в 1847 г. романа А. Мюрже «Сцены из жизни богемы», понятие богема начало активно распространяться в обществе. Богема была попыткой создать альтернативный мир внутри Западного общества. Несмотря на гиперболизированный индивидуализм его граждан, богема была коллективной инициативой¹. Как некоторая социальная группа богема не имеет определённых границ; она изменчива, у неё нет приоритетов и ценностей в истории, поскольку её жизнь – настоящее². Богемцы творили, протестуя против доминирующей культуры. Фигура богемца олицетворяет двойственную роль искусства в индустриальном обществе; богема – это культурный миф об искусстве в современном мире, миф, который ищет примирения искусства с индустриальным капитализмом, создаёт для него роль в обществе потребления. Богема – это прежде всего идея, персонификация мифа³.

Богема бездействует, пребывая в праздности и иллюзиях, и вся логика её социального существования заключается в том, что она устанавливает в отношении себя некоторые правила восприятия, которые можно назвать, именно очарованием, или «работой очарования»⁴.

А.В. Иванов

ВСТРЕЧА «ЭЛЛИНА» И «ИУДЕЯ»: ДИСКУССИЯ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ 1920-Х ГОДОВ

Знаменательным событием духовной жизни России 1920-х гг. становится «Переписка из двух углов», составленная из шести пар писем М.О.Гершензона и В.Иванова. Книга вышла в 1921 г. в частном петербургском издательстве «Алконост» С.М.Алянского.

Летом 1920 г. друзья увиделись в московском санатории для работников науки и литературы, где им посчастливилось проживать в одной комнате. Каждодневные беседы о культуре, вере и смысле истории обнаружили противоречия во взглядах друзей и выявили насущную потребность отвечать друг другу письменно. Так зародилась историческая переписка Гершензона и Вячеслава Иванова, которая

¹ Wilson E. Op. cit. P. 2

² Аронсон О. Богема: опыт сообщества. Наброски к философии асоциальности. М., 2002. С. 14.

³ Wilson E. Op. cit. P. 3

⁴ Аронсон О. Указ.соч. С. 41

впоследствии друзьями была оформлена в книгу. Вот что вспоминает В.Ходасевич, отдыхавший в том же санатории: «Гершензон с Вячеславом Ивановым жили вместе. В их комнате, влево от двери, стояла кровать Гершензона, рядом – небольшой столик. В противоположном углу (по диагонали), возле окна находилась кровать и стол Вячеслава Иванова. В углу вечно мятежного Гершензона царил опрятный порядок: чисто постланная постель, немногие, тщательно разложенные вещи на столике. У эллина Вячеслава Иванова – все всклокочено, груды книг, бумаг и окурков под слоем пепла и пыли: под книгами – шляпа, на книгах распоротый пакет табаку. Из этих-то «двух углов» и происходила тогда известная «Переписка»¹.

Гершензон жаловался Льву Шестову: «Начал переписку он и стал понуждать меня отвечать ему письменно. Мне было неприятно, потому что в этом есть театральность, и я был очень слаб... Но он мучил меня до тех пор, пока я написал. Потом всё время он отвечал тотчас, а я тянул ответ по много дней, и он пилил меня»². Гершензон и Иванов сделали своеобразный метафизический перенос своего временного местообитания – комнаты – в некую ирреальность, которая произвела на свет своеобразную литературно-философскую игру в «Переписке». Расположение кроватей по диагонали, комнате, напоминающая квадрат, скудная мебель жилища – все это подтолкнуло авторов в названии книги вынести геометрию духовного пространства. «Переписка из двух углов» не просто обозначала послания людей из угла в угол одной комнаты, а в первую очередь, таким названием авторы хотели подчеркнуть мировоззренческое противостояние друг другу по диагонали из разных идейных углов единого для них духовного квадрата-комнаты. «Мы с вами, – писал Гершензон Иванову, – диагональны не только по комнате, но по духу»³.

Еще в 1915 г. В.Иванов, М.О.Гершензон, Н.А.Бердяев и другие представители московской интеллигенции затеяли литературно-философскую игру, выпуская рукописный журнал «Бульвар и пе-

¹ Ходасевич В. Здравница // Возрождение (Париж). 1926. 14 марта.

² Гершензон М.О. Письма к Льву Шестову (1920-1925 гг.) / Публ. А.д'Амелия и В.Аллой // Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. М.: СПб., 1992. С.300.

³ Гершензон М.О., Иванов В.И. Переписка из двух углов // Наше наследие. 1989. № 3. С.133.

реулок»¹. Статьи журнала носили полусерьезный-полушутливый характер, авторы которых подтрунивали над собой и оппонентами. Теперь же на страницах «Переписки из двух углов» литературно-философская игра носила иной характер. Игра не как самоцель от избытка творческих сил, а как способ превратить реальность пространства и времени России эпохи катастроф в эзотерическое поле символов и образов, которые при минимальной лексической загруженности максимально раскрывали бы смысл происходящего.

В.Иванов придает начавшейся переписке характер мистического священнодействия посвященных, которые уходят в некую сверхреальность, где могут быть приоткрыты тайные знания Космоса.

Гершензон в лице Вячеслава Иванова находит великолепного собеседника и тонкого критика своих письменных посланий, который, будучи символистом, превосходно разбирается в образном, метафоричном гершензоновском языке. Друзья понимали друг друга с полуслова, поэтому в письмах, затрагивая огромное количество философских вопросов, они писали сжато, кодируя информацию в метафоры и символы.

Реальная история, наполненная разнородными историческими событиями и фактами, имеющая связный вид только в построениях историков, пугала Гершензона в повседневной жизни своей непредсказуемостью и алогичностью. Если объяснение прошлого для Гершензона было приемлемым в рамках рациональной историографии, то история творимая, сегодняшняя могла быть понята на выходе из рационального. Усталость Гершензона от культуры к моменту обмена писем с В.Ивановым достигает своего апогея. Для Гершензона слишком тяжела душная одежда культуры с ее рациональным познанием мира, знаниями и ценностями. В письмах к В.Иванову Гершензон показывает культуру как неустанное накопление сверхличного, отвлеченного и безличного знания, загромаждающее человеческий дух. Гершензон же признает плодотворность только тех идей и знаний, которые «естественно родились во мне из моего личного опыта или когда я ощутил неодолимую потребность в них, а усвоенные извне и без естественной потребности, они подобны гуттаперчевым воротничкам, зонтам, калошам и часам, которые надевает на себя, выменяв у евро-

¹ См. подробнее: Проскурина В. Рукописный журнал «Бульвар и Переулок» // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С.173-197.

пейца, голый негр в дебрях Африки»¹.

В своих рассуждениях Гершензон выступает с позиций номинализма, который признает первенство субъективного познания мира над универсальными понятиями, возникающими по ходу их восприятия человеческим сознанием.

Избавиться от чувства разрастания культуры в человеке можно, если «кинуться в Лету, чтобы бесследно смылась с души память о всех религиях и философских системах, обо всех знаниях, искусствах, поэзии, и выйти на берег нагим, легким и радостным, и вольно выпрямить и поднять к небу обнаженные руки, помня из прошлого только одно – как было тяжело и душно в тех одеждах, и как легко без них»².

«Я отдал бы все знания и мысли, вычитанные мною из книг, и в придачу еще те, что я сам сумел надстроить на них, за радость самому лично познать из опыта хоть одно первоначальное простейшее знание, свежее, как летнее утро!» – эмоционально восклицает Гершензон³.

Для Вячеслава Иванова такая позиция неприемлема, так как память – это динамическое начало, а перерыв движения есть упадок и возврат в состояние относительной косности. Новые ценности встретятся, если идти вперед, а не повернув вспять, как советует Гершензон⁴. В. Иванов определяет переживание культуры Гершензоном «не как живой сокровищницы даров, но как системы тончайших принуждений»⁵. Сам же Иванов культуру воспринимает как лестницу Эроса, иерархию ценностей и сокровищницу даров.

Гершензон поправляет оппонента, указывая, что он хотел сказать не о культуре с системой едва ощутимых принуждений, а о соблазнах и растлении культурой человеческого духа⁶. Активная творческая позиция человека в ходе истории перешла в душевно пассивное восприятие культурных ценностей.

¹ Гершензон М.О. Иванов В.И. Переписка из двух углов // Наше наследие. 1989. № 3. С.123.

² Там же. С.122.

³ Там же. С.123.

⁴ Там же. С.125, 130.

⁵ Гершензон М.О. Иванов В.И. Переписка из двух углов.... С.122.

⁶ Там же. С.123.

Непосредственно с темой кризиса культуры связаны вопросы свободы и веры, в решении которых Гершензон и Иванов тоже кардинально расходятся. Сама переписка возникла из-за подозрения В.Иванова, что Гершензон усомнился в личном бессмертии, в чем Гершензон попытался разубедить своего друга. Для В.Иванова вера культурного человека является залогом его свободы. Гершензон же считает, что вера искажена культурным наследием, которое не дает человеку вырваться к абсолютному, божественному, то есть на лицо потеря чистой веры¹. Свобода воспринимается им не как свобода от разума, а как свобода «непосредственности и свежести созерцания, чтобы мудрость отцов не запугивала робких, не потакала косности и не застиладала далее...»².

Невосприятие современной культуры, поиск чистой веры и первозданной свободы, стремление к уничтожению интеллектуальной перенасыщенности, стремление к гармонии в жизни – вот этих утверждений Гершензона было достаточно, чтобы Иванов провел идейную эволюцию своего оппонента от Л.Н.Толстого. Гершензон стремится к опрощению, а точнее к упрощению духовной жизни и вообще жизни, – таково мнение Иванова³.

И на самом деле, Гершензон испытал влияние Толстого еще в студенческие годы, думал над его книгами, встречался с ним⁴. Но Гершензон не был толстовцем, тем более толстовское опрощение с его внешними народными атрибутами, с идеей сближения с крестьянством было чуждо Гершензону. Опрощение по Толстому с его антиинтеллектуализмом и культуркритицизмом было средством сближения образованного человека с простонародьем, а через это – достижением гармонии в жизни. И Толстой, и Гершензон испытывали усталость от интеллектуальной загруженности сознания, но для одного это мешало сближению с народом, для другого являлось невозможностью испытать сладость первопознания, чувство довременного бытия человека, когда люди являлись первотворцами. Поэтому высказывание Иванова было не очень корректным, так как не к опрощению и не к упроще-

¹ Там же. С.124.

² Там же. С.127.

³ Там же. С.130.

⁴ См.: Гершензон М.О. Письма к брату. М., 1927. С.111-112; 162-165; 171-171-172; 174-175.

нию жизни стремился Гершензон. Да и сам Гершензон писал, что «не хочу вернуть человечество к мировоззрению и быту фиджийцев, отнюдь не хочу разучиться грамоте и изгнать Муз»¹.

Гершензон четко разделяет позицию Иванова и свою в дискуссии о культуре. Позиция Иванова – это, прежде всего «сыновнее почтение к истории», благоговение перед ней, а свою точку зрения историк определяет как «дерзкий бунт против нее»². В.Иванов также прекрасно понимает несходство своего и гершензоновского мировоззрения. «У нас двоих нет общего культа. Вам кажется, что забвение освобождает и живит, культурная же память порабощает и мертвит; я утверждаю, что освобождает память, порабощает и умерщвляет забвение», – пишет Иванов Гершензону³.

Как видим, произошло столкновение двух мифологем, двух утопий. Бесконечное возвращение и благоговение перед раритетами культуры, культура как стихия, тонкое энергетическое поле эзотерических знаков и символов, помогающих войти в обитель невидимого Бога у Иванова, а с другой стороны, у Гершензона, возвращение к самому себе через отказ, бегство от культуры.

Но между культурным нигилизмом Гершензона и апологией культуры, ее оправданием у Иванова было общее поле, в котором сходились авторы переписки – это глубокий антропоцентризм, вера в человека.

Российская интеллигенция и, прежде всего, эмиграция чутко реагировала на выход историософских работ в послереволюционное время⁴. Особый интерес эмиграции вызвала совместно написанная с

¹ Гершензон М.О. Иванов В.И. Переписка из двух углов... С.126.

² Там же. С.129.

³ Гершензон М.О. Иванов В.И. Переписка из двух углов... С.130

⁴ См.: Флоровский Г. В мире исканий и блужданий // Русская мысль. Прага, 1922. № 4. С.129-140; Франк Г. Новая религия. К характеристике Михаила Осиповича Гершензона // Зарница. Нью-Йорк, 1925. № 2. С.25-27; Шестов Л.И. О вечной книге // Современные записки. Париж, 1925. XXIV. С.237-245; В.З. [рец.]: Иванов В., Гершензон М. Переписка из двух углов. М., Берлин, 1922 // Православие и культура. Берлин, 1923. С.222-223; Шлецер Б. Русский спор о культуре: «Переписка из двух углов» // Современные записки. Париж, 1922. XI. С.195-211; Ландау Г. Византиец и иудей // Русская мысль. 1923. № 1-2. С.182-219; Florovsky G. Michael Gershensohn // The Slavonic Review. Vol.14. 1926. P.315-331.

Вячеславом Ивановым книга Гершензона «Переписка из двух углов». Показанное в книге разрушение старой культуры, поиск новых ценностей, одиночество человека в этом мире, размышления о Боге были близки русской эмиграции.

Так, Г.Флоровский в «Переписке» Гершензона и Иванова видел противостояние двух психологических типов мироощущения, а не борьбу различных мировоззрений, которые имели общий идеал, — «чтобы личное стало опять совершенно личным и, однако, переживалось бы как всеобщее»¹. Общий идеал Гершензона и В.Иванова, но разные пути достижения его констатировал Флоровский. Взгляды Гершензона он рассматривал как непоследовательную монадологию, в то же время мировоззрение В.Иванова оценивал как чистый динамизм мироощущения живых ценностей и раскрытие эмпирического «я» трансцендентальными силами.

Близкой к точке зрения Флоровского была позиция Г.Франка, считавшего, что мировоззрения Гершензона и Иванова «сливаются во внутреннюю, глубоко-скрытую гармонию»².

В.Зеньковский вслед за В.Ивановым рассматривает мировоззрение Гершензона как руссоистское и в культуркритицизме мыслителя видит разложение, падение культуры в духе Зиммеля³. Л.И.Шестов, наоборот, отрицает интерпретацию взглядов Гершензона в духе руссоизма, толстовского опрощения⁴. Для него Гершензон и Иванов приверженцы этического идеализма Фихте⁵.

В то же время, гершензоновский бунт против культуры Б.Шлецеру напоминает философию Ницше. Гершензон пытается вырваться за рамки «исполнительного рабочего», «преданного раба» культуры, которая напоминает «каторжную тюрьму с подневольными рабочими, значения которых и цели никто не понимает» и придти к

¹ Флоровский Г. В мире исканий и блужданий // Русская мысль. Прага, 1922. № 4. С.130.

² Франк Г. Новая религия. К характеристике Михаила Осиповича Гершензона // Зарница. Нью-Йорк, 1925. № 2. С.26.

³ В.З. [рец.]: Иванов В. Гершензон М. Переписка из двух углов. М., Берлин, 1922 // Православие и культура. Берлин, 1923. С.222-223.

⁴ Шестов Л.И. О вечной книге // Современные записки. Париж, 1925. XXIV. С.239.

⁵ Там же. С.244.

идеалу культуры «в образе свободной общины художников», – считает Шлецер¹.

Для Г.Ландау более привлекательна ивановская проникновенность и очарованность культурами, чем гершензоновская тошнота и отталкивание культурных ценностей, но и она при всем своем богатстве поверхностна². «Бегство в небытие», «духовное умирание», «пустота», «разложение» – такова позиция Гершензона по Ландау. Но не радует его и мировоззрение В.Иванова, охарактеризованное им как «музей», «мумия», «законсервированная жизнь»³.

Актуальным интеллектуальным «раздражителем» послужила знаменитая «Переписка из двух углов» В.И. Иванова и М.О. Гершензона для разных поколений российской интеллигенции. Итак, между культурным нигилизмом Гершензона и апологией культуры, ее оправданием у Иванова можно найти общее поле, в котором сходились авторы переписки – это глубокий антропоцентризм, вера в человека.

А.Ю. Иванов

«ОБРАЗ ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ» КАК ЭЛЕМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА СТРАНИЦАХ ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ И ПОЧТОВЫХ КАРТОЧЕК

Одним из наиболее ключевых идеологических инструментов воздействия на психологию советских фронтовиков периода Великой Отечественной войны являлась актуализация в памяти героических символов – феномена массового, во многом мифологизированного сознания. Символы – это своеобразные социальные образцы индивидуального, группового или массового поведения, на которые советское государство ориентировало своих солдат и офицеров в определенных, значимых в годы войны ситуациях. Такие символы приобретают значение важной социальной ценности, становятся предметом

¹ Шлецер Б. Русский спор о культуре // Современные записки. Париж, 1922. XI. С.207.

² Ландау Г. Византиец и иудей // Русская мысль. Прага, 1923. № 1-2. С.215.

³ Там же. С.218-219.

подражания в реальной жизни, а также идеологическим инструментом широкого профиля: агитации и пропаганды на фронте¹.

Важным моментом в поддержании духа советских войск стало обращение к героическим примерам, целенаправленно представляемым как образец для массового подражания. Среди значительного числа таких примеров можно выделить две группы. Первую группу составляют героические примеры из недалекого прошлого Великой Отечественной войны. Например, основными индивидуальными образцами-символами служили Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, Виктор Талалихин, Николай Гастелло, Юрий Смирнов; а герои-панфиловцы, «молодогвардейцы»-краснодонцы являлись групповыми символами. О них писали в своих письмах фронтовики, старались соответствовать идеалу, формируемому в массовом сознании средствами агитации и пропаганды².

Вторую группу составляют героические примеры далекого прошлого, отсыл к подвигам великих полководцев Российской империи. Необходимо отметить, что в текстах фронтовых писем не встречаются упоминания о войнах начала XX в. Русско-японская война стала для страны символом национального поражения. Неудачной для России была и Первая мировая. Для этих войн в исторической памяти советских фронтовиков места практически не нашлось. Вспомним былинных героев: они всегда облечены в ореол победителей. Как же могли сложиться в народной памяти героические символы Первой мировой войны? Таким образом, закономерно, что советские солдаты в массе своей могли назвать немало имен героев Гражданской войны, но не помнили или не упоминали в письмах никого из героев войны империалистической.

Источниковый комплекс фронтовых писем, конвертов, открыток и почтовых карточек содержит экземпляры с разнообразными иллюстрациями и сюжетами. Несмотря на разнообразие этих иллюстраций, всех их объединяет тема борьбы за освобождение советской родины и героический дискурс. В качестве примера приведем открытку

¹ Сениянская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 214.

² Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. Р-2157. Оп.7. Ед.хр.12,19.

с рисунком и надписью «Воин Красной Армии, спаси»¹. На конверте издания 1942 г. читаем текст: «Товарищ! Не знай страха в борьбе с врагами. Не за горами дни, когда немецкие вояки, преследуемые Красной Армией, будут смазывать пятки. Будь героем Отечественной войны!»², «Лучше смерть, чем рабство»³. Такие призывы, и сами иллюстрации обладали эффективной воздействующей силой, содержали идеологически обусловленные коннотации, а также отсылку к культу великих предков. Героический дискурс выполнял важную функцию, связывая фронтовое настоящее советского солдата с победами русского оружия в прошлом.

Почтовые карточки, наравне с другими источниками эпистолярного комплекса могут быть изучены в исследованиях военной символики, а так же военной идеологии, аспекты которой эти источники призваны были утверждать в сознании «образ великих предков», часто иллюстративно тиражируемый в фронтовых почтовых карточках-открытках должен был вызвать у солдат чувства патриотизма и ненависти к врагу. В качестве примера приводим почтовую карточку с портретом Дмитрия Донского, под которым помещены слова И.В. Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков»⁴.

«Культ великих предков» весьма своеобразно был использован советской военной идеологией как один из многочисленных инструментов формирования образа врага. В качестве примера отметим чрезвычайно богатую иллюстративным компонентом и информативностью серию фронтовых почтовых писем - карточек «Великие русские писатели о немцах», хранящаяся в Национальном архиве Республики Татарстан⁵. Вот, например, строки из высказывания М.Е.Салтыкова -Щедрина о немецком менталитете: «Это люди (немцы) злые, мстительные, снабженные вонючим самолюбием и злой памятью...это совершенные исчадия сатаны: они настроят костров и будут бессмысленными глазами следить за муками жертв»⁶.

¹ НАРТ Ф. Р-2157. Оп 7. Ед.хр.4. Л.1.

² Там же. Ед.хр.5. Л.1.

³ Там же. Ед.хр.8. Л.2.

⁴ Там же. Ед.хр.4. Л.1.

⁵ НАРТ. Ф. Р-2157.

⁶ ЦГАИПД РТ Ф.8250. Оп. 1. Ед.хр.5. Л.1.

Зачастую образ врага представлен в письмах в уничижительном виде, в некоторых письмах высмеивается трусость врага: «Я Алексей Алексеевич уже несколько дней участвую в бою с немцами на северо-западном фронте...Удар был до чего удачный, даже они [фашисты – А.И.] не могли раненных отправить в тыл, и когда наши бойцы ворвались на станцию, вскочили в вагоны, немцы заорали по-русски и по-немецки, не бейте нас, стали кричать Сталин гут, хорошо. Гитлеру капут, Гитлер шлехт...»¹. Таким образом, анализ большого числа фронтовых писем позволяет сделать вывод, что их язык почти целиком состоит из конструкций, сформированных бинарными оппозициями «герой – враг», «свой – чужой». Враг в текстах фронтовых писем, как правило, был представлен либо как трус, ибо как «хитрый изворотливый зверь»².

Особое значение дискурсы «герой-враг», «свой-чужой» приобретают в ситуации социального перелома, когда остро встает проблема культурной идентификации. Великая Отечественная война – это именно такая ситуация. Т.В. Евгеньева, рассуждая об идентификационном кризисе личности как форме проявления социокультурного кризиса вообще, замечает: «Своеобразная архетипическая матрица, на основе которой происходит процесс идентификации личности в кризисной ситуации, – категория «мы-они». Корни ее лежат в архаических пластах человеческой культуры: мифологизированное восприятие реальности строится здесь вокруг двух противоположных полюсов. Вариантом этой модели, включающим оценочный элемент, становится категория «свой-чужой». И далее: «Данная модель существует в общественном и индивидуальном сознании в латентном состоянии, не определяя в жесткой форме ориентации и поведение людей, однако в кризисных ситуациях может вытеснить более поздние рационалистические слои, заняв господствующее положение»³. Следовательно, война вызвала потребность сознания опереться на какую-нибудь незыблемую основу. Такой основой стала актуализация в па-

¹ Там же. Д.17 Л.1-2.

² НАРТ. Ф. Р-2157. Оп 7. Ед.хр.8. Л.2.

³ Евгеньева Т. В. Социально-психологические основы формирования политической мифологии // Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования. М., 1996.

мяти героического прошлого, что и было подкреплено конкретными образами великих предков.

Поэтому фронтовой дискурс активно устанавливал связи военной ситуации с историческим прошлым. В этой связи интересны карточки-плакаты с портретами русских полководцев с их изречениями, например А. Суворова: «Воюют не числом, а умением» или М. Кутузова: «Русские не прежде пожелают вкусить сладости мира, как истребив коварного неприятеля, оскверняющего своим нападением землю отцов наших...»¹.

В этом повествовании очень важным является вопрос о том, как и почему советское командование решило применить практику актуализации героического прошлого? Дело в том, что сведения, поступавшие с фронтов, свидетельствовали о серьезной опасности. Фашистские войска оказались очень сильными и беспощадными. Стало очевидно, что предстоит схватка не на жизнь, а на смерть, которая коснется каждой семьи и каждого гражданина. Скорее всего, именно в этот момент вступили в действие психологические механизмы, которые не раз в российской истории спасали страну, находившуюся на краю пропасти. Произошел подъем моральных сил советского народа, оказались задействованы его исторические традиции, готовность к самоотверженности, самоотречению и самопожертвованию во имя спасения своей страны.

Классовые лозунги постепенно вытеснялись из пропагандистского лексикона государства, заменяясь историко-патриотическими. Именно поэтому совершенно закономерным после тяжелых поражений начала войны стало обращение И.В. Сталина к национальным чувствам русского народа, ранее попиравшимся идеологическими догматами «Духовные силы были призваны спасти положение там, где оказались недостаточными силы материальные», — отмечает Е.С.Сенявская². В такой ситуации весьма понятным и логичным оказалось соединение в одной речи Верховного Главнокомандующего на параде Красной Армии 7 ноября 1941 г. революционных советских и старых русских традиций: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра

¹ НАРТ Ф. Р-2157. Оп 7. Ед.хр.5. Л.1.

² Сенявская Е.С. Указ. соч. С.256.

Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!». Именно эти слова позднее будут растиражированы в многочисленных почтовых карточках и открытках военных лет.

Итак, фронтовые письма свидетельствуют, что в ходе Великой Отечественной войны и «образ великих предков» и «образ врага», отношение к нему прошли достаточно сложную эволюцию. В канун войны и в самом ее начале существенное значение имели идеологические стереотипы. Под знаком таких чувств, как любовь к Родине-матери и ненависть к врагу в сознании советских солдат были успешно актуализированы образы героического прошлого России. В психологическом отношении героические схемы исторического прошлого прививались не сразу. Так, язык фронтовых писем 1941 г. не содержит явных свидетельств отождествления врага и зверя. Видимо, нужно согласиться с исследователями, которые считают, что для этого сначала нужно было пережить первый трагический период войны, тяжелый и психологически травмирующий опыт потерь друзей и близких, осознать опасность для родины, чтобы советский солдат проникся к агрессору чувством такой силы. В дальнейшем тема ненависти к врагу становится в письмах обычной. Именно в этот момент на благодатную почву соответствующего состояния сознания фронтовиков транслируются идеологические коннотации с возвеличиванием культа великих предков, побед и успехов прошлого, связанных с ними.

М. Квасны

NATIONAL IDENTITY AND THE SOCIAL CONTRACT IN THE AGE OF TRANSNATIONAL INTEGRATION IN THE XXI CENTURY

Taking into account changes that have taken place in Europe in twentieth century, it should be noted that based on events such as the First and Second World War, that time was dominated by purely nationalist views, which were built on a totalitarian construction. In reaction to the nineteenth century when the ideology was flourishing European countries it define the basic thinking of the national identity. However, this kind of thinking seen from the perspective of several decades brings natural conclusion of its limited and short-lived nature of duration. Somehow that time shows us a way to achieve maximum identification man with the state that

has gone as a result of the events of the second half of the twentieth century in Western Europe. Current ideology of transnational integration announces the collapse of national identity in favor of wider cooperation of European countries.

Nowadays, people have changed their views. Now the word «citizen» is an abstraction, which began in the distant history in Europe and ends with the beginning of the European Community and the ideology of wider integration. Current integration of the countries belonging to the European Union, as well as those aspiring to, based on the principle characteristic of democracy, where the majority decides against the minorities, when economic and financial integration is more important than the "national interest", allows us to see the national identity in a completely different way.

Over the years, when the European Union has established on the ground of European Economic Community, it has introduced the concept of European political union. The current form, based on a multilingual, multinational and multicultural construction is far from any kind of connection man with newly created form. At the beginning of the society language was regarded as a basic creation of national identity, which was characterized with a particular region. To these days it is the national self-identification feature that builds nation's cultural knowledge and proper participation in specific society. Although it is not the most important factor, when it not occurs, that may bring loss of national identity. Taking the example of Switzerland, where the citizens are using four languages, even though they can find a bond, based on common history, place or habits that they identify with. Therefore, what is the national identity and how it's build?

In the first place it should be noted that national identity would mean a bond, which unites man-citizen with the state, its relationship that reflects in his actions, attitude and views, that are characterized by sovereignty. Thus, national identity is a specific manifestation of cultural integration, having a connection with the political awareness with society, resulting from a movement that embraces the people of a specific region at a time when, thanks to the processes of economic and social modernization the society will come out, it will be at the same time mobilized and divided¹.

¹ Habermas J. Obywatelstwo a tożsamość narodowa. Warszawa, 1993. S. 8.

Based on Hobbes theory, it can be said that the national identity has developed from a transformation of nature state by abandoning non-legal and non-political construction in which initially man was found. A transition from state of nature was based on the social contract, which is the *sine qua non* condition for the creation and emergence of a national identity. The author in his theory indicates the existence of the state of nature, where every man is threat to itself, by seeking only what is good for him. Hobbes indicates that the greatest evil for every man is death, and therefore the first and also the fundamental law, it is to protect every man's life, with the permission to make any actions to protect man's existence. As a result of this resolution and taking into account primary human tendency Hobbes concludes that the state of nature is a state of perpetual war of all against all, being a state of constant war. Therefore, it is obvious desire of every man to exit from the natural state in order to protect its life. At this point, the social contract occurs as a contraction build by some part of *ius natural* that man must to resign in order to achieve peace and start to construct society, which is based obviously on the ground of natural law. In its source state of nature is based on the internal contradictions of man to self-preservation. Therefore, there come rational elements that build desire to exit from the state of nature. It is the role of intellect that will mark the contract conditions on which peace between people will be contain¹.

At this point it is worth to stop, pointing a fact that the ground source of national identity in only a small part will be the state of nature, understood as the moment when every man is free and unrestricted by any legal barriers. Nevertheless, because of the danger that brings featured state, this element is still not decisive. It is the social contract that brings crucial source of national identity and shapes it. In consequences every nation has common history, culture and shaped custom that has it's basis in mentioned social contract. In terms of identity state of nature is for man and society simply unsafe, therefore in man interest it is to do everything what is necessary to contain contract in order to achieve peace.

Resignation from entitlements is crucial in relation to the conclusion of the social contract and also to abide it. At this point Hobbes concept of Leviathan shows, that a given community appoint a representative as its sovereign. However, the agreement is included by every single entity. Mentioned constriction provides the sovereign authority to govern every

¹ Hobbes T. Elementy filozofii. T.II. Warszawa, 1956. S. 209-215.

party acceding to the agreement, provided if other parties are granting such a will. This results in creation of a state. Therefore, the sovereign is, by virtue of the contract representative of his subjects, and they were the principals, in order to ensure security and peace. This authority is absolute, because another attribute cause the futility of it's to be contained. This also goes for the dangerous regulation, showing that none of the subjects has the right to seek to deprive the sovereign's right. According to Hobbes theory, Leviathan may even take man's life, if they will seek to change the system of government. This power comes from the fact that the sovereign is not a party of the agreement. This is why any dispute that concerns the way of realization of the contract is not possible¹.

Therefore it can be assumed that the source that builds the national identity by Hobbes's theory will be mentioned Leviathan that represents that on the basis of absolute power will shape every identity. So if man comes out from state of nature, where the only law is to pursuit to live as long as it is possible, the concept of the social contract in authors theory will be the desire to exit from the state of war, in order to strive for self-preservation. However, the author of the agreement will be Leviathan understood as an entity that holds power. At this point, it can be concluded that the national identity, in a particular society will be shaped by natural law, social contract, and the state power. This enumeration, of course, is not exhaustive, but it shows only an example how in terms of political and legal doctrines "nationality" is formed.

What is interesting in the context of Hobbes theory, Leviathan - so identification of power, can be challenged under certain conditions, therefore the authority may be opposed. In some way it defines the right of resistance called *ius resistendi*, indicating when an entity may refuse to execute the will of the ruler. It will be when the resistance will not stand with the purpose for which the social contract was concluded. So it can be showed that the right of resistance reveals a fourth element consisting of the national identity - society.

Unlike Hobbes, Locke pointed out that the state of nature is a state of equality and peace, where everyone has an ideal freedom, in relation to any action, concerning any decisions about themselves and disposition of their assets. The starting point in described theory is an element that every man is ideally equaled, placed in a specific location indicated by God. In-

¹ Ibidem. S. 151-160.

deed every unit must strive to maintain its nature, due to the fact that everyone is equal, so it cannot attempt to subjugate others, because it would be contrary to the will of the creator. In contrast to the concept of Hobbes, the author points out that element that prevents war described, as the state all against all, is the law of nature, that brings for all man fundamental limitations, such as: non-stealing, non-killing or other forms of restrictions on others freedom. Violation of these rules will automatically result in other subject permission to punish those who violate these rights in proportion to the offense committed. This law is a barrier to achieve peace¹.

State of nature, according to Locke may be receive, depending on the interpretation, as an apolitical state with only one important stipulation – not excepted of effects that form so called «subordination». In this state the man is subordinate only to natural law. This kind of construction may appear irregularly in the history of the world however, that most will be identified with the state of nature where people will carry out God's will. For this reason, on the basis of the subordination of nature rights, this state is – as opposed to Hobbes - the state of peace. However, it is worth pointing that both authors present the same principle – the principle of self-preservation. Locke in his theory suggests that in fact the state of war is exceptional, being at the same time in isolation from the initial state. Author gives an example of violation of the most important natural law standard, in the form of the prohibition of killing. Person infringing this principle must expect retaliation from the adversary in order to defense. However, what is important, according to Locke identification of the foregoing aggressor is absolute authority where individuals threatened of such kind of authority can defend themselves as if they were attacked².

Therefore this raises a question why the man left the state of nature trying to create the identity at the national level? In reply Locke indicates that in state of nature everyone is equal and natural law in fact is understandable for everyone, however dictated by own interest and the lack of criteria of usage. By reason of that, there is the lack of judges who are able to, apart from own interest, pass impartial and fair sentence. That is why the authority is necessary to give the guarantee of justice in order to the sentence came into force. Nevertheless people aspire to reinforce all good things thus the guarantee of freedom, property and taking charge of life.

¹ Locke J. Dwa traktaty o rządzie. Warszawa, 1992. S. 267-290.

² Ibidem. S. 308-318.

Therefore, individuals combine their common struggle to ensure peace and justice. However, without the authority, the fulfillment of the two mentioned conditions is not possible. Thus, members of a particular political community have to give up a part of their attributes that they obtain in the state of nature, mainly attributes to self-preservation on behalf of government. That is why where certain parties choose to create a society, they will have to cancel the execution of the laws of nature at the same time transferring this rights to a public authority, which will make law, that will bind all without exception. It follows that a consistent statement of the will of all the participating units forms the political community¹.

The above-mentioned contract is an act of fundamental importance. Established society as its result, depending on many factors, may shape different form of government. Therefore final shape of agreement will decide of the character of national identity. Every concluded contract will vary the provisions on which it is based, but will also define a particular national identity. In some cases it will be shaped similarly in other completely different. It can be assumed that identity is like a *tabula rasa* written by each community in a different way for the common purpose. Therefore it is impossible that national identity will exist in isolation from the social contract, which also according to Locke's concept, finds its basis in the natural and legal standards, due to the fact that society mainly defines their identity. Consequently no matter the form of wielding form of government because if authority does not meet its basis requirements, under the law of resistance, it may be noticed at any time.

Rousseau in his theory indicates that to maintain the state of nature at some point in its existence is impossible, so it is necessary to form a society through the social contract. His creation is based on a total commitment to all of the entitlements to the community, to protect the freedoms and strengthening the individual. Total commitment causes the balance and equity between people, with the result that there are no more people situated better than others. As a result the agreement creates a body that Rousseau called superior (sovereign), which lives its own life. This body is made up of as many individuals involved at the time of conclusion of the contract. Since then, people gain a national title, state is created, being on

¹ Ibidem. S. 343-369.

one-hand particles on other part of the sovereign, whereby in the form of acts is expressed a common desire¹.

Concluded social contract concerns the conditions of participation in the creation of the general will, and thus contribute to the state, culture and a common identity. The agreement is special creation made by people. Established contract changes man in the citizen and community is transformed into the politic body, where the unit works for the general good. State created in this way meets the human moral vocation. The social contract is a mechanism to jointly explore common moral values that does not differ from the values of individual unit thanks to attributes of certain community. According to Rousseau handling an individual's desire is obedience but obedience to the law is freedom². Thus, the legislature determines the conditions prevailing political community. At the time of the creation of a political body - society, the citizen is already using only one route - which is mentioned moral freedom. That is why every unit may be forced by society to obey the rules in case of its resistance.

To sum up, based on the Rousseau theory, it may be indicated that beyond no doubt the creation of national identity is necessary and inevitable. It arises because of the fragility of the state of nature. While pointing the importance of such advantages as moral values, the primacy of freedom, honesty and independence. By showing that equality is the most valuable virtue of social ties. All these elements are influencing the national identity, that folds up "building blocks" of the social contract that each of us is partly defined.

On the other hand it is worth mentioning that the sign of rupture of the social contract, and at the same time a fall of the national identity, was undeniably the French Revolution, showing very strong rights of the people to self-determination and to decide about the shape of identity. The victory of the revolution enabled two facts. The first one is the nature of power, which determines the consciousness of the individual unit, the idea of the state and its place in the structure built by Louis XVI. It should be noted that he was unable to act consistently. In dangerous and hard time he retreated to use force and bloodshed, because in his opinion, this was the only chance to win. Such action, which manifest absence of power, or rather the lack of action in important areas of man, resulted in the loss of individual

¹ Rousseau J.J. *Umowa społeczna*. Warszawa, 1966. S. 21-22.

² *Ibidem*. S. 26-28.

identity, therefore there arises question: who was so good to take care about the population (that was remaining with no rights) if not the sovereign? The second reason is undoubtedly the character of the old order prevailing in pre-revolutionary France. It is worth to mention that the laws concerning the lower states was simply humiliating¹. Therefore the government that has to be both good and fair because in great measure it creates the national identity. No interference of the government concerning the lawless, rejects the possibility of creation the identity unit with the state.

Revolution led to the liquidation of the "official" division, which reflects the status and rights of the individual, with the appearance of the word "citizen". It identifies the individual with the state regardless of a position in the social structure, providing a source of development of a new national identity, because of the amount of mass involved in the process of creating a new state. The right of resistance forming, the final clause of the social contract, has been used, showing how easy the old order can be changed and at the same time how hard it is to shape up new national identity.

Based on the above considerations, it is easy to come to the obvious conclusion that only agreement builds. Social contracts concluded by a particular community are unfortunately not unbreakable, secondly, all the time they are newly established. At the present time, national identity understood as «I citizen» of certain country stops to exist. The idea of wide economic and political integration has become a major resolution in each of the social contract, which is currently building a XXI century national identity in Europe. It must be remembered that on the basis of mentioned France Revolution, the lack of internal agreement in a certain social body may cause the split that is irreversible in its effect providing the loss of identity. But what will mean in the future word «citizen» if the idea of integration falls?

Н.В. Крайсман, Г. Фриман

**INTERCONFESSIONAL AND CROSS-CULTURAL INTERACTION
OF STUDENTS IN THE USA: HISTORY AND MODERNITY**

Since the United States has received repeating waves of immigrants, a persistent theme of American history has been that of the incorporation of the foreigners into the political and social system of the country.

¹ Mączek A. Historia Europy. Warszawa, 2004. S. 492-494.

The dominant interpretation both in American historiography and nationalist ideology had been one of rapid and easy assimilation.

The study of the historical background of the ethnic and religious acceptance phenomenon in the U.S. involves access to resources, especially public education, as an incentive to contributing to the overall socio-economic well-being of society. Modern conflicts world-wide, which are often rooted in or connected with differences in religious practices, dictate the need to improve mechanisms for harmonizing religious relations. Historical forms of interaction between ethnic groups and cultures in the poly-confessional and multi-national states take on the function of models. A correlation with them helps optimize the options for a way out of the modern conflicts of the world community. In fact, dialogue between cultures is the way to ensure, preserve and promote cultural diversity, awareness of identity and accelerate the increase in the total range of values.

The United States occupies a special place among the multinational countries. The breadth of countries of origin comprising this nation influences the initial mood of the inhabitants to cross-cultural communication and leads to the level of the existing multi-ethnic environment intercultural communication. An unbiased analysis of historical experience, a retrospective of the relations of bodies of government with poly-confessional community of the country is the condition for an adequate assessment of the current state of the United States, interconfessional and cross-cultural communication of its peoples¹.

Differences between the peoples belonging to different religions and cultures are the realities of the existence of human society. Encouragement of harmonious relations between nations and ethnic groups, between people of different faiths is an important issue of our time. It is particularly relevant for the United States because of the heterogeneity of its people. Long standing traditions of the neighborhood and residence in one area is important, particularly, for the people of the U.S. We can see a deep history of cross-cultural and interconfessional cooperation in this country.

Usually cross-cultural interaction is a special kind of relationships and connections that are emerging between cultures, as well as mutual influence, reciprocal changes that develop in the course of these relations. Change

¹ Carns, Mark C., and John A. Garraty. *The American Nation: A History of the United States* / Carns, Mark C., and John A. Garraty // University and AP textbook, 14th ed. 2011.

in the state, field of activity, values and spiritual orientation of a particular culture over the long time – become crucial in the process of cross-cultural interaction. It is believed that occasional contacts and other relationships that do not reach the deep level the structure of cultural activity, the value orientations, and lifestyle of a particular culture cannot be attributed to cross-cultural interactions, and they are the forms of coexistence and cultural contacts with each other. The organization and content of teaching the humanities in schools is important in promoting cross-cultural interactions¹.

It should be noted that the American nation is a relatively young multi-ethnic community that was formed in the long process of cultural, economic, social and consumer interactions, as well as in the process of mixing and assimilation of the descendants of people from different ethnic backgrounds, representing all major races of world.

In general, the USA is a diverse country with a multitude of religions. But historically, the first immigrants arrived to the United States were (according to religious affiliation) Protestants, who fled to the New World from Europe. The Protestant religion greatly influenced the course of history of the United States. One of the main concepts of the religion is the desire to work and the promotion of labor, which is a significant factor in economic development of the country. The religious spectrum of the USA covers Protestants, Roman Catholics, other Christians, Jews, Buddhists, Muslims, Mormons and members of unspecified religions².

The United States has consistently been opposed to extremism, the use of religion to undermine social stability, the spread of hostility and xenophobia. The leaders make a significant contribution to the preaching of acceptance, mutual understanding between people of different nationalities and faiths.

The history of immigration to the United States is a continuing story of peoples from more populated continents, particularly Europe and also Africa and Asia, crossing oceans to the new land. Historians do not treat the first indigenous settlers as immigrants. Starting around 1600 British and

¹ Коршунова О.Н. Инновационные подходы к преподаванию гуманитарных дисциплин в контексте реализации перспективного направления «Химия и технология полимерных и композиционных материалов» // Вестник Казанского технологического университета. 2010. №9. С. 847-851.

² Папкова И.А. Религия и международные отношения: состояние дисциплины в США // Полития. 2010. № 1. С. 17-20.

other Europeans settled primarily on the east coast. Later Africans were brought as slaves. During the nation's history, the growing country experienced successive waves of immigration which rose and fell over time, particularly from Western Europe, with the cost of transoceanic transportation sometimes paid by travelers becoming indentured servants after their arrival in the New World. At other times, immigration rules became more restrictive. With the ending of numerical restrictions in 1965 and the advent of cheap air travel immigration has increased from Asia and Latin America, much of the latter "illegal." Attitudes toward immigrants have cycled back and forth between favorable and hostile since the 1790s.

The teaching staff of Kazan National Research Technological University participated in an International Internship Training Program "Textile Design of Polymeric Materials and Modern Methods of Research" at North Carolina State University, College of Textiles, Centennial Campus, USA, in November 2011.

Consistently ranked among the nation's top 50 public universities and ranked by Princeton Review as a best value for students, NC State University is a place where students can fit in – and dig in. Beginning their freshmen year, NC State students start work on their academic major right away – whether it is conducting research alongside faculty or starting a challenging co-operative education program, or internship. While the student population is large, a student will not get lost in the crowd. Faculty and staff are accessible, friendly and helpful; large classes are always paired with smaller discussion sections or laboratories.

With more than 34,000 students and nearly 8,000 faculty and staff, North Carolina State University is a comprehensive university known for its leadership in education and research, and globally recognized for its science, technology, engineering and mathematics leadership.

NC State students, faculty and staff are focused. As one of the leading land-grant institutions in the nation, NC State is committed to playing an active and vital role in improving the quality of life for the citizens of North Carolina, the nation and the world.

NC State's Centennial Campus is a unique community of collaboration. Industry and government partners work alongside faculty, staff, post-docs and students to conduct cutting-edge research in state-of-the art facilities. Home to more than 130 corporate and government research partners, as well as incubator companies, and NC State University research units, the Centennial Campus is the premier university research campus in the country.

NC State produces more than graduates, as the university combines the theoretical with the practical, to create innovators and leaders of tomorrow. With 12 colleges representing all major academic disciplines, a student population of more than 34,000 and nearly 2,000 faculty members, NC State is the largest university in North Carolina. It is also a global center of learning for some of the most important emerging technologies and new sciences now shaping the future of the world – including nanotechnology, biotechnology, biomedical engineering and computer science. Its expertise in these groundbreaking areas is backed by historic strengths in agriculture, engineering, forestry, wood and paper science, textiles, veterinary medicine and design. NC State also provides a high-quality education in the humanities and social sciences, education, life sciences, management, mathematics, natural resources and all the physical sciences.

NC State University consists of 10 schools and colleges: College of Agriculture and Life Sciences, College of Design, College of Education, College of Engineering, College of Humanities and Social Sciences, Poole College of Management, College of Natural Resources, College of Physical and Mathematical Sciences, College of Textiles, College of Veterinary Medicine as well as the First Year College and Graduate School¹.

We became acquainted with the students of College of Textiles, because we participated in an International Internship at this College. North Carolina State University is a surprisingly diverse campus, diverse in ethnicity and nationality. There are students who came to study from many countries of Europe, South America, Asia and Africa. This University creates an atmosphere of interconfessional and cross-cultural diversity. While studying at the university, students have a great experience of communicating with people of different nationalities and religions. They co-exist in harmony and friendship, despite the diversity of their traditions and cultures.

NC State is a diverse community made up of people from different cultures, races, ethnicities, religions, and physical abilities. These differences result in a diversity of ideas, knowledge and worldviews that enhance our education and preparation for work in a global economy. History and personal experiences have shown that when diverse ideas interact, the potential for innovation, creativity and understanding increases. As a research-extensive land-grant university, NC State not only embraces diversi-

¹ <http://www.ncsu.edu/>

ty, but also believes it is central to the academic purpose of the institution. When there is diversity of ideas and people, there is new scholarship, innovation, and increased organizational effectiveness.

There are also students of different nationalities, who came from other countries and children of immigrants on NC State's Centennial Campus. Many students want to know more about the religious traditions of other nations. Realizing that the world is multinational, the students want to peacefully co-exist in it.

University campus life reflects a world in which there is religious pluralism. Foreign students show awareness of the politics in which religion plays an important role. Students understand that interconfessional cooperation is not only important in the formation of national identity, but also in the prevention of ethnic and religious conflicts, in the dialogue of cultures. At the same time, religious conflict can lead to hostility, cultural divisions and religious intolerance, even within a single state.

Students of NC State's Centennial Campus are aware that in modern society the dialogue between Christianity and Islam, Christianity and Judaism, among other faiths is very important. With all the cultural differences, all extraneous features in their history, they share the wisdom, the appeal to the best qualities that are inherent in man. This brings to the ability to search for a common language between confessions. Dialogue between religions is an important component of the dialogue of civilizations.

At NC State, the diversity makes people strong. They will continue to initiate academic curricula and courses, research areas, outreach programs and a campus culture where diversity of ideas and people is embraced. Student groups are an excellent way to expand a circle of friends, learn new cultures, and challenge existing ideas and viewpoints. It is important to note that the University administration pays attention to the religious and racial diversity of students. There are a lot of communities within the university campus that were created to support students of different religious beliefs. Below is a short list of diversity-related organizations and support available to the entire NC State Campus community: Ethnic and Social Student Organizations; International Student Organizations; Multicultural Student Affairs; African American Student Affairs; Native American Student Affairs; National Pan Hellenic Council; Offices of Equal Opportunity & Equity, Diversity & Inclusion, The Gay, Lesbian, Bisexual, Transgender Community Alliance; Hispanic Student Affairs; Greek Council; Office of International Services, Academic Study of Religion Club, and others.

The mission of the Organizations is to promote good will, cooperation and dialogue among all of the religious and faith-based groups represented in the Campus community without any compromise of the beliefs of the particular faiths represented. The Organizations work to help build and foster an atmosphere on Campus conducive to religious life and scholarly pursuit, services, support and opportunity.

Students affiliated with these organizations at NC State meet periodically to discuss anything relevant to the academic study of religions. All students at NC State are welcome and encouraged to join; you need not be involved in a Religious Studies major or minor. Everyone is encouraged to attend events that include lectures, film viewings, performances, trips to local places of worship and respect. They do not endorse any particular religion or lack thereof. They talk about religions and learn about them, enhancing their knowledge of peoples and their traditions.

These organizations represent a diverse variety of faiths, traditions, and beliefs. Despite the differences in faiths that exist between them, the groups work peacefully and diligently on behalf of the university community to provide religious services, spiritual counseling, education, support, and opportunities for involvement. The majority of members actively sponsor student faith-based organizations at NC State and work together to guide, strengthen, and enhance the college experience. As a whole, the different organizations participate in volunteer opportunities on campus, assist with fall welcome activities, help students move in to the residential halls, and hold spiritual fairs on campus to educate the community about religious opportunities and different faiths.

Despite the differences in religious faiths, the organizations work quietly and diligently to provide religious services and counseling, education, support and opportunities for involvement into multinational environment. The organizations sponsor student activities at the University and work together to improve the lives of students of different nationalities. Due to the work of the Organizations, the students become more familiar with each other, have active student life, and arrange various festivals, events and holidays.

The organizations engage in a variety of volunteer activities such as providing food, clothing, and shelter to the homeless, working with cities and communities on emergency preparedness efforts, working to bring families out of poverty and crisis, and supporting a number of campus and community efforts. The organizations' members are also on campus regu-

larly to provide guidance and support to students, engage in discussions surrounding faith and religion, and provide prayer and grief counseling in times of need. The ultimate goal of these organizations is to educate, encourage, and enlighten students in their journey and to assist them in discovering and reaching their highest potential. Additionally, organizations' members provide safe, fun and exciting activities such as comedy shows, movie nights, lunches on the lawn, and so much more.

NC State has an African-American Student Advisory Council (AASAC), composed of representatives of student organizations of Campus. There is also a chapter of the national civil rights organization, NAACP, on Campus for student participation. A drama group, the Black Repertory theatre, encourages the production of African-American plays, and students with no theatrical experience are welcome to learn and take part in theatre. Students may also participate in a number of professional groups, such as the African-American Textile Society, African-American Design Students Association, and the Society of African-American Physical and Mathematical Scientists. The Black Students Board, a branch of the Union Activities Board, sponsors a number of programs including the Pan African Festival. This week-long event in the spring features musicians, dancers, lecturers and other activities.

SNAC serves as an information society of Native Americans and non-natives learn about Native American culture, issues and concerns through field trips, film series, lectures, and other activities. NASA serves as a support group for Native American students at NC State. NASA helped to address the need for the Native American studies class at NC State as well as with the recruitment of Native American students to Campus. AIS-ES is composed of students majoring in the sciences and engineering and focuses on those particular programs through career fairs and job placement. All three groups co-sponsor the Spring Pow-Wow, which gives all students the opportunity to experience Native American culture¹.

Thus, cross-cultural and interconfessional interaction plays an increasingly important role in the cultural, historical and political evolution of modern society. Interacting with other cultures, confessional factor influences the development of relations between peoples, in particular, students. Even for the "multicultural" countries of modern Europe and the USA, the combination of ethnic and religious-communal, social and national identity

¹ <http://www.ncsu.edu/>

is of great importance¹. Historical forms of interaction between ethnic groups and cultures in the poly-confessional and multi-national states take on the function of models, a correlation with them helps optimize the options for a way out of the modern conflicts of the world community. The United States is a country, where, despite the tradition of cultural unification, there is still emphasis placed on ways to enhance the relations between ethnic communities.

М.А. Кукарцева

ВРЕМЯ: ХРОНОПОЛИТИКА, НАРРАТИВ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

В исторической науке эпохи пост-постмодернизма в центре исследовательского интереса оказываются такие темы, как постколониализм, империи, сакральность, религия (постсекулярное), космополитизм, травма, животное (этика), опыт, возвышенное, память². Во всех этих темах лейтмотивом звучит феномен времени. Это вполне объяснимо. Практически вся философская история XX в. была историей исследования времени в его разных аспектах. И хотя сегодня многие философы говорят о том, что увлеченность анализом проблемы времени непозволительно затянулась и настала пора заняться изучением иных объектов и тем, например, феномена пространства, количество обращений философов к рассмотрению топосов темпоральности отнюдь не уменьшилось. Вероятно, это связано с тем, что систематическое и упорядоченное представление о времени все ещё не сформулировано и феномен времени продолжает требовать своей обработки в философских понятиях. Следовательно, есть основания для дальнейшего научного поиска, есть мотив еще раз обратиться к анализу указанного явления, выяснить его неисследованные аспекты. А для историков время вообще является содержанием их науки. Соединенные вместе, оба век-

¹ Гордон А.В. Современный цивилизованный процесс: между мультикультуризмом и фундаментализмом // Россия и современный мир. 2004. №4. С.19.

² См. об этом: Roth M. Review of Sublime Historical Experience, by F Ankersmit // History and Theory 46 (2007): p 66; Dominic LaCapra. History and Its Limits. Human, Animal. Ithaca and London, 2009; Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М., 2010.

тора взаимного интереса двух дисциплин к одному и то же объекту, создали пространство, в котором выложены и различным образом сконфигурированы многообразные концепции исторического, политического и экзистенциального времени. В этой небольшой статье я очерчу некоторые линии сцепления этих концепций в исследованиях исторической памяти, исторических и политических нарративах и хронополитике.

Память и история – величины времени, как внутреннего, так и внешнего¹. Память элементарна и универсальна, именно она является наиболее важным механизмом, конституирующим историю через ментальные процедуры соединения прошлого, настоящего и будущего, так, чтобы сформировался связный континуум этих темпоральных паттернов. Фундаментальной гипотезой такой связности является конструктивизм, согласно которому история делается людьми в настоящем в зависимости от их видения прошлого, то есть в зависимости от того, как они конфигурируют и интерпретируют факты прошлого. История тогда понимается как «конструкция» или даже как «изобретение» историков².

¹ В исследованиях М. Хальбвакса, П. Нора, П. Рикера и др. историческая память фигурирует как коллективная или культурная память. Недавно в России рабочая группа по исторической политике Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека инициировала работу Семинара «Историческая память: XX век». 20 июня 2012 г. состоялось второе заседание Семинара. Основная тема – «Топонимика: историческая память и пропаганда». Докладчики – Ян Збигневич Рачинский (общество «Мемориал»), С.В. Чапнин – редактор православного журнала «Московская Патриархия».

² Эта гипотеза доминировала в историописании второй половины XX века, но она часто не принимает во внимание тот факт, что исторические «конструкции» основаны не только на реальных фактах, но и на фикциях. Работа историка детерминирована его собственными обстоятельствами, которые, в свою очередь, есть результат прошлого. Оно оказывает влияние на ментальные установки того, кто соотносит себя с ним и поэтому становится важна не только итоговая «конструкция», но и весь процесс «конструирования» в целом. История в истинном ее смысле есть синтез факта и фикции, где факт есть свидетельство и информация для формирования фикции. Эпистемология исторического исследования XXI в. отменяет слепое следование принципам реализма или конструктивизма, эмпирического свидетельства или *poesis* истории, и требует принимать их в синтезе.

Проблема, однако, заключается в том, что историческая память акцентирует преимущественно наше прошлое, а не будущее. История же всегда больше, чем просто прошлое. Как темпоральная цепь событий она *реальна* и одновременно *идеальна*, символична, подобно интерпретации, которая производит новое значение в целях коррекции старых и формирования новых ориентаций культуры, в целях неизбежного изменения социальных норм, ценностей и пр. Прошлое становится историей тогда, когда оно не просто сохраняет значение в настоящем, но и воздействует на формирование контуров будущего. В этой точке историческая память как единственная основа истории обнаруживает свою недостаточность. Возникает необходимость дополнить знание, сформированное на основе памяти, более сильными аргументами. Их можно найти в исторической культуре. Последняя, в числе многого другого, основана на разного рода нарративах.

Формулируя нарративы, оформляя в них факты и события, воплощая жизнь в выгодном для нас (или для политических или бизнес-лидеров) повествовании, мы расширяем свои возможности воздействия на людей. На уровне индивидуального сознания задача нарратива – схватывание себя как надвременного существа, включая работу памяти и механизмы забывания, герменевтику опыта. Нарратив коллективного восприятия и нарратив индивидуальной целостности имеют общие корни, поскольку и тот и другой осмысливаются в категориях упорядочения объекта повествования, решения задач приоритетного характера, селекции мотивов последовательности излагаемых событий и, наконец, ответственности за результат. Нарратив – инструмент связности и придания смысла, располагающийся по ту сторону юридических понятий суверенитета и независимости наций. Н. Партнер обращает внимание на то, что, с одной стороны, нарратив – термин постмодернизма, наполненный субъективностью и относительностью, а с другой связь нарратива с сознанием, бессознательным, с его установками давно стала предметом исследований в психологии и психоанализе¹. О значении «психологического нарратива» в конструировании и защите индивидуальной идентичности, о том, что люди обычно излагают свою жизнь в нарративе или в не-

¹ Partner N. Narrative Persistence // Re-Figuring Hayden White. Cultural Memory in the Present. Stanford, 2009.

котором рассказе о себе, писали Й. Брэйер и З. Фрейд, Гален Строссон, Э. Гидденс, Д. МакАдамс и многие другие¹.

Эта идея стала своего рода общим местом в литературоведении, религиоведении, психологии, антропологии, социологии, философии и политологии. Общий хор социально-гуманитарных дисциплин повторяет: нарративы психосоциальны: история своей жизни, рассказанная ее автором, обуславливается его культурой. Эта история как минимум воспроизводит мироощущения героя нарратива, как максимум – аргументирует интеллектуальную позицию или систему его убеждений, тем самым, превращая эту позицию и эту систему в некий политический акт. Если нарративы еще несут и бремя национальной или этнической идентичности, то в них всегда существуют конфликтующие темпоральные параллели, с необходимой отсылкой к исторической памяти, так что вопрос о том, что такое история – дискурсивная конструкция или конструкция реального теряет смысл. Такой нарратив всегда есть результат определенного дискурса, в нем важно не то, *что* рассказано, а то, *как* оно там рассказано. В этом смысле нарратив как инструмент формирования человеческой идентичности, инструмент производства верований и мнений, инструмент принятия решений и суждений в подавляющем большинстве случаев производит иллюзию, симулякр, мера истинности излагаемого в нем измеряется наличием определенного количества фактов, но не их интерпретацией². Нарратив превращается в ловушку слов, слишком переполненных эмоциями, чтобы быть достаточно отрефлексированным. Но вместе с тем, эта ловушка замечательно работает в политике. П. Рикер в работе «Время и нарратив» подробно описал, как именно это происходит, каким образом исторические события становятся источниками консолидации этнической солидарности и идентичности – через коммеморацию, через проявление отвращения одного этноса к другому³.

¹ Фрейд З., Брейер Й. Исследования истерии (1895). СПб., 2005; Giddence A. Modernity and self-idenlity. Stanford, 1991; D. P. MCAdams, R Josselson, Amia Lieblich eds., Identity and Story: Creating Self in Narrative. Washington, 2006.

² См об этом Gardner H. Changing Minds: The Arts and Science of Changing Our Own and Other People Minds. Cambridge, 2004. Не стоит забывать и тропологию Х. Уайта.

³ Там же.

Сама по себе темпоральная структура нарратива исследована хорошо¹. А. Данто выявил ключевой критерий нарративного предложения: «Наиболее общая их особенность состоит в том, что они содержат ссылку, по крайней мере, на два разделенных во времени события, хотя описывают только более раннее из этих событий»². Он полагает, что нарративные предложения относятся к прошедшему времени. А вот Марк Дэй вводит понятие «открытого нарративного предложения» и утверждает, что в этом предложении сочетаются практические установки, ориентированное как в прошлое, так и ориентированные в будущее³. Он считает, что «открытое нарративное предложение», описывая прошлое событие, говорит о нем в терминах более поздних событий, включая и те из них, *которые еще не имели места во время самого нарратора*. Дэй таким образом утверждает, что «открытость» нарративного предложения в некотором смысле указывает на *будущее*. Он подчеркивает, что «все, что, в конечном счете, требуется от нас, это воля: воля сделать это предложение истинным посредством вашего будущего действия»⁴. Оппонируя ему, Дж Горман считает, что «открытость» – это как раз то, чего у нарративных предложений *нет*. Истинными их делают будущие события только в том случае, если *они на самом деле происходят*⁵.

В этой связи очень интересна проблема так называемого «пустого времени» истории, то есть времени, не заполненного фактами и событиями прошлого. Оно появляется потому, что историческое мышление *временно* в том смысле, что история (story) одновременно есть история и мыслящих людей и не мыслящих объектов. На это, анализируя особенности исторического нарратива, указал В. Беньямин. Мы – читатели или слушатели этого нарратива – его современники потому, что мы *синхронны* этому рассказу о событиях прошлого (время рассказа о событии), но *диахронны* этим событиям, которые по определению принадлежат прошлому (время в рассказе о событии). Если нарратор заканчивает свое повествование фразой «все, других

¹ См. об этом Шмид В. Нарратология. М., 2003.

² Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2001. С. 139.

³ Day M. The Philosophy of History. London and New York, 2008.

⁴ Ibid. P. 227.

⁵ Горман Дж. Грамматика историографии // Способы постижения прошлого / под ред. М. Кукарцевой. М, 2011. С. 194.

событий в то время больше не произошло», то между временем события «уже» не случившегося, и временем события «ещё» не случившегося, образуется некое *«пустое» время события чистой возможности*. Вопрос в том, как понимать это время – как время возможного события или как *время рассказа о нем, понятого как событие?* Этот вопрос ставит многие проблемы: исследования природы историографии, систематизации разных концепций исторического времени, исследования оппозиций «дискурс-мысль», исследования форм выражения речи и многие другие. Мне интересно рассмотреть в этой связи нарратив в контексте хронополитики, для которой характерно снижение роли пространства и усиление влияния фактора времени в политике¹. П.Вирильо, предложивший сам термин «хронополитика», пишет о «растворении» трех измерений времени «в потоке ускорения – уже не ускорения Истории (как и локальное время, потерявшей конкретные основания), но ускорения самой реальности, где мировое время обретает новый смысл»². Сам он усматривает этот смысл в структурах новой «дромологической реальности», а мне интересно выявить (или хотя бы нащупать) особенности хронополитики, проявляемой в структурах нарратива.

После холодной войны и распада последних империй (СССР и «социалистического лагеря») появилось множество конфликтующих с собой нарративов, в которых различные «главные» герои делали акцент на собственных героических достижениях. Они подчеркивали собственную жертвенность, чистоту и одновременно разбойничью суть и нечистые мотивы действий противоположной стороны: сербско-косовский, палестино-израильский, ирако-иранский (суннито-шиитский), китайско-тайваньский, китайско-тибетский, чечено-русский, армяно-азербайджанский, киргизо-узбекский, англо-ирландский, грузино-южно-осетинский, грузино-абхазский и многие другие. В этих нарративах нашла свое выражение историческая память, историческая культура народов, а вместе они создали хронополитику своего региона. Рассмотрим некоторые из них.

Сербско-косовский нарратив. Косоварский нарратив имеет свое начало, дугу, свою иерархию в перечислении несправедливо-

¹ О хронополитике в отечественной науке см. работы М.В.Ильина, И.А.Чихарева, в зарубежной – П.Вирилио и Дж.Модельски (Modelski G.).

² Вирилио П. Информационная бомба. М, 2002. С. 14.

стей, побед и триумфов. Сербский нарратив отличается тем же, он дает иную хронологию событий, их причин, по-другому расставляя нравственные акценты. Этническая и политическая идеология отыскивается в исторической памяти. Нарративы абсолютно неконвергентны, их объединяет только один исторический факт XIV века – битва на «поле черных птиц», которая положила начало владычеству турок в этом регионе¹. «Нарратив не вызывает политический конфликт, но нарратив заставляет эмоции и память служить определенным политическим целям и делает свою работу столь хорошо, что сводит возможность политических компромиссов к нулю»². В своем мышлении о настоящем оба нарратива исходят только из прошлого, они не отрезали себя от него, они все еще в нем, а в нем уже ничего нельзя изменить. «Но чтобы смотреть из настоящего на прошлое, настоящему приходится вновь и вновь воссоздавать это прошлое, то есть реконструировать и модернизировать его и тем самым неизбежно его фальсифицировать (здесь слово «фальсифицировать» не оценочное; оно означает выявляющееся в ходе развития науки истории различия между прошлым, как о нем думает данное настоящее, и тем же прошлым в его собственном думанье о самом себе»³.

Н.Партер в цитируемой нами статье ссылается на международный проект историков в рамках Scholar's Initiative (SI), инициированный в 2000 г. проф. Ч. Инграо⁴. Семь команд историков, общей численностью 260 человек писали нарративы о событиях в Косово с

¹ Решающее сражение с турками, превратившееся в общесербскую драму, произошло летом 1389 г. близ города Приштина, в центре тогдашней Сербии, на Косовом поле – межгорной котловине, ныне находящейся на юге Сербии в ее современных границах. С падением Сербии Косово, а вскоре после этого и вся Сербия, в 1389 г. полностью подчинилась Турции. В 1459 г. страна была включена в состав Османской империи и таким образом попала под многовековой турецкий гнет, задержавший экономическое, политическое и культурное развитие сербского народа. Ни одно событие сербской истории не оставило такого глубокого скорбного следа, как поражение на Косовом поле.

² Partner N. Narrative Persistence // Re-Figuring Hayden White Cultural Memory in the Present. P. 93.

³ Пятигорский А., Алексеев О. Политическая философия. М, 2008. С. 58.

⁴http://fsi.stanford.edu/events/confronting_the_yugoslav_controversies_can_scholars_make_a_difference.

разных точек зрения¹. Идея заключалась в создании единого мастер-нарратива под названием «Объясняя Югославскую катастрофу: в поисках общего нарратива»- прозрачного, бесстрастного, хронополитического, логически артикулированного, связного и всеобъемлющего. Проблема, с которой столкнулись все команды, заключалась в том, *что никто не смог написать «безучастного» нарратива*, занять позицию нейтрального наблюдателя. Всеми исследователями нарративы рассматривались как средство формирования национального утверждения, так что итоговый отчет о ходе исследования был изъят в 2007 г. из обсуждения ввиду угроз авторам нарративов со стороны представителей враждующих сторон. Это подчеркнуло очевидное: нарратив есть гораздо более грозное оружие, чем просто дискурс реальности, формальный инструмент трансляции истины. Нарратив обладает сюжетом (см. Ю.Лотман, Х. Уйат), и этот сюжет всегда служит оправданию целей тех или иных политических сил. В случае сербско-косовского конфликта каждый из нарративов объявлял произошедшее насилие исторически «неизбежным», ссылаясь на психологические и социологические основания этого насилия, так сказать, большой длительности. «Нарративная форма, со всей присущей ей символической и трансформирующей реальность силой, образовала четкую границу между крупномасштабными национальными целыми (однако эмпирически бездоказательными или, как мы часто говорим «воображаемыми») и личностной идентичностью. ...История становится не рациональным изложением событий прошлого, а формой обвинения, наполненной эмоциями виктимизации и благоговения»².

Палестино-израильский нарратив. В 2000-2005 гг. Институтом исследований мира Ближнего Востока (PRIME) был проведен весьма показательный эксперимент. Группа израильских и палестинских историков, в целях укрепления взаимопонимания подростков в Израиле и Палестине, написали своего рода учебник истории. Слева на странице этого учебника излагался израильский национальный нарратив, справа – палестинский, а посередине было оставлено место для заметок учеников. В обоих нарративах были указаны три истори-

¹ О Косово эпохи 1974-1990 гг., об этнических чистках 1991-1995 гг., о хорватско-сербских разборках и мере ответственности хорватского правительства за геноцид сербов и пр.

² Partner N. Narrative Persistence. P.96.

ческих события – Балфорская Декларация, арабо-израильская война 1948-1949 гг. и первая интифада 1987-1993 гг.¹ Оба нарратива начинались по-разному. Израильский – с идеи Сионизма, изложения истории еврейского освободительного движения XIX века, личности Теодора Герцля и основанной им Всемирной сионистской организации. Все это было помещено в контекст националистических движений Европы того времени, антисемитизма и пр. Палестинский нарратив начинался со времен Наполеона и его фантастического по тем временам (1799 г.) предложения о создании еврейского государства. Сионизм представлен как готовый инструмент европейского империализма, а евреи – как сила, предназначенная для захвата и колонизации палестинской земли. Такое расхождение двух нарративов не есть вопрос расхождения исторических дат. Это – пример намеренных попыток изменить прочтение истории – по-разному интерпретировать позицию ее главных героев. В израильском нарративе эти герои – евреи как отдельные лидеры, возглавляющие отдельные же экстремистские группы. Они – агенты и проводники своей исторической судьбы, самостоятельные и опасные игроки на определенном поле определенного же историко-политического пространства. В палестинском нарративе главные герои – маленький народ Палестины – беззащитная жертва Большой политической интриги, заговора Европы и Сионизма. Евреи здесь – не более, чем механические инструменты большой разрушительной силы, используемые мастерами мировой политики эпохи квази-империй. Эти нарративы – нарративы националистические, и создать некий объединяющий их нарратив истории народов Ближнего Востока – задача нереальная. Это факт отражает феномен глубоких политических трансформаций, происходящих в мире пост-постмодерна: «понятие территориального соседства [contigui'te] наций устаревает, и ему на смену приходит неразделимость [continuite] видимого и слышимого, а политические границы реального пространства преобразуются в хронополитические границы деления реального времени»².

Ахмад Х. Саади в работе «Катастрофа, память и идентичность: аль-Накба как компонент палестинской идентичности» пишет

¹ Балфорская Декларация 2 ноября 1917 г., в которой Англия объявила о твердом намерении создания еврейского государства на территории Палестины.

² Вирилио П. Информационная бомба. С. 18.

о том, что национальный нарратив стал конструироваться не через архивные исследования историков, документы, а через истории отдельных жизней, воспоминания очевидцев, индивидуальную память, исследования известных точек зрения индивидумов¹. Жизнь нации, пережившей исход (палестинская аль-Накба) редуцирована к физической жизни (экзистенциальному времени) каждого его представителя. А жизнь и конечна, и коротка. Вопрос времени превращается из абстрактной категории в слишком очевидную (политическую) реальность. Она должна быть зафиксирована в нарративе – историческом, национальном и политическом, чтобы дать возможность выжить своим потомкам и помочь выжить своей нации.

Д.В. Кураков

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Развитие демократических институтов в российском государстве обусловило новый виток изучения такого сложного политико-правового явления, как парламентаризм. Поскольку само это понятие неразрывно связано прежде всего с правовыми дисциплинами то и его рассмотрение должно начинаться с определения сущности парламентаризма в рамках конституционного права и теории государства. Между тем в юридической науке в настоящее время пока не сложилось достаточно четкого, развернутого, общепринятого и вполне устоявшегося представления о парламентаризме и не сформировалась единая точка зрения относительно истолкования, содержательного наполнения и определения данного явления. Парламентаризм – это сложное, комплексное явление, которое вбирает в себя многие стороны общественной жизни, и поэтому оно может быть выражено в нескольких формах². Можно выделить с известной условностью две точки зрения о содержании понятия парламентаризм.

Первая заключается в определении парламентаризма во взаимосвязи парламента как воплощения законодательной власти с

¹ Ahmad H. Sa'di. Catastrophe, Memory and Identity: Al Nakbah as a Component of Palestinian Identity // Israel Studies. 7. № 2 (2002).

² Горылев, А.И. Правовая природа современного парламентаризма // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2002. Выпуск 1(5): Гражданское общество, государство и право в современный период. С. 105.

властью исполнительной. На этот счет имеются различные мнения. Как доминирующую роль парламента среди органов государственной власти обозначает Т.Я. Хабриева. Она понимает парламентаризм как особую систему организации государственной власти, структурно и функционально основанную на принципах разделения властей, верховенства закона при ведущей роли парламента в целях утверждения и развития отношений социальной справедливости и правопорядка¹. Подобного мнения придерживаются М.В. Баглай и В.А. Туманов, понимающие парламентаризм как строй, основанный на верховенстве парламента в системе органов государственной власти².

Противоположной точки зрения, не предполагающей ведущей роли парламента среди органов государственной власти, придерживается А.Д. Керимов, определяющий парламентаризм как принимаемую властью и обществом систему взаимодействия определенным образом сформированного, структурированного и реально работающего парламента с другими государственными органами, обеспечивающую его адекватное положение в государственном механизме и выступающую в качестве основного способа организации и функционирования представительной демократии³.

Вторая основная точка зрения, заключается в понимании парламентаризма как теоретической концепции, определяющей деятельность непосредственно законодательной власти. Так, Н.А. Богданова понимает парламентаризм как «совокупность идей и опыта представительного осуществления власти народа посредством парламента», а также как «организацию и порядок осуществления государственной власти, характерные тем, что высший законодательный орган представляет и реально отражает интересы различных социальных и политических сил общества и как власть законодательная является действительным противовесом власти исполнительной, обеспечивая баланс

¹ Хабриева Т.Я. Понятие и место парламентского права России в системе права // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 3.

² Баглай, М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. С. 301.

³ Керимов А.А. Понимание парламентаризма и перспективы его развития в России // Гражданин и право. 2002. № 7/8. С. 48-49.

властей и гражданское согласие»¹. Р.М. Романов под парламентаризмом усматривает теорию и практику деятельности парламента. В частности, он полагает, что парламентаризм возникает и существует тогда, когда парламент наделен полномочиями законодательства, избрания правительства, контроля за его деятельностью и другими органами исполнительной власти, их отставки, а также отставки президента².

Такой широкий разброс мнений не случаен, поскольку теория парламентаризма складывалась постепенно по мере выделения его характерных черт в рамках ряда наук. Вместе с тем рассматривая современное понимание, сущностные аспекты парламентаризма и учитывая многоаспектность, рассматриваемого политико-правового явления, необходимо отметить, что парламентаризм сочетает признаки политического, юридического, исторического и социокультурного характера.

Распространено мнение ряда авторов, возводящих историю российского парламентаризма в той мере, в которой можно о ней говорить, к периоду древней Руси и ведут ее сквозь века к началу XXI века. Однако такое мнение представляется весьма сомнительным, поскольку применительно к этим периодам истории как об органах народного представительства и государства можно говорить убедительно лишь в контексте формирования неких традиций и зачатков «протопарламентаризма». Подлинная же история российского парламентаризма начинается в начале XX в., когда в процессе эволюции политической системы в стране появился новый политический институт – Государственная Дума, наделенная законодательными правами.

В первой половине 1905 г. под воздействием революционных событий Министерство внутренних дел проводит активную работу по созданию законопроектов. 18 февраля был издан царский манифест с обещанием созыва народного представительства. За ним последовал рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина с конкретными пожеланиями в адрес министерства. В разработанном проекте Государственная Дума приобретала статус представительного

¹ Богданова Н.А. Парламентское право в системе конституционного права // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт. М., 2003. С. 29-30.

² Романов Р.М. Парламентаризм: теория, история и современность. М., 2002. С. 276.

органа при монархе и становилась новой составной частью традиционной административной системы монархического государства. Сфера компетенции Думы предполагалась крайне узкой, она была лишена права законодательной инициативы, не могла контролировать деятельность исполнительной власти. Предусматривалось, что народное представительство будет обсуждать подготовленные министерствами законопроекты, роспись государственных доходов и расходов. Было также разработано положение о порядке выборов в Думу по крупным городам, губерниям и областям, а для окраин предполагались особые правила. Высокий избирательный ценз лишал права участия рабочих, значительную часть городского населения, безземельных крестьян и инородцев.

Однако Булыгинская Дума опоздала. Развитие революционных событий к осени 1905 г. достигло своей кульминации. Стала очевидной необходимость внесения существенных изменений в правовую базу создаваемого народного представительства. 17 октября 1905 г. император Николай II под давлением обстоятельств был вынужден подписать Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», провозгласивший дарование свободы слова, совести, собраний и союзов, учреждение народного представительства, привлечение к выборам широких слоев населения. Особо оговаривалась обязательность утверждения Государственной Думой всех издаваемых законов. Манифест стал типичным актом октроированного конституционализма и одновременно положил начало складыванию парламентаризма в России¹. 11 декабря 1905 г. император подписал именной указ Сенату «Об изменении Положения о выборах в Государственную Думу». В нем говорилось о снижении имущественного ценза и привлечении к участию в выборах новых категорий городского населения и фабричных рабочих. И, наконец, 20 февраля 1906 г. был издан Манифест «Об изменении Учреждения Государственного Совета и о пересмотре Учреждения Государственной Думы», изменивший правовой статус законодательных учреждений. Теперь Государственный Совет преобразовывался в верхнюю палату парламента. Опубликованные одновре-

¹ Яковлева О. А. Государственная Дума Российской империи: особенности становления и развития отечественного парламентаризма // Эволюция политической и правовой культуры России. Региональные особенности и влияние европейского фактора. Ч. 3. Великий Новгород, 2006. С. 94.

менно с Манифестом императорские указы «Учреждение Государственной Думы» и «О переустройстве Учреждения Государственного Совета» определяли состав и устройство обеих палат. Все законопроекты, принятые Думой, поступали затем в верхнюю палату, и только в случае принятия их Советом представлялись на утверждение императора. Государственный Совет как орган власти уже имел многолетний опыт работы и сформировавшуюся структуру. Механизм же деятельности Государственной Думы, ее устройство, порядок функционирования комиссий и подкомиссий, внутренняя регламентация были детально зафиксированы в нормативном документе. Вместе с тем, официально оговаривалось зависимое и подчиненное положение народного представительства.

Здесь особое внимание необходимо обратить на разграничение двух понятий – идеи «разделения властей», основанной на рациональном подходе к ветвям государственной власти, и более «евразийской» идеи «ограничения власти» государя, которая далеко не всегда подразумевала четкое и рациональное отделение исполнительной власти от законодательной. Это обстоятельство объясняется спецификой развития российской либеральной мысли. Отечественные либералы под разделением властей подразумевали только способ ограничения самодержавной власти, и, естественно, при таком взгляде на природу этой концепции нельзя было рассчитывать на реализацию принципа разделения властей в его европейском понимании¹.

8 марта 1906 г. император утвердил «Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно и о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных». В них говорилось о том, что в случае отклонения бюджета Государственной Думой производство государственных расходов не должно останавливаться. В подобном случае предполагалось открытие временных кредитов в пределах проекта росписи. Эта мера, значительно урезавшая бюджетные права Думы, обеспечивала правительству возможность финансирования своих проектов в предполагаемых ранее размерах.

Новая редакция Основных законов империи, принятая за 4 дня до открытия народного представительства, зафиксировала определенную эволюцию в государственном управлении. Дума не допускалась к

¹ Керимов А.А. Парламентаризм в современной России. Особенности становления и развития: автореф. дис. . канд. полит. наук. Екатеринбург, 2006. С. 18.

участию в управлении государством в полной мере¹. Вся полнота власти управления принадлежала императору. Он осуществлял общее верховное руководство, ему же напрямую подчинялся Совет министров, назначаемый им и ответственный исключительно перед ним. Народное представительство не имело никакого отношения ни к формированию кабинета, ни к дальнейшей проводимой им политике. Новая редакция Основных Законов определила механизм осуществления важнейшей функции любого парламента – издание, изменение и отмена законов. Прежде всего это касалось права законодательной инициативы, которое ранее принадлежало исключительно императору. Теперь право внесения предложений об издании новых законов, изменении или отмене старых поручили Государственной Думе и Государственному Совету. Исключение составляли сами Основные Законы, инициатива пересмотра которых могла принадлежать исключительно императору. Император обладал правом абсолютного вето.

Таким образом, создание парламента с четко прописанными полномочиями и регламентом его деятельности было несомненным достижением в развитии государственного аппарата. Однако наличие собственно парламента еще не говорит о наличии парламентаризма. Так М.В. Баглай считает, что парламентаризм проявляется в праве принимать законы по любым вопросам, а также в праве формирования правительства и контроля за его действиями². Но это современная точка зрения на парламентаризм. Здесь следует оговориться и представить теоретические построения исследователей начала XX в.

Проанализировав конкретные примеры из истории развития парламентских учреждений в ряде стран и характер их взаимоотношений с монархами и министрами, большинство российских мыслителей начала XX в. склонялось к выводу, что одним из существенных признаков парламентаризма является влияние парламента на назначение министров, определение состава и основных направлений деятельности правительства победившей на парламентских выборах партией (или коалицией партий). Вместе с тем это утверждение не устарело и сейчас, став одним из основных в ряду сущностных признаков парла-

¹ Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве: дис. ... д-ра ист.наук. Пермь, 2009. С. 223.

² Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1998. С. 424.

ментаризма¹. М.М. Ковалевский выразил мнение большинства специалистов в области конституционного права начала XX в., считая, что «парламентаризм существует только там, где глава исполнительной власти, будет ли то монарх или президент, образует свое правительство из членов партии или партий, располагающих большинством в палате или палатах»². Таким образом представляется сомнительным говорить о парламентаризме в России по крайней мере в полном смысле данного понятие.

Вместе с тем следует учитывать и то обстоятельство, что парламентаризм, как и любое другое явление, не может возникнуть одномоментно, так или иначе он проходит ряд этапов своего становления, а значит может существовать в разных формах. Поэтому вполне можно говорить о парламентаризме повсеместно, но с некоторыми оговорками исходя из уровня его развития. Возьмем за основу точку зрения А.А. Керимова, предложившего определенную градацию парламентаризма. В политической системе стран современного мира он выделяет такие разновидности парламентаризма, как: парламентаризм развитый, ограниченный, «имитационный», парламентаризм «рационализированный», «министерский», «разделенный»³.

Развитый парламентаризм может существовать и функционировать только в рамках демократического общества, где в полной мере реализованы такие основополагающие элементы парламентаризма, как принцип разделения властей и верховенство права, прочные традиции парламентаризма, имеются зрелое гражданское общество и политические партии, которые не только являются активными участниками политических процессов, но и несут политическую ответственность за общие дела в обществе. Ограниченный парламентаризм строится на ограничении полномочий парламента и его косвенной подконтрольности исполнительной власти. Такая разновидность парламентаризма характерна для обществ догоняющего типа в развитии парла-

¹ Хасбулатов Р.И. Какая власть нужна России. // Социологические исследования = СОЦИС. 1992. № 11. С. 21.

² Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Том III. М., 1906. С. 167.

³ Керимов А.А. Парламентаризм в современной России. Особенности становления и развития: автореф. дис. канд. полит. наук. Екатеринбург, 2006. С. 14-15.

ментаризма, где в основном декларированы демократические свободы и основополагающие принципы парламентаризма, однако степень их полноты и реализации носят половинчатый характер.

Существование «имитационного» парламентаризма характерно для крайне авторитарных и еще в большей степени, для тоталитарных режимов, где может осуществляться только имитация парламентаризма. При таких режимах происходит монополизация власти и политики, власть может править с помощью законов, принимаемых по своему усмотрению, снижается или сводится на нет роль представительных институтов и оппозиции, нарушается автономия партий и институтов гражданского общества.

«Рационализированный» парламентаризм направлен прежде всего на укрепление президентской власти. Такая необходимость возникает как мера по преодолению слабости и аморфности исполнительной власти, порождающих политическую нестабильность. «Рационализированный» парламентаризм сочетает в себе элементы, характерные для полупрезидентской республики. Система «рационализированного» парламентаризма предусматривает ряд ограничений в организации, статусе и компетенции парламента. В рамках данной разновидности парламентаризма в структурном плане предпочтение отдается двухпалатному парламенту, поскольку бикамерализм способен обеспечить действие системы сдержек внутри парламента. Существенные ограничения касаются и законодательной компетенции парламента. При «рационализированном» парламентаризме сильная президентская власть сочетается с эффективным контролем парламента за деятельностью правительства. Таким образом, двойная ответственность правительства – перед президентом и парламентом – является отличительной чертой «рационализированного» парламентаризма.

«Министериальный» парламентаризм определяется двумя фундаментальными принципами – статусом парламента как верховного законодательного органа без ограничения его законодательных и контрольных полномочий, и парламентарным правлением, парламентской ответственностью правительства, созданного, как правило, на основе парламентского большинства. При этом правительство обладает законодательной инициативой, а также правом ходатайства перед главой государства о роспуске парламента. «Министериальный» парламентаризм основывается в большинстве случаев на совместимости членства в правительстве с сохранением депутатского мандата. Это

позволяет привлекать в правительство не только лидеров правящих партий, но и других наиболее влиятельных депутатов парламентского большинства и тем самым контролировать парламент, получая одновременно массовую партийную поддержку.

«Разделенный» парламентаризм в основном характерен для таких обществ, где отношения между парламентом и главой государства основываются на жестком разделении властей, их значительной самостоятельности, системе сдержек, противовесов и взаимозависимости. При таком парламентаризме законодательный (представительный) орган государственной власти может ограничивать действия главы государства с помощью законов, президент же обладает правом отлагательного вето на решения парламента.

Несмотря на наличие нескольких разновидностей современного парламентаризма, приходится констатировать, что «чистых» моделей, то есть обособленных от всех прочих, государственная практика не знает, так как в каждой, наряду с ее собственными типовыми признаками, всегда наличествуют признаки других.

Таким образом, начало XX в. дало толчок развитию парламентаризма в России. Однако события 1917 г. модернизировали эту систему организации государственной власти, переведя ее на альтернативные парламентаризму начала. Вместе с тем утверждать о наличии парламентаризма в России можно лишь с оговоркой на его ограниченный характер и строго определяя его сущностное наполнение. Подобное определение для парламентаризма начала XX века вполне объяснимо, поскольку он имеет специфические, не аналогичные западноевропейскому парламентаризму социальные основания. Процессу формирования базовых для парламентаризма элементов и либеральных ценностей, который на Западе происходил постепенно, у нас шел с явным запозданием.

А.Д. Лашевская

МИФ И ФАЛЬШСТРУКТ КАК КАТЕГОРИИ АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

На наш взгляд, основной проблемой изучения и анализа социальной, в том числе исторической памяти на сегодняшний день является отсутствие единого научного дискурса. Мы наблюдаем пристальный и все усиливающийся интерес к теме исторической памяти. Но

интерес этот зачастую не выходит за рамки прикладного, укладываясь в риторику исторической политики (большинство дискуссий и исследований посвящены именно вопросам «выборки для памятования» — что и как должно помнить общество, а также проблемам фальсификации истории). Научные исследования исторической памяти в основном сводятся к изучению содержания памяти (что помнят, а что забывают) и феноменов памяти (при помощи каких средств происходит «памятование»). В итоге уже на сегодняшний день мы имеем большое количество интереснейших исследований, посвященных изучению памятников как носителей социальной памяти общества — и исторической, и культурной памяти. Кроме памятников в широком смысле слова в качестве феноменов социальной памяти исследователи выделяют архетипы, религию, язык и миф.

Существенным недостатком имеющихся исследований является то, что историческая память рассматривается как некий отдельно существующий по собственным законам феномен. Между тем историческая память, являясь частью социальной, в которую укладывается память об истории общества, страны — это элемент общественного сознания. Историческая память представляет собой самостоятельный пласт исторического знания, присущий общественному (массовому) сознанию. Общественное историческое знание глубоко мифологично, и потому основной формой проявления исторической памяти выступает миф.

В книге «Смысл истории» Н.А.Бердяев доказывает тезис, что «история есть миф». С той точки зрения, что интерпретация истории чаще всего подвергается воздействию мифологизации, это, конечно же, верно. «Время истории линейно разворачивается из прошлого, через настоящее, к будущему. Время мифа циклично, оно основано на повторяемости и «вечном возвращении» к архетипическим истокам. Отождествление истории и мифа известным русским философом, видимо, не случайно¹. Мифологизация истории в форматах современной культуры неизбежна. Но, если рассуждать терминологически строго, историческое и мифологическое сознание строятся на принципиально разных временных кодах. Это разные формы мышления.

¹ Горин Д. «По ту сторону «принципа истории»: об одной особенности исторического самосознания» // Неприкосновенный запас. 2009. №6. <http://magazines.russ.ru/nz/2009/6/go13.html>

Проблема современной мифологизации истории, мифологизации, развивающейся в благоприятной среде смешения науки, публицистики и политики, включает в себя вопросы об использовании истории как инструмента политики, о взаимодействии так называемой исторической политики и национальной истории, споры о гибкости истории, о возможности управлять прошлым (и своим знанием о прошлом) и т.п. Так или иначе, все это основывается на преобразовании традиционных исторических мифов или возведении на их руинах новых мифов об истории – причем продиктованных именно современными взглядами и идеями. Особенно остра в последние десятилетия эта проблема в Центральной и Восточной Европе, где бурные политические и идеологические процессы взорвали целые пласты устоявшихся исторических представлений. Сложилась ситуация, когда можно говорить (и говорится) о двух типах исторически актуальных мифов – традиционных, наследуемых нами у предшествующих поколений, и «новотворенных», возникающих в прямой зависимости от той *потребности в прошлом*, которую испытывает современное общество.

Наша гипотеза состоит в том, что второй тип есть явление принципиально иное, нежели миф, но возникающее в процессе снятия или разрушения мифа на основании отчасти обратных (мифологическому сознанию) свойств. В реальности разрушение мифа рождает новое явление, которое раньше не было рассмотрено, и которое мы предлагаем обозначить понятием «фальшструкт». Следовательно, миф и фальшструкт – вот две основные формы проявления исторической памяти общества. Далее мы постараемся подтвердить возможности использования взаимоотношений этих категорий для анализа исторической (и более широко – социальной) памяти.

Генеалогия и семантика термина «миф» глубоки и разветвлены. Можно выделить три интерпретационных пласта: 1) типизация мифов, имеющая смысл единого общенаучного системологического каркаса, 2) закрепленное в языке и вытекающее из живой логики языка разнообразие значений, 3) группа социологических конструктов, созданных такими классиками изучения мифологии как Юнг, Леви-Стросс, Малиновский и др. и направленных на выявление тех или иных функций, тех или иных аспектов, интенциональных черт и особенностей мифа. При этом, куда бы ни заходили интерпретации, экстенциональная связность самого термина «миф» сохраняется. Становление всякого мифа происходит из универсальных структурных осно-

ваний. Анализ древней мифологии подводит к некоторому пониманию современного мифотворчества¹.

Это позволяет нам пользоваться тем общепринятым, практически обиходным значением, в котором это слово употребляется в современной жизни – причем именно по отношению к явлениям, находящимся внутри границ исторической актуальности. В этом значении миф – суть некоторое логически структурированное представление о реальности (выраженное в диапазоне от лаконичного суждения до сложного социального феномена), возникающее в результате а) идеализации и б) редукции данной реальности на основании недостаточно верифицированного знания, вследствие чего с удобной для массового сознания образностью эту реальность искажающее.

Итак, нас интересует не столько следование той или иной парадигме, в данных рамках неизбежно приобретающей характер интерпретации, а выявление тех самых универсальных оснований, которые, с одной стороны, заложены в любом из аналитических подходов, а, с другой, свойственны любому явлению, нарекаемому мифом.

И первым из таких оснований является мифологическое сознание.

Мифологическое сознание – источник и, одновременно, носитель мифа – один из онтологических типов человеческого сознания. Даже если имеются совершенно конкретные авторы либо инициаторы мифа, сам он разворачивается в общественном сознании, охватывая крупные социальные группы, и в этом случае можно говорить о «двухъярусном» субъекте мифа. То есть свойства мифа – не его внешние признаки, а именно свойства мифологического сознания.

Сущность мифологического сознания можно выразить последовательностью трех моментов:

1) схватывание какого-то явления, события, поступка в его абсолютной данности, разворачивающее эмоциональную целостность впечатления: *удивление*;

2) отождествление некоторого смысла, заключающегося в будущем мифе, и восприятия: *присвоение*;

3) проекция образа в определённую смысловую плоскость: *идеализация*.

¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 1990.

Мифологическое сознание – это способ наиболее простого, яркого, выразительного и вместе с тем примитивного, условного освоения действительности¹. Из чувственной непосредственности восприятия оно выводит в направлении, противоположном логическому сознанию: задача мифологического сознания состоит не в постижении, а в редукции сложности мира, в приведении ее к яркому, удобному для пользования и для обучения двумерному изображению. Будучи важным элементом психики, при переходе на социальный уровень мифологическое сознание раскрывает свои трансляционные возможности.

Причем, как отметил философ и культуролог И.Г.Яковенко, «мифологическое сознание по своей природе не исторично. И историческая мифология возникает как ответ на потребность общества: не профессионалов, не гуманитариев, не историков, а просто живых людей. Существует потребность в таком мифологическом переживании мира»².

Во-вторых, современный миф создается его участниками, свидетелями, или интерпретаторами, находящимися на небольшой «исторической дистанции» и с активным участием тех людей, для которых содержание становящегося мифа является не просто живым прошлым, но и задает тон настоящему, и освещает будущее. Тут выясняется следующая важнейшая социальная функция мифа: посредством мифотворчества люди объясняют сами себя, проецируют свою индивидуальность и сотканную из множества противоречий жизнь на некую, идеальную смысловую плоскость, где эта жизнь обретает оправданную, общественно подтвержденную типичность и цену. Ролан Барт писал о том, что одна из «задач мифа заключается в том, чтобы придать исторически обусловленным интенциям статус природных, возвести исторически преходящие факты в ранг вечных»³.

Миф явно имеет прямое (относительно стрелы времени) направление: он рождается в виду передачи последующим поколениям и воспринимается ими как вдохновляющая, требующая усвоения или переосмысления традиция. «Миф носит императивный, побудительный характер, отталкиваясь от конкретного понятия, возникая в со-

¹ Лосев А.Ф. Указ.соч.; Барт Р. Мифологии. М., 1996.

² Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью? Материалы коллоквиума. М., 2009. С.62.

³ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 111.

вершенно определенных обстоятельствах (... Французская империя в опасности), он обращается непосредственно ко мне, стремится добраться до меня, я испытываю на себе силу его интенции...»¹. До той поры, пока это так, миф сохраняет свою актуальность. Отсюда – наличие у мифа судьбы, что можно выделить в третье свойство.

Наконец, миф основан на незнании или знании выборочном, неполном, редуцированном. То, что на индивидуальном, психическом уровне является элементом сознания, на социальном уровне разворачивается в самостоятельное свойство общественного сознания. Это свойство определяется способностью игнорировать целые фактические пласты, используя только хорошо адаптированные, укладываемые в конкретное мифологе «факты», независимо от их достоверности.

Итак, исторически актуальный миф устойчив столько и постольку, сколь долго и успешно он оказывает влияние на те или иные социальные группы или на общество в целом. Что же происходит с таким мифом, если он в какой-то момент перестает удовлетворять новейшим установкам, представлениям, открывшимся фактам, если миф вступает в противоречие с обновлением общественного сознания? Он развенчивается, разрушается. Крушение некоторых коренных мифов производит в обществе сильнейшие сотрясения. Но миф не отбрасывается просто так. Его разрушение есть и переосмысление в то же время. Что-то должно вырасти если не в точности на том месте, которое он занимал, то в той же области. Вот как описывает это философ и историк А. Гулыга: «Миф – форма сознания, свойственная человеку, как свойственны ему другие формы сознания. Разрушение мифа приводит не к господству рациональности, а к утверждению другого мифа»².

Однако эти «новые мифы» не только не удовлетворяют, но во многом противоположны сформулированным выше четырем основаниям мифотворчества. Поэтому мы полагаем необходимым предложить научному сообществу новое понятие, которое позволило бы выделить и описать в современной мифологии своеобразный ряд явлений, подпадающих под условия реструктуризации разрушенной ми-

¹ Там же. С. 90.

² Гулыга А. Миф как философская проблема // Античная культура и современная наука. М., 1985. С.275.

фической области. Такое новое, но этимологически «говорящее» понятие – *фальшструкт*. Впервые этот термин был использован на Международной конференции памяти Л.Н. Когана в г. Екатеринбурге; в последующих работах (в том числе настоящей), мы стремимся вывести его из первоначального контекста социальной эпистемологии и расширить область применения.

Приведем пример, позволяющий уяснить смысл этого понятия. Роман «1984» Оруэлла. В его государстве, созданном скорее скрупулезностью наблюдения, чем вымыслом, документированная история, как и ее отражение в общественном сознании, – это, во-первых, исключительно политическая история, а, во-вторых, ее содержание полностью определяется требованиями настоящего. То есть в каждый момент прошлое таково, каков этот («сегодняшний») момент. Другой истории, «объективного прошлого» нет, ведь постоянная перемена, переделка прошлого разрушает в человеке саму способность быть хранителем памяти. Вопрос об объективности исторической памяти – одна из главных тем оруэлловского романа, который дает чрезвычайно яркую и притом классическую презентацию фальшструкта. Фальшструктуризация сознания совершается, прежде всего, в обществах, проникнутых духом фаллибилизма, с преобладанием разорванных вертикальных (особенно семейных) связей, с ослабленным интересом к истории, а также в обществах с резкой социальной и географической динамикой. Все это, как по частям, так и в совокупности, определяет малую глубину исторической памяти, то есть такое состояние массового сознания, при котором представления об отдаленном прошлом зависят от характера *настоящего*. Оруэлловский гротеск относится к художественному выражению темы, которая сама по себе не только реалистична, а и не единожды была реализована в истории.

Приведенный пример позволяет выделить такое сходство мифа и фальшструкта, как «двухъярусность» субъекта, который делится на а) «элиту», иницирующую фальшструкт, и б) распространяющее, осуществляющее его массовое сознание. Этот пример крайне идеологичен, и может показаться (нам встречались такие возражения), что фальшструкт – лишь перифраза идеологического управления обществом. Что это не так, мы покажем далее.

Говоря об общественном сознании, мы не только вносим в это понятие метафорический элемент, но и прямо указываем на то, что некоторые общественные явления нуждаются в своем объяснении в

ссылке на индивидуальный психологический комплекс человеческого сознания. В этой связи интересно проследить психологические основания фальшструкта. Алогизм сновидений создает иногда образы, с которыми не может примириться сознание, прибегающее тогда к казуализации задним числом. То есть возникновение такого образа разворачивает его предысторию, которая в результате психологической инверсии воспринимается во сне именно как объясняющее прошлое, тогда как в нейрохимической действительности следует *из* образа. Если уподобить еще обычные сны мифам (преобразующим реальность жизни), то получается удачная структурная метафора взаимоотношений мифа и фальшструкта: второй появляется там, где первый исчерпывает свои адаптивные возможности. Но нам бы хотелось пойти дальше и указать на скрытые в данной метафоре универсальные особенности сознания, особенности, которые, будучи выведены из психологических пределов на общественную арену, задают тон и направление каким-то глобальным процессам уже в массовом сознании.

Любопытно проследить явление фальшструкта в художественном языке. Изменение значений слов и фразеологических норм приводит к некоторому искажению восприятия старых текстов. С другой стороны, современные исторические произведения (литературные, кинематографические), претендующие на подробное и точное изображение прошлого, не умеют воспользоваться его, прошлого, естественным языком – именно из-за его неестественности для сознания, и вынуждены синтезировать некую стилизацию, а иногда комически заставляют древних героев выражаться сегодняшними оборотами.

На социально-бытовом уровне самым общим показателем фальшструктивных сил массового сознания служит отношение к *коллективному* прошлому, находящемуся в пределах *личной* памяти: «...люди...инстинктивно рассматривают прошлое подобно великим греческим философам, которые помещали золотой век не в конце, а в начале времен. Хотя в нашей жизни были периоды, которые мы бы охотно из нее вычеркнули, хотя мы вряд ли пожелали бы пережить ее заново всю целиком, но какой-то ретроспективный мираж внушает многим из нас, что сегодня мир стал более тусклым, менее интересным, чем был прежде – особенно в дни нашего детства и юности»¹. При общеизвестности этого феномена, при том, что сам Хальбвакс

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 143.

замечает: «Не потому ли... они искажают свои детские воспоминания, что втискивают их в рамки настоящего?»¹, все объяснения оставляют мысль неудовлетворенной. Фальшструктивный подход проясняет следующую схему. Сознание постоянно мифологизирует жизнь, закрепляет ее в удобных образах, создает предпосылки для психической последовательности и однородности. Тем самым память человека служит расширению и логическому развитию мифологической системы. Но в то же время – вернее, во всякое последующее время – схваченное *настоящим* сознание соотносит это настоящее со своим прошлым, причем так соотносит, чтобы прошлое оставалось в логическом соответствии с настоящим, которое определяет, что и насколько помнить. Естественное же требование настоящего, имеющее универсальное социально-психологическое значение, на одном из исторических коллоквиумов было озвучено примерно в следующих выражениях: нам нужна героическая, оптимистическая, радостная история, ретуширующая комплексы вины и рабства и акцентирующая наше внимание на пафосе и деяниях². Действительно, как в государственном масштабе, так и применительно к личности действует один и тот же закон, требующий такого прошлого, которое бы объясняло, оправдывало и вдохновляло наше настоящее. В результате стрела обратной связи прорезает память, порождая перманентный конфликт образов. И если фальшструкт не разрешает этот конфликт, то болезненные комплексы легко поражают общество или психику.

Уже из этих примеров ясна последовательная инверсия мифологических оснований в фальшструкте. Соотнося с вышеозначенными пунктами II-IV, мы получаем следующую картину. Фальшструкт имеет обратную (относительно стрелы времени) направленность, его активное, преобразующее острие устремлено в прошлое, в образе которого и производит изменения. Источник же энергии находится в настоящем, тогда как активное действие мифа всегда исходит из прошлого. Далее, если говорить о социально-исторических фальшструктах, то они создаются постфактум, со значительным временным или смысловым разрывом, иногда через поколения. Заглавным тут, как и в мифе, является мотив «самооправдания», верификации настоящего.

¹ Там же. С. 140.

² Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью? Материалы коллоквиума. М., 2009.

Однако из этого совпадения и развивается противоположность. Если для мифологизированного бытия актуальна проблематика самовыражения в соответствии с разработанными идеалами, то фальшструкт в разработке идеалов обращается к традиции, за счет нее не только объясняя реальность, но и проектируя будущее. Разрушение мифа есть разрушение наивных, утрированных представлений. Сообразно этому фальшструкт стремится опереться на знание. Но знание это, во-первых, обязательно подлежит фильтрации и интерпретации даже и в научной среде, а во-вторых, существенно искажается при ассимиляции в общественном сознании, «на втором ярусе». Причем такие искажения вызываются не какими-либо внешними факторами, вроде умысла фальсификаторов или изъянов в историческом образовании, а самую спецификой общественного сознания, любые откровения, суждения, истины переводящего на свой собственный язык. Переход от мифа к фальшструкту есть сдвиг пластов внутри общественного сознания. Миф оперирует фактами (зачастую игнорируя одни и гиперболизируя другие), а фальшструкт, будучи фактографически более достоверным, — смыслами, и в этой тонкой интерпретационной игре растворяется возможность объективного научного знания, собственно, и образуя питательный раствор фальшструктуризации.

Таким образом, мы приходим к инверсии в пункте I, именно — к утверждению возможности обращения мифологического сознания и появления, в результате обращения, его фальшструктивной формы, безусловно, тесно связанной с мифологическим источником, но все же вполне самостоятельной, обладающей набором специфических свойств и лежащей в основании разнообразных когнитивно-темпоральных процессов в сфере человеческого сознания.

Такая тесная связь мифологического и фальшструктивного сознания обеспечивает рекуррентный характер общечеловеческой памяти, то есть создает поток отношений и представлений, образов и значений, направленный как от прошлого к настоящему, так и от настоящего к прошлому, причем обе ветви этого потока оказывают воздействие друг на друга. Возникает «круговорот» памяти, основанный на ее возвратно-поступательной работе, что и служит источником движения сознания. Зачастую во временном смысле содержательно наследующие друг другу миф и фальшструкт структурно почти сливаются, представляя словно бы две стороны одного явления. То есть внешнее отрицание, осуществляемое фальшструктом по отношению к

мифу, лишь актуализирует ту внутреннюю диалектическую оппозицию, которая уже содержится во всяком мифе. Поскольку фальшструкт переосмысляет миф с передовых (во временном смысле) позиций, то он стремится создать не редуцированный, а усложненный (по сравнению с мифическим), синтетический образ. Тем не менее, ограниченность знания и идеализирующий импульс подчеркивают родовое происхождение фальшструкта.

Возникает естественный вопрос, насколько неизбежна фальшструктивная форма в судьбе мифа, когда и почему совершается такой переход. Ведь многие мифы тихо и спокойно умирают. Другие просто выходят из пределов исторической актуальности, – и потому как бы их ни опровергала наука, в общественном сознании они бессмертно статичны.

Вопрос о *достаточных* условиях возникновения фальшструкта остается открытым. Историческая актуальность создает только условия *необходимые*. Но остановимся на них: по нашему предположению, перейти в фальшструкт способен миф:

1) связанный с какими-либо историческими событиями, явлениями, процессами, 2) репродуцируемый, то есть не просто передаваемый в виде эстафетной палочки, а возрождаемый, «активируемый» в каждом последующем поколении, на очередном витке истории, 3) сохраняющий важным для общества свой изначальный смысл; и при этом 4) вызывающий в настоящем то ощущение причинности, которое (прибегая к тавтологии) само есть вызов настоящему, 5) оказавшийся на роковом изломе времени.

Теперь мы можем определить фальшструкт как образ прошлого, а) возникающий в среде особым образом подготовленного (фальшструктивного) сознания, б) выстроенный *по направлению* к реалиям, интересам и смыслам настоящего, в) взятый в некоторой аспектной неполноте и в данном аспекте достаточно хорошо систематизированный. В более общем виде логично именовать фальшструктом также реализацию такого образа в различных символах, памятниках, инсти-туциях и т.п. выражениях исторической памяти общества.

М.И. Леонов

Е.Ф. АЗЕФ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Отечественная историческая память хранит однозначно воспринятый образ одного из организаторов, членов ЦК, куратора Боевой

Организации, сакральной фигуры партии социалистов-революционеров и выдающегося тайного агента департамента полиции Евно Фишелевича Азефа. О нем написано невероятное количество газетных и журнальных статей, воспоминаний, публикаций документов, специальных исследований различного уровня и жанров, романов, пьес, кинофильмов. Дело стало только за ораторией и балетом.

Вот некоторые эпитеты и метафоры из работ известных специалистов: «отталкивающе загадочный Азеф, пятнадцать с половиной лет игравший в прятки с революционерами и одновременно с царской полицией и знавший лишь одну подлинную страсть – страсть к деньгам», «получал щедрое (до тысячи рублей в месяц) вознаграждение от полицейского ведомства и в то же время бесконтрольно запускал руку в кассу Боевой организации, присваивая себе тысячи, если не десятки тысяч рублей», «это имя давно стало символом низости и предательства», «нарицательным обозначением вероломства и предательства», «малопривлекательный в личном общении» «презренный предатель», «двурушник», «кровавый убийца», «трус», корыстолюбивый и честолубивый жадный негодяй, провокатор ради славы¹.

В исторической памяти образ Е.Ф. Азефа неразрывно связан с террором и Боевой Организацией партии социалистов-революционеров. Образ легендарного сверхчеловеческого предателя-провокатора, движимого корыстолюбием, обманывавшего все и вся создан в первую очередь усилиями В.Л. Бурцева, В.М. Чернова и Б.И. Николаевского. Попытка А. Гейфман вернуться к столыпинской аналитической трактовке воспринята неприязненно².

¹ Ерофеев Н. Азеф // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С.21; Тютюкин С. В. Вокруг современных дискуссий об Азефе // Отечественная история. М., 1992. №5. С.179; Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993. С.173; Письма Азефа. 1893 – 1917. М., 1994. С.3.

² Гейфман А. Три легенды вокруг «дела Азефа» // Николаевский Б. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М.: Высшая школа, 1991; ее же. В сетях террора. «Дело Азефа» и русская революция. М., 2002. Отношение к предложенной А. Гейфман трактовке образа Е.Ф. Азефа см.: Тютюкин С. В. Вокруг современных дискуссий об Азефе // Отечественная история. М., 1992. №5; Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993. С.197; Будницкий О.В. Терроризм в россий-

Историческая память мифологична. Миф – это сказание о мире и месте человека в нем, баснословие, согласно В.И. Далю. В мифе форма тождественна содержанию и потому символический образ представляет то, что он моделирует. Важнейшая функция мифа создание модели, примера, образца. Совокупность мифических представлений составляет мифологию, систему определенных представлений о мире, универсальной категорией которой является герой или антигерой (злодей)¹. Е.Ф. Азеф в отечественной исторической памяти – антигерой.

Как агент (секретный агент) департамента полиции Е.Ф. Азеф выполнял определенные функции. С этой точки зрения не имело значения, был ли он брюнетом или шатеном, чревоугодником или аскетом, женолюбом или женоненавистником, корыстолюбцем или идеалистом и т.д. и т.п. Государство в его противодействии с революционерами нуждалось в информации, предоставить которую могли только секретные агенты. Поставлял эту информацию агент за оплату или исключительно из идейных и бескорыстных побуждений для содержания информации не имело ровно никакого значения. Имело значение, была ли она адекватной и достаточно исчерпывающей. Важно было также, соблюдалось ли при получении информации действующее законодательство. В этой связи стоит смыкающаяся с этикой проблема, обозначаемая понятием «провокация». Революционеры называли провокатором (предателем) любого, причастного к их организациям, кто доставлял информацию властям. П.А. Столыпин в речи о деле Азефа пояснял, что провокатор – это агент, который не только для видимости, для сохранения своего положения в партии выказывает свое сочувствие видам и задачам революции, но и вместе с тем одновременно побуждает, подстрекает кого-нибудь к революционным выступлениям, играет двойную роль и сообщая об антиправительственных действиях и участвуя в них².

ском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) М., 2000. С.188.

¹ Мифология. М., 2003. С.652-658.

² Речь о деле Азефа, произнесенная в Государственной Думе 11 февраля 1909 г. в ответ на запросы №51 и 52 // Петр Аркадьевич Столыпин. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911. Нам нужна великая Россия ... М., 1991. С.189.

Гиперболизированный образ всеильного и всемогущего злодея-сатаны Азефа, равно обманывавшего в своих интересах и власть, и революцию, исходит из предположения о неконтролируемом агенте неконтролируемого учреждения розыска. Должно сказать, что Департамент полиции, функционировал в бюрократической системе, наравне с другими государственными структурами, и функционировал, наравне с другими, как контора¹. Контора не антропоморфна. Человеческие пристрастия и эмоциональность ей не свойственны, она действует согласно регламенту, своего рода программе, фиксируя, многократно дублируя и постоянно перепроверяя информацию. Сотрудники, от директора до письмоводителя, филера и агента, действовали в соответствии с предписаниями. Некоторые (их число незначительно), такие, как М.С. Комиссаров, не гнушались провокации, или, такие, как А.П. Меньшиков, в своекорыстных интересах копировали информацию и передавали революционерам, или, такие, как бывший директор учреждения А.А. Лопухин, совершали государственное преступление, выдавая секретного агента. Все эти флуктуации не сказывались серьезно на характере функционирования конторы.

Департамент полиции во время службы Е.Ф. Азефа подразделялся на секретную часть, восемь делопроизводств, и особый отдел. Каждое подразделение департамента имело утвержденную номенклатуру дел, исходящих номеров, угловых штампов. В разные годы наблюдательные функции за политическими делами осуществляли 3-е, 5-е, 6-е и 7-е делопроизводства, они же составляли справки для следственных органов; финансовые дела были прерогативой 1-го делопроизводства. Велась картотека политических деятелей, в том числе и агентов².

Кроме перманентного бюрократического контроля, создавались ведомственные и сенаторские комиссии, которые исследовали обстоятельства, связанные с крупными политическими эксцессами, особенно такими, как покушения на виднейших сановников. Обстоятельные расследования велись в связи с покушениями на Д.С. Сипягина, И.М. Оболенского, Н.М. Богдановича. После убийства министра

¹ «Функционируя как огромный компьютер» // Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. С.173.

² Перегудова З.И. Политический сыск России (1880 – 1917). М., 2000. С.27-57, 256-267.

внутренних дел В.К. Плеве департамент полиции, расследовал, в частности, что делал накануне и во время покушения Е.Ф. Азеф. Для этого директор департамента А.А. Лопухин вызвал в Петербург заведующего заграничной агентурой Л.А. Ратаева. Следствие не нашло никаких улик, свидетельствующих против секретного агента¹. Для выяснения обстоятельств убийства великого князя Сергея Александровича в Москву были командированы директор департамента полиции А.А. Лопухин, сенатор С.Э. Зволянский, бывший обер-прокурор Сената А.Т. Васильев, «которые подробно изучали все данные охранного отделения»². Скрупулезное вневедомственное следствие было произведено в связи с покушением на московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова. Отметим, что вопреки распространенной версии об аресте во время покушения Е.Ф. Азефа в булочной Филиппова, откуда, якобы и пошел его псевдоним «Филипповский», следствие констатировало, что нет никаких фактов задержания кого-либо в этой кондитерской. Позднее это вывод подтвердила и комиссия сенатора А.В. Муравьева³. Эта комиссия, созданная в связи с процессом А.А. Лопухина (1909 г.), рассмотрела весь служебный путь секретного агента Азефа. Результаты расследования были изложены на 190 листах дела «Об Азефе. Следственная комиссия Муравьева. Дела Департамента Полиции об инженере Евно Азефе».

Своего рода вневедомственный контроль проводился следствием и судом. Немалое число революционеров, в их числе террористы Ф.К. Качура, Е.К. Григорьев, Ю.Ю. Юрковская, раскаялись и дали обстоятельные чистосердечные признательные показания. Следствие использовало разнообразные материалы, в том числе и донесения агентов. При подготовке процессов всесторонне изучались комплекс сведений, в значительной части почерпнутых из дел департамента полиции. Особенно обстоятельно изучались дела департамента полиции в связи с процессом А.А. Лопухина и запросами о «деле Азефа» в Государственной думе. Показания руководителей секретного агента Азефа содержали также сведения, не отраженные в официальном делопроизводстве.

¹ Петр Аркадьевич Столыпин. Полное собрание речей. С.195.

² ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.314. Д.31. Л.78-79

³ Там же. Л.91.

Е.Ф. Азеф находился в поле зрения розыскных служб с 90-х гг. «Журнал наблюдений» за членами «Союза социалистов-революционеров» содержит подробные и красочные записи передачи им лидеру организации А.А. Аргунову стального вала для типографского станка. Операция проводилась с одобрения С.В. Зубатова. Во время пребывания в России в 1902-1903, 1904 и в последующие годы с Е.Ф. Азефа глаз не спускали. На свидания с революционерами он тогда и позднее многократно отправлялся в сопровождении агентов наружного наблюдения. 21 сентября 1902 г., вызванный из Петербурга Г.А. Гершуни, он выехал в Киев для переговоров с организаторами и руководителями Боевой Организации. Сопровождавшие его опытные филеры фиксировали его встречи с киевскими комитетчиками, а 27 сентября 1902 г. – с Г.А. Гершуни, П.П. Крафтом, М.М. Мельниковым¹. В январе 1904 г. Е.Ф. Азеф по указанию А.А. Лопухина дважды встречался с руководительницей террористической организации С.Г. Клитчоглу в Петербурге, а также с хранителем динамита для бомб П.Г. Душевским в Варшаве. Естественно, его сопровождали филеры².

В Берлине, где он в начале XX в. обретался часто, за ним, его братьями и сестрами наблюдали сотрудники А.М. Гартинга (Геккельмана). «Вообще это какая-то странная семья, – сообщал Л.А. Ратаеву 19 ноября / 2 декабря 1902 г. заведующий берлинским охранным отделом – Евгений Азеф инженер Allgemeine Electricät Gesellschaft, важный социалист-революционер, разъезжает свободно по России, он был некоторое время тому назад в Петербурге и Киеве»³. А.М. Гартинг, располагал тремя агентами наружного наблюдения и шестью секретными агентами, которые снабжали его информацией об Е.Ф. Азефе. Особенно ценными были сведения З.Ф. Жученко (Гернграсс)

Гартинг не выпускал Азефа из поля зрения и позднее. В августе 1906 г. вице-директор департамента полиции просил Гартинга «не выпускать за границы из виду деятельности и сношений известного

¹ ГАРФ. Ф.102. ДП. ОО. Оп.316. 1898 г. Д.1. Ч.16. Л.44-47.

² ГАРФ. Ф.509. Оп.1. Д.18. Л.2-3; Леонов М.И. «Дело Клитчоглу-Тютчевой» (террор и политическая полиция) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2008. №4 (8). С.7-9.

³ ГАРФ. Ф. Р-10003. Оп.1. Д. 168.

Вам Евно Азефа». Тот в свою очередь «неоднократно просил разрешение войти в непосредственные сношения» с Азефом. В июне 1906 г., будучи заведующим заграничной агентуры («заграничной охранки»), он обратился к вице-директору департамента полиции Э.И. Вуичу с просьбой разрешить ему вступить в контакт с приехавшим в Париж Е.Ф. Азефом, «полагая, что в моем положении мне будет легче быть всесторонне осведомленным с его деятельностью», той «странной ролью», которую тот играл в Париже, что побудило Гартинга даже временно отстранить свою агентуру от местной группы эсеров. Ему в очередной раз отказали. Тем не менее, Гартинг не отступал и многократно просил разрешения установить контакты с Азефом и обращался к начальству с вопросом, «оказывает ли он (Е.Ф. Азеф) департаменту агентурные услуги и получает ли по сию пору содержание из сумм департамента полиции». В конце концов, ему приказали воздержаться от попыток установить с Е.Ф. Азефом связь. Весной 1907 г. столичный розыск получил информацию, что несколько лиц, среди них и Азеф, заняты изготовлением разрывных снарядов огромной силы. Гартинга обязали «направить все усилия агентуры к выяснению мельчайших деталей этого дела». К июлю этого года Гартинг, выяснив место пребывания Азефа (деревня Charbonnies Vallée Canton de Vand), обреченно запрашивал: «Надлежит ли заграничной агентуре послать филеров для специального наблюдения за его деятельностью», а равным образом, тех, кто, может быть, заняты подготовкой покушения»¹.

Л.А. Ратаев, заведующий заграничной агентурой в 1902-1905 гг., располагал 12 агентами в Париже и Женеве, один из которых был близок к К.Р. Качаровскому, Я.Л. Юделевскому и Е.К. Брешко-Брешковской. Агенты достаточно регулярно информировали Ратаева об Е.Ф. Азефе. Были и другие источники информации. В частности и такие: в Лозанну по адресу В.М. Чернова и Е.Швейд (М.И. Милашевской) приходила почти вся корреспонденция, предназначенная для женевских эсеров. Почтальон согласил выдавать ее для просмотра Л.А. Ратаеву. «В настоящее время, – сообщал он А.А. Лопухину 3/16 мая 1904 г., – за работой сидят два моих человека»². Агенты заведующего заграничным охранным отделением с 1903 г. перлюстрировали и

¹ ГАРФ. Ф. Р-10003. Оп.1. Д. 168.

² ГАРФ. Ф. 102. ДП. Оп. 316. 1904 г. Д.1. Ч.1. Л.133-134.

письма М.Р. Гоца, который с самого начала «гершуневской» Боевой Организации стремился быть в курсе террористических предприятий, а после разгрома ее приложил большие усилия для создания новой Боевой Организации.

После убийства 2 апреля 1902 г. министра внутренних сил Д.С. Сипягина департамент полиции и заведующий его особым отделом Л.А. Ратаев, «казенный руководитель» Е.Ф. Азефа, ждали от него информации о Боевой Организации. Он не только систематически сообщал им о планах, передвижениях, встречах, псевдонимах, корреспондентах и респондентах главы Боевой Организации Г.А. Гершуни, но пошел дальше¹. С.В. Зубатов в 1916 г. писал об Е.Ф. Азефе: «Он едва ли находил равновеликий себе персонаж среди его казенных руководителей»². Эта характеристика заслуживает внимания. С.В. Зубатов, которому никто не отказывал в уме и проницательности, не был щедр на похвалы. К тому же, на рубеже XIX-XX вв. он тоже был «казенным руководителем» Е.Ф. Азефа, и эти слова относились и к нему.

23 мая 1902 г., не дописав донесения, Е.Ф. Азеф выехал из Берлина в Берн, куда его срочно вызвал Г.А. Гершуни. «Диктатор» избрал секретного агента своим поверенным и ввел в курс дел Боевой Организации: рассказал о ее структуре, методах действия, ближайших планах (покушение на В.К. Плеве и С.В. Зубатова), намерении использовать при покушениях бомбы. Эту информацию Е.Ф. Азеф немедленно передал Л.А. Ратаеву, предлагая в самое ближайшее время встретиться «для переговоров относительно моей дальнейшей практики», и, не теряя времени, командировать его в Петербург, где он сумеет детально выведать планы Боевой Организации «и дезорганизовать ее»³.

А.А. Лопухин и Л.А. Ратаев одобрили инициативу Е.Ф. Азефа по проникновению в планы БО, в частности посредством денежных

¹ Письма Азефа. С.64-67, 69, 72, 7-3, 76-79, 82-84, 87-88; РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.1053; ГАРФ. Ф.102. ДП. Оп.316. 1898 г. Д.1 Ч.16. Л.18-29.

² Красный архив. М., 1922. Т.2. С.282.

³ Возвращение Азефа в Россию планировалось давно. В ноябре 1901 г. он «распустил слух», что фирма, в которой он работал, командировала его на шесть – восемь месяцев в Берлин. Срок истек, и он опасался, как бы «русская колония не узнала, что я вовсе не командирован и что я работаю как волонтер без жалованья» // Письма Азефа. С.62, 83-86.

взносов, и летом 1902 г. вызвали его в Россию. В июле 1902 г. он с рекомендациями заграничных авторитетов партии эсеров был уже в Петербурге. В начале осени (в сентябре 1902 г.) его представили директору департамента полиции¹. Л.А. Ратаев в 1910 г. писал «после убийства егермейстера Д.С. Сипягина департамент вызвал Азефа для личных переговоров в С. - Петербург», и так как «время было горячее, а Азеф был единственным источником осведомления по партии с. - р., то сам департамент настаивал на более тесном сближении с террористической группой, принявшей название «боевой организации»². «Департамент», в данном случае, это, А.А. Лопухин, а затем его подчиненный Л.А. Ратаев. Здесь важно подчеркиваемое Ратаевым, – именно департамент полиции, т.е. прежде всего А.А. Лопухин, настойчиво «настаивал» «на более тесном сближении» Азефа с БО, что не могло не означать ничего иного, как подключение его к делам ее. Ни директор департамента полиции, ни заведующий особым отделом ни тогда, ни позднее не видели ничего предосудительного в том, что секретный агент будет причастен к БО. Им, кровь из носу, нужна была информация, которую иным способом получить было невозможно.

В сентябре 1902 г. Л.А. Ратаева назначили заведующим заграничной агентурой, и в октябре он выехал к месту новой работы. С октября 1902 г. и до конца марта 1903 г. Е.Ф. Азеф находился «в непосредственном распоряжении директора департамента полиции Лопухина». Это обстоятельство следует подчеркнуть, поскольку арестованный 19 января 1909 г. по обвинению в государственной измене бывший директор департамента полиции во время предварительного следствия утверждал, что с 1902 по 1903 г. встречался с Азефом всего три раза, но не как с агентом, находившимся в его непосредственном распоряжении, и что доставляемые им донесения были отрывочны и не освещали самые важные намерения террористов. Под давлением неопровержимых улик он подтвердил, что встречался с Азефом неоднократно, что сведения того «за редким исключением отличались большой точностью», были «единственным источником осведомлен-

¹ Письма Азефа. С.86; Дело А.А.Лопухина в Особом Присутствии Правительствующего Сената. Стенографический отчет. СПб., 1910. С.23 (показания А.А. Лопухина), с.60 (показания Л.А. Ратаева).

² Провокатор. Правда о революционном терроре. Воспоминания и документы о разоблачении Азефа. Л., 1929. С.150.

ности правительственных розыскных органов» о планах и действиях эсеров вообще и террористов в частности. Однако по-прежнему отрицал, что Азеф когда-либо находился в его непосредственном распоряжении¹.

Лопухин, который, по его словам, «не считал себя пригодным для руководства политическим сыском»², своего подопечного не берег, небрежно пользовался его сообщениями. В наибольшей мере это проявилось при аресте и допросах Е.К. Григорьева, М.М. Мельникова и особенно Л.А. Ремянниковой. В какой-то мере осознавая это, Лопухин пытался переложить вину на других, в первую очередь на секретного сотрудника. В письме к Ратаеву от 16 февраля 1903 г. он винил Азефа в непомерной «конспирации», связях с «мелочью», в многочисленных «глупостях», выставлял себя спасителем его от провалов, и в заключение пояснял: «Ремянникову нельзя было не арестовывать, так как Григорьев указал на нее, как на лицо, находящееся в непосредственных сношениях с Гершуни, Мельниковым»³. В свою очередь Л.А. Ратаев неоднократно называл арест Ремянниковой «несвоевременным». Комиссия сенатора Муравьева, прокурор В.С. Корсак и суд (процесс А.А. Лопухина) были согласны с ним⁴.

Научное историческое знание феноменологично, оно основывается на анализе совокупности данных. Истина – в деталях. Анализ и детали во многом не состыкуются с образом Е.Ф. Азефа в исторической памяти, но: логика пасует перед образом.

А.П. Люсый

ПОНЯТЬ ИНТРИГУ: ЭЙКОНОМИКА ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ МНЕМОТЕХНИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

«Имеет ли нарратив свою собственную познавательную ценность?» – задается вопросом американский историк, а в данном слу-

¹ Дело А.А.Лопухина в Особом Присутствии Правительствующего Сената. С.23, 26-27, 56-57; Провокатор. С.150.

² Дело А.А.Лопухина в Особом Присутствии Правительствующего Сената. С.113.

³ Провокатор. Правда о революционном терроре. С.151.

⁴ Там же. С.153, 162; Дело А.А.Лопухина в Особом Присутствии Правительствующего Сената. С.5-29, 86-98.

чае скорее *историолог* Алан Мегилл в книге «Историческая эпистемиология». Оба ответа, утвердительный и отрицательный, кажутся ему правильными, как и то, что отношения между ними не симметричны, поскольку ответы эти занимают разные концептуальные территории. «Чтобы сказать, что нарратив имеет собственную познавательную ценность, скорее нужно вызвать в памяти общее... а не отдельное. Чтобы твердо придерживаться ответа «Да», необходимо, таким образом, понимать историописание, прежде всего, как имеющее целью подтвердить или изменить способы людей видеть мир и действовать в нем. Наоборот, чтобы твердо придерживаться ответа «Нет», необходимо понимать историописание как, прежде всего, нацеленное на предложение специфических, обоснованных дескрипций и объяснений прошлой действительности, не подтверждая и не изменяя «структуру исторического сознания» людей, если... Но эти утверждения расположены в пределах интерпретирующей структуры, связанной с настоящим. Таким образом, ответ «Да» истинен в более широком смысле. Однако, сказав это, я также должен обратить внимание на то, что ответ «Да» не только отдает дань нарративу, но и приглашает к его критике»¹. Нарратив – путь от теории к практике точного, методического и непрерывного конструирования, деконструирования и реконструкции исторического прошлого.

В свое время Платон в диалоге «Теэтет» обосновывал понятие *eikōn* (отпечаток) как основу искусства «верного воспоминания», которое противопоставлялось *phantazma* (призрак) как искусству творить призрачные подобию. Подробно рассматривая эту пару понятий в книге «Память, история, забвение», П. Рикёр намечает эпистемиологические принципы того, что мы бы сформулировали как *эйкономика* истории. С одной стороны, предлагаемый термин очевидно перекликается с актуальнейшим понятием *экономика*, с другой – тут чисто акустическое присутствие оклика – «Эй!», в сознании автора перекликающегося с тем окликом Слова (Логоса), которым Бог в раннем христианстве окликал вещи, *так* вызывая их из небытия, что в XX в. пытался повторить М. Хайдеггер². «Не превращает ли это своего рода

¹ Мегилл А. Историческая эпистемиология. М., 2007. С. 172.

² «Оклик тождества исходит от бытия сущего. Но там, где бытие сущего в западном мышлении на его раннем этапе начинает получать выражение, а именно – у Парменида, там «to auto», тождественное, заявляет о себе с почти

увековечение, осуществляемое в ходе повторения ритуалов, независимо от смерти одного за другим тех, кто участвует в праздновании, наши поминания в акт глубочайшего отчаяния, чтобы противодействовать забвению в его наиболее скрытой форме – в форме стирания следов, превращения в руины? – вопрошал П. Рикёр, – ведь это забвение, как кажется, действует в точке соединения времени с физическим движением, в той точке, где, как отмечает Аристотель в «Физике» (IV, 12, 221 a-b), время «точит» и «уничтожает»¹. Далее следует формула, напоминающая знаменитые экономические схемы «Капитала» К. Маркса: «...Освободительная сила работы скорби, будучи работой воспоминания, оплачивается дорогой ценой. Здесь действует принцип взаимосвязи: работа скорби есть цена работы воспоминания; однако работа воспоминания – это прибыль от работы скорби»².

Переходя к *мнемотехническому перевороту* по части соединения мнемотехники и оккультной тайны, центральной фигурой которого стала исследовательница творчества Джордано Бруно Фрэнсис Йейтс, Рикёр размышляет об искусстве «почленного соответствия», позволяющего «разместить на концентрических кругах «колеса» – «колеса памяти» – положение звезд, перечень добродетелей, набор выразительных жизненных образов, список понятий, череду героев или святых, все мыслимые архетипические образы (в нашем случае – от семибоярщины до семибанкирщины. – А.Л.), короче говоря, все то, что может быть перечислено, систематизировано»³. В поле зрения французского философа начатое Сократом и Платоном перемещение дискурса об *eikón* в сферу «технических инициатив» образной инструментализации памяти. На глубинном уровне символических опосредований действия память включается в работу по конструирова-

безграничной широтой». См.: Хайдеггер М. Тождество и различие. М., 1997. С. 21. «Всякое проговаривание и «окликание» заранее уже предполагает речь. Если обыденному толкованию известен «голос» совести, то здесь мыслится не столько озвучание, фактично никогда не обнаруживаемое, но «голос» воспринимается как давание-понять. В размыкающей тенденции зова лежит момент удара, внезапного потрясения. Зовут из дали в даль. Зовом задет, кого хотят возратить назад». См.: Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2011. С. 271.

¹ Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 72.

² Там же. С. 108.

³ Там же. С. 98.

нию идентичности с помощью нарративной функции. «Подобно тому, как персонажи рассказа, а вместе с ними и рассказанная история включаются в интригу, нарративная конфигурация способствует моделированию идентичности главных действующих лиц, а также и контуров самого действия». «Так что, – писал М. Фуко в «Порядке дискурса», – если задаешься целью осуществить в истории идей самый малый сдвиг, который состоит в том, чтобы рассматривать не представления, лежащие, возможно, за дискурсами, но сами эти дискурсы как регулярные и различающиеся серии событий, то, боюсь, в этом сдвиге приходится признать что-то вроде этаким маленькой (и, быть может, отвратительной) машинки, позволяющей ввести в самое основание мысли *случай*, *прерывность* и *материальность*. Тройная опасность, которую определенная форма истории пытается предотвратить, рассказывая о непрерывном развертывании идеальной необходимости. Три понятия, которые должны были бы позволить связать историю систем мысли с практикой историков. Три направления, по которым должна будет следовать теоретическая работа»¹. Три «метафорогенных устройства» как «блока условных эквивалентностей», может быть, способных «генерировать новые тексты».

Первый долг историка – установить истину, а второй – сделать понятной интригу: у истории есть критика (источников), но нет метода, поскольку метода понимания не существует. Так что кто угодно может вдруг сделаться историком, вернее мог бы, если бы при отсутствии метода история не требовала наличия культуры. Эта историческая культура (ее можно было бы также назвать социологической или этнографической) постоянно развивалась и достигла значительного уровня за последние один-два века: наши знания о *homo historiens* богаче, чем у Фукидида или у Вольтера. Однако это культура, а не знание; она заключается во владении топики, в возможности задавать все больше вопросов о человеке, но не в способности на них ответить. Как пишет Кроче, формирование исторической мысли состоит в следующем: со времен древних греков историческое знание значительно обогатилось; но не потому что нам известны принципы и цели человеческих событий: просто мы вывели из этих событий гораздо более

¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 83-84.

богатую казуистику. Таков единственный вид прогресса, на который способна история¹.

Пытаясь создать полную картину средиземноморского мира времен Филиппа II, Ф. Бродель разделил этот мир на три уровня: «структуру», «конъюнктуру» и «событие». Предложив научную метафору «Остров Россия», в течение всей последующей жизни В. Цымбурский прослушивал, как терапевт сердце, текущие ритмы сжатия/расширения этого Острова, пристрастно обозревая заодно и дальнейшую жизнь самой этой, запущенной в доступное общее пользование, метафоры. При этом текущая геополитика в целом схвачена ученым как донаучная алхимия, паранаучность языка которой обусловлена дорациональными по происхождению географическими *смыслооб-разами*, на которых стоилась пропаганда стратегий вроде борьбы Континента с Океаном. Но ведь и эпохальных «заказов» на вневременные метагеографические мотивации нет, без чего получится не связанная история геополитической мысли, а разве что «размазня» пространственного подхода при анализе политических процессов.

Впрочем, и для самого Цымбурского геополитика – не наука в принципе. Это сейчас скорее тип мобилизационного политического проектирования, преследующий три главных цели: «1) внушить элитам и народам отождествление с неким «географическим организмом», изображенным моделью; 2) заразить их сознание некой «жизненной проблемой» этого «организма», которую несет в себе модель; 3) увлечь их волю тем решением этой проблемы, которое модель под-сказывает своей образной структурой». Это «форма внесения в мир политической воли, а не научная дисциплина, живущая процедурами верификации, самоопровержений»².

Отсюда закономерный вывод, что для геополитики важны не столько алхимические донаучные или научные (в духе атомизирующей физики), сколько химически функциональные образы. «Лозунг «Россия – европейская держава» геостратегически обесмыслен, а «Россия – Евразия» не дает никаких ориентировок, кроме стимула к чисто словесным авантюрам вроде «последнего броска на Юг». Аппелляции к межеумочности России на предполагаемом «пути из англи-

¹ Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемиологии. М., 2003. С. 254.

² Цымбурский В. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М., 2011. С. 136.

чан в японцы» лишь указывают на заключенную в географическом положении возможность, каковая, однако, пока еще никогда не реализовывалась в истории, так как основные связи Евро-Атлантики и великих приокеанских платформ Азии всегда в прошлом осуществлялись в обход России, касается ли это транспортного транзита или области идей (даже марксизм Япония узнала независимо от русских). И сегодня положение «между двумя океанами» (или, точнее, «между двумя очагами экономической мощи») – «образ, вовсе не утверждающий за нами непременно какую-либо прочную мировую функцию, но больше способный сигнализировать об опасности расползания России».

Как глобус ни крути, но опорный паттерн в осмыслении ритмов сжатия и расширения и связанного с последним «похищения Европы» остаются атрибуты островного государства. «Остров Россия», поясняет Цымбурский, это не изоляционистская крепость. Автор, по его словам, «выводил» (!) эту модель «для осмысления ряда духовных и политических коллизий, пережитых в XVIII-XX веках сообществом по эту сторону Лимитрофа» (еще один ключевой термин, определяющий сухопутную «заводь», охватывающую постулируемый Остров с юга).

Во введении к книге «Speak, Memory!», имеющем характер авторского геополитического завещания, автор относит свою работу «к роду цивилизационного психоанализа», имея в виду окружающие фантазмы «возвращения в Европу» или «бредовые образования» типа тезиса Дугина насчет выстраивания «другой Европы – России будущего», где историческая Россия сводится до забытой периферии. Но если его и можно охарактеризовать как геополитического Фрейда, то – с бородой Менделеева. Исходя из знаний о базисных векторах человеческого опыта, вторичности «недорациональных», по М. Веберу (будь то ценностно-рациональных, аффективных или традиционных) типов действий по отношению к базисным универсалиям опыта, Цымбурский высказывает возможность «менделеевской таблицы» массовидных реакций на идеологически закрепленные клише. Геополитика, утверждает автор в статье «Бес независимости» – не основанная на концепте суверенитета социальная физика, продуцирующая нестабильность из-за конфликта между принципами легитимности и баланса, а основанная на идее авторитета молекулярная химия. Отмечая разрушительный характер концепта суверенитета для СССР, Цымбурский прослеживает коллизии суверенитет факта и суверенитет

признания на постсоветском пространстве, где происходит «выделение политической энергии за счет расщепления интегративной ткани общества». Метафора же острова позволяет говорить не о распаде, а о сжатии России, обозначить диапазон вариаций, в которых можно говорить о сохранении России как геополитического субъекта, провести пределы, за которыми эта субъектность исчезает.

Возникает визуальный образ рецензируемой книги – геоменделеевская таблица-этажерка периодических пространственных элементов с расставленными по полкам часами для каждого из этих элементов, обозначающих утверждение интуитивно явной Цымбурскому исторической связи эпох. Вопреки О. Шпенглеру, не считавшему, что установленный им исторический цикл имеет какое-то отношение, В. Цымбурский переводит стрелки на циферблатах таким образом: «Высокая культура, которая «стартовала» в XV-XVI вв. становлением Московского государства с его религиозными и художественными формами, в XVIII в. достигла стадии, соответствующей европейскому Высокому Средневековью, а со второй половины XIX в. по наши дни переживает пору городской революции с временем тираний и с великой большевистской реформацией, собравшей разрушившуюся Белую империю под новую сакральную вертикаль (чего европейским протестантам XVI-XVII вв. так и не удалось добиться при всех замыслах их лидеров реорганизовать Священную Римскую империю)»¹.

При всей этой отстающей наглядности шпенглеровского цикла в российской истории Цымбурский предлагает также иметь в виду материальную и духовную вовлеченность и в общий региональный, а потом и планетарный порядок, выстроенный высокой культурой Запада. На вызовы этого порядка все время приходится реагировать, как, к примеру, Петру I, в условиях еще только «феодализирующейся» России создававшему промышленность, технологически соответствующую уровню раннебуржуазной Европы (продуктивностью своей отчасти даже превосходя этот уровень). Такого же свойства проблемы создаются теперешними российскими мегаполисами (прежде всего – Москва как Нью-Петербург), городами-порталами неоимперского «объединенного мира», по ряду показателей соответствующие не российской стадии по шпенглеровскому циклу, а нынешней стадии Запада периода космополитических столиц и работающих на них империй.

¹ Цымбурский В. Указ.соч. С. 314.

Многие современные наблюдатели за империями акцентируют внимание на соответствии нынешних российских границ состоянию XVII в. Но, согласно Цымбурскому, «крутая федерализация России в XX-XXI вв. в две волны – с падением сперва православной империи, а потом большевистской идеологической сверхдержавы стадийно соответствует состоявшемуся еще в XV-XVI вв. распаду европейской «духовной империи» на суверенные государства – политическую собственность королей, князей и олигархий, – связанные поверх религиозных и идеологических расколов геополитикой и геокультурой. Поэтому-то выкованное европейскими политиками и законниками XVI-XVIII вв. для осмысления постимперской (раннего модерна) ситуации понятие суверенитета в России тех времен интереса не представляло, но пришлось ко двору в конце XX и в XXI в. в применении к новому политическому «театру», в котором идея «верховной власти» схлестнулась с идеей «неотъемлемой политической собственности, укорененной в особенностях и традициях выделившихся в субъекты Федерации территорий. Таким образом, «федерация обретает у нас значение, аналогичное тому, какое абсолютизм и *national state* имели в истории евроатлантической государственности и политики».

Таким образом, в результате реакции на соединение Фрейда и Менделеева получается внутренний Шпенглер. Менделеевская пространственно-временная таблица соединяется со своеобразной синусоидой соединительных между Западом и Востоком ритмов. Обоим флангам – пребывающей сейчас в мировом геополитическом тупике Евро-России и Дальнему Востоку, которому не то грозит, не то светит отход в тихоокеанский мир – присуще меридиональное географическое развертывание по Волге и Дону, а также идущим с севера на юг железным дорогам. В строении дальневосточного фланга подобную роль исполняют как связывающее обжитую Южную Сибирь течение Лены, так и побережье Тихого океана. Тогда как развертывание Урало-Сибири – преимущественно широтное, Транссиб и Северный морской путь соответствуют «фланговому» развороту зон тундры, тайги и степей.

По мнению Д. Эли, модусы анти-, интер- и кросс-дисциплинарности означают «нарушение, ...неповиновение, ...нарушение правил, ...перелом, пересмотр, экспериментирование, идейное новаторство, риск»; и также они направлены на то, чтобы «изменять наши привычные представления и традиции в сфере позна-

ния, для того чтобы избавляться от значений, а не накапливать их»¹. Парадокс «переломного» или «надломного» в самом себе движения – текущее *воцерковление* России идет в параллель с экономическим, политическим и эстетическим *восырьевлением*. Сквозь призму параллаксного видения Славоя Жижека пока что лучшим памятником героям Куликовской битвы 1380 г. Александру Пересвету и Андрею Ослябе остается расположившийся было на их могилах компрессорный цех завода «Динамо».

Источники свидетельствуют, что когда Сергей Радонежский по просьбе Дмитрия Донского благословлял на подвиг этих двух уже не молодых послушников, он дал им «вместо тленного оружие не-тленное»². *Вместо* (!) стальных шлемов надлежало воинам возложить на себя схиму – матерчатый шелом ангельского образа с нашитыми на нем крестом и голгофами. Данная таким образом противнику техническая и отчасти тактическая «фора» придавала дополнительную моральную силу и вследствие этого *динамичность* воинам, щиты и копья из рук все же не выпустившим.

Если бы у нас был другой генералиссимус (не Сталин, организовавший даже в Испании внутри гражданской войны еще одну свою войну против троцкистов и анархистов, а Франко, «примиривший» соотечественников общим памятником жертвам этой войны, но в нашем случае с неизбежной евразийской составляющей), вероятно, был бы уже воздвигнут какой-то общий памятник Пересвету и тюркскому богатырю, представителю буддистской воинской секты высшей степени посвящения Челубею. Но по своему замечательный скульптор Вячеслав Клыков был не Сальвадором Дали и не Пикассо. Его надгробие буквально отражает тот факт, что в Церкви Рождества Пресвятой Богородицы на территории Симонова монастыря покоятся рядом павший в поединке с Челубеем Пересвет (удар получился такой силы, что погибли не только всадники, но и их кони) и Ослябя (сначала считалось, что он умер своей смертью через двадцать лет, но в последнее время выяснилось, что и он тоже пал на Куликовом поле).

Святыни закрывались и до Советской власти. Во время эпидемии чумы 1771 г. монастырь был обращен в карантин (иноков перевели в Новоспасский монастырь, где они все умерли от болезни), а затем

¹ Цит. по: Мегилл А. Эпистемиология истории. С. 357.

² Повести о Куликовской битве. М., 1959.

– в военный госпиталь (именно в эти годы по опустевшим кельям бродил сентиментальный литературный врачеватель Николай Карамзин). В самой церкви была трапезная. В 1795 г. церковная жизнь была восстановлена стараниями духовенства и графа Мусина-Пушкина. В 1812 г. не обошлось без одной из пресловутых наполеоновских конюшен.

Следствием социалистической индустриализации как практической реализации авангардного проекта стало поглощение монастыря заводом. Завод не стал ломать крепкие церковные стены, которые еще могли послужить на благо нового пролетарского государства. Надгробие могил Пересвета и Осляби было продано как железный лом. «Вместо» могил в пол церкви врыли мощный мотор, который, работая, изо всех сил сотрясал стены. От производства полукустарным способом электрооборудования по зарубежной технической документации завод перешел к более масштабному производству электродвигателей и техники.

Особенность российского имперского *«надлома»* заключается в том, что он изначально заложен в учреждающем имперском *«коренном переломе»* (петровском, большевистском, криминал-приватизационном). Во всяком случае налицо такие параллели реставрационного *воцерковления/восырьевления*. В 1977 г. в ответ на обращение к А.Н. Косыгину членов Всероссийского общества охраны памятников с просьбой принять меры к реставрации церкви в преддверии празднования юбилея Куликовской битвы моторы с могил удалили. В 1989 г. храм Рождества Богородицы вернули РПЦ, но *«надломилась»* уже в себе самой и *«перестройка» «надлома»*. Сейчас внутреннее убранство церкви практически восстановлено, но остановившийся завод теперь уже полностью разбирается тоже на металлолом, как и другие предприятия, часть которых превращается при этом в музеи современного искусства. *«Отработанный»* авангард опять возвращается в дистрилированное, при всей своей *«экспериментальности»*, искусство.

Диалектику *«надлома»* я бы представил следующим образом: *учреждающий коренной перелом – скелетно-тканевый нарост – надлом – геополитическая ампутация – сырьевая ортопедия*. Когда совершенно голый Олег Кулик встал на четвереньки, залаял и стал кушать прохожих перед российскими, американскими и западноевропейскими галереями (1994-1996), он напоминал агрессивный вариант требующего милостыни обезноженного инвалида войны, в условиях сим-

волической экономики приобретающего посредством прохода по глобальной электричке весь мир. Уже через несколько лет вполне традиционный «цербер» в штатском не пускал посторонних на закрытую пресс-конференцию по поводу открытия выставки «Absolut-Art» как ядра 7-й выставки-ярмарки современного искусства «Арт-Москва» (2007), куратором которой значился уже вполне rispetабельно одетый художник с мировым именем Олег Кулик. В целом Кулик актуализирует и проблематизирует новую утопию нового человека-собаки, знаменующую вывернутый вовне *самопоединок* собаки и Ивана Павлова.

Новые же, respectable, музейные утопии сырьевого потребления реальных, если так можно выразиться, утопий оказались практически одновременно представлены на выставках – «Футурология/Русские утопии» в Центре современной культуры «Гараж» (утопия искусства и языка), «Пространство для одиночества» (утопия одиночества) в «Проекте Фабрика», «Процесс» на дизайн-заводе «Флаконт», где раньше действительно делали хрустальные флаконы для парфюмерной промышленности (утопия суда, посвященная последнему процессу над Михаилом Ходорковским), позже «Космическое государство трансцендентальных переворотов» (экзобиологическая утопия государства в космосе) в «Проекте Фабрика» (Фабрика технических бумаг «Октябрь») и «19/91» в ArtPlay, бывший флагман приборостроения, завод «Манометр» (утопия памяти).

Подводя итоги в своей цитируемой выше книге, П. Рикёр пишет о проектировании эсхатологии памяти, а затем эсхатологии истории и забвения. «Эта эсхатология, сформулированная в соответствии с желательным наклоном, структурируется в диапазоне от (и вокруг) желания красивой и умиротворенной памяти, из которой нечто передается в процессе исторической практики, и до неопределимой неясности, определяющей нашу связь с забвением»¹. В рамках такого проекта остается высказать идею создания на одной из аваргардно-сырьевых выставочных площадей – памятника битвы памяти и истории, с целью освобождения последней из-под ига первой.

В.А. Макаров

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О «ВРАЖДЕ» И КОНСТРУИРОВАНИЕ

¹ Рикер П. Память, история, забвение. С. 635.

«ОБРАЗА СОПЕРНИКА». ВОСПРИЯТИЕ В РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1898 – 1900)

Современные международные отношения имеют долгую историю, не учитывая которую, невозможно понять их нынешнее состояние. Почти всегда в череду соглашений, союзов и войн вплетены иные аспекты взаимодействия стран и народов – те, которые не столь материальны, но оказывают на картину международных отношений не меньшее влияние, чем соотношение экономических потенциалов и договоры дипломатов. Это – память о предыдущих контактах с этой державой. Старые конфликты, произошедшие, порой 3-4 поколения назад продолжают вызывать напряжение и недоверие. А порой – один дружественный поступок, который от нас отделяют века, создает теплоту и взаимопонимание в отношениях стран и народов.

Однако до сих пор в исследованиях по истории международных отношений образам партнеров или соперников не уделяется достаточного внимания. Они отходят на второй план под лавиной экономических и стратегических интересов, априорий «здравого смысла» или идейного обоснования «миссии» той или иной державы. Удивительно, но от внимания многих авторов, пишущих о международных отношениях, порой ускользает, что дипломаты и политики – не только представители своих стран и структур, но и люди, имеющие собственные симпатии и антипатии, предрассудки и идеи. Их действия зачастую анализируются с точки зрения логики и отстраненных интересов, в то время как их позиции часто определяет живая ткань убеждений и стереотипов. Особенно значима историческая память, проецируемая в повседневную политику становится с конца XIX в. – эпохи распространения сначала в Европе и США, а затем и в России массовой прессы и начала активного интереса к политике людей за пределами узкого круга причастных к власти. На широкие слои образованной публики стереотипы, порожденные национальной памятью оказывали особенно сильное влияние, заставляя политиков и дипломатов принимать их в расчет при выработке политической линии.

Предметом нашего исследования являются антибританские стереотипы российской образованной публики рубежа XIX-XX вв. и их влияние на восприятие политики Великобритании. Ограниченный объем работы заставляет нас сосредоточиться на локальной теме – влиянии стереотипов о Туманном Альбионе на восприятие британ-

ской политики на Дальнем Востоке на рубеже XIX-XX вв. и конструировании отношений с Британией. При анализе использованы ведущие журналы России, предназначенные для образованной публики (так называемые «толстые журналы»): «Вестник Европы», «Жизнь», «Русское богатство» и «Русский Вестник». В тот период регион Дальнего Востока был одной из важнейших частей «огненной дуги» международных конфликтов. На Дальнем Востоке происходило столкновение четырех империй¹ за влияние и территории у ложа умирающего Китая, переживавшего конец династийного цикла.

Великобритания выступала противником России – реальным или воображаемым, на протяжении большей части XIX в. Образ ее, сложившийся в сознании образованных россиян к концу века был весьма амбивалентным. С одной стороны, Британия уже век была финансовым, экономическим и культурным центром мира, явным маяком для российской модернизации, что авторы и читатели «толстых журналов» отлично понимали. На страницах этих изданий в большом количестве публиковались новости из Британии, переводные английские повести и романы, не говоря уже о научных трудах и путевых заметках. Часть зарубежных новостей в российской печати также переводилась из британских изданий.

Традиционное же восприятие россиянами Великобритании как мирового гегемона той поры, было сильно негативизированно. Многие российские авторы вольно или невольно с деланным презрением принижали средства, принесшие Британии победу. На страницах влиятельного либерального журнала «Русское богатство» упоминались англичане «с их международной политикой, основанной на эгоизме, маккиавелизме и бесчеловечности ко всем прочим народам земного шара»². Фраза эта появилась в обзоре дешевого антибританского памфлета отечественного происхождения с важной ремаркой, что она отражала «широко распространенный взгляд» россиян на внешнюю политику Альбиона. Консервативные авторы, группировавшиеся вокруг журнала «Русский Вестник» и вовсе не стеснялись в выражениях:

¹ Британской, Германской, Российской и Японской. Кроме того, достаточно активное участие в событиях на Дальнем Востоке принимала союзная России Франция.

² Джон Буль конца века / Новые книги // Русское Богатство. 1898. Апрель. С. 25.

«На всякий успех другой державы Англия привыкла смотреть, как на ущерб своим собственным интересам»¹. Отмечалась агрессивность британцев: «английское общественное мнение высказывает очень много воинственности. Были моменты... когда... искры было достаточно, чтобы увлечь английское общественное мнение на путь открытой вооруженной борьбы»², – писал публицист и социолог, автор ряда работ по российской внешней политике С. Южаков – ведущий рубрики «Политика» журнала «Русское богатство». Однако автор тут же противопоставлял агрессивность печати и умеренность британских политиков³.

Знаменитый журналист И. В. Шкловский, скрывавшийся под псевдонимом «Дионео», и опубликовавший на страницах «Русского богатства» серию репортажей из Англии, которые пользовались большим успехом у образованной публики того времени, рассуждал об этой дихотомии восприятия: «Одно и то же правительство является грубым, жестоким деспотом, выжимающим последнее из умирающих от голода...индусских крестьян, то же правительство с добродушной улыбкой является к угнетенному народу (Англии и Австралии)»⁴.

«Двуличность англичан» была любимым общим местом публикаций о Британии, как в правых, так и либеральных и левых изданиях. Вот что было напечатано в ведущем либеральном журнале «Вестник Европы» во время Фашодского кризиса: «Англия готовится к войне с Францией из-за пустынной африканской местности занятой горстью французов, и английские министры заявляют об этом, как о великой патриотической заслуге; они собирались поднять кровавую грозу, последствия которой были бы неисчислимы». Но те же министры «считают себя представителями и защитниками великих интересов общего мира»⁵. Международный обозреватель имевшего марксистский оттенок журнала «Жизнь» ядовито поминал англичанам «скелеты голодающих индусов», «набег Джемсона» (т. е. рейд доктора Джеймсона в Трансваальскую Республику). Затем, впрочем, обозреватель деклари-

¹ Библиография // Русский Вестник. 1898. Январь. С. 385.

² Южаков С. Политика // Русское Богатство. 1898. Август. С. 235.

³ Там же. С. 234.

⁴ Дионео. Из Англии // Русское богатство. 1900. Июнь. С. 29.

⁵ Иностранное обозрение / Хроника // Вестник Европы. 1898. Декабрь. С. 782.

ровал уважение к английской нации, которое в таком контексте выглядело весьма двусмысленно¹.

Авторы «Русского вестника» и вовсе бросали британцам одно из обиднейших для той эпохи обвинений»: «Заискивание перед людьми желтой расы, составляет отличительную черту... нынешней английской политики», – столь далеко идущий вывод был сделан на основании улучшившихся отношении Великобритании и Японии. Автор, разумеется, не мог не пророчить, что британцы жестоко поплатятся за предательство «интересов белой расы»².

От внимания российской образованной публики не укрылись и признаки ослабления гегемонии Британии. «Внешняя политика Англии не может теперь отличаться блеском прежних времен»³, – подчеркивалось в международном обозрении авторитетнейшего журнала «Вестник Европы». Такое положение дел давало возможности России укрепить свои позиции. Негативная реакция англичан на усиление России на Дальнем Востоке воспринималась болезненно: «некоторая часть английской печати не отдает себе ясного отчета в значении совершившихся перемен»⁴. На страницах «Вестника Европы» упоминался «шовинизм, которого нельзя было бы ожидать от расчетливых и хладнокровных англичан»⁵. Таким образом, известные всем положительные черты англичан как бы нивелировались в поле внешней политики.

В случае негативных отзывов британцев о России и ее внешнеполитических акциях даже либеральные публицисты реагировали крайне болезненно. 19 марта 1898 г. в ведущем британском юмористическом журнале «Punch» была опубликована карикатура, изображавшую Росси и союзную ей Францию в виде двух довольно таки облезлых собак, лающих на быка – Джона Буля. Вряд ли можно признать карикатуру в юмористическом журнале поводом для серьезной обиды на страну и народ. Однако по поводу этого случая в «Вестнике Европы» было написано, что *британцы* (именно британцы, а не кон-

¹ В. П. Иностранное обозрение // Жизнь литературный журнал. 1900. Апрель. С. 454.

² Изолированное положение Англии // Русский Вестник. 1898. Март. С. 350.

³ Иностранное обозрение / Хроника // Вестник Европы. 1898. Апрель. С. 845.

⁴ Там же. С. 845.

⁵ Там же. С. 845.

кретные художник и редактор) потеряли и самообладание, и здравый смысл, решившись опубликовать такую карикатуру. Тут же, расправившись, автор обвинил британцев в двойных стандартах во внешней политике¹.

Авторы консервативного «Русского Вестника» зашли гораздо дальше: «в некоторых странах ненависть к России стала чертой национального характера»², – утверждалось на его страницах. В Британии действительно было немало русофобов, но, увы, в России у них были достойные подражатели – англофобы, ослепленные ненавистью и неспособные адекватно разглядеть соперника. «Статьи, проникнутой восхвалением всего своего и унижением чужого»³, – еще одна характеристика британской публикации о России из «Русского вестника», – больше всего подходит для собственных статей этого издания.

Неудивительно, что при таком восприятии оппонента российские авторы считали именно Британию главной угрозой безопасности России на Дальнем Востоке. На страницах «Вестника Европы» подчеркивалась многочисленность коммерческих приобретений Великобритании в Китае и то, что британцы активно усиливали свои политические и военные позиции в Поднебесной⁴. Там же отмечалось, что, «выразив протест против присутствия русского финансового советника в Корее, британцы стали угрожать Корейскому правительству военной эскадрой»⁵. На страницах того же издания было сказано, что китайский богдыхан *отдал* Порт-Артур России, опасаясь захватов со стороны Британии⁶. Это можно назвать вольной трактовкой реальных событий. Трактовка эта отлично вписалась в антибританский дискурс в российской печати.

Южаков, рассуждая о политике Англии, обвинял английскую прессу в разжигании вражды с Россией в связи с конфликтами вокруг железнодорожного строительства на севере Китая и не скупился на тревожные обороты: «Английские публицисты трубили поход», «Ме-

¹ Иностранное обозрение / Хроника // Вестник Европы. 1898. Апрель. С. 846.

² Россия и Англия на Дальнем Востоке // Русский Вестник. 1898. Апрель. С. 401.

³ Русский Вестник. 1898. Июль. С. 374.

⁴ Иностранное обозрение / Хроника // Вестник Европы. 1898. Апрель. С. 839.

⁵ Там же. С. 840.

⁶ Там же. С. 843.

ждународные струны были натянуты до полного напряжения»¹. Обратим внимание на тон, в котором подавались новости с Дальнего Востока. Россия, писал Южаков, – «настаивает на своих правах по договору с Китаем». Британцы же «готовы поддержать свое *требование* вооруженной рукой»². Обозреватель даже предсказывал войну на Дальнем Востоке, где Китай в союзе с Англией выступит против России. «Разрыв и война, в самом деле, были возможны каждую минуту»³, – утверждал он, сильно драматизируя ситуацию. При этом за Британией единодушно признавалась немалая мощь. «Англия, которая одна только могла бы помешать нам исполнить задуманное»⁴, – читаем мы на страницах «Вестника Европы». В том же году в этом издании указывалось, что если возникнет такая нужда, Англия легко вытесняет Россию из нужных ей регионов, так как Британия гораздо более сильна и развита⁵.

Антибританские настроения, характерные в той или иной степени для всех российских «толстых журналов», в наиболее концентрированном, а часто и курьезном виде отразились на страницах «Русского Вестника». Авторами этого издания владела горячая и иррациональная нелюбовь к Великобритании. Британский заем цинскому правительству 1898 г. трактовался на страницах «Русского вестника», исключительно как способ помешать России вмешиваться в дела Китая⁶. тая⁶. Здесь же вновь актуализировались давние стереотипы. По обыкновению упоминался «своекорыстный и изменнический образ действия Англии»⁷. «Сколько бодрости, чтобы не сказать дерзости, придал британской печати один призрак ослабления русского могущества в Азии», – вдохновлено писали авторы «Русского вестника»⁸. В одной из статей этого издания прямо противопоставлялись «*Неумеренные притязания* Великобритании, проникнутые слепой ненавистью к рус-

¹ Южаков С. Политика // Русское богатство. 1898. Октябрь. С. 157.

² Там же. С. 158. Курсив наш.

³ Южаков С. Политика // Русское богатство. 1898. Октябрь. С. 158.

⁴ Иностранное обозрение / Хроника // Вестник Европы. 1898. Апрель. С. 844.

⁵ Иностранное обозрение / Хроника // Вестник Европы. 1898. Июнь. С. 816-817.

⁶ Русский Вестник. 1898. Июль. С. 355.

⁷ Русский Вестник. 1898. Февраль. С. 356.

⁸ Русский Вестник. 1898. Июль. С. 355.

скому могуществу и *справедливые протесты России*»¹. Квинтэссенцией антибританской истерии, поднявшийся в 1898 г. по поводу Порт-Артурского кризиса стало заявление на страницах этого издания «полная самонадеянность задора, Англия даже грозила поднять меч в защиту своих «прав»².

Впрочем, ярые обличители Британии, несмотря на свой пафос, не были преобладающим течением среди российской интеллигенции. Дионео с иронией замечал о ярых критиках Британии во время Англо-Бурской войны: «Как поступили бы многие из благородных героических обличителей, если бы их собственное правительство захватило Трансвааль?»³.

На страницах «толстых журналов» преобладали взвешенные высказывания, указывавшие на взаимозависимость Британии и России на Дальнем Востоке. В «Вестнике Европы» высказывалось мнение, что на Дальнем Востоке Британия преобладает, но Россия сильна на границах Индии и «Англия должна дорожить сохранением мира с Россией, несмотря на свое морское могущество... на Дальнем Востоке»⁴. Даже на страницах «Русского вестника» признавалась важность совместных действий России и Британии по обеспечению безопасности на Дальнем Востоке⁵. В журналах разных направлений отмечались взвешенность и осторожность британской политики на Дальнем Востоке, отсутствие склонности англичан к конфликтам с Россией. Даже в «Русском Вестнике» приводилась речь видного британского политика А. Бальфура, исполнявшего в тот момент должность главы Форин Офис, где он говорил о вреде для Британии территориальных приобретений на Дальнем Востоке⁶.

До вспышки восстания ихэтуаней в 1900 г. практические сотрудничество России и Британии на Дальнем Востоке привлекало ограниченное внимание в отечественно печати. Только в конце 1898 г. на страницах «Русского богатства» отмечалось, что когда в Пекине

¹ Русский Вестник. 1898. Февраль. С. 353. Курсив наш.

² Россия и Англия на Дальнем Востоке // Русский Вестник. 1898. Апрель. С. 403. Кавычки автора «Русского Вестника».

³ Дионео. Из Англии // Русское богатство. 1900. Июнь. С. 29-30.

⁴ Иностранное обозрение / Хроника // Вестник Европы. 1898. Апрель. С. 844.

⁵ Библиография // Русский Вестник. 1898. Июль. С. 375.

⁶ Русский Вестник. Июль, 1898 С. 354.

толпа закидала грязью иностранных дипломатов именно российский и британский послы вызвали военные эскорты своих стран¹ для обеспечения безопасности европейцев в Пекине. Восстание ихэтуаней побудило россиян внимательно присмотреться к англичанам в качестве союзников, тем более что российские и английские войска плечом к плечу сдерживали натиск ихэтуаней на европейский селтльмент в Тяньцзине и вместе шли к Пекину. Но старые стереотипы были актуальны и сейчас. В большой серии статей «Русского вестника» «война в Китае» действия русских войск, сыгравших ведущую роль в победе над восставшими, всегда выделялись отдельно, каждый раз подчеркивался их героизм. Иностранные войска, особенно английские, не вызывали такой симпатии у автора обзоров. Обычно они упоминались, когда не успевали (или не могли) прийти на помощь к русским солдатам². В конце яркой анти-ихэтуаньской и антикитайской статьи, опубликованной в журнале «Жизнь» в разгар борьбы с восставшими, где немало было написано о «зверствах и дикости китайцев» было приписано «Все это, конечно, нисколько не оправдывает англичан, измеряющих человеческие жизни фунтами стерлингов»³. С. Южаков в разгар военных действий даже высказывал мнение, что в возможной в будущем войне Китая с Европой Англия выступит «в союзе с монголами», т. е. азиатами, исключительно из-за коммерческих выгод⁴.

В статье в «Русском Вестнике» «Иностранная печать и будущность Китая» приводилось несколько мнений, взятых из английской печати о том, как европейцам надлежит поступить с побежденным Китаем. Большинство приведенных версий предлагали жесткую модель действий. «Китайская империя, как показавшая себя недостойной права на дальнейшее существование, должна исчезнуть»⁵, – цитировал журнал умеренного британского публициста. Его более агрессивный коллега

¹ Южаков С. Политика // Русское богатство. 1898. Октябрь. С. 162. Курсив наш.

² Война в Китае / Современная летопись // Русский вестник. 1900. Июнь. С. 719-722.

³ В. П. Иностранное обозрение // Жизнь литературный журнал. 1900. Июль. С. 385.

⁴ Южаков. Что делать в Китае / Политика // Русское богатство. 1900. Июль. С. 122.

⁵ Иностранная печать и будущность Китая / Библиография // Русский вестник. 1900. Август. С. 251.

вообще предлагал для «упрощения китайского вопроса» стереть Пекин с лица земли, а место, где стоял город, засыпать солью¹. В приведенных в «Русском Вестнике» статьях неизбежно предлагалось расчленение Китая, впрочем, с соблюдением принципа «открытых дверей». В «Русском вестнике» резюмировалось: «Англии надо силой или хитростью, честным или нечестным путем утвердить свое владычество на Дальнем Востоке и вытеснить оттуда свою главную соперницу – Россию»². Судя по вышеприведенным материалам, Великобритания стремилась к разделу Китая. В действительности отбор британских статей в «Русском Вестнике» был крайне пристрастным. В британской печати преобладали предложения мирного урегулирования ситуации на Дальнем Востоке, обязательным условием которых были сохранение целостности Китая³. Как отмечали видные исследователи британского империализма П. Кеин и А. Хопкинс, Британия была заинтересована в сохранении единого Китая, так как правительство Цин задолжало им значительные суммы, надеяться на возвращение которых можно было лишь, если Китай останется цел⁴.

Итак, Британия вызывала у большинства авторов проанализированных изданий уважение, но ее внешняя политика имела плохую репутацию. Как нам кажется, преобладающими чувствами по отношению к Британии среди российской образованной публики были опасение и зависть. Русско-британские военные столкновения XIX в. прямо не упоминались в печати, но они, очевидно, составляли известный всем фон событий и серьезно влияли на российский образ Альбиона.

¹ Там же. С. 250-251.

² Там же С. 248.

³ Обзор дискуссии в британской прессе о политике в Китае после подавления движения ихэтуаней см.: Макаров В. А. Итоги восстания ихэтуаней в представлении британской образованной публики и проекты «новой политики» в Китае. 1900-1901: (По материалам периодической печати Великобритании) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Научный журнал. 2011. №1. том 4. История. С. 119-127; Он же. Дискуссия о «разумных пределах» политики Великобритании в Китае (1898-1900): по материалам британской прессы // Британские исследования. Выпуск III. Сборник статей. Ростов н/Д, 2010. С. 275-290.

⁴ Cain P.J., Hopkins A.G. British imperialism: innovation and expansion, 1688-1914. London and New-York, 1993. P. 436. Это подтверждает и советский исследователь В.Я.Аварин. См.: Аварин В.Я. Борьба за Тихий океан. М., 1947. С. 30.

Экономический потенциал Британии был, несомненно, выше российского, что вызывал явный дискомфорт у авторов всех идеологических направлений. Консерваторы высказывались по отношению Британии и ее политике наиболее негативно, но когда дело доходило до внешнеполитического соперничества, и самый последовательный либерал не мог оставаться англофилом.

Ядро распространенного в российской печати образа Британии составляли негативные черты, которым авторы легко находили подтверждения в действиях Британии. Положительно характеризующие Британию шаги, такие, как дарование автономии Австралии в 1898 г. наоборот, не были акцентированы в российской печати. Зачастую, в изданиях повторялись негативные формулировки о политике Альбиона, обкатанные уже несколькими поколениями публицистов.

Обращает на себя внимание отсутствие взвешенной оценки политики Британии в огромном большинстве проанализированных материалов. Органические опасения Британии затрудняли беспристрастный анализ ее политики, усложняли перспективный диалог и сотрудничество стран и культур. Даже совместные действия против общего врага воспринимались через призму недоверия и старых опасений. Впрочем, несмотря на отдельные горячие алармистские высказывания в российской печати, преобладали предложения решения проблем с Британией мирными способами, путем соглашений.

Таким образом, историческая память о «вражде» и долголетнем соперничестве мешала авторам интеллектуальных изданий адекватно сконструировать образ соперника, понять его действия и выстроить эффективную линию поведения по отношению к Британии.

Ф.А. Мир-Багаридзе

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ И ИХ СИМВОЛЫ

Происхождение кавказских мифов, имеющих символическую структуру, берёт своё начало ещё с глубокой древности среди племён – предков современных кавказских народов. В ходе исторического развития они испытывали различные внешние влияния. Сильное воздействие на них оказали христианство и ислам. Отдельные циклы кавказских мифов до нас не дошли, потому что большие эпосы вобрали в себя почти все мифологические сюжеты и мотивы. Многие сюжеты мифов восстанавливались посредством языка и мотивам в пес-

нях. Среди мифологических образов обращает на себя внимание птица Симург, которая относится к авестийскому определению птицы, похожей на орла. Птица Симург часто олицетворялась средством судьбы. Существовало несколько письменных памятников, в одном из которых по этическим параметрам эта птица была как хорошей, так и дурной. А в таком произведении, как «Шахнаме», существовали два Симурга – хороший и демонический. Хороший Симург, найдя в пустыне крошечного Заля, отца Рустама, вырастил его в своём гнезде. Он же вылечил врага зороастризма Рустама и помог ему убить заговорённой стрелой непоколебимого борца за зороастрийскую веру Исфандияра. Демонического Симурга сразил Исфандияр, который в первоисточниках олицетворял врага Симурга. Одно из лучших качеств Симурга, способность к врачеванию – отзвуки древнейшего евразийского мифа об орле, который принёс на землю побег дерева жизни с небес или же со священной горы. Отрицательная роль Симурга, видимо, связана с евразийским происхождением образа. Перья птицы Симурга употреблялись при гадании и магических ритуалах. Симург является одним из главных символических образов в изобразительном искусстве.

Мифы, предания и легенды народов создаются на национальной почве. Среди мифологических образов встречается и агач-киши, которого относят к мифологии карачаевцев и азербайджанцев (меша-адам, лесной человек). В мифологии тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана, Кавказа, Западной Сибири, Поволжья и гагаузов дивы существовали злые духи. В мифологиях тюркоязычных народов образ дива имел индоевропейское происхождение. В мифах дивы обладали огромной физической силой великана, имеющего несколько голов. Дивы также облачались в облик циклопа, как у народов Средней Азии и Казахстана, а также у турок. «В мифах народов Средней Азии сохранились представления о былой благотельной роли дивов, в частности в мифах узбеков Хорезмского оазиса»¹. Дивы выступают как строители многих крепостей и городов, в шаманских мифах узбеков, казахов и киргизов они фигурируют в числе духов – помощ-

¹ Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. Т.1. М., 1991. С. 417; см. также: Мифы народов мира. М., 1988. Т.2; Мифологический словарь. М., 1991.

ников шаманов. В мифах азербайджанцев, дивы были сказочными образами.

В сказаниях азербайджанского народа отражены следы древних мидийской и албанской культур. Даже в «Истории» Геродота находим несколько подобных сказаний, отражающих ход событий истории Мидии. В азербайджанских сказаниях мы находим имена Александра Македонского, правителя Ануширавана, Шаха Исмаила и десятков других исторических лиц и географических названий, связанных с названиями башен и рек. В различных сказаниях, связанных с Девичьей башней, упоминается о цели её строительства. Некоторые исследователи считают её огузской башней. Исследователи утверждают, что во многих больших поселениях такие башни были построены за пределами города возле рек, моря, скал и обрывов. Назначение этих башен было связано с погребальными церемониями: об этом свидетельствуют внутренняя архитектура башен, присутствие в них площадок, ступенек, пристроек, системы водоснабжения.

«Китаби-Деде-Коркут» в некоторых источниках связывается с событиями VII-VIII веков. В действительности же это литературный памятник, свидетельство о народной жизни в первые века нашей эры, исполненное в ярких, многозначных сюжетах и образах. Хотя в наше время «Китаби-Деде-Коркут» считается общетюркским памятником, сфера его охвата неразрывно связана с историей азербайджанского народа, его культурой, бытом, духовно-эстетическими воззрениями. По сути своей «Китаби-Деде-Коркут» является живой, художественной энциклопедией древнейшей истории азербайджанцев. Это первое произведение устного народного творчества X-XI вв., дошедшее до нас на тюркском языке переходившее из уст в уста.

Произведение написано в жанрах прозы и поэзии. До конца сказания один жанр дополняет другой. До XI в. он был изложен устно, но в XI в. неизвестный автор записал его. Существуют два варианта: дрезденский и ватиканский. Первым учёным, занявшимся произведением, был немецкий востоковед Дитс. После Дитса занялся Неолдек. Продолжил его изучение русский востоковед Бартольд, который перевёл несколько отрывков на русский язык. После Бартольда этим памятником занимались Туманов, Деваев, Жирнукский, а также турецкий учёный Руфет, Орхан Шаиг. Из азербайджанских учёных известны Эмин Абид, Муса Ханлы, академик Араслы. Это народно-героическое сказание состоит из двенадцати глав. Предисловие напи-

сано позже в XV в. и состоит из множества афоризмов. В сказании каждому бою посвящен отдельный рассказ. Внешне бои не связаны, но композиционно, сюжетно объединены.

Главным героем является Деде-Коркут. Это мудрец, старик-философ. Возможно, он прожил триста лет. Это историческая личность, одновременно легенда, миф, символ-ашуг, который, странствуя и видя эти бои, воспевал их в песнях на сазе (кобзе). В то время ашугов называли озанами, а инструмент, на котором играли, был саз. Одни учёные предполагают, что Деде Коркут был похоронен в Дербенте, а другие, например турецкий учёный Овлия Челеби - в Шемахе. Существует версия, что он убегал от смерти, плавая, но в триста лет его ужалила змея. Деде Коркут был авторитетным лицом, к нему все и обращались. Он вдохновлял игрой на бой. После боя их встречал Деде Коркут, который воспевал храбрых и осмеивал трусов. Герои сказания - Газанхан, Баяндырхан, Уруз, Гантурали, Гараджа Чобан, Тяпгёз, Бугач. Женские образы – это Бурлахатун, Банучичек, Сельджанхатун. Существует версия, что Деде Коркут создал язык.

В сказании есть вступление, которое относится к XV в. Оно имеет две особенности: будучи афористическим, оно вместе с тем носит шуточный, юмористический характер. В племени Огуз был распространён культ любви к отцу и матери. Ради них сын идёт на верную смерть. В произведении нет многожёнства. Есть равенство между мужчиной и женщиной. Прослеживается неодобрительное отношение к служителям религии. В эпосе есть персонаж-Гараджа чобан, который служит Газанхану. Этот образ-символ соединяет лучшие качества самого народа.

Сказание о «Кёр-оглу» распространилось в различных вариантах у всех тюркоязычных народов. Памятник «Кёр-оглу» рассказывает о героической славе азербайджанцев. Кёр-оглу, Гёр-оглы, Гор-Оглы, Гуругли, Гургули в мифологиях азербайджанцев, турок, туркмен, узбеков, казахов, каракалпаков, таджиков, среднеазиатских арабов герой- воин, поэт, музыкант. Кёр-оглы является главным персонажем одноимённого сказания. В содержании произведения раскрывается борьба Кёр-оглы и его дружины против угнетателей.

«По туркменской, узбекской и таджикской версиям, мать Кёр-оглы умирает, будучи беременной, и он рождается в могиле (одно из

объяснений его имени – «сын могилы»)¹. Его отца, по туркменскому варианту, т.е. деда Кёр-оглы ослепляет хан. Отсюда происхождение его имени – сын слепого. Повзрослев, герой мечтает отомстить хану. Кёр-оглы обладает необычной силой, ему покровительствует пророк Хизр, святые чильтаны. Будучи юношей, он обрёл чудодейственное оружие. По версии ряда других вариантов сказания, эрены, духи-покровители, дарят ему меч, выкованный из небесного металла. Его слепой отец, т.е. дед, вырастил для Кёр-оглы коня с крыльями Гыр-ата (Кыр-ата), имеющего много таинственных свойств. Став сильным, Кёр-оглы убивает обидчика деда – хана и возвышает в горах неприступную крепость Чандыбиль (Чамбиль, Ченли-бель, Шимли-бель, Чамбули Мастон), где остаётся там с дружиной, не покоряясь правителям и ханам.

Среди распространённых сказаний о Кёр-оглы есть истории похищения врагами его и его коня, освобождения героя, обретения Кёр-оглы и его дружинниками жён. В азербайджанской версии Кёр-оглы, Ровшан, женится на Нигяр, дочери Гасан-хана, в туркменской версии сказания Кёр-оглы женится на мудрой пери Ага-Юнус, к советам которой всегда прислушивается. В узбекских дастанах у него три жены: Юнис, Мискал и Гюльнар. Будучи бездетным, Кёр-оглы похищает и усыновляет юношу Овеза (Аваза, Эйваза, Ховеза), который позже занимает одно из почётных мест в дружине Кёр-оглы. В узбекском и туркменском вариантах сказания присутствует и второй приёмный сын Кёр-оглы – Хасан.

Сказания о смерти Кёр-оглы мало распространены. По одной из версий, Кёр-оглы, уже старик, отправляясь в Мекку, в пути погибает в бою с враждебными ханами; в другой – Кёр-оглы вообще не умирает, а в возрасте 120 лет покидает всех и уходит в горную пещеру. Есть также версия, по которой Кёр-оглы перед смертью путешествует в подземный мир. Специфика ряда сказаний о Кёр-оглы позволяет предположить, что одним из источников послужили шаманские мифы. Можно предполагать, что образ эпического Кёр-оглы отразил черты реального исторического лица, каким представляют Кёр-оглы некоторые документы XVI-XVII вв.

Огромную популярность мифу о «Кёр-оглу» как героическому сказанию принесло мощное крестьянское движение XVI-XVII вв. в

¹ Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. М., 1991. С.641.

Азербайджане. Мифические, полумифические и исторические, героические предания вплелись в героические песни о «Кёр-оглы». «Кёр-оглу» написан и в ашыгском варианте.

Азербайджанский героико-романтический миф о «Кёр-оглы» состоит из двадцати отдельных глав. Каждая глава описывает определённый этап, момент жизни. У Кёр-оглу было народное ополчение. Бойцов Кёр-оглу называли делибашами, то есть безумцами. В сказании имеется три символических элемента: 1) меч Кёр-оглы – Мисри гылындж (египетский меч) – символ непобедимости, храбрости; 2) конь – Гырат, который не ходил, а летал, потомок морских коней; 3) местонахождение Кёр-оглы – Ченли Бел (на границе Азербайджана с Арменией).

Мисри гылындж был сделан из метеорита. Кёр-оглы нашёл куски очень тяжёлого камня и показал своему отцу. Это оказался метеорит. Кёр-оглы был сыном бедного конюха, который служил у Гасан-хана. Отец его Алы - киши был мудрым человеком. Однажды он пас табун лошадей и погнал их к морю. Вдруг поднялся шторм и из моря вышел морской конь. Он врывается в табун и сразу исчезает. Через некоторое время рождаются два жеребёнка от этого морского коня. Один из них Гырат – тёмно-коричневого цвета, другой Дурат – драгоценный камень. Внешне эти кони были некрасивыми, но могли летать. Однажды из Индии к Гасан-хану прибыл гость. Он стал хвалить индийских коней, а Гасан-хан своих. Когда гость собирался уезжать, то Гасан-хан сказал ему: выбери самого красивого, лучшего коня для гостя. Алы-киши выбирает без всякого умысла Гыр-ата. Гасан-хан приказал выколоть глаза Алы - киши. Когда его привели домой, Ровшан сказал: не плачь, отец, за твои два глаза я выколою тысячу глаз. Ночью Ровшан исчезает. За короткое время вокруг него собираются тысячи вооружённых людей. Начинается нападение Кёр-оглы на феодалов. Кёр-оглы мстит Гасан-хану. Среди свиты Гасан-хана был очень хитрый человек – Хямзябей, которого называли Кечял Хямзя. Был он продажным человеком. Хямзябей обратился к Хасан-хану и сказал: Кёр-оглы не храбрый. Отними у него коня, и он будет у ваших ног. Вся его сила в коне – Гырате. Я возьмусь за это дело, но взамен вы дадите свою дочь за меня. Гасан-хан согласился.

Хямзябей отправляется к Кёр-оглы. Он притворяется бедным, называя себя беглецом. Он выдаёт себя конюхом и смотрит за Гыратом. Однажды ночью, во время сильного дождя и грома он подкрался

к конюшне, вскочил на коня и ускакал. Но вместо Гырата он увёл Дурата. Утром Кёр-оглы вскочил на своего коня и поскакал за ним. Кечял Хямзя видит, что за ним гонится Кёр-оглы. Он спрыгивает с коня и вбегает в мельницу, переодеваясь в чужую одежду. Вслед за ним в мельницу вбегает Кёр-оглы, расправляется с мельником, выбегает из мельницы и вскакивает на Гырата. Кёр-оглы от досады плачет и обращается к Хямзя. Он возвращается в свой лагерь, над ним посмеиваются женщины. Он уходит из лагеря, но через несколько дней возвращается. Переодеваясь в крестьянскую одежду, он берёт саз и отправляется к Гасан-хану. Ему сообщают, что Гасан выдаёт свою дочь Нигяр за Хямзя. Кёр-оглы выдаёт себя за ашыга и проникает на свадьбу. Эпизоды разворачиваются в двух направлениях: 1) спасением Кёр-оглу Гыратом и 2) спасением Кёр-оглу Нигяр. Гасан-хан узнаёт, что Нигяр переписывается с Кёр-оглы, и решил повесить её. Во время казни Кёр-оглы спасает Нигяр. Финальная сцена заканчивается оптимистично – свадьбой Кёр-оглы с Нигяр. Сохранилось много сказаний, относительно последних лет жизни Кёр-оглы. Одна из версий гласит о предателе, предавшем Кёр-оглы. Другая версия рассказывает об исчезновении Кёр-оглы в старости. Кёр-оглу символизирует силу, мужество.

И. Москвитин, М.В. Салимгареев
РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ЛИТВЫ

Культурное влияние России в Литве играло на протяжении многих столетий особую роль. Это воздействие было закономерным вследствие географического соседства. Соседство с Русью во многом определило историческое развитие Литвы. «В X – XII веках русские узнали литовцев куда лучше, чем поляки и немцы»¹. На этапе становления государства Литва испытывала значительное воздействие со стороны Руси на культурные и политические процессы.

Известно, что вторжение в северные земли Литвы Ливонского и Тевтонского орденов привело к миграции северных литовцев с северо-запада на юго-восток что интенсифицировало этническое взаимо-

¹ Гудавичус Э. История Литвы Т.І. М., 2005. С. 28.

действие и образование литовско-русского государства¹. В период XIII – XIV вв. в зону влияния Великого Литовского княжества попали обширные русские территории. С этого времени русские составляли значительную часть населения княжества². Наличие русских в его составе играло особую роль в жизни региона, поскольку возросло влияние православия. В 1316 г. по настоянию Гедиминаса в Литве была основана Православная митрополия. Литовская феодальная знать для усиления своего влияния использовала конфессиональный фактор с целью политической консолидации населения³. Известно, что сын Великого князя Миндаугаса Войшелк (Вайшвилак) был православным монахом. Многие Гедиминовичи и их дружинники принимали православную веру и быстро находили общий язык с русской знатью и православным духовенством⁴.

В первой половине XIII в. в Литве были известны православные рукописные книги, а в отдельных землях имелись центры по их переписыванию и оформлению. Бесчисленные письменные свидетельства, почерпнутые из летописей, а также исторические факты свидетельствуют, что православие не только было известно литовским князьям, но и принималась ими за основу их веры. Имеются свидетельства о том, что в первой половине XIV века во многих городах Литовского государства имелись большие русские общины, действовали православные приходы.

В 1306 г. в Вильне имелся гостиный двор русских купцов, в 1315 г. был основан еще один. Большая часть Вильны, называлась «Русским концом, Русской половицей», где насчитывалось около 20 православных храмов⁵. Русскими мастерами по эталону Новгородской была воздвигнута первая каменная церковь во имя Св. Параскевы

¹ См.: Коялович М., История воссоединения западнорусских униатов. Минск, 1999.

² Гудавичус Э. Указ.соч. С.82.

³ «Подсчитано, что до времени «крещения Литвы» в католическую веру (1387 г.) 56 литовских князей были православными». См.: Новинский В. Очерки истории православия в Литве. Вильнюс, 2005. С. 4-5.

⁴ Со времени правления Гедимина в титул князя часто включалось упоминание «русский». См. Гудавичус Э. Указ.соч. С. 96.

⁵ В 1316 г. по настоянию Гедиминаса в Литве была основана Православная митрополия.

(Пятницы). Большое количество улиц Вильны носили русские наименования: «Погулянская», «Лоточная», «Большая», и т.д. У русского населения здесь имелись торговые подворья, ремесленные мастерские, больничные приюты, кладбища, не были исключением и другие города – Вилькомир, Старополь, Ковно, Окмяны, Ораны, Троки. О политическом и культурном взаимодействии Руси и Литвы говорит факт избрания Иваном Калитой в 1333 г. в жены своему сыну и будущему преемнику Семену литовской княжны Айгусты, крещеной под именем Анастасии. Как отмечают исследователи, в культурном смысле Литва двигалась к византийской цивилизации¹.

Значительное распространение русской культуры в Литве имело место при великом князе Литовском Альгирдасе (Ольгерде) Гедиминовиче, а потом и при Витаутасе. В эти годы активно возводились каменные православные церкви, появлялись христианские святыни, вместе с этим процессом активно продолжало развиваться книжное дело, постепенно возникли собрания рукописных книг. Широкое распространение в Литве получил и русский язык, влияние которого в конце XIV – начале XV вв. продолжало усиливаться.

В этот исторический период западнорусский письменный язык стал основным языком канцелярии Великого Княжества Литовского, сохранив преобладающие позиции до середины XVII в., когда он был вытеснен из делопроизводства польским языком². Отметим, что национальная культура Литовского государства выстраивалась на семиотической основе русской культуры. Своеобразным примером этнической ситуации является то, что из 40 полков, участвовавших под командованием Витаутаса в Грюнвальдской битве, 36 были русскими.

На XVI век пришлось времена подъема русской культуры в Великом Княжестве Литовском. Русские способствовали укреплению литовской государственности, вносили вклад в создание ее правовой системы, а также содействовали обороноспособности государства. За территориальной целостностью следил «наивысший гетман» князь Константин Иванович Острожский. Такие русские первопечатники, как Георгий Скорина, Вильнюсские бурмистры Яков Бабиц, Лука и

¹ Гудавичус Э. Указ.соч. С. 105, 97.

² Зинкявичюс З. Проблема определения термина канцелярского славянского языка Великого Княжества Литовского: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://viduramziu.istorija.net/socium/zinkevicius-ua.htm>

Кузьма Мамоничи, Иван Федоров, Петр Мстиславец, в Литву, создавали первые восточноевропейские печатные книги, имевшие общеславянское и общеевропейское значение¹. Неслучайно Вильнюс стал европейским центром книгопечатания по количеству и разнообразию изданий, по качеству печати сравнимый с западноевропейскими типографиями того времени. Особую известность приобрела Вильнюсская типография братьев Кузьмы и Луки Мамоничей². Именно в ней был издан Статут Великого Княжества Литовского 1588 г., а также конституции польско-литовских сеймов.

Литва стала местом встречи русской культуры с европейским Ренессансом, что породило высокие и яркие достижения. Существенную роль в духовной жизни Литвы XVI – XVII вв. сыграли создатель первой русской «Азбуки» Мелетий Смотрицкий и первый русский стихотворец и драматург Симеон Полоцкий³. Высокий уровень развития духовной жизни Литвы в этот период запечатлен в напряженной богословской и литературной полемике с католической церковью и протестантским влиянием. Заметным событием для Литвы в XVII в. стал церковный раскол, побудивший многих раскольников переселиться в веротерпимую и многоконфессиональную Литву⁴. В некоторых областях страны возникли устойчивые старообрядческие общины, сохраняющие свою самобытность до сих пор.

После польско-литовской Люблинской унии 1569 г. культурный вектор развития в Литве сменился. Русский язык постепенно вытеснялся польским, активизировалась католическая церковь. В 1697 г. Сейм Речи Посполитой принял постановление о переходе делопроизводства Литвы на польский язык, был введен запрет на издательскую деятельность на русском языке. Ситуация постепенно стала меняться только после разделов Речи Посполитой и включения Литвы в состав Российской империи.

¹ Фомин А. Русский язык в образовательном и культурном пространстве Литвы: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.klaipeda.mid.ru/doc/Rus-Jaz-Litva.htm>

² См.: Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV – XVI вв. М., 1961. С. 784.

³ Фомин А. Указ. соч.

⁴ Поташенко Г. Староверы Литвы: вехи истории (вторая половина XVII – начало XXI вв.): [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/52-1-0-74>

Русская культура постепенно стала возрождаться, русский язык обрел статус официального и имел распространение не только в среде российских должностных лиц, но и среди местного населения, особенно среди тех, кто хотел получить образование, успешно вести дела, получить карьеру. В начале XIX столетия в Вильнюсском университете учреждаются кафедры русского языка, русской литературы и русской истории. На русском языке выходят различные периодические издания. В середине этого столетия в Литве возник русский театр. В течение многих десятилетий в Литве плодотворно работала плеяда ученых и писателей. Это И.Н. Лобойко, братья Нестор и Павел Кукольники, попечитель Вильнюсского учебного округа П.Н. Батюшков, поэт, драматург А.А. Навроцкий, литератор А.В. Жиркевич, актер и режиссер театра П.В. Васильев, митрополит Макарий, актриса В.Ф. Комиссаржевская и многие другие¹. Однако в целом культурная ситуация была неоднозначной. Царское правительство жесткими мерами проводило политику русификации Литвы что вызывало справедливый гнев литовцев, вылившийся в восстания 1863-1864 гг. Темным пятном нашей истории стала принудительная русификация в культурной сфере², сопровождающаяся закрытием школ на польском и литовском языках, запретом печати латинским шрифтом. Утверждение русского языка в Литве принудительными методами следует признать непоправимой ошибкой.

Согласно всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., русское население в Литве составляло около 13,5% всех жителей, а в числе городского населения Литвы русские составляли около 22%³. В XIX в. в Литве постепенно возник слой российских должно-

¹ Там же.

² Русификация – комплекс мер, осуществляемых официальными властями, направленных на обрусение жителей какой-либо территории, а также и сам процесс такового обрусения -как в языковом, так и в культурно-религиозном плане. Джеффри Хоскинг указывает, что русификация входила в политику властей Российской империи, так как способствовала централизации власти, устранению местных привилегий. По его мнению, русификация также ставила своей задачей придать всем народам Российской империи ощущение принадлежности к России, к её прошлому, к её традициям. См.: Hosking G. Russia: people and empire, 1552-1917. Harvard, 1997. P. 367.

³ См.: Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973.

стных лиц: преподавателей, дворян-помещиков, учителей и священнослужителей, художников, актеров и журналистов, чиновников администрации. Многие из них не оставались безразличными к судьбе Литвы, их родины, они активно участвовали в жизни Литвы, они добросовестно относились к своим обязанностям, глубоко вникали в жизнь и культуру края, ощущали свою ответственность за его состояние, и сделали немало для его процветания и развития.

Стоит отметить плодотворную деятельность губернаторов М.И. Кутузова, В.И. Назимова, Ф.Я. Мирковича, А.Л. Потапова, его супруги Е.В. Потаповой, стоявшей у истоков благотворительного движения в Литве. Значительный вклад в развитие столицы внес последний Вильнюсский губернатор П.В. Веревкин. Нельзя не вспомнить и имя Петра Аркадьевича Столыпина, бывшего предводителем Каунасского дворянства¹. В один из сложнейших периодов жизни всей Европы, в годы Первой Мировой войны литовскую епархию возглавлял митрополит Тихон, ставший впоследствии Патриархом Всея Руси². Значительную роль в изучении литовского языка, его древних индоевропейских корней, сыграл Ф.Ф. Фортунатов³ – знаменитый российский лингвист и академик. Большую просветительскую деятельность выполнял в XIX столетии Вильнюсский университет, объединивших немало видных ученых и писателей, прославивших российскую науку и культуру. Созидательная работа этих людей по развитию русской и литовской культуры заложила огромный фундамент культурной жизни будущего литовского государства.

XX век стал временем испытаний и лишений и для России, и для Литвы. После определенных политических пертурбаций в России произошло провозглашение независимого Литовского государства,

¹ П.А. Столыпин провёл на службе в Ковно около 13 лет – с 1889 по 1902 гг. По приезду в Ковно молодой уездный предводитель дворянства с головой окунулся в дела края. Предметом его особой заботы являлось Сельскохозяйственное общество, которое, по сути, взяло под контроль и опеку всю местную хозяйственную жизнь. Главными задачами общества были просвещение крестьян и увеличение производительности их хозяйств. Основное внимание уделялось внедрению передовых методов хозяйствования и новых сортов зерновых культур. См. Сидорович Г. П. Пётр Аркадьевич Столыпин: Жизнь за Отечество: Жизнеописание (1862 – 1911). М., 2007. С. 33-78.

² Новинский В. Указ.соч. С.160.

³ Алпатов В.М. Москва лингвистическая. М., 2001. С. 5-9.

что создало новую культурную ситуацию. Интенсивно начала развиваться национальная литовская культура. Были созданы литовские топонимы, имена исторических деятелей, возникла своя национальная историография. Практически за два десятилетия была создана новая Литва.

Русское население Литвы в межвоенный период было немногочисленным. По данным переписи населения 1923 г., в стране проживало всего около 50,5 тыс. местных русских. Эти 2,5% жителей страны были вынуждены обособиться и сконцентрироваться вокруг православных приходов Каунаса и Вильнюса, а также неформальных эмигрантских образований в крупных городах Литвы. Несмотря на бедственное положение, русское население страны не отделяло себя от истории и культуры Литвы и активно включилось в общую деятельность по сохранению и развитию основ национальной литовской культуры. Активно проявили себя такие выдающиеся деятели науки и культуры – профессора Каунасского университета – Лев Карсавин, Василий Сеземан, Иван Лаппо. Яркими фигурами в Каунасе 1930-х гг. были режиссер Феофан Павловский, балетмейстер Николай Зверев, профессор Платон Янковский, возглавивший кафедру теоретической механики в университете; консультантом Минфина Литвы работал бывший товарищ министра финансов России – Николай Покровский¹.

Создателями национального театра и балета Литвы были режиссер Феофан Павловский, танцовщики и балетмейстеры Павел Петров, Николай Зверев, Анатолий Обухов, Вера Немчинова, их таланты обрели всемирную известность благодаря «Русским сезонам» Сергея Дягилева. Художник-сценограф Мстислав Добужинский² известен нам и как один из создателей литовского государственного театра, и как деятельный участник Комиссии по созданию государственной символики Литвы. Музыкальную жизнь нового государства невозможно представить без композиторов и музыкантов Константина Галковского и Юрия Карновича. Архитектор Васильос Осипович Дубенецкий³ изменил архитектурный облик Каунаса. Морской торго-

¹ Арефьева И. О русской эмиграции в межвоенной Литве [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kolos.lt/russiantraces/230-2010-06-24-19-03-01>

² Чугунов Г. И. Мстислав Валерианович Добужинский. 1875-1957. Л., 1988.

³ См.: Baršauskas J., Jaloveckas R. Prof. V. Dubeneckis // Mokslas ir gyvenimas. 1958. № 12.

вый флот Литвы обязан своим появлением российскому морскому офицеру, участнику русско-японской и Первой мировой войн Федору Федоровичу Рейнгарду¹. Все они каждый на своем месте внесли неоценимый вклад в развитие Литвы, в ее материальную и духовную культуру². В годы Второй Мировой войны русские и литовцы вместе вели борьбу с гитлеровской оккупацией.

Однако было бы ошибкой не вспомнить и другую сторону единства двух стран и народов. Исторические и политические причины присоединения Литвы к СССР, как и последующее развитие этой советской республики в его составе являются проявлением трагической и противоречивой канвы истории наших народов. Послевоенные годы в Литве окрашены не только подвигами советских граждан совместно восстанавливавших разрушенные войной города и селения. Будучи многонациональным государством, Советский Союз столкнулся с культурными и социальными различиями населения страны, что не могло не вызвать проблем этнокультурного характера. Надо признать, что решение их были не всегда взвешенными по отношению к литовскому населению. Да, русификация имела место, но ее проявления так же имели неоднозначные последствия.

Как отмечает литовский историк В. Климбус, с одной стороны, политика Москвы в отношении Вильнюса «декларировала дружбу народов, национальную толерантность», и это во многом проявлялось и в практике перевода на русский язык творческих трудов национальных авторов. Но «одновременно четко указывалось, как необходимо преподавать русский язык в школах»³. Однако тенденции русификации протекали «совместно с тенденцией унификации, когда не только национальная, но и русская составляющие не особенно подчеркивались – акцент делался на воспитание советского человека в советском обществе, в котором национальные различия должны исчезнуть». По мнению историка, русификация в Литве так не удалась, в то же время

¹ См.: Граф Г. К. Императорский флот между двумя войнами. СПб., 2006. С. 277.

² Большинство русских деятелей 1918-1940 гг., как местных, так и эмигрантов, разделили судьбы десятков тысяч литовских граждан – они были репрессированы из-за своего «антисоветского» прошлого в Литовской Республике.

³ См. V. Klumbys. Rusifikacij Lietuvoje: ideologija i rpraktika: [Электронный ресурс]. Режим доступа: // [http:// sovietcase.eu / en / wp-content / uploads / 2012 / 02 / V.-Klumbys-Rusifikacija.pdf](http://sovietcase.eu/en/wp-content/uploads/2012/02/V.-Klumbys-Rusifikacija.pdf)

«широко распространилось знание русского языка и культуры. А это было тесно связано с советизацией и соответствовало официальной идеологии и ощутимого недовольства в литовском обществе не вызывало. Русская культура была естественной жизненной средой, все смотрели русские фильмы, знали русские песни, знали русских писателей, одновременно расширялось знание литовского языка и процветал билингвизм»¹.

Таким образом, роль русской культуры за многие столетия имела огромное значение в этнокультурной и политической истории Литвы. Конечно, политические и военные коллизии вносили в этот процесс свои коррективы, имевшие не всегда однозначные последствия для наших народов. В этой связи становится понятной та политическая ситуация с исторической памятью в современной Литве. Однако не может не насторожить явное искажение общего исторического прошлого. Высокая степень литуанизированности не позволяет сегодня гражданам Литвы взглянуть на прошлое с взвешенных культурно-исторических позиций. Со стороны литовского государства создается информационный контент, из которого следует, что все самое важное для современной Литвы было это создано литовцами и их предками балтами.

Создается впечатление, что современное литовское население не осведомленно о том богатейшем культурном ландшафте, в котором оно живет, которое ошибочно считает исконно своим. Так, архитектура центральных улиц Вильнюса, в основном относящаяся к середине XIX – начале XX веков, застраивались выпускниками лучших российских высших школ Алексеем Красовским, Михаилом Прозоровым, Константином Короедовым, Алексеем Полозовым и др.². В Каунасе, например, каждый житель города прогуливался по Аллее свободы, которая является сегодня символом независимости Литовского государства, однако не каждый сможет сказать, как она называлась до Первой Мировой войны или поведать, под чьим руководством шла ее застройка, кто разрабатывал архитектурный план. Между тем самые красивые здания Каунаса XIX в. возведены русскими архитекторами Иустином Голиневичем, Николаем Андреевым, Константином Лима-

¹ Там же.

² См.: Лукшёните Н. Р. Стилевое развитие архитектуры Литвы в период 1830-1920-х годов: дис. ... канд. искусствоведения. Каунас, 1983.

ренко¹. В период первой независимой республики (1918 – 1940 гг.) в городе, ставшим временной столицей, наиболее важные здания были построены русским эмигрантом известным профессором Санкт-Петербургской академии художеств Василием Осиповичем Дубенецким². Между тем в умах литовских обывателей, преисполненных гордостью за «*visalietuvos*», прогуливающих сегодня по многим старым улицам городов Литвы вряд ли возникает полная историческая картина великого сотворчества наших народов, нет и чувства взаимосвязи исторических судеб.

Таковы метаморфозы исторической памяти в современной Литве, хотя даже память о творцах архитектурного облика столицы является, на наш взгляд, основой нашего взаимного уважения. Материально-культурно-историческое наследие в современной Литве должно рано или поздно стать основой для взаимно уважительных гражданских отношений и национального единения. Реальная ситуация такова, что литовская официальная власть, формально осуждая российскую политику русификации второй половины XIX и середины XX века, советские методы реализации национальной политики действуют в том же духе, используя иные лозунги. За последние десятилетия в Литве прошла культурная экспроприация-национализация культурно-исторического наследия, в результате повсеместным стало игнорирование и замалчивание присутствия русской культуры в историко-культурном пространстве страны. Радикально настроенная молодежь вовсе лишена адекватного исторического сознания, а стало быть, и памяти.

Д.Б. Надеева

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РОССИИ

Особое место в системе общественных отношений занимают отношения национальные. Их название связано с нациями – наиболее зрелой и современной социально-этнической общностью, пришедшей на смену таким общностям как род, племя, народность. Философская энциклопедия дает такое определение нации:

¹ Там же.

² См.: Baršauskas J., Jaloveckas R. Op.cit.

Нация – народ, который создал себе зависящее от него правительство и имеет в своем распоряжении территорию, границы которой более или менее уважаются другими нациями. Другими словами, нация – это народ, организованный в государство. Однако есть еще один определяющий признак нации – наличие национальной экономической системы (экономические связи внутри одного государства, основанные на разделении труда и отраслевой специализации отдельных районов страны). Первые нации возникли в 17-19 веках в Европе в период зарождения товарно-денежных отношений и складывания товарного производства. Нация обладает рядом признаков:

- Этническая общность (культура, язык, образ жизни, быт) – этническая общность своими корнями уходит в род и племя, когда существовала кровнородственная связь между членами общины. С ростом населения и развитию между людьми связей и отношений родовая община сменилась соседской. Главным признаком общности людей стало не родство, а общность территории, в пределах которой складывались связи и отношения, формировалась система ценностей, язык и культура. Кровнородственная связь сменилась этнической общностью как напоминанием о том, что когда-то все представители этого народа были родственниками.

- Общая территория – на этой территории складываются хозяйственные и экономические отношения, на всю территорию государства распространяется действие законодательства. Границы территории признаются и уважаются другими государствами, охраняются законом от нарушения.

- Развитая экономика – исторически сложившиеся экономические связи и отношения, принятые в данном обществе формы хозяйствования составляют национальную экономическую систему.

- Государство – каждый народ может считаться нацией, если он организован в государство, имеет свое правительство, законодательство, систему государственных органов управления, механизм осуществления государственной власти в обществе.

- Национальное самосознание – отнесение человеком себя к той или иной национальной общности. Если народ не осознает себя нацией, то несмотря на этническую общность, общую территорию, экономику, наличие государства, он не является нацией в полном смысле этого слова. Например, немцы после поражения во Второй

мировой войне перестали считать себя нацией. Они называют себя немецким народом, но не нацией, хотя обладают всеми признаками, присущими данной форме этнической общности. И наоборот, американский народ осознает себя нацией, несмотря на то, что не обладает национальной однородностью. Таким образом, о нации как реально существующем явлении можно говорить только в случае наличия у людей национального самосознания. Если же национальное самосознание отсутствует, то можно говорить об общем этническом происхождении, но не более.

Необходимость исследования этносоциальной памяти вызвана во многом тем, что собственно сам данный феномен крайне неоднозначен. С одной стороны, он может быть использован для разжигания этнической и групповой неприязни, возникновения межнациональной напряженности, с другой — укреплять добрососедство и сотрудничество народов. Противоречивость проявления этносоциальной памяти обусловлена ангажированностью этого феномена: властные структуры, различные политические, социальные группировки всегда стремятся навязать обществу собственное понимание исторической памяти.

Обращение к памяти исторического, социального прошлого является важной потребностью общества, так как в ней заключен также и большой воспитательный потенциал. Историческая память обеспечивает связь поколений, их преемственность, создает условия для общения, взаимопонимания и определенных форм сотрудничества людей в различных сферах социальной деятельности. Социальная память сложное и многокомпонентное явление (историческая память народа, культурная память, политическая память и т.д.), которое выступает обязательным условием существования общества, базируется на накоплении, хранении и трансляции социально-значимой информации. Этносоциальная память, как подсистема социальной памяти, определяет специфическую форму аккумуляции и трансляции социально-этнического опыта.

Этнический фактор является одной из детерминант социальной памяти. Об этнической составляющей социальной памяти может идти речь лишь в том случае, когда представления, знания, оценки исторического прошлого со стороны индивидуума, группы, общества основываются на событиях, явлениях, отражающих конкретно-этническую их специфику. Содержательную основу составляет куль-

турный генофонд народа, включающий элементы этнической культуры, такие как: язык, народное искусство, материальная культура народа, национальные обычаи и традиции, народная философия и традиционная система воспитания, этика народа и т.д.

Формообразующим фактором этносоциальной памяти служит то, что последняя выступает как способ фиксации, сохранения и передачи информации из накопленного опыта национальной общности как в рамках одного поколения, так и между сменяющимися друг друга поколениями. Фактор трансляции этносоциальной памяти весьма значим, но никак нельзя умалять важность аккумулятивной функции, ее роль как синтезатора социально-культурного опыта.

В качестве исходной дефиниции в исследовании этнической детерминации социопамати нами применяется следующая: составляющая содержания этносоциальной памяти — это факты, сюжеты, характеризующие своеобразие исторического пути народа, совокупность культурных и материальных ценностей, лежащих в основе этнической идентификации. Главная функциональная характеристика этносоциальной памяти — сохранение и передачи самоидентичности национальной общности. Аккумулируемая этносоциальной памятью информация посредством института воспитания и образования, механизма социального наследования транслируется от одного поколения к другому, и именно это обеспечивает самоидентичность национальной общности.

Этносоциальная память представляет одно из самых сложных социально-психологических образований в системе духовного облика нации. Откладываясь слой за слоем в языке, культуре, обычаях, обрядах, в психологии, этносоциальная память дает о себе знать и в представлениях о родной земле, в осознании национальных интересов, отношении народа к материальным и духовным ценностям. В этносоциальной памяти находят отражение как героические, так и драматические события в истории, как национальная гордость, так и национальные обиды.

Этносоциальную память можно представить как «ядро», центр духовного облика нации. В исследованиях сложных эволюционных систем в рамках синергетики учеными было отмечено, что информация о прошлом системы обычно хранится в центральной ее части. Этносоциальная память представляет своего рода «национально-генетический код», хранящий информацию об истории, этапах разви-

тия, условиях существования и этническом потенциале нации. Кодирование культурного и социального опыта этноса в памяти — многоплановый процесс. Он протекает как в сфере интеллектуально-духовной, так и в материально-производственной деятельности. Компоненты культуры, чтобы войти в состав ядра духовного облика нации — культурный генофонд народа — должны пройти проверку временем, стать ценностями для общности. В случае разрушения этого «национально-генетического» кода, подобно процессам нарушения наследственности человека, мы можем говорить об исчезновении этнической общности

В свою очередь, этносоциальную память можно смоделировать как целостное двухкомпонентное явление, состоящее из этнического ядра и социального пояса. Первый компонент содержит «исходный субстрат» этноса, т.е. те элементы, которые заложили основу этнической общности как особой целостности. Этническое ядро обладает высокой устойчивостью и незначительной изменчивостью. Если этническое ядро включает в себя и память социобиологического, и память исторического развития, то социальный пояс ограничивается только памятью исторического развития. Этот социальный пояс выполняет функцию «информационного фильтра» национальной общности, пропуская через себя многочисленные информационные потоки, проводит отбор информации, значимой и ценной для данной общности.

Иными словами, этническое ядро этносоциальной памяти хранит определенный набор этнических параметров, и их применение служит средством самоидентификации, демонстрации своей принадлежности к данному этносу. Другое дело социальный пояс этого феномена, так как для его существования важны не столько диахронные, а синхронные связи.

В конце XX — начале XXI в. национальный вопрос в мире, особенно в нашей стране и в Восточной Европе, приобрел исключительно острый характер. Это выразилось, прежде всего, в распаде Советского Союза, Югославии, мирового социалистического содружества, в резком обострении межнациональных конфликтов. Национальный вопрос выдвинулся на первый план, и от его решения зависит судьба многих государств и народов.

Рассматривая перспективы дальнейшего развития России и других независимых государств, возникших на территории бывшего

Советского Союза, необходимо подчеркнуть несправедливость огульного очернения всего положительного, что было достигнуто в сфере национальных отношений в годы советской власти. Решение национального вопроса в СССР имеет историческое значение. Достаточно сказать, что за 1913-1987 гг. уровень промышленного производства вырос в РСФСР в 206 раз, в Казахстане – в 318, в Молдавии – в 419, в Армении – в 576 раз.

Наряду с экономикой успешно развивалась национальная культура, в республиках была ликвидирована неграмотность, возникла национальная интеллигенция. За годы советской власти новая письменность была создана для 52 языков, ранее ее не имевших. На 77 языках создавались литературные произведения, на 52 языках велось обучение в школах, на 67 языках велись передачи по радио и на телевидении. В развитии культуры, науки и техники в национальных республиках большую роль сыграл русский язык как язык межнационального общения. Так, 70% научных и технических терминов пришли в киргизский язык из русского языка.

Отмечая то положительное, что было сделано в сфере национальных отношений в советский период, в то же время следует называть объективные и субъективные причины, которые вызвали резкое обострение межнациональных противоречий и конфликтов, способствовали распаду многонационального Советского государства.

Во-первых, в 70-80-е гг. XX в. нашу страну поразил глубокий социально-экономический кризис, проявившийся в спаде промышленного и сельскохозяйственного производства, в снижении уровня жизни населения.

Во-вторых, сверхцентрализм, осуществляемый центральным бюрократическим аппаратом, игнорирование им интересов народов СССР породили недовольство многих наций.

В-третьих, огромный ущерб дружбе наций нанесла сталинская политика депортации народов. На октябрь 1946 г. на спецпоселении в Казахстане и Средней Азии, в Сибири и на Урале находилось 2 463 940 человек, среди них чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, калмыки, крымские татары, немцы.

В-четвертых, национальной розни способствовали низкий уровень политической культуры и сознания людей, феодально-байские пережитки в ряде республик.

В-пятых, свою роль сыграл и национализм как издержки роста национальной интеллигенции и национального самосознания, что сопровождалось у части интеллигенции усилением национального чванства и высокомерия, попытками выдать «свое» за абсолютную ценность, обособиться и замкнуться.

В-шестых, политика межнационального единения встречала сопротивление националистических коррумпированных, мафиозных элементов и чиновничества.

Кроме перечисленных причин надо назвать также такие факторы, как зарубежная антисоветская пропаганда, направленная на разжигание межнациональной вражды, и догматизм, начетничество и застой в теории национальных отношений, подменявшие исследование и прогнозирование национальной жизни искусственно надуманными схемами.

Остановимся подробнее на последнем вопросе. Жизнь настоятельно требует теоретического осмысления национальных отношений и всех проблем, связанных с ними. Между тем огромное количество работ по национальному вопросу, вышедших в свет в последние десятилетия XX в., по сути дела явились апологетическим обоснованием официальной политики в сфере национальной жизни, ни на шаг не продвинули вперед теорию. В связи с этим правомерна постановка вопроса о кризисе теории нации.

В теории нации центральным представляется исследование объективной сущности нации, что, естественно, невозможно сделать без определения нации. В XX в. в нашей литературе господствующим было сталинское определение, включающее в себя четыре известных признака нации: общность экономической жизни, языка, территории и определенных черт психологии.

Наряду с этим в последнее время в ряде исследований отечественных ученых появились идеи о непознаваемости нации. Многие из ученых полагают, что нация может считаться реальностью лишь как субстанция духовной культуры и коллективного сознания, как внутригрупповое понятие, а не что-то, определяемое учеными или политиками извне. По их мнению, нация является выражением общности судеб и интересов общества. Эти взгляды не оригинальны: еще в начале XX в. австрийские ученые О. Бауэр и Р. Шпрингер определяли нацию как совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы.

Глубоко исследовал сущность нации Н. А. Бердяев, который справедливо считал, что нация есть категория историческая «по преимуществу, конкретно-историческая, а не абстрактно-социологическая». Вместе с тем в исследовании нации у Бердяева наряду с объективными признаками много религиозно-мистических элементов. Идеи О. Бауэра и Н. А. Бердяева, а также других предшественников современной науки о нации во второй половине XX столетия в той или иной мере были восприняты многими западными учеными. В частности, английский политолог Л. Тайви определяет нацию как естественную единицу общества, подчеркивая присущий ей обязательный для нее признак врожденности, неизбирательности, наличие «гомогенности».

Существующая сегодня в России межнациональная нетерпимость, подтверждаемая многочисленными опросами общественного мнения и массовыми беспорядками на площадях российских мегаполисов, возникла не от того, что кто-то «вдруг» решил переехать к кому-то «в гости» и невзлюбить его. Сегодняшняя нетерпимость – результат интеграции и дезинтеграции многонациональной Империи – сначала Российской Империи, потом Советского Союза, которая долгое время была «единым организмом» включившим и сделавшим частью себя «национальные окраины».

Возникшие конфликты метрополии с «пассионарными окраинами», происходят в условиях системного кризиса вызванного, развалом СССР, исторического и современного «военного наследия» региона (кавказских войн и депортаций), и наступившего сегодня, в постсоветской капиталистической России кризиса наднациональной интегрирующей идеологии. Империя испытывает тотальный дефицит «центростремительных ресурсов»: объединяющей наднациональной идеи, социального благополучия для простого человека, демографической и организационной силы, способной настоять на своем. Да и сама власть, при всей своей «антизападной» риторике стремится стать частью «запада» на более-менее приемлемых для себя условиях.

Данный процесс усугубляется тем, что происходит на фоне «нравственного упадка» метрополии, религиозного подъема «окраин», и сильнейшего демографического спада метрополии – еще относительно недавно самой осуществляющей демографическую экспансию в окраины и за пределы империи.

«Центростремительный ресурс» империи значительно ослаб, и не несет в себе долгосрочного проекта модернизации и построения социального общества, как это было, например, при строительстве СССР. Интеллигенция «национальных окраин» не зачитывается тиражируемыми центральной печатью художественными идеалами. Вместо приезжающих работать в «окраину» русских специалистов пополняющих местные кадры, «окраина» сама массово устремилась в российские города, и видит там серьезные проблемы с алкоголем и наркозависимостью.

Последствия войн и разный взгляд на приемлемый уклад общественной жизни – приводит к конфликту между людьми «окраин» и «центра». Конфликт, который в условиях коррумпированной правоохранительной системы и постоянного подогрева ситуации с разных сторон – приобретает форму острой межнациональной нетерпимости, которая, в свою очередь, выливается на улицы городов, в университеты, дворы, метро, и потоки ненависти в социальных сетях интернета.

В результате – для значительной части населения «национальных окраин» метрополия - это возможность заработать (зачастую вынужденная), четко осознавая, что едешь в недружественную среду, понимая, что ты должен оставаться «не таким как они». И наоборот, значительная часть населения метрополии воспринимает «понаехавших инородцев» как людей, которые приехали «урвать» и «показать себя».

В последние годы память об исторических событиях и явлениях прошлого стала мощным источником для общественных настроений, выражения национального самосознания народов. Использование потенциала этносоциальной памяти каждой нации, аккумулируемого национальным самосознанием, приведение в действие данного потенциала на благо прогресса является сложной и ответственной задачей общества.

М.И. Надеева, А.А. Виленский, Д.Б. Надеева
МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ
ТРАДИЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Религиозная ситуация определяется как совокупность изменяющихся структурных элементов религии; отношением к ней обще-

ства, групп и индивидуумов; уровнями их религиозного сознания; силой или слабостью влияния религии на общество; характером межрелигиозного диалога; особенностями (моделями) государственно-конфессиональных отношений.

Для оценки современной религиозной ситуации в России за точку отсчета можно взять ситуацию второй половины 1980-х – начала 1990-х гг., т.е. конца советской эпохи. Чем характеризовалась религиозная ситуация до того времени? Жестким государственным контролем над деятельностью религиозных организаций, преследованиями духовенства и верующих, активным утверждением атеизма всеми средствами идеологического влияния коммунистической партии и государства. Религиозные организации были лишены двух фундаментальных прав: права юридического лица и права иметь собственность. Результатом такой политики и идеологического воздействия было оттеснение религии на периферию общественной жизни и общественного сознания.

Но вместе с тем уже в 1980-е гг. социологическими исследованиями постепенное зафиксировано изменение отношения к религии со стороны общества. Это находило выражение в росте религиозной обрядности, в интересе к религиозной литературе, в моде на религиозную атрибутику в быту, в обращении к религиозным сюжетам писателей, художников, кинематографистов. Подспудно росло самосознание верующих, религиозное самоопределение определенной части населения. С началом «перестройки» и курса на гласность и демократизацию общества эти тенденции проступали все более явно. Стало ясно, что необходимы изменения в вероисповедной политике государства, исходящие из признания наличия у значительной части населения реальной потребности в религии, ориентированные не на декларативное провозглашение, а на реальное осуществление свободы совести и вероисповедания. Сильным толчком в этом вопросе, который повлек за собой быстрые и существенные изменения, стало празднование 1000-летия принятия христианства на Руси. Так, в апреле 1988 г. М.С.Горбачев принял патриарха Пимена и членов Св. Синода в период подготовки к этому событию.

Принципиальный разворот государственной политики в религиозном вопросе можно зафиксировать по следующим позициям:

1) На смену отношению к религии и религиозным организациям как явлению пережиточному, тормозящему общественное разви-

тие, чуждому существовавшему общественному строю, пришло отношение к ним как к важнейшему общественному институту, реальному компоненту современного российского общества, признание их исторического вклада в формирование российской государственности и культуры, воздание должного их общественным позициям и инициативам. Отсюда следовала необходимость внимания государства к интересам масс верующих и представляющих их религиозных организаций, учета в политике их потребностей, мнений и настроений.

2) Показателем коренного изменения отношения государства к религии и церкви явилось новое правовое решение религиозного вопроса. Положения Конституции РФ, касающиеся религии и прав граждан на свободу совести, Федеральные законы «О свободе вероисповеданий» (1990 г.), «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997 г.), ряд других законодательных актов вывели государственно-церковные отношения на уровень международных правовых норм.

3) Религиозная ситуация в стране в корне начала изменяться. Были предоставлены широкие права верующим гражданам и свободная регистрация религиозных объединений. Государство не только декларировало свободу совести, но и содействовало защите вероисповедных свобод. С этой целью были созданы структуры, не существовавшие в советское время

4) Был предпринят целый ряд шагов для исправления грубых ошибок и злоупотреблений в отношении религиозных организаций, духовенства и верующих прежних властей. Это Указ Президента РФ о реабилитации жертв политических репрессий, который вернул доброе имя людям, пострадавшим за веру, за свое религиозное служение. Были освобождены из мест заключения и реабилитированы сотни людей, осужденных за свои религиозные убеждения. Были приняты Распоряжение Президента и Постановление Правительства РФ о возвращении религиозным организациям и верующим ранее изъятых у них церковных зданий, святынь и культового имущества. Стали выделяться средства из бюджетов различных уровней на восстановление и реставрацию храмов и монастырей.

5) Деление религий на «господствующую» (РПЦ), «терпимые» (ислам, буддизм, иудаизм, католицизм, лютеранство и некоторые другие), «гонимые» (старообрядчество, сектантские движения) осталось в прошлом. На рубеже 70-80 гг. XX века существовало 13 зарегистри-

рованных религиозных объединений. В настоящее время, по данным Министерства юстиции РФ, в России существует около 70 независимых конфессий.

6) Представлены реальные возможности беспрепятственно строить религиозную жизнь, как личности, так и общинам. Местные власти не препятствуют появлению новых общин, строительству культовых зданий. Только в Татарстане завершено строительство более 500 мечетей. Более 300 мечетей находятся в стадии строительства. За последние годы открыты сотни духовных учебных заведений (только исламских более 60).

7) С 1 апреля 2010 г. Министерство образования и науки РФ включило в школьную программу предмет «Основы религиозных культур и светской этики» в качестве федерального компонента сначала экспериментально в 19 регионах России, а при успешном течении эксперимента – во всех регионах с 2012 г.

Верующие России впервые за многие десятилетия (мусульмане, иудеи за многие века) почувствовали себя частицей остального мира верующих. Ежегодно десятки тысяч представителей различных конфессий отправляются для совершения паломничества в Иерусалим, Мекку, Медину. Возникли и быстро выросли как по количеству изданий, так и по тиражам конфессиональные средства массовой информации. Религиозные организации различных конфессий широко используют светские СМИ, включая радио и телевидение, для пропаганды своего вероучения, религиозных нравственных ценностей.

Меняется отношение к религии и со стороны общества. Меняется в общественном сознании оценка исторической и современной роли религии и религиозных организаций, растет их престиж. Подобные замеры общественного мнения регулярно проводятся ВЦИОМ, их результаты публикуются.

Изменение отношения общества к религии находит свое выражение в обращении к религии значительных масс населения. В результате во многих конфессиях произошел наплыв неофитов (новообращенных). Во многих общинах их число превосходит число верующих, являющихся давними, постоянными и активными членами этих религиозных объединений. Неофиты порой бывают очень активны, даже агрессивны по отношению к последователям других конфессий и неверующим, но при этом имеют весьма смутное представление об основах вероучения, обрядовой практике, нормах поведения, предпи-

сываемых той религией, к которой они недавно обратились. С другой стороны, называя себя православным, мусульманином и т.д., многие люди имеют в виду вовсе не то, что они веруют в Бога, а то, что они происходят из данной этнокультурной среды, относят себя к православленной, мусульманской, буддистской и т.п. культурной традиции. Здесь конфессиональное самоопределение выступает заместителем идентификации этнонациональной. Религия многими верующими понимается не «религиозно», а социально-утилитарно, как средство поддержания культуры и морали.

Категорию нерелигиозной части населения (в последние годы она составляет в среднем 40% населения) характеризует растущая толерантность в отношении к религии, к религиозным ценностям. При рассмотрении проблем толерантности в области религии ключевое значение приобретает понятие межконфессионального диалога, рассматриваемого в качестве наиболее адекватной формы отношений между приверженцами различных вероисповеданий, служащей достижению согласия между ними. Каждая религия заявляет о вселенском и абсолютном характере собственного сверхъестественного опыта и о ложности остальных. Признание равноценности и равнозначности всех «путей к Богу» для действительно религиозного человека абсолютно невозможно.

Чаще всего усилия по сближению основ даже близкородственных исповеданий оказывались бесплодными. Это важно помнить в связи с распространением современных религиозных обновленческих течений «Нью-Эйдж», выступающих под лозунгом вероисповедного синкретизма («Бог един, и все религии пророки его»). Диалог в сфере вероучения обычно носит лишь конфронтационный характер. Однако возможен и другой подход, когда человек, искренне приверженный собственной религиозной традиции, ценит и уважает подобную «крепость в вере» у иноверца. Более того, наличие иной религиозной системы в качестве оппонирующей становится необходимым фактором духовного самоопределения.

Это полностью относится и к российской цивилизации, в формировании которой проявилась органическая целостность различных конфессий, прежде всего православно-христианской и исламской. В России представители обеих культурно-конфессиональных общностей уже с XIII века проживают в составе единого государства: вначале в границах Золотой Орды, а затем – собственно Русского государства.

Российская имперская идея, обеспечивающая интеграцию евразийского пространства в единых границах, имела не только православную, но и тюрко-мусульманскую составляющую. Так, Иван Грозный, уничтожив Казанское ханство как центр мусульманской культуры и разрушив казанские мечети, одновременно предписал в 1555 г. первому казанскому архиепископу Гурию избегать принуждения в миссионерской деятельности. Право на исповедание своей веры для служилых татар, пришедших на службу московскому царю, сохранялось полностью, а их поселения в XV-XVI веках сохраняли фактическую религиозную автономию. Наиболее крупным из них было Касимовское царство, существовавшее в 1452-1681 гг. Его центр – Касимов – представлял собой типично мусульманский город с мечетью, медресе и мавзолеями-усыпальницами, сохранившимися до наших дней.

Узаконил положение ислама в качестве терпимой религии Указ императрицы Екатерины II от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий». Учреждению императрицей в 1788 г. Оренбургского Магометанского Духовного собрания в Уфе во главе с муфтием, назначаемым императорским указом, положило начало государственному управлению вероисповедными делами российских мусульман.

Начиная с битвы между новгородцами и немецко-датскими рыцарями в 1268 г. и кончая Первой мировой войной во всех сражениях, которые Россия вела на Западе, в составе русских войск имелись особые военные формирования из представителей мусульманского населения. Нахождение в составе России имело не меньшее значение и для мусульманских народов. Именно в среде культурно-религиозной элиты «русского мусульманства» на рубеже XIX-XX веков сложилось просветительно-обновленческое течение исламской мысли, известное под названием джадидизма (от араб. «джажид» - новый). Российский джадидизм с его идеей включения достижений европейской цивилизации в систему исламских ценностей оказал огромное влияние на развитие общественной мысли и культуры всего мусульманского мира, способствуя его духовному и социальному прогрессу.

Примечательно, что в среде представителей российского джадидизма была выдвинута идея «русско-восточного соглашения» православной России с народами мусульманского мира, основанная на их культурной и духовной близости и общих геополитических интересах. Наиболее полно эта концепция была представлена в работах выдаю-

шегося крымско-татарского просветителя и публициста Исмаил-Бей Гаспринского (1851-1914 гг.) – «Русское мусульманство» (1881 г.) и «Русско-восточное соглашение» (1896 г.).

Таким образом, конфессиональное пространство России было и остается неоднородным, многообразным. И эта тенденция к росту конфессионального разнообразия сохраняется. Число россиян, называющих себя верующими, неуклонно растет с середины 1990-х годов. Абсолютное большинство назвавших себя верующими считают себя православными (более 70% на май 2008 г.). При этом для большей части опрошенных православие – это не соблюдение религиозных обрядов и участие в церковной жизни, а только национальная традиция.

Что касается количества практикующих верующих, то государственной статистики в этой сфере не существует. Госкомстат РФ не включил в опросные листы Всероссийской переписи населения 2010 г. графу о вероисповедании. Есть лишь данные экспертной оценки. Так, по данным социологов религии С.Филатова и Р.Лункина, практикующих верующих, от православных до представителей новых религиозных движений – 12-24 млн. человек. Лидирует РПЦ – около 3-15 млн. человек. Затем следуют мусульмане (около 3 млн. человек), протестанты (около 1,5 млн. человек). Старообрядцы, иудеи, буддисты и кришнаиты – менее 1 млн. человек.¹

Основная часть верующих объединена в религиозные организации, с помощью которых и осуществляется их взаимодействие с государством. По данным Минюста России на 1 января 2010 г., всего религиозных организаций – 23494. Абсолютное ведущее место среди них занимает православие в лице РПЦ (12941). 4127 зарегистрированных объединений имеет ислам. 291 объединение имеется у иудаизма, 230 у лютеран, 229 у римско-католической церкви, 208 у буддизма, 73 у Общества сознания Кришны. Остальные зарегистрированные в Минюсте объединения приходятся на 22 малочисленных религиозные направления. Таков конфессиональный портрет нашей страны².

Разнообразие и насыщенность конфессионального пространства России в переплетении с многообразием этнического состава населения составляет культурное богатство России, но при этом всегда таит в себе возможность возникновения и обострения противоречий и

¹ <http://www.archipelag.ru/authors/lunkin/?librari=2043/>.

² www.gks.ru/bgd/reg/b10_11/isswww.exe/stg/d1/02-08:htm.

конфликтов на национальной и религиозной почве. Перед российским обществом стоит непростая задача сплоченности как одно из важнейших условий выхода из кризиса, обеспечения национальной безопасности и движения вперед. Предпосылкой ее достижения в многонациональном и поликонфессиональном обществе является воспитание, утверждение в массах населения национальной и религиозной терпимости, установок толерантного сознания и поведения.

Таким же насущным путем к достижению мира и согласия в поликонфессиональном обществе является диалог. Речь в данном случае идет не о том, что кто-то должен поступиться своими догматами и канонами, а о поиске общих идей и целей, практических дел, способных объединить усилия последователей разных религий на благо России, об умении слушать и понимать друг друга, даже исповедуя разные религии.

С.А. Нагодкина

**ФРИДРИХ II И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ:
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В
РОССИИ И ГЕРМАНИИ**

В.С. Полянский в статье, посвященной исторической памяти, отмечает, что одним из ее признаков является персонифицированный характер: «В памяти индивидов обычно запечатлеваются не конкретные события, а образы выдающихся правителей, полководцев, общественных деятелей. Их дела оказывают эмоциональное воздействие на человека и легче запоминаются»¹. Интересной фигурой в этой связи является Фридрих II Великий, «просвещенный монарх», правивший прусским государством в 1740-1786 гг., личность неоднозначная. Во многом его почти полувековое правление подготовило возвышение Пруссии и последующее ее вступление в ранг великих

¹ Полянский В.С. Историческая память в этническом самосознании народов // URL: <http://www.kazanschool.h19.ru/Polyanski.pdf> (Дата обращения 15 августа 2012 г.). С. 9.

держав, способствовало появлению милитаристского центра последующего объединения германских земель. Сложные отношения между Германией и Россией, вылившиеся в XX в. в две катастрофичные мировые войны, не могли не отразиться на формировании в этих странах исторической памяти образа короля, благодаря которому Германия стала Германией с присущими ей качествами. Статья представляется попыткой рассмотреть особенности формирования исторической памяти о Фридрихе II.

Первые труды о Фридрихе II, написанные не его современниками, появились во второй трети XIX в. Среди них важное место занимает «История Фридриха Великого», описанная Францем Куглером и проиллюстрированная Адольфом фон Менцелем в 1840 г.¹ Художнику пришлось углубиться в изучение эпохи Фридриха II. В результате гравюры получились не менее информативными, чем текст, а знания эпохи «просвещенного монарха» художник использовал позже при написании полотен: «Круглый стол Фридриха Великого» 1850 г., «Концерт в Сан-Суси» 1852 г., «Фридрих Великий в дороге» 1854 г. и др. В целом, книга Ф. Куглера отличается чрезвычайно восторженным отношением к личности монарха. Иллюстрации, которыми так богато издание, лишь способствуют усилению этого эффекта. Интересно, что уже в 1844 г. в Санкт-Петербурге вышла «История Фридриха Великого» Федора Алексеевича Кони² с теми же иллюстрациями Адольфа фон Менцеля.

Для книги Ф.А. Кони характерен почерк труда Ф. Куглера. Более того, она фактически представляет собой перевод немецкого издания, хотя автором значится другой. Оба труда не являются историческими исследованиями, напоминая художественные произведения. Вероятно, этим и можно объяснить большой спрос у читателей на эти книги, поскольку они неоднократно переиздавались. Так, второе издание труда Ф.А. Кони вышло в 1863 г.³, имеется также более современный вариант 1997 г.⁴ Что касается «Истории» Ф. Куглера, то следующее издание выпустили уже в 1856 г.⁵, а последний вариант с ил-

¹ Kugler F. Geschichte Friedrichs des Grossen. Leipzig. 1840.

² Кони Ф.А. История Фридриха Великого. СПб., 1844.

³ Кони Ф.А. История Фридриха Великого. М., 1863.

⁴ Кони Ф.А. Фридрих Великий. Ростов-на-Дону, 1997.

⁵ Kugler F. Geschichte Friedrichs des Grossen. Leipzig, 1856.

люстрациями того же А. Менцеля (2008 г.)¹ Для немецкой стороны характерен большой интерес к личности Фридриха II, это отражают и данные о частом переиздании книг о нем. Это не удивительно: для Германии он «свой герой». Возможность издания русского варианта Ф.А. Кони в 1844 г., в николаевскую эпоху всепроникающей цензуры, вероятно, объясняется содержанием произведения: прославлением мудрого короля (пусть и главы другого государства), что можно истолковать как одобрение и даже превозношение монаршей власти как института.

Во второй половине XIX – начале XX вв. наметился поворот от изучения личности монарха к исследованию его политических воззрений, особенно в том, что касалось его внешней политики. Вероятно, это было связано, прежде всего, с современным на тот момент состоянием Германии – борьбой за создание единого государства – Германской империи, – и последующем стремлением к расширению зависимой территории. Как известно, восприятие настоящего во многом зависит от понимания прошлого, потому в истории обычно ищут аналогии с настоящим². Таким образом, идеи представителей малогерманской или прусской исторической школы (И.Г. Дройзена, Е. Раймана, М. Иммиха, О. Хинце) вполне соответствовали духу того времени, поскольку они развивали концепции об особой исторической роли Пруссии в судьбе Германии. Их вывод сводился к тому, что единственной силой, представлявшей национальную политику Германии, имевшую цель политического объединения, была Пруссия, которая под руководством Фридриха II для ее достижения вела ожесточенную борьбу против Австрии Габсбургов³. Но скорее главной его задачей было «округление» границ Пруссии, то есть преодоление территориальной разобщенности. В этот период о правительственной деятельности Фридриха II было написано меньше, чем о королевском полководце и дипломате. Можно выделить следующие труды: Э. Липпе-Вайсенфельд «Западная Пруссия при Фридрихе Великом»⁴,

¹ Kugler F. Geschichte Friedrichs des Großen. Leipzig, 2008.

² Полянский В.С. Историческая память в этническом самосознании... С. 15.

³ Голованов М.В. Восточная Пруссия в политических воззрениях и деятельности Фридриха II: автореф.дис. ... канд.ист.наук. Калининград, 2006. С. 9.

⁴ Lippe-Weissenfeld E. Westpreussen unter Friedrichs des Grossen. Berlin, 1866.

К. Грюнхаген «Силезия при Фридрихе Великом»¹, В. Ринг «Азиатская торговая компания Фридриха Великого»², Р. Штадельманн «Правление Фридриха Великого»³.

В целом литература на немецком языке о Фридрихе II второй половины XIX – начале XX вв. носит панегирический характер и отличается восторженным отношением большинства историков к личности «просвещенного монарха», отмечающим великие таланты короля-философа. Кроме такого отношения к герою во взглядах немецких историков того времени преобладал национальный мотив, особенно проявлявшийся в прусской историографии. Последнее даже отмечено в статье «Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона», посвященной Фридриху II: «Вообще немецкая, в особенности же прусская историография отличается большим национализмом, а такое настроение не особенно благоприятно для критики, для анализа. Очень часто слова Фридриха II принимаются за дела, малым делам приписывается большое значение, крупные ошибки стушевываются, противоречия в деятельности Фридриха II замалчиваются или оправдываются разными натянутыми объяснениями и т. п. Представление о Фридрихе II, как о герое, переносится и на внутреннюю историю Пруссии его времени, как государства высшей культуры, будто бы опередившего все другие страны Европы»⁴. Приведенная цитата отчасти характеризует российскую точку зрения на прусского монарха – отсутствие излишней идеализации его образа, суждение о невозможности для немецкой историографии отказаться от чрезмерной симпатии герою, а также претензии на собственную объективность.

Русские историки стремились беспристрастно подходить к изучению деятельности прусского монарха. Так, Н. И. Кареев в третьем томе «Истории Западной Европы в Новое время»⁵, признавая несо-

¹ Grünhagen C. Schlesien unter Friedrichs des Grossen. Breslau, 1890.

² Ring V. Asiatische Handelskompanien Friedrichs des Grossen. Berlin, 1890.

³ Stadelmann R. Aus der Regierungsthätigkeit Friedrichs des Grossen. Halle, 1890.

⁴ Фридрих II Великий // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона // URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (Дата обращения: 15 августа 2012 г.)

⁵ Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. СПб., 1908. Т. 3.

мненный талант Фридриха II в военном деле, но анализируя его «просвещенный абсолютизм», в целом отрицает исключительность короля. Он заключает, что по некоторым направлениям своей политики, в частности, в отношении крестьянства «просвещенный монарх» проводил традиционную для прусских королей политику, облекая ее в своих сочинениях в философскую форму.

Во второй половине XIX в. в исторической памяти соотечественников Фридрих II становится национальным героем. Но было бы неверно утверждать, что в этом состояла лишь заслуга историков-профессионалов. Формированию положительного образа короля способствовали в первую очередь более доступные ненаучные издания и детские книги, которые создавали у ребенка идеализированное представление о Фридрихе II. Примером такого издания может служить популярная книга-альбом К. Рехлинга и Р. Кнотеля «Старый фриц в пятидесяти картинах от юности до старости»¹, вышедшая в 1895 г. и впоследствии переиздававшаяся в 1986 г. к двухсотлетней годовщине смерти короля. Изображения в этом альбоме и пояснения под ними создают исключительно положительное представление о Фридрихе II как о заботливом и мудром монархе. Выделим иллюстрацию, на которой изображен Фридрих II, когда он, сидя за простым столом, встречал делегацию горожан; под этой картинкой значилась надпись: «Старый Фриц выделил на восстановление после пожара города Грайфенберга в Силезии большую сумму. Горожане захотели его отблагодарить за это особой депутацией, но Фридрих прервал их со словами: «Вам не нужно меня ни за что благодарить, ведь я здесь за тем, чтобы помогать своим подданным»². Еще на одной интересной картине Фридрих II протягивает свой платок гренадеру, раненому в сражении при Буркесдорфе 21 июля 1762 г., со словами: «Мой сын, ты ранен. Перевяжи вот этим»³. Таким образом, можно заключить, что герой Фридриха II, наделенный всеми положительными качествами, становится в Германии объектом для подражания и инструментом воспитания.

¹ Röchling C., Knötel R. Der Alte Fritz in fünfzig Bildern für jung und alt. Berlin, 1895.

² Ibid. S.48.

³ Ibid. S. 42.

После поражения Германии в Первой мировой войне исследовательский интерес немецких историков к личности Фридриха II возрос¹. Вероятно, оттого, что люди обращались к истории в поисках компенсации, замены того, чего нет в реальной действительности. Униженная итогами Первой мировой войны Германия находит поддержку в славном прошлом. Великие страницы истории как бы «подпитывают» ее, вселяют уверенность, что все может измениться. Не только наука обращается к славному прошлому эпохи Фридриха II, но и новый вид искусства – кино. В это время происходит, как указано в статье Е.Ю. Мещеркиной, эстетизация политического пространства и политизация, привнесение политического дискурса в сферу искусства, что являлось политикой меморизации, медиализации и визуализации в отношении прошлого².

С кино и его массовым воздействием образ Фридриха II приобрел еще большее значение. Движущаяся картинка, а позже и звук добавили Фридриху-легенде убедительности и великолепия, которых книги прежде не могли добиться у своих читателей. О реакции зрителей свидетельствует следующее сообщение: шквалом аплодисментов встречали кадры, когда прусские войска и их победоносный военачальник появлялись на экране. Тема Фридриха II после проигранной войны приобрела новое звучание. Современники находили общие черты у Семилетней войны и Первой мировой. Их стали рассматривать как переломные моменты немецкой истории. В управленческом мастерстве Фридриха II, прусских добродетелях и славе его армии многие стали видеть выход для Германии. Первый фильм о Фридрихе II (1923 г.) имел большой успех. С экрана король указывал на современные политические задачи. Фильмы о Фридрихе II увенчались лентой «Великий король» (1942 г.)³ В фильме проводились символические параллели между исторической ролью Фридриха II как

¹ См.: Henning H. *Bibliographie Friedrich der Grosse: 1786-1986*. Berlin, 1988. S. 110-280.

² Мещеркина Е.Ю. Историческая память и политики меморизации // URL: <http://www.kazanschool.h19.ru/Mesherkina.pdf> (дата обращения 15 августа 2012). С. 207.

³ Hahn P.-M. *Friedrich der Große und die deutsche Nation: Geschichte als politisches Argument*. Stuttgart, 2007. S. 238-239.

неограниченного военного короля Пруссии и стилем правления Адольфа Гитлера.

Вероятно, такие параллели оказали влияние не только на немецкое общество, но и на советскую историческую науку: прусского короля представляли не иначе как проводника реакционной милитаристской политики, направленной на укрепление абсолютизма внутри страны и осуществление агрессии против соседних государств. В Советской военной энциклопедии о нем было написано: «Дворянско-буржуазная. историография и литература, преувеличивая заслуги Фридриха II, приложили немало усилий для создания его культа. Германские милитаристы избрали Фридриха II своим кумиром, возведя его в ранг «великого», «гениального» полководца»¹. Только в конце 1980-х гг. появились работы, авторы которых стремились рассматривать деятельность Фридриха II объективно. Однако влияние господствующей прежде идеологии на них сказывалось. Так, Л.И. Гинцберг, изучая изменения, произошедшие при «просвещенном монархе» в налоговой сфере, его переселенческую политику называет прусского короля милитаристом, утверждая, что главное для него — войны, а экономические мероприятия и преобразования осуществлялись исключительно для военных нужд.² Новый, свободный от прежней идеологии взгляд на Фридриха II в современной российской исторической науке сформулирован в статьях историков Б.М. Туполева³ и Ю.Е. Ивонина⁴. Они не рассматривают прусского монарха лишь как милитариста, предлагая изучать и другие сферы его деятельности. Появились работы, посвященные исследованию идей и политики «просвещенного монарха». Так, можно отметить диссертации А.Н. Савиновой «Внешнеполитическая доктрина прусского абсолютизма в трудах Фридриха II»⁵ (Кострома, 2005 г.) и М.В. Голованова

¹ Советская военная энциклопедия // URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/frid2prus.php (дата обращения 15 августа 2012)

² Гинцберг Л. И. Фридрих II // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 98 – 118.

³ Туполев Б. М. Династия Гогенцоллернов // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 143 - 179.

⁴ Ивонин Ю. Е. Фридрих II Гогенцоллерн и Иосиф II Габсбург // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 49-74.

⁵ Савинова А.Н. Внешнеполитическая доктрина прусского абсолютизма в трудах Фридриха II: дис...канд. ист.наук. Кострома, 2005.

«Восточная Пруссия в политических воззрениях и деятельности Фридриха II»¹ (Калининград, 2006 г.).

В Германии интерес к Фридриху II у историков не пропадал никогда, но мы можем говорить о недавних периодах наибольшего внимания к личности короля, связанных, как правило, с определенными датами. Так, в 1980-е гг. вышло большое количество трудов о прусском монархе². Интерес к нему был обусловлен датой – двухсотлетней годовщиной смерти (Фридрих II умер в 1786 г.). В Германии торжественно отмечали трехсотлетие со дня рождения Фридриха II, к этой дате был приурочен ряд научных мероприятий, проводились конференции, были переизданы уже ставшие классикой книги о Фридрихе II.

Фридрих II был для немцев не просто историческим деятелем, он стал для них настоящим национальным героем. В исторической памяти народа во многом благодаря проводимой государством исторической политике³ король оставался символом страны, к образу которого обращались в наиболее сложные моменты истории. В формировании такой исторической памяти о короле участвовали и власть, и наука, и искусство. Причем можно отметить неизменный положительный образ Фридриха II. Для российской стороны, напротив, характерно изменение взгляда на личность короля – от восхищения (Ф.А. Кони), через стремление к объективности (Н.И. Кареев) до осу-

¹ Голованов М.В. Восточная Пруссия в политических воззрениях и деятельности Фридриха II: дис...канд. ист.наук. Калининград, 2006.

² См.: Panorama der Fridericianischen Zeit: Friedrich der Grosse und seine Epoche. Bremen, 1985. Meschkowski H. Jeder nach seiner Façon. Berliner Geistesleben 1700 – 1810. München – Zürich, 1986. Preußens großer König. Leben und Werk Friedrichs des Großen. Eine Ploetz-Biographie. Freiburg – Würzburg, 1986. Analecta Fridericana. Berlin, 1987.

³ Вяземский Е.Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 92. «Историческая политика» подразумевает интенсивное вмешательство в трактовку истории государственного аппарата, политической элиты, которая контролирует власть в данный момент. Используя административные и финансовые ресурсы государства, политические силы, которые находятся у власти осуществляют идеологическую индоктринацию общества в сфере исторического сознания и коллективной памяти.

ждения (советский взгляд) и до возрастающего на современном этапе развития отечественной науки интереса.

А.А. Погосян

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ

В последние десятилетия среди ученых развернулась широкая дискуссия о роли исторической (генетической) памяти в процессе формирования нации. Но к каким бы научным и философским школам и направлениям мысли ни принадлежали культурологи и социологи, большинство исследователей в той или иной степени признает важную роль исторической памяти в формировании национальной идентичности.

«Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости», полагал А.Пушкин. Эта же черта имеет бесспорное значение для формирования нации. Даже сторонники постмодернистского подхода, причисляющие само существование наций к воображаемым категориям, функционирующим только на уровне индивидуального сознания, характеризуют историческую память как первостепенный фактор формирования ценностных ориентиров общества, особенностей морально-этического и философского понимания мира, основу формирования мировоззрения.

Становление нации и формирование национального самосознания тесно связано с идеями о (реальном или мифическом) общем происхождении и тесной кровной, культурной и исторической связи всех представителей того народа, к которому человек принадлежит. Напомним, что нация – это историческая общность людей, складывающаяся в ходе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, некоторых особенностей культуры и характера, которые составляют ее признаки¹. Как отмечает Курт Хьюбнер, соотнося нацию с понятием судьбы (истории), мы должны рассматривать ее как групповую идентификацию с определенной последовательностью исторических событий².

¹ См. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1974. Т. 17.

² Хьюбнер К. Нация: от забвения к возрождению / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М., 2001. С. 52.

Каждая нация обладает определенным кругом исторических представлений о своем происхождении, важнейших событиях в своей истории, деятелях прошлого, о соотношении своей истории с историей других народов и всего человеческого общества. Такие представления получают выражение, прежде всего, во всякого рода исторических преданиях, сказаниях, легендах, сказках, составляющих неотъемлемую часть духовной жизни каждого народа как один из способов его самовыражения и самоутверждения. Благодаря этому данная общность людей осознает себя как нация на основе знаний своего прошлого, на основе знаний своего места в мировом историческом процессе.

Так, Л.Н. Гумилев, рассуждая о законе обратной связи истории и культуры, писал, что памятники дают представление об истории народа, а известная, пусть даже в общих чертах, история помогает разобраться в значении вновь открываемых памятников. Вещь прошлого в системе культуры настоящего может быть не только знаком другого времени, но и знаком связи разных времен. При этом историческая память, по мнению Гумилева, связана с зафиксированной памятью о прошлом (ведущая роль принадлежит артефактам культуры: летописям, сооружениям, предметам быта, эпосу, фольклору, историческим преданиям)¹.

Энтони Д. Смит, современный исследователь данного вопроса, определяет национальную идентичность через набор ценностей, символов, воспоминаний, мифов и традиций. Содержательную сторону национальной идентичности составляют работа национальной памяти, образный ряд этносимволизма (вожди, святые, герои, избранные победы и поражения). Таким образом, в процессе формирования национальной идентичности историческая память играет чрезвычайно важную роль. Несомненно также, что ведущее место в этом процессе принадлежит государству.

«Государство участвует в объединении культурного рынка, унифицируя все коды: правовой, языковой, и проводя гомогенизацию форм коммуникации. С помощью систем классификации, вписанных в право, бюрократические процедуры, образовательные структуры, государство формирует ментальные структуры и навязывает общие

¹ Гумилев Л.Н. Искусство и этнос // Л.Н. Гумилев. Собрание сочинений: в 12-ти тт. Т. 9. СПб., 2003. С. 419.

принципы видения и деления, т.е. формы мышления. Тем самым они принимают участие в построении того, что обычно называют национальной идентичностью (или более традиционным языком – национальным характером)»¹, – отмечает Пьер Бурдьё.

Очевидно, что при реализации этой функции главной опорой государству служит историческая память, т.к. отбор и формирование общественно значимых норм, морально-нравственных ценностей, из которых складываются обычаи и традиции, образ мышления и поведения, присущий данному народу, происходит на основе образов прошлого и исторических событий.

В пользу точки зрения, согласно которой в процессе самоидентификации нации первостепенным фактором является историческая память, можно также привести мнение основателя теории исторической памяти, французского социолога Мориса Хальбвакса: «У каждой из этих групп своя история. В ней можно различить фигуры и события. Но поражает нас то, что в памяти, тем не менее, на передний план выступают сходства. Рассматривая свое прошлое, группа чувствует, что она осталась той же, и осознает свою самотождественность во временном измерении... Но группа, живущая прежде всего для самой себя, стремится увековечить те чувства и образы, которые составляют материю ее мысли»². Говоря о группах, М. Хальбвакс имеет ввиду любые группы, в том числе нации.

Помимо формирования национального самосознания, историческая память выполняет и важную защитную функцию. Многовековая история человечества и история XX века, в том числе, свидетельствуют, что историческая память нации – фактор оборонный, обеспечивающий самосохранение народа. Если его разрушить, то данный народ останется не только без прошлого, но и без будущего. Это давно установленный на историческом опыте факт. Поэтому в столкновении цивилизаций, государств, идеологий противоборствующие сто-

¹ Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М., СПб., 1999. С. 125-166.

² Хальбвакс М. Коллективная и историческая память: [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. (URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>)

роны очень много внимания уделяют дискредитации истории противной стороны. Это отчетливо проявилось в период фашистского нашествия, когда оккупанты с особым остервенением уничтожали памятники русской истории и культуры. «Ворвавшись в древний Новгород, захватчики первым делом низвергли с пьедестала памятник Тысячелетия России. Они осквернили Дом-музей П.И. Чайковского в Клину, жгли костры в музее Ясной Поляны – бывшем имении Л.Н. Толстого, уничтожали другие бесценные реликвии не только нации – всего человечества»¹, – писал Е.С. Троицкий, рассуждая о значении исторической памяти для русской нации в годы Великой Отечественной войны.

Знаменем борьбы против Гитлера и Муссолини для итальянских антифашистов был Гарибальди. Сражающаяся Франция выступала под флагом Жанны д'Арк. Линия поведения в войне народов СССР выстраивалась под знамена Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова². Историческая память в контексте вопроса ответственности за войну и преступления гитлеровского режима была рассмотрена одним из самых видных социологов XX в. Теодором Адорно. Согласно разработанной им концепции, политическое поведение масс детерминируется социопсихологическими факторами, которые, в свою очередь, обуславливаются генетической (исторической) памятью.

Генетической, исторической памяти как одному из факторов формирования русской нации придавали большое значение многие выдающиеся мыслители и деятели нашей культуры: А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, В.О. Ключевский, К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Н.Я. Данилевский, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, М.В. Ломоносов, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.А. Блок ...

Два чувства равно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.

¹ Троицкий Е.С. Русская нация: социалистическое преобразование и обновление. М., 1989. С. 15.

² Там же. С. 17.

Такое место памяти в сознании и чувствах русских людей отводил А.С. Пушкин.

Другой замечательный поэт – Виктор Боков, в своем стихотворении «Могила деда» так описал значение исторической памяти:

Зачем тебе твой предок? Пахарь? Смерд?

Ты не услышишь дедовского эха.

Он примитивен был, жестокосерд,

Зимой его зипун зиял в прорехах.

Зачем мне предок? Что я без корней,

Без памяти о том, что было?

Я всем обязан родине своей

И матери, которая родила.

О значении генетической памяти для русской нации свидетельствует большое число слов с корнем «род» в русском языке: народ, родина, родник, природа, родственник, родинка, родной и т. д.

Как известно, в настоящее время Россия переживает трудное время своего обновления. Поэтому именно сейчас особенно актуальным является изучение генезиса, уроков развития, природы и особенностей всех наций, населяющих нашу страну. Это необходимо, чтобы вооружить общество и государство знаниями, нужными для выработки оптимальных путей развития и методов управления социальными и национальными процессами.

Речь не идет, конечно, об абсолютизации прошлого, полном погружении в него. «Опасность идеализации прошлого тоже есть, но она несоизмерима с идеализацией будущего, – отмечал один из героев романа В. Белова «Все впереди», – бесы всегда ругают прошлое и хвалят будущее». Обращение к памяти исторического прошлого нации является позитивным и благотворным, ибо в нем, со всеми его плюсами и минусами, мы черпаем силу для нравственного воспитания молодежи, для совершенствования настоящего и достижения лучшего будущего.

В заключение хотелось бы привести слова Владимира Чивилихина, выдающегося отечественного писателя, сыгравшего плодотворную роль в восстановлении памяти русского народа: «История хранит опыт предков и предостерегает от ошибок, преподает мудрые уроки и подает высокие примеры, образовывает и воспитывает, настаивает и руководит, не поучая и не приказывая: она оттачивает разум и облагораживает чувства, пробуждая гражданскую активность и помогая нам

сегодня бороться со всем чужеродным в нашем обществе, тягостно-огорчительным в жизни, недостойным истории».

Я.М. Поливанов

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ:
К ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (1920-1930-ГГ.)**

Начальный период Великой Отечественной войны- судьбоносный момент истории нашей страны. С рокового нападения Германии на СССР минуло 70 лет, но историческая наука и поныне не всегда готова ответить на болезненные для исторической памяти вопросы. Причины катастрофического для Советского Союза начала войны всегда были и, думаю, еще долго будут предметом жарких дискуссий, сколь бы ни стремительно не менялся этот лучший из миров. Общественные перемены конца XX – начала XXI вв. тесно связаны с переходом на правила игры информационного сообщества. С одной стороны, это сделало общество более открытым. С другой – информация стала главной ценностью в том или ином материальном объекте, главным элементом политического, идеологического, военного воздействия. Существенный интерес при обращении к истории самой ужасной «классической» войны представляет технология формирования, содержание и влияние на общественное сознание ее образов. Спектр этих образов был разным и в годы войны – от примитивно-классовых штампов до стихийно-почвеннических, народных образов. Анализ образов и идеологием войны неотделим от осмысления исторической памяти о ней и связанных с ней феноменов патриотизма.

Понятие образов истории обрело в современной исторической науке беспрецедентную популярность. В ряду знаковых эпох осмысления образов истории – изучение образов Великой Отечественной. Оно предполагает разработку таких его структурных компонентов, как образ Родины, образ Победы, образ врага. Не менее важным является и обобщенный образ вооруженных сил и его составляющих: образ войны на суше, на море, под водой, в воздухе. В этом ряду находятся и образ партизанской войны на оккупированных территориях, а также образ советского, беспримерного в истории тыла.

Изучение образов войны в современных условиях корректирует представления о мотивации советских людей, позволяет сопоставить пропагандистские технологии нацистской Германии и СССР пе-

риода «народной войны». Вторая Мировая и Великая Отечественная война своими истоками восходят к политизации международных отношений, ихсверхидеологизации. Выявление, «сепарирование» геополитических, идеологических, ментальных факторов, породивших эту катастрофу, позволяет выявить новые ракурсы социологии войны.

Историческая память – это конструкция, результат сознательного и бессознательного взаимодействия разнонаправленных персоналий и сил, вбирающих в себя прошлое в виде интенций. В понятии память объединена совокупность представлений о прошлом, которые в данный момент становятся доминирующими и образуют подобие разделяемого большинством «здорового смысла». Память предстает источником национальной идентичности, многомерного чувства причастности конкретному социуму, которое, благодаря уровню восприятия прошлого и мифам о нем, узнает себя в этом общем прошлом, да и настоящем.

Безусловно, доминирующие позиции в процессе формирования исторической памяти занимает пропагандистский аппарат, военная реальность и повседневность, а так же сообщаемая в тыл фронтовиками, контрпропаганда противника. В числе основных идеологем, менявших лексическое оперение и менявших акценты на протяжении военных лет – фашистские постулаты о расовом превосходстве, оправданности попрания международного права, нежизнеспособности советского политического строя.

С советской стороны трактовка причин, особенностей войны, истоков Победы, факторов сплочения населения, ощутившего себя народом, армии и тыла также менялась. Происходил постепенный отказ от предвоенных оказавшихся псевдогипотезами идеологем о неизбежности мировой революции, легковесных оценок перспектив развития военного противостояния в случае вступления в предстоящую мировую войну СССР и т.д. В годы Великой Отечественной происходила своеобразная либерализация – а точнее нарастание реалистических тенденций в оценке роли религии и церкви, вековых исторических традиций России как многонациональной империи со своими геополитическими интересами, особенностями.

С позиций нынешнего дня следует признать, что если история и ход военного противостояния главных конфликтующих лагерей – Германии и СССР в первую очередь – изучены весьма детально, хотя далеко не полностью, то история противостояния пропагандистских

структур, пропаганды как проводника и механизма формирования образов, мировоззренческих позиций и мифов изучена, либо недостаточно, либо пристрастно. В силу этого представляется актуальным оценить степень готовности СССР и Германии к войне не только в традиционном ключе сравнения количественно-качественных показателей военной техники или стратегических планов сторон, но и в контексте сопоставления пропагандистских приёмов противников. Более того, точка отсчёта начала процесса формирования образов Великой Отечественной и Второй Мировой войн приходится на середину 1930-х годов – задолго до того, как погребели первые выстрелы. Это справедливо в отношении и СССР, и Германии, так как формированию общественного климата, психологического настроя к предстоящим в ближайшей перспективе столкновениям уделялось много внимания в обеих странах. Хотя механизмы воздействия и цели «натаскивания» были различны.

Изучение процесса формирования образов войны в контексте исторической памяти представляется оправданным потому, что многие ключевые моменты истории войны 1941-1945 гг. превратились в арену политической баталий с геополитической подоплёкой с участием новейшего по времени «демиурга» памяти – ПИАР. Если последний выстрел Второй Мировой прозвучал более 65-и лет назад, то информационная война вокруг сюжетов истории Великой Отечественной войны сегодня ведётся с едва ли не нарастающей силой. Пропаганда и характер идеологических конструкторов противостоящих сторон играла немаловажное, а порой и решающее значение. В военно-исторической литературе тема образов Великой Отечественной и Второй Мировой войн разрабатывается по-прежнему активно.

Оценивая степень готовности пропаганды противостоящих сторон к решающему конфликту XX в., следует признать, что к 22 июня 1941 г. Германия, в отличие от СССР, уже несколько лет находилась в состоянии полномасштабной во всех смыслах войны. В этой связи представляется оправданным очертить и сравнить цели и методы пропаганды, которые были реализованы будущими противниками в довоенное время. Ведь войны рождаются в тайнах...

Итак, существенную роль в будущем противостоянии структур пропаганды сыграл факт сознательного отказа советским руководством 1920-1930-х гг. от изучения уроков Первой Мировой. Советская пропаганда, для которой опыт недавнего военного прошлого был

табу, подчинилась установке на тотальный пересмотр многовековой истории России. В результате всё приходилось начинать с чистого листа.

В межвоенный период советские пропагандисты, вслед за ленинской оценкой войны 1914-1918гг. как грабительской и несправедливой были вынуждены вычеркнуть опыт этой войны из списка предполагаемых для реализации в будущей войне сюжетов. С этим сложно поспорить, так как основные причины «воспламенения» Первой Мировой лежат в плоскости интересов Великобритании с одной стороны и Германии – с другой. Первичной картой был передел политической карты мира с учётом «новой» специфики – доступа к мировым нефтяным месторождениям¹.

Париж, вступая в Антанту, также преследовал свои интересы – возвращение Эльзаса и Лотарингии. Австро-Венгрия, следуя в фарватере политики германского кайзера, по существу являясь второстепенным игроком, но имела вполне определённые политические цели на Балканах. Лишь Российская империя была единственной мировой европейской державой, которая, вступая в мировую войну, вынуждена была отстаивать интересы не столько свои национальные, сколько интересы союзников.

Во многом помимо воли реформаторов втягиванию Николая II в водоворот событий 1914-1918гг. способствовала модернизация рубежа веков, которая лишила империю финансовой независимости и не позволила отстраниться от конфликта, выступая в роли арбитра². В результате имперская пропаганда, которая едва справлялась с внутренними задачами, оказалась попросту безоружной. Единственное, на что могла рассчитывать аудитория, к которой обращались СМИ – это возгласы о защите сербов от притязаний австро-венгерской короны.

Для иллюстрации итогов, достигнутых подобной кампанией царских СМИ в довоенное время, приведу строки безупречного в военной истории страны генерала А.А. Брусилова, посвящённые анализу неудач царской армии в годы Первой Мировой войны. «Даже после

¹ Поливанов Я.М. Нефть как конфликтогенный фактор мировых войн XX века // Вестник Казанского технологического университета. 2010. №9.

² Поливанов Я.М. Буржуазная модернизация России конца XIX – начала XX вв. в контексте геополитического анализа // Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2011. С 178-185.

объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову — как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя»¹. Закономерным итогом такой пропагандистской политики, а точнее её отсутствием, можно считать полностью распропагандированную армию в канун революции и, как следствие, проигрыш в войне 1914 – 1918 гг.

Фатальная недооценка правительством Николая II информационного фронта как составляющей войны в целом по существу явилась одной из основных причин, приведших Российскую империю к краху. Конечно, нельзя сказать, что отсутствовала пропаганда как таковая. Так, из статьи А.Н.Шубиной² узнаем о выпускавшейся в 1914 г. брошюре «Немец». Авторы статьи затронули тему национальных черт немцев: немец любит завалить рынки, немец распух от гордости за своего кайзера, от презрения к окружающим и т.д. Закономерным итогом таких обращений стали многочисленные антинемецкие погромы. Но одно дело – громить немецкие магазины, принадлежавшие подданным российской империи немецкой национальности. Другое – духовно мобилизовать страну на борьбу с сильнейшей на тот момент армией Европы. Увы, с этой задачей правительство Николая II справится так и не сумело.

Большевики, напротив, отводили информационной войне главенствующую роль. Не изменилась ситуация и в 1920-1930-е гг., – политической пропаганде по-прежнему уделялось большое внимание. Но в сюжете советских пропагандистских кампаний 1930-х гг. существовал пробел – период Первой Мировой войны.

¹ Брусилов А.А. Воспоминания. Электронный ресурс: <http://militera.lib.ru/memo/russian/brusilov/05.html>

² Шубина А.Н. Формирование «образа врага» и отношение к российским немцам в годы Первой Мировой войны // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. №4. С. 121.

До прихода Гитлера к власти, в период тесного сотрудничества СССР и Германии в военной и экономической сфере¹ подобное положение вещей вполне соответствовало сложившейся обстановке и не представляло серьёзной опасности. Однако с установлением в Германии нацистского режима Советский Союз заведомо оказывался в менее выгодной ситуации. Богатый исторический опыт борьбы 1914–1918 гг. оставался выведен за скобки. Лишь с началом Великой Отечественной войны в печать поступили плакаты, иллюстрирующие историческую связь между двумя мировыми войнами.

В то же время германская пропаганда в период между войнами, по сути, являлась продолжением хорошо обкатанных ранее установок. В конечном счёте, идеология кайзеровской Германии – «Mitteleuropa», вполне подходила и для Третьего Рейха. Гитлеру достаточно было лишь отформатировать её в соответствии с национал-социалистическими догмами, не забывая при этом упомянуть о необходимости и праве на реванш за проигранную Германией войну. Наглядным примером преемственности между Вторым и Третьим рейхом в области формирования общественного мнения является сюжет описанный профессором А.Н. Уткиным в завершении своей работы о Первой Мировой войне. Автор приводит обращение к солдатам командира 3-й немецкой армии генерала фон Айнема после окончания боевых действий: «Непобеждённые, вы окончили войну на территории противника». Легенда начала свою жизнь, чтобы лелеять идеи реванша – заключает автор². Не скрою, Веймарское правительство не было склонно к раздуванию подобных настроений, но несостоятельность версальской системы была очевидна. Любой немецкий политик, строивший свою линию на её критике и на обвинениях «Веймарского правительства» в предательстве, был запрограммирован на успех.

Можно заключить, что Первая Мировая война для пропагандистов Третьего рейха являлась одной из основных отправных точек. В то же время советская сторона пренебрегала осмыслением своего недавнего военно-исторического прошлого. Ключевым событием для советской пропаганды была Октябрьская революция. Это идеологема

¹ 16 апреля 1922 г. в г. Рапалло был подписан договор между РСФСР и Веймарской республикой положивший начало сотрудничеству двух стран.

² Уткин А.И. Первая Мировая война. М., 2001. С. 539.

сыграла положительную роль в гражданской войне, но оказалось абсолютно бесполезной в войне 1941-1945гг. Более того, все случаи апелляции к истории в кинофильмах были зациклены исключительно на клишированных догмах социалистско-марксистского мировоззрения.

Наиболее показательна картина С. Эйзенштейна «Александр Невский». Режиссер, следуя в фарватере официальной атеистической политики государства, свёл к минимуму сюжет религиозной подоплёки противостояния Новгорода с Ливонскими рыцарями¹. С точки зрения исторической реконструкции, фильм не представляет интереса, так как наполнен идеологическими штампами. А вот с позиции пропагандистского обеспечения картина весьма показательна. При отсутствии внятного намёка на идею защиты православной веры от натиска католической церкви с запада картина перегружена всевозможными религиозными символами и регалиями – только со стороны крестоносцев. Подобная трактовка представляла Александра Невского отнюдь не как заступника веры. А сама война с рыцарями подавалась как противостояние атеистов Христову воинству.

Идеологически это состыковывалось с довоенной политикой Советского государства. С началом войны, когда стали очевидны масштабы катастрофы, отношение власти к религии радикально изменилось. Классово-революционные штампы уступили место традиционно-почвенническим идеям о защите отечества; союз «воинствующих безбожников» был ликвидирован, а в самый драматический момент Московской битвы был совершён облёт столицы с иконой Казанской Божьей Матери на борту самолёта. Гонения на церковь практически прекратились. Данный сюжет показывает глубину просчёта

¹ Война Александра Невского с рыцарским орденом имела своей подоплёкой желание рыцарей распространить на восток католическую веру. Против этого и выступил князь, заключив союз с ханом Золотой Орды Батыем. Подобный выбор был продиктован политикой невмешательства Орды в религиозные дела новгородцев, тогда как с запада надвигалась угроза православию. Более того, именно за защиту православия князь был причислен к лику святых. Религиозная подоплёка войны Новгорода с орденом нашла своё продолжение в работах Л.Гумилёва. Однако выбор Невского в пользу Орды нередко подвергался жёсткой критике. Немало этой критики положено современниками князя, не прекращается она и поныне. Между тем религиозная составляющая войн А.Невского с Орденом очевидна.

советских властей. Более того, политикой воинствующего атеизма усиленно проводившейся Сталиным, в руки германской администрации на оккупированных территориях был вложен «козырь» позволявший привлекать на сторону немцев верующих людей различных религиозных конфессий.

Предвоенный упор на беспощадную войну с религией мог увенчаться полнейшим крахом, если бы не антигуманная политика оккупантов. Но эта гипотеза – из разряда утопических предположений о вменяемости режимов, тоталитарных «вдвойне», по сравнению с экспериментами левых фанатиков... Конечно, тема противопоставления «нового режима» христианству имела место и в гитлеровской Германии. Гитлер, Гиммлер и их сподвижники также планировали в будущем заменить христианство на древнегерманские культы. Создание Аненербе, повсеместное изучение рун, увлечение верхушки Рейха оккультизмом – прямое тому свидетельство. Но при всей бескомпромиссности своих взглядов фюрер германской нации не решился на открытую войну с христианством, ибо последствия от кардинальной ломки были легко предсказуемы. В итоге на бляхах ремней солдат Вермахта надпись «Gott mit uns» («бог с нами», нем.) осталась не тронутой, тогда как у солдат СС была заменена. Вместо неё был выгравирован девиз войск СС – «Meine Ehre heißt Treue» (моя честь зовётся верность, нем.).

Конечно, помимо «Александра Невского» в 1930-е гг. была снята масса других кинокартин. Немалой популярностью пользовались фильмы о шпионах, такие как «Печать времени», «Высокая награда», «Поезд едет в Москву» и т.п. Но эти киноленты представляют интерес лишь как информационное сопровождение проводимых Сталиным в стране репрессий, так как повествуют о неустанной борьбе с внутренними врагами, вредителями диверсантами и т.д. Для нашей темы более целесообразней рассмотреть военные фильмы, выпущенные в 1930гг., такие как «Танкисты», «Если завтра война» и т.п., так как именно они непосредственно затрагивают проблемы подачи образов предполагаемой в будущем войны. Впрочем, не вижу смысла анализировать эти картины в русле предвоенной военной стратегии и тактики: исключительная наступательность доктрины РККА считалась аксиомой.

По сюжету фильма «Танкисты» война начинается в соответствии с предвоенными установками – громить врага на его собственной

территории. Но предугадать в 1939 г. развитие событий лета 1941 г. не в силах был никто. Предположить, что Вермахт будет стоять у ворот Москвы и Сталинграда, находясь в здравом уме, было невозможно. Да и какой был смысл в том, чтобы внушать заранее солдатам Красной Армии и простым гражданам предвоенной страны идею о превосходстве противника? Проще говоря, по законам пропаганды своего времени, стратегия была выбрана верная.

Населению СССР внушалась идея непобедимости его Армии. Во главу угла ставилась вера в свою страну, в её армию, в политическое руководство. Даже западные исследователи в лице Катрина Мерридала, обращаясь к киноленте «Если завтра война», указывают: «Действие фильма было не о войне, а о вере. Эту веру и создающие её картины создавали те поколения, на плечах которых позже должна была вынестись основная нагрузка войны России. В течение предстоящих перед ними ужасных лет многие напевали музыку к фильму, чтобы придавать смелости себе. Если они маршировали пыльными степями или брали в руки у костра гитару, солдаты часто начинали мелодию Лебедева-Кумача»¹.

Однако наиболее интересно то, как в подобных фильмах представлен образ врага. Точнее, те признаки, по которым можно идентифицировать его национальную принадлежность. Этот вопрос напрямую связан с довоенным процессом формирования образа врага в будущей схватке. Конкретики в фильмах довоенных лет нет, все признаки, по которым можно идентифицировать солдат неприятеля, косвенные. Манера поведения, выправка, отдельные фразы, некоторые элементы обмундирования – все они указывают на Германию. Прямого текста о войне против Германии тоже нет, но это читается между кадрами. Ситуация в определённом смысле уникальная. В кинопрокат запускались ленты, повествующие о ближайшем будущем, в жанре лёгкой фантастики с элементами предсказания.

Можно сказать, что подобная тактика пропаганды была оправдана. Однако есть ряд замечаний. Во-первых, навыками чтения между строк обладали далеко не все граждане, и большая часть общества не была столь искущённой в умении считывать намёки подобного рода. Что касается военно-политической элиты государства, то им угроза со стороны Германии была ясна и без кинофильмов. Простой гра-

¹Merridale K. Iwans Krieg. Fischer Verlag.-FrankfurtamMein, 2006. S.36.

жданин или солдат больше нуждался в конкретике. Для немецкой же стороны эти намёки выглядели вполне однозначно, и выводы делались соответствующие, что не могло не осложнять и без того непростые взаимоотношения между Германией и СССР. Именно поэтому отсыл к опыту Первой Мировой войны был необходим. В случае его «разработки» советская аудитория получила бы представление о конкретном противнике – солдатах кайзера. Отношения с Германией кануна Второй Мировой от этого бы, не пострадали, так как война 1914–1918 гг. к тому времени уже стала историей. Более того, к тому времени не существовало уже ни Второго Рейха, ни Российской Империи.

Конечно, участие в Первой Мировой войне для России было фатальной ошибкой, и инвективы большевиков в своё время были обоснованы. Но отснять небольшой исторический сюжет, не вдаваясь в подробности генезиса конфликта, показать стойкость русского солдата в борьбе с реальным, а не вымышленным противником, было целесообразно, и это бы было адекватно воспринято во всём мире. Более того, сложившаяся историческая память поколений, воевавших в Первую Мировую войну, способствовала бы успеху ленты.

Ю.С. Разуваева

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СУДЬБА ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАЗАНИ

Впервые я стала изучать памятники Казани еще в качестве туристки, до поступления в КНИТУ. Город меня покорила. Старинные здания, удивительная архитектура, огромное количество монументов. Человек приезжий поначалу уверен и поражен, как трепетно жители города относятся к своему историческому наследию. Но, прожив в Казани 3 месяца и изучив ее внимательнее, я поняла, что не за каждой строительной сеткой и забором идет «восстановление» истории...

Историческая память как идеальная реальность, как совокупность образов прошлого объединяет аспекты научных и идеологических знаний, религиозных представлений, обыденного сознания. Она рассматривается не только как память коллективная, но и индивидуальная. В сложную структуру и канву исторической памяти вплетается тема монументального увековечения исторических событий и пер-

соналий и, конечно, сохранение памятных мест. Они не просто воспроизводят архитектурный облик былых времен, но и связаны с легендарными именами.

Само слово памятник уже таит в себе его первичный смысл – память, память истории, память поколений. Это дань уважения нашим предкам, вершившим историю, напоминание о событиях, имевших значение для всей страны и ее рядовых обитателей. Они напоминают нам и об ошибках былых времен, о заблуждениях, и о подвигах людей, которыми должны гордиться потомки, и о победах и трагедиях, которые запечатались в веках. Казань – уникальный евразийский город, улицы которого связаны с именами К.Фукса, Е.Боратынского, Н.Лобачевского, А.Бутлерова, А.Пушкина, Л.Толстого, В.Ленина, Л.Троцкого, Г.Тукая и многих других выдающихся или очень известных деятелей культуры, науки, образования, политики. Важно не утратить память о них.

Сегодня главный город Татарстана превращается в настоящую столицу: реставрируются и реконструируются старинные здания и особняки, преобразился Казанский кремль, устанавливаются новые памятники. Но одновременно разрушают старые памятники – частицу казанской истории. К сожалению, сегодня в столице Татарстана достаточно много запущенных памятников истории, составлявших некогда неповторимую архитектуру Казани. Они упрятаны за строительными заграждениями, рекламными щитами, затянuty бутафорскими фасадами. Убраны с глаз долой... и забыты.

С 2000 по 2011 г. безвозвратно утрачено более 40 памятников истории и культуры¹. Среди утраченного в последние три-четыре года такие знаковые объекты, как номера «Булгар»² (ул. Татарстан, 14), здания по ул. Правобулачной, 47 (дом Меркулова), Петербургской, 55 (бывшая суконная мануфактура). Сгорели такие уникальные памятники деревянного зодчества, как дом Сергеева (ул. Тельмана, 10), дом Муллина (ул. Насыри, 11), дом Бахтеева (ул. Тукая, 74), дом Алкина (ул. Тукая, 71) и библиотека №20 (ул. Муштары, 15)³.

¹ Республика Татарстан. 2011. 19 марта. См. также: Курашов В.И. Казань деревянная. М., 2009

² Здесь провел последние годы своей жизни выдающийся татарский поэт Габдулла Тукай.

³ Дом, где в 1887 г. жил В.И. Ленин.

Из девяти гражданских зданий, сохранившихся с первой половины XVIII века, осталось только три, да и те находятся в плачевном, полуразрушенном состоянии. Только в январе 2011 г. столица Татарии лишилась сразу трех памятников культурного наследия. Пока казанская публика праздновала новый год, специалисты по уничтожению памятников работали. В результате в историческом центре Казани были уничтожены дом Банарцева на Чёрном озере, дом Потехина на Чернышевского и один из домов причта за Богоявленской церковью.

Купец Банарцев — владелец крупного швейного производства, купил в 1880 г. у вдовы купца Арской участок и построил на нем в 1881 крупную для тех времен гостиницу. Она выходила своим фасадом на городской сад «Черное озеро» и пользовалась популярностью у приезжих. В номерах Банарцева в 1888 г. неоднократно останавливались писатель Глеб Успенский, в 1888 и 1895 гг. — писатель Владимир Короленко, в 1906 г. в портняжной мастерской, расположенной в этом здании, работал один из руководителей казанского комитета РСДРП(б) Абрам Комлев. Именно здесь бывший полковник генерального штаба царской армии Борис Шапошников написал письмо одному из организаторов Красной Армии — бывшему генералу Вячеславу Пневскому с предложением записать его в РККА. Так начался советский период карьеры выдающегося военачальника, маршала Советского Союза Бориса Михайловича Шапошникова — будущего начальника советского Генштаба. С 1981 г дом использовался как гостиница. В последнее время от номеров купца Банарцева на улице Державинского оставался один только фасад. Здание уже пытались сравнять с землей почти два года назад, но тогда начала шуметь общественность — в результате городские чиновники и деятели Минкульта все же вспомнили про историческую ценность здания. Но в 2011 г. историческая ценность дома не спасла его от разрушения.

Дом Потехина на перекрёстке ул. Чернышевского и ул. Профсоюзной, построенный казанским архитектором Фомой Петонди в 1830 г для казанского богача Потехина, оказался в аварийном состоянии почти сразу после того, как из него выехала городская библиотека для слепых. Дом причта у Богоявленской церкви был построен в XVIII в. Церковь безуспешно пыталась оформить Приходский дом в собственность, но даже с помощью суда ничего не получилось. По мнению местных жителей, дом у Богоявленской церкви снесли, чтобы расширить автостоянку расположенной рядом гостиницы «Шаляпин Палас

Отель»¹. Власти города стремились избежать шума вокруг уничтожения памятников. Выбранная тактика уничтожения «без лишнего шума» дала обратный эффект: снесенные дома находились на центральных улицах, по которым пролегают экскурсионные маршруты, а в новогодние каникулы Казань обычно бывает наводнена туристами. Поэтому многочисленные группы российских и иностранных гостей «третьей столицы России» с 3 по 9 января наблюдали, как бульдозеры и экскаваторы рушат памятники. В результате они увезли с собой впечатления о Казани как о городе, в котором местные власти планомерно уничтожают культуру и историю.

Этот «узаконенный вандализм» в отношении зданий вызвал бурные возмущения жителей столицы. Перед зданием Министерства культуры Татарстана прошел одиночный пикет, в котором приняли участие горожане. Сменяя друг друга, они стояли с плакатами, на которых были написаны лозунги с требованием прекратить уничтожение исторических памятников Казани. Люди давали понять, что общественность не равнодушна к этой проблеме и опасается, что та же участь может постигнуть и другие исторические памятники. Участники пикета были уверены, что потеря трех описанных выше исторических зданий - следствие полного безразличия городских властей к культурному наследию.

В то время, пока на площади Свободы проходил пикет, разрушалось еще одно здание: в центре Казани разбиралась крыша дома, расположенного на углу ул. Дзержинского и Театральной. В этом доме раньше располагались редакции казанских газет. На здании установлена памятная табличка. В свое время этот дом посещал Владимир Маяковский.

Возникает закономерный вопрос: неужели не предлагается никаких проектов для сохранения исторических памятников? Для сохранения истории предлагается многое, но – увы – не все это выполняется. В 2007 г. для сохранения исторического облика Казани была разработана программа «Мирас» (Наследие). Проблема в том, что 178 млн. рублей государственного финансирования, выделенных для сохранения памятников, хватило, главным образом, на подготовку проектной документации, а вот на сами памятники бюджета уже не осталось.

¹ Республика Татарстан. 2011. 19 марта.

Один из путей спасения памятников истории – формирование охраняемых историко-архитектурных зон, благодаря которым сохраняются не только дома, но и окружающий ландшафт. Проект по сохранению Старо-Татарской слободы появился более 10 лет назад, но так и не был воплощен в жизнь. Помешали проблемы экономического и юридического плана. Многие дома, являющиеся памятниками архитектуры, впоследствии были признаны ветхими, и их жители переехали в новостройки. А дома бросили на произвол судьбы. В основном, для сохранения памятников используется модель сотрудничества государства и бизнесом. Принцип таков: власти передают памятник истории и архитектуры предпринимателю в собственность (зачастую за чисто символическую плату), а тот восстанавливает здание. Пока эта тактика не срабатывает. Недобросовестные собственники порой до неузнаваемости меняют облик здания-памятника. К тому же многие объекты культурного наследия столицы находятся в столь критическом состоянии, что частному инвестору выгоднее снести «трущобы» и построить на их месте современный офис. Иными словами, бизнес интересуется вовсе не памятник, а ценный земельный участок.

Самым распространенным способом уничтожения «мешающих» памятников является поджог. Причиной называют непотушенную сигарету или замыкание проводки, а владельцы вытирают крокодильи слезы и готовят технику для расчистки места под новое здание. Или другая схема, давно проверенная: дом выселяется, разрабатывается проект так называемых "противоаварийных мероприятий", ставится забор, устраивается поджог, затем экскаватор завершает разрушение.

В декабре 2008 г. был уничтожен очередной памятник истории – сгорел дом №15 по улице Муштари, в котором декабрьской ночью 1887 г. за участие в студенческой сходке был арестован 17-летний Владимир Ульянов, студент Казанского университета. Считается, что именно здесь во время ареста и произошел знаменитый диалог между юным Ильичом и жандармом, который укоризненно заметил: «Ну что вы бунтуете, молодой человек, – ведь перед вами стена!». На что будущий вождь мирового пролетариата ответил: «Стена, да гнилая, – тгни, и развалится!» Плачевная судьба дома, отмеченного мемориальной доской и барельефом основателя Советского государства, была

предрешена, когда из него съехала библиотека¹. Бесхозное двухэтажное строение с пустыми глазницами окон и сорванными с петель дверями, облюбовали бомжи. Похоже, трагедия свершилась по сугубо революционной «технологии»: из искры возгорелось пламя. К приезду пожарных дом выгорел дотла. Под головешками обнаружили труп человека. И огнеборцы, и соседи не сомневаются, что это был поджог. Уж слишком стремительно распространилось пламя, будто эту «воронью слободку» подожгли одновременно с четырех сторон.

Думается, что, вырвав исторические и культурные памятники, мы не сможем залатать полученные «культурные дыры» никакими офисами и торговыми центрами. Ведь любое из зданий, построенных в прошлом веке, несет в себе частицу неповторимой эпохи истории. Даже простой деревянный дом, в котором жил наш прадед - это часть другой Казани, без которой не смогла бы существовать Казань нынешняя. Проявляя нигилизм и преступное казенное равнодушие к своей истории, мы не сможем двигаться вперед. Такой уникальный город с многовековой судьбой без своего исторического наследия потеряет значение культурного центра, хранилища наследия предков и колыбели будущих поколений. Подвижками можно считать меры, принимаемые по программам «Возрождение».

Е.К. Рева

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ О НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК КОМПОНЕНТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Культура и историческая память являются категориями, способными представить многообразие духовных ценностей, посредством которых общество осознает свое прошлое и осуществляет движение во времени. Одним из способов отражения этого процесса выступает передача средствами массовой информации культурного содержания эпохи, жизни этноса и исторических фактов, в контексте которых функционирует культура как средоточие системы духовных, морально-этических, религиозных ценностей, определяющих образ жизни

¹ Ульянова-Елизарова А.И. В.И.Ульянов Н.Ленин): Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1934.

ни народа и содействующих объективному рассмотрению образа нации. Воспроизведение этнокультуры в журналистском тексте во многом освобождает массовую аудиторию от стереотипов, дает основание к беспристрастному восприятию той или иной нации, что, в свою очередь, воспитывает в обществе чувство толерантности и может способствовать стабилизации межнациональных отношений.

По составным элементам, к которым относятся архетипы и символы, особенности бытового уклада и особенности менталитета этноса, национальные традиции и религиозная этика, культура народа тесно связаны с феноменом исторической памяти. Поскольку исторической памятью обладают как индивиды, социальные группы, так и общества в целом¹, то можно говорить о том, что память как историографическая категория присуща и государству в значении географической территории с ее народонаселением. Говоря о Российской Федерации, важно учитывать фактор полиэтничности страны, что подразумевает следующее: историческая память России представлена многокультурной палитрой с ярко выраженными национальными спецификами, элементы которых постоянно вступают во взаимосвязь на разных уровнях проявления: в политике, экономике, социальной сфере, на уровне бытового общения. Таким образом, историческую память России составляет историческая память населяющих ее этносов. И если историческая память в условиях существования СССР была представлена концепцией объединения народов и сохранения передаваемых из поколения в поколение исторических ценностей, то после его распада историческая память стала являть собой мозаику преломленных рефлексий о событиях прошлого. Это касается как отдельных этнических групп, так и российского народа в целом. Причиной тому послужили многочисленные межэтнические конфликты, центром которых по преимуществу стала территория Северного Кавказа.

Обращение нашего внимания именно к этому региону обусловлено тем, что республики, входящие в его состав, являются субъектами Российской Федерации, однако, межнациональная разобщенность, проявляемая в частых конфликтах по этническому признаку, наблюдается и в настоящее время. Здесь следует говорить о том, что «крупные социальные сдвиги, политические катаклизмы дают мощный импульс изменениям в восприятии образов и оценке значимости

¹ История и память / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 23.

исторических лиц и исторических событий: идет процесс трансформации коллективной памяти, который захватывает «живую» социальную память, память о пережитом современников и участников событий, глубинные пласты культурной памяти общества, сохраняемой традицией и обращенной к отдаленному прошлому»¹. Иными словами, есть основание говорить о культуре как категории, сохраняющей историческую память. Но поскольку межэтнические конфликты породили национальную неприязнь к народам Северного Кавказа, способствовали игнорированию духовных ценностей при оценке образа его народов, представляется важным изучить отражение этнокультуры на страницах периодической печати, что может стать одним из первоначальных этапов восстановления исторической памяти в понимании ее как коллективной памяти всего проживающего на территории Российской Федерации населения, включая и кризисные ситуации. Теоретик истории Йорн Рюзен, рассматривая проблему исторической памяти, предложил типологию определяющих ее развитие кризисов: нормальный, критический и катастрофический.

Для нас интерес представляет критический тип исторической памяти, поскольку он «ставит под сомнение возможности воспринимать и адекватно интерпретировать прошлый опыт, зафиксированный в исторической памяти, в соответствии с современными потребностями и задачами, которые ставят перед собой субъекты». Суть этого типа заключается в том, что в результате происходят коренные изменения в историческом сознании, формируется новый тип мышления. Для нас важно то, что это ведет «к изменению исторической памяти в процессе не только формирования новых способов смыслообразования, но и принципов идентификации, а также ментальных форм сохранения исторической памяти»². Изучить феномен исторической памяти посредством рассмотрения особенностей этнокультуры конкретного народа, значит, воспроизвести реальную картину мироощущения и мировоззрения нации и воссоздать прошлое в контексте межнациональной отношений в настоящем времени.

Многие российские периодические издания, имеющие разную типологию, в той или иной степени обращаются к вопросу националь-

¹ Феномен прошлого / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М., 2005. С. 165.

² Там же.

ной культуры. В их числе как общественно-политические, так и литературно-художественные журналы, на страницах которых поднимаются актуальные вопросы современной жизни. А поскольку проблема межнациональных отношений является одной из злободневных и острых в нашем обществе, то и она находит отражение на страницах таких журналов, как «Новый мир», «Отечественные записки». Подчеркнем, что вопрос межэтнических связей в поликультурном государстве не может быть решен без обращения к национальным культурным ценностям этносов как компоненту их исторической памяти. Так, Юрий Каграманов в статье «Многоликий Джинн» рассматривает проблему религиозной трансформации, военной обстановки и политической ситуации на Северном Кавказе. Автор дает подробный исторический обзор религиозной ситуации в регионе, обращая внимание на то, что в 20-е годы XX в. «молодежь резко свернула с пути, которым шли старшие поколения; причастники грядущего светлого царства коммунизма сумели увлечь ее обещаниями «песен небывалых и сказок нерассказанных» (в дореволюционный период русского господства разрыва с традициями не происходило, европеизация была относительно «мягкой» и постепенной)¹.

Ю. Каграманов не только констатирует исторические факты, он рассматривает, как менялись взаимоотношения внутри этноса и какие модификации происходили в отношениях с внешним миром. Сравнивая настоящее время с первыми десятилетиями двадцатого столетия, Ю. Каграманов утверждает, что и сейчас сильное воздействие на сознание этноса оказывают «другие «волшебные слова», другие зовы, чутко улавливаемые (речь идет о политических тенденциях – Е. Р.), опять-таки, молодежью, подростками». В контексте исторической памяти страны автор статьи подчеркивает консолидирующее направление существования конфессий на территории полиэтнического государства: «А мусульмане живут и в России. И жили здесь в продолжение уже нескольких столетий. Вера сама по себе не должна мешать сожительству мусульман и христиан (равно как и неверующих) в лоне одного государства и одного гражданского общества». Наряду с тем, что Ю. Каграманов обращается к категории исторической памяти, связанной с советским прошлым, когда разделение на конфессии и

¹ Каграманов Ю. Многоликий Джинн // Новый мир. 2000. №5.

национальности не акцентировалось, он логически подводит мысль к тому, что происходит в наши дни, когда «ислам вступает в конфликт с цивилизацией, именующей себя – с большой долей условности – христианской. Сложность в том, что свою правду несет в себе каждая из конфликтующих сторон».

Учитывая фактор глобализации современного общества, автор добавляет: «Это мировой вопрос, обещающий стать одним из главных вопросов XXI века; и Северный Кавказ – лишь один из многих участков, где он будет решаться». Помимо рассмотрения глобальных исторических, религиозных, политических вопросов, Ю. Каграманов затрагивает проблему национального характера, составляющего ментальность народов. В контексте вопроса о русско-чеченской войне автор приводит ссылки на особенности чеченского народа. Представленный тезис указывает как на малочисленность этноса, так и на его стойкость и силу: «Чеченский богатырь хоть и мал, да стоек: по пояс, по самую грудь в землю уйдет, а не сдастся. И даже если с головою уйдет в землю, все равно что-то после себя на семена оставит».

В 2000 г. конфликт в Чечне не был урегулирован, продолжались многочисленные спецоперации, обстановка оставалась напряженной. Поэтому автор пытается спрогнозировать дальнейшее развитие событий, предполагая «затяжную», «партизанскую и террористическую войну с разными неприятными последствиями как во внутри-, так и во внешнеполитическом плане». Во многом его прогнозы оправдались: проблема боевиков, ваххабизма продолжает волновать как руководство Чеченской Республики, так и федеральные власти. В своей статье Ю. Каграманов не акцентирует причину, по которой возможен предложенный им вариант развития ситуации, между тем он поднимает вопрос, ставший актуальным в первое десятилетие XXI века. Это все же проблема ваххабизма. Автор материала замечает, что «ваххабитов отличает раздраженная воинственность», здесь же он справедливо подчеркивает сильное проявление веры ваххабитского течения: («вместе с тем нельзя отрицать, что внутренний строй жизни в ваххабитских селениях основан на вере – никакая другая сила не смогла бы его удержать»). Правда, говоря это, Ю.Каграманов не объясняет специфику проявления веры у ваххабитов, которое сводится к фанатичным формам служения Аллаху, трактует джихад, как войну против иноверцев и т.д. Однако косвенно автором статьи отмечена существующая дифференциация в исламе: «Разумеется, многое в вах-

хабизме может быть оспорено с точки зрения самого ислама»¹. Следовательно, традиционный ислам не принимает идей так называемого «чистого» ислама, исповедующегося представителями радикальных течений.

В статье Ю. Каграманова поднимаются вопросы, составляющие не только историческую память чеченского этноса, но коллективную память всего народонаселения страны, поскольку события 1990-х годов двадцатого столетия оставили существенный отпечаток, имеющий негативные последствия и в настоящем времени. Объективное осмысление событий русско-чеченской войны призвано восстановить реальную картину событий, позволяющую правильно оценить образ нации на современном витке времени и на этапе воссоздания положительных межнациональных и межконфессиональных отношений с Чеченской Республикой.

Ученые обратили внимание на то, что память и воображение, привычка и образ, повторение и запоминание, коллективная и индивидуальная память, традиция и история, – все это является механизмами выражения взаимосвязи между прошлым и настоящим². Также важно подчеркнуть, что историческая память – это не просто канал передачи сведений об опыте предшествующих поколений, но и важнейшая составляющая самоидентификации этнической группы, поскольку «разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования и интеграции социальных (и, думается, этнических – Е. Р.) групп в настоящем»³.

В журналистике не всегда процесс самоидентификации происходит прямым образом, то есть от лица представителя конкретного этноса. Нередко репрезентация национальных культурных ценностей осуществляется через «посредника», т.е. журналиста, занимающегося национальным вопросом, историка, этнографа, культуролога, публикующегося в периодических изданиях, или респондента, выступающего в качестве эксперта в интервью. Пример последнего находим в материале С. Хайкина, опубликованного в журнале «Отечественные записки». Респондентом журналиста является профессор, культуролог

¹ Там же.

² Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 80.

³ История и память / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 158.

Виталий Куренной. Тема интервью – особенности жизни чеченского общества. Разговор касается важных проблем с точки зрения отображения исторической памяти чеченцев, а значит, понимания образа нации, и актуальных проблем в контексте межкультурных отношений с Чеченской Республикой.

В интервью поднимаются вопросы, репрезентирующие понятие «традиция» как одного из основных компонентов исторической памяти. Показаны основные типы традиции: религиозной и национальной. Важность обращения к религиозной составляющей культуры чеченцев и их исторической памяти заключается в том, что, по словам В. Куренного, «мы имеем дело с народом, для которого ислам – это не просто слова, и степень его религиозности действительно очень высока»¹. Интервьюер полагает, что она намного выше, чем среди других мусульманских народов России. Религиозный тип традиции рассматривается под углом истории, но наряду с этим в контексте современных проблем. Так, респондент подчеркивает, что ислам пришел в Чечню довольно поздно; одной из целей восстания шейха Мансура, антироссийского по форме и антиколониального по сути, продолжавшегося с 1785 по 1791 гг., было распространение ислама. Хронологический отрезок имеет принципиальное значение для начала функционирования исламской религии на территории республики, поскольку к этому времени у чеченцев уже сформировались и устоялись национальные традиции. Этот фактор свидетельствует о том, что ислам в Чечне обладает специфическими национальными особенностями («Можно, видимо, сказать, что традиционный, так сказать, адатный и родовой уклад тесно переплетен в Чечне с собственно исламскими нормами и практиками»²). В своих ответах на вопросы журналиста респондент подчеркивает существующую дифференциацию в исламе: «особенность «ортодоксального» ислама заключается в том, что он очень легко принимает национальные формы. Он не унифицирует те или иные народы. Есть нечто общее, но остается и множество особенного.

Можно сказать, что ключевой момент противостояния ваххабистского и суфийского направлений, отличающий ситуацию в Чечне,

¹ Хайкин С. Правоверно-советская Чечня // Отечественные записки. 2003. №5.

² Там же.

лежит именно в плоскости противостояния "чистого" и традиционно-го, национально-адаптированного ислама»¹. Таким образом, показана определенная степень трансформации религиозного сознания в рамках исторической памяти: существование религиозных ответвлений на территории республики означает и преломление исторической памяти в аспекте проявления веры. Историко-культурологический аспект, в котором ведется интервью С. Хайкина со своим респондентом, в значительной степени облегчает понимание образа нации с его религиозной составляющей. В контексте рассмотрения феномена исторической памяти религиозный вопрос чрезвычайно важен, поскольку «в религии существует культ, она связана с особым, связанным с культом сообществом людей и неотделима от мифа. Религии всегда присуща реальная связь человека с трансценденцией в образе встречающегося в мире святого, обособленного от непосвященного или того, кто лишен святости. <...> Жизнь едва ли не всего человечества, доступная исторической памяти, религиозна; это – указание на истину и сущность, заключающиеся в религии, игнорировать которую невозможно»².

Поскольку память позволяет «иллюстрировать взаимоотношения естественных, заложенных от природы, и культурных, приобретенных в процессе социального опыта, форм деятельности психики»³, а религия, представляет собой мировоззрение и мироощущение, а также подразумевает соответствующее поведение и специфические действия (то есть религиозную традицию), выступает основой формирования определенного типа сознания, психики и психологии, то можно сделать вывод о том, что в интервью С. Хайкина аспект рассмотрения исторической памяти проявляет себя в значительной степени. Национальные черты чеченцев, находящие свое отражение в религиозном проявлении, подчеркивают этнодифференцирующие характеристики исторической памяти чеченского народа.

Национальная традиция чеченцев является компонентом исторической памяти народа. В. Куренной дает разъяснения по поводу функционирования адатов в чеченском обществе, обращая внимание

¹ Хайкин С. Указ.соч.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 457.

³ Психология памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Л. Романова. М., 2008. С. 419.

на то, что «поведение чеченцев на бытовом уровне очень сильно регламентировано. Отчасти это связано не только с обычным правом, но и с тем, что ислам прописывает нормы поведения гораздо детальнее, чем, например, христианство. Но в значительной мере это старые культурные традиции, сохранение которых позволяет чеченцам поддерживать свою национальную идентичность. Как приветствуют друг друга мужчины разного возраста? Они обнимаются, причем старший накладывает руку сверху, младший руку накладывает снизу и кладет голову ему на грудь. Это мало кто замечает, и все это происходит как бы автоматически. Или, скажем, сколько бы раз ни вошел человек, все обязательно приподнимаются»¹. Национально окрашенные поведенческие особенности и этикет в значительной степени отличаются от канонов ваххабизма, где «двадцатилетний юноша может сидеть и не встать, когда войдет почтенный человек. И чеченцам это глубоко отвратительно. Это совершенно ломает их традиционные устои»². Респондент отмечает не только существование в чеченском обществе религиозной дифференциации, но и различия в поведении между представителями традиционного и радикального ислама. Это является важным условием понимания образа нации массовой аудиторией и существенным маркером исторической памяти.

В интервью С. Хайкина посредством обращения к истории показана связь прошлого и настоящего, что подтверждает тезис французского историка Филиппа Ариеса, что история является искусством памяти, так как она «располагается между традицией и историографией»³. Он подчеркивает значение традиции, которая несет с собой в настоящее прошлое. Так, в анализируемом интервью речь заходит о современной политической ситуации в Чеченской Республике, акцентируется вопрос о внутреннем диалоге религиозных течений, что весьма важно для урегулирования обстановки в масштабе Федерации. Респондент говорит о том, что чеченцы, исповедующие традиционный ислам хотят «мирно уживаться», и высказывает предположение о том, что «чеченцы смогли бы договориться»⁴. Свои слова он резюмирует следующим образом, подчеркивая религиозную основу жизни чечен-

¹ Хайкин С. Указ.соч.

² Там же.

³ Хаттон П. История как искусство памяти. – СПб., 2004. С. 79.

⁴ Там же.

цев: «Исламское начало, пронизывающее все чеченское общество могло бы сыграть конструктивную, консолидирующую роль в предполагаемом диалоге».

Пятый номер журнала «Отечественные записки» (2003 г.) был полностью посвящен проблеме ислама в России, что является безусловным положительным фактором в аспекте выстраивания полновесной картины исторической памяти многоконфессионального государства. В данном выпуске ставятся острые вопросы, решение которых направлено на сохранение стабильности в обществе, урегулирование отношений между конфессиями. Об этом заявлено в редакторском слове, предваряющем номер журнала: «О чем вообще сейчас пишутся книги, из-за чего ломаются копыя и взрываются живые бомбы? Что об этом думают мусульмане? Что будет делать человечество с исламской угрозой (чем бы она ни была и если она есть)? Что такое пресловутый «исламский фактор в России», на основании которого при полной его туманности строятся политические конструкции и принимаются решения с экономическими последствиями?»¹.

В большинстве из представленных в издании публикаций подчеркивается фактор многонациональности страны, общее историческое прошлое и выражаются опасения за возможность разрушения поликультурного пространства. В той или иной степени, но в материалах Н. Абакумовой («Российский ислам»), Н. Митрохина («Русская православная церковь и постсоветские мусульмане»), Л. Горяевой («Мусульманское просвещение в современной России»), С. Абашина («Калым и махр в Стернедней Азии: право или ритуал?») затрагивается проблема исторической памяти, поскольку авторы этих публикаций рассматривают религию в ее развитии, обращаются к опыту прошлого и проблемам ислама в современном мире. В ряде статей акцентируются проблемы ислама именно в республиках Северного Кавказа, центре расслоения ислама на «чистый» (радикальный) и традиционный.

Так, в статье Михаила Рощина подробно описано в контексте исторического процесса развитие ваххабизма в указанных республиках. Журналист пишет: «Исламских фундаменталистов Северного Кавказа часто называют «ваххабитами». Им самим по не вполне понятным причинам этот термин очень не нравится, и они предпочитают

¹ Отечественные записки. 2003. №5.

называть себя сторонниками салафии (возврата к истокам) или сторонниками «чистого ислама». Фундаменталисты стремятся к обновлению ислама на основе Корана и Сунны и отрицают все исторические напластования традиционного суннизма, накопившиеся в течение его более чем тысячелетнего развития, поэтому неправильно называть их «традиционалистами». Особенно негативно сторонники «чистого ислама» относятся к суфизму, пустившему глубокие корни в республиках Северного Кавказа (прежде всего в Дагестане, Чечне и Ингушетии). <...> Они также выступают за сокращенный ритуал поминовения усопших и считают, что время четырех классических суннитских мазхабов (толков) прошло и в наши дни возможен общий подход к толкованию Корана и Сунны в рамках единого мазхаба. Интересно, что христианские фундаменталисты также отрицают усложненный традиционалистский подход православных и католиков к толкованию Библии, утверждая, что ее текст прост и очевиден для понимания»¹.

М. Рощин считает, что «в настоящий момент дагестанское население в целом не принимает радикального исламского фундаментализма. Вместе с тем фундаментализм как таковой, дающий ясные и упрощенные ответы на запросы религиозного сознания, остается по-прежнему привлекательным для мусульманской молодежи»². Так, рассматриваемая статья акцентирует проблемы влияния радикального ислама на сознание общества, отношение к ваххабизму, определяется его место в исламе. Значение таких публикаций сложно переоценить, поскольку исламский вопрос один из сложных в аспекте межнациональных и межкультурных отношений с Северным Кавказом.

Таким образом, посредством репрезентации национальной и религиозной культуры в периодической печати воссоздаются элементы, которые составляют основу исторической памяти чеченского народа. Выступая компонентом исторической памяти, этнокультура позволяет объективировать образ нации в восприятии его массовой аудитории. Это выступает фактором, который является одним из значимых в современных условиях межнациональных отношений. Более того, посредством обращения к проблеме исторической памяти этносов, проживающих на территории Российской Федерации издавна,

¹ Рощин М. Фундаментализм в Дагестане и Чечне // Отечественные записки. 2003. №5.

² Там же.

складывается и оптимально воспринимаемая историческая память многонационального государства.

Л.В. Страхов

**ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
(НА ПРИМЕРЕ ВОССТАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ДИСЦИПЛИНАРНОГО
БАТАЛЬОНА, 1905 г.)**

Характерными особенностями мифотворчества в области истории является упрощение исторического процесса, примитивное объяснение причин и сути сложных явлений и событий прошлого или неполное освещение событий. Мифологизация истории существует в той или иной степени при любой политической системе, однако особенно сильно это явление присуще обществам идеологизированным, в которых исторические мифы призваны поддерживать определенную идеологию. В советской исторической науке содержалось значительное количество исторических мифов. В первую очередь они касались наиболее важных для власти этапов отечественной истории – истории революционного движения.

Советская историография создавала героический образ революционера, всегда выступавшего на стороне угнетаемого властью, буржуазией или помещиками народа. Революционер никогда не обидит крестьян или рабочих, в противостоянии революционеров и государства народ неизменно выступал на стороне борцов за освобождение. В этом контексте советские исследователи подходили и к проблеме восстания воронежского дисциплинарного батальона 18-19 ноября 1905 г.

В монографиях, написанных в 1930-е гг., восстание объяснялось стихийным движением батальонных солдат, вызванное тяжёлыми условиями содержания и плохим отношением офицеров¹. Ход восстания исследователи представляли в положительном для восставших свете. Причины же поражения восстания заключались, по мнению авторов, помимо подавления мятежа войсками, в неорганизованности восставших и в деятельности черносотенцев из Союза русского народа, которые собирались в отряды и отлавливали разошедшихся по ок-

¹ Сокут К. Вооруженное восстание Воронежского дисциплинарного батальона в 1905 году. Воронеж, 1930; Шпанец В. Лобное место. М., 1930; Потапенко В.. Восстание в частях царской армии. Воронеж, 1935 и др.

рестным сёлам восставших дисциплинарцев, передавая их властям¹. Лейтмотив указанных исследований состоит в обосновании непогрешимости революционеров, опиравшихся на народную поддержку.

Между тем документы воронежских архивов свидетельствуют о том, что данная оценка является упрощённой и во многом не соответствует реальным событиям, представляя собой скорее исторический миф, чем научный подход. Это относится и к истории восстания воронежского дисциплинарного батальона 18-19 ноября 1905 г.

Восстание было спланировано заранее. Об этом свидетельствует донесение начальника Воронежского губернского жандармского управления В. З. Тархова от 26 ноября 1905 г., из которого следует, что 18-го числа приблизительно в 8 часов утра подполковник Краснопевцев обходил казармы. В это время кадровый унтер-офицер Новиков доложил ему, что в 5-й роте ночью было совещание солдат, во время которого обсуждалась подготовка бунта в казармах. Более подробной информации о сроках выступления и планах восставших ещё не было известно. О возможной угрозе бунта было доложено командиру батальона полковнику Александровскому, который вызвал командиров рот и приказал им в случае выражения кем-либо из заключённых солдат недовольства не арестовывать на виду у всех, а потихоньку доставлять лично командиру батальона для наложения взыскания.²

В воспоминаниях воронежских большевиков о революции 1905-1907 гг. есть сведения, что в дисциплинарном батальоне велась революционная пропаганда. Работа была налажена созданной в октябре 1905 г. военной группой РСДРП. На квартире революционерки А. П. Потockой велась агитация присутствовавших там солдат дисбата. Их снабжали штатской одеждой, деньгами и литературой для революционной пропаганды в стенах батальона³.

В ночь на 18 ноября большевичка Юлия Мохнавец залезла на дерево, через крышу проникла в казармы батальона и приняла участие

¹ Сокут К. Указ соч. С. 9

² Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее ГАОПИВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 187. ЛЛ. 142-144.

³ Там же. Л. 131.

в совещании арестантов по организации восстания¹. Таким образом, восстание арестантов воронежского дисциплинарного батальона не было стихийной акцией, оно было организовано при участии военной группы РСДРП. Приблизительно в 11 часов в столовой во время обеда солдаты 4-й и 5-й рот заявили о недовольстве пищей. Заключённые потребовали дежурного по столовой офицера капитана Давыдова, которого попросили доложить командиру батальона о плохой пище, причём некоторые кричали: «Дайте нам то, что даровано 17 октября»². На шум выбежал дежурный офицер – командир 3 роты капитан Давыдов, который пытался успокоить арестантов, приказывал им замолчать и сесть по своим местам. Толпа возмущённых заключённых не подчинилась офицеру и стала наступать на него. В ходе возникшей перепалки капитан Давыдов застрелил двух солдат. После этого солдаты начали бить стёкла, скамейки и всё, что попадало им под руки³.

Далее события развивались стремительно. Восставшие солдаты вскрыли помещения с ружьями и патронами и вооружились⁴. Началась перестрелка. Понимая, что контроль над ситуацией потерян, полковник Александровский приказал отступить за территорию батальона, а сам направился в город, доложить о случившемся вышестоящему начальству⁵. Не все арестанты пожелали участвовать в бунте. В 3-й роте было около 50 человек, оказавшихся примкнуть к остальным. Однако их насильно заставили присоединиться к восставшим⁶. После разграбления офицерских помещений, сожжения документов канцелярии и учинения пожаров восставшие организованно, строем вышли за территорию части под звуки батальонного оркестра, игравшего Марсельезу. Разорвав наволочку и прикрепив её к штыку, они сделали себе красное знамя. Вышло около 800 человек. Однако из

¹ Пока Юлия Махновец поднимала восстание в дисбате, большевик И.И.Корсаков с товарищами подавал сигнал в воронежскую тюрьму, бунт в которой также произошёл 18 ноября 1905 г. См.: ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 200. Л. 39.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 187. Л. 142-143, 149.

³ Там же. Д. 200. Л. 10.

⁴ В дисциплинарных частях царской армии арестанты имели право носить оружие, которое им выдавали во время занятий и в караулы.

⁵ Там же. Д. 187. Л. 142.

⁶ Шпанец В. Лобное место. М., 1930. С. 57.

воспоминаний одного из арестантов батальона М. Л. Мазного следует, что до моста дошли только 200 человек.¹

На Чернавском мосту восставших ожидали правительственные войска. Подавлением бунта по распоряжению командующего войсками Московского округа генерал-адъютанта Струкова руководил генерал-майор Дебеш. К подходу восставших он собрал полусотню 29-го Донского казачьего полка и полуэскадрон драгун 4-го запасного кавалерийского полка. К мосту было направлено и 2 роты 290-го пехотного Липецкого полка².

Солдаты батальона не ожидали встретить на мосту войска и остановились. Из их рядов были направлены несколько парламентёров, включая М. Л. Мазного, солдата Раздашевского³. Бунтовщики потребовали пропустить их в город, но получили отказ. Генерал-майор Дебеш приказал передать батальону, чтобы арестанты сложили оружие, пригрозив огнем. К этому времени подошли 2 роты Липецкого полка.

На этом организованное восстание завершилось. Толпа восставших разбрелась по сл. Придаче. Около сотни человек мелкими группами перешли на сторону правительственных войск и сдались. С противоположного берега раздались выстрелы, направленные не в сторону властей, а друг в друга. Так арестанты сводили личные счёты. Со стороны верных властям войск получили ранения двое солдат Липецкого полка⁴.

О дальнейших событиях свидетельствует отчёт начальника Воронежского губернского жандармского управления (ВГЖУ) В. З. Тархова, поданный командиру Отдельного корпуса жандармов 26 ноября 1905 г. Солдаты, вышедшие с красным флагом под гимн Марсельезы, забыли о высокой революционной миссии. В Придаче арестантами была обнаружена казённая винная лавка, мгновенно разграблена. Пьяные солдаты открыли беспорядочную стрельбу боевыми патронами. Начались пожары уже в самой слободе. Когда огонь распространился на дома и лавки, местные жители попытались потушить пожар, но чины батальона не давали бороться с огнём и стреляли в

¹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 200. Л. 10 об.

² Там же. Д. 187. Л. 130.

³ Там же. Д. 200. Л. 10 об.

⁴ Там же. Д. 187. Л. 131, 135.

мирных жителей. Часть восставших стала грабить местных жителей, другие переодевались в штатское и расходились по окрестным деревням и сёлам, третьи сдавались. Ссоры между арестантами перерастали в драки и даже стрельбу.

На улицах появились подозрительные личности. Одни ходили среди восставших и просили дать им воинские вещи, другие просили оружие¹. Солдаты воронежского дисциплинарного батальона раздавали оружие всем желающим. Если на вопрос: «Ты для кого берёшь – для рабочих?» следовал утвердительный ответ, давали охотно². Оружие и патроны оказывались в руках абсолютно случайных людей, и это создавало дополнительную головную боль для местной власти.

Характерный случай произошёл 19 ноября. В этот день около 3-х часов дня солдаты Липецкого полка отбили М. Г. Коченовского и М. Б. Колчинского у жителей Придачи, которые их избивали. Оказалось, что эти двое агитировали среди арестантов батальона. У М. Г. Коченовского в кармане была обнаружена записка: «Мы с вокзала пришли, оружие надо, а то забастовать нельзя»³. По распоряжению командира бригады генерал-майора Дебеша, которое было одобрено генерал-адъютантом Струковым, войска заняли все проходы из Придачи в город, чтобы вооружённые мятежники не смогли проникнуть в Воронеж. Однако арестантам было позволено беспрепятственно находиться в слободе и общаться с окрестными сёлами. Генерал-майор Дебеш позже в донесении объяснял, что «занять Придачу силою было невозможно по недостатку сил и условиям местности»⁴. Таким образом, на ночь войска оставили жителей Придачи один на один с восставшими арестантами.

Ситуацию осложняло то, что 18 ноября около 17 часов взбунтовалась воронежская гражданская тюрьма. Уголовные арестанты отобрали у надзирателей оружие и окружённые войсками забаррика-

¹ Там же. Л. 147.

² Ольховский В. Движения в войсках и военные тюрьмы // Образование. 1906. Вып. 4. С. 217.

³ Государственный архив Воронежской области. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 667. Л. 6, 6 об.

⁴ Там же. Л. 135.

дировались в стенах тюрьмы¹. Властям пришлось оттянуть часть сил туда, что не позволило вести более активные действия против заключённых дисбата.

Ночью бунтовщики врываются в дома придачинцев, требуя водку, грабили и совершали насилия над женщинами. На следующий день, когда часть арестантов разошлись по соседним деревням и сёлам, а в слободе их осталось мало, жители сами стали их ловить, бить и передавать властям. Около полудня придачинцы вооружились отобранными у солдат батальона винтовками и начали отлавливать бунтовщиков уже за пределами слободы, оказывая помощь войскам. Так, у деревни Отрожка боем было захвачено более 30 арестантов².

Таким образом, именно местные жители по собственной инициативе первыми стали умирять восставших арестантов дисциплинарного батальона. Это не укладывалось в рамки советской идеологии, потому и был рождён миф о черносотенцах из Союза русского народа.

19 ноября к 11 часов утра из 800 восставших сдалось или были пойманы около 500 человек. Большинство их добровольно переходили к правительственным войскам. Приблизительно в 8 часов утра сдались арестанты тюрьмы³. Остальные 300, преимущественно переодевшись в гражданские одежды, разошлись мелкими группами по окрестным сёлам и деревням, «предаваясь пьянству и грабежу». К 15 часам Придача была занята правительственными войсками.

Таким образом, пока власти бездействовали, слободу освобождали местные жители. Оставшиеся безнаказанными бунтовщики, разошедшиеся по м деревням и сёлам, продолжили грабить и пьянствовать. 19 ноября у жителя с. Подклетное Гантовера угнали 2 лошади стоимостью 500 руб., у Петрова из дер. Масловки бунтовщики отобрали 300 рублей⁴. В конце концов, это надоело местным сельским жителям, и они также начали ловить дисциплинарцев, избивать их и передавать властям⁵.

¹ Революционное движение в Воронежской губернии 1905-1907 гг.: сборник документов и материалов. Воронеж, 1955. С. 235.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 187. Л. 147-148.

³ Там же. ЛЛ. 125-127, 132, 136.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 552. Л. 6.

⁵ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 187. Л. 132.

19-го ноября восстание было подавлено. В записке от 23-го ноября генерал-адъютант Струков сообщает военному министру, что 600 бывших арестантов дисбата размещены в Воронеже, ещё 80 человек – в г. Усмани. Остальные разбежались¹. Некоторые дисциплинарцы позже были арестованы через сыскной аппарат Департамента полиции спустя несколько дней в Ельце и даже в Москве, Петербурге и других отдалённых городах².

В ходе восстания погибли до 25 арестантов батальона, убитых другими восставшими в ходе ссор и конфликтов. Имелись и убитые местными жителями сл. Придачи и соседних сёл и деревень³. Правительственными войсками были убиты кадровый писарь, кадровый фельдфебель и погибли два жителя сл. Придача⁴.

В результате пожара, устроенного восставшими дисциплинарного батальона, сгорели все деревянные постройки и деревянные части каменных зданий батальона. В огне погибли все вещи офицерского состава батальона, канцелярия и всё другое имущество. В сл. Придача сгорело местное волостное правление, 5 домов и 12 лавок, расположенных вблизи казарм батальона. Пожар в слободе прекратился только 21 ноября. Общая сумма ущерба от огня составила 264600 руб.⁵

С 7 по 21 февраля 1906 г. в Воронеже на скамье подсудимых по делу о заключённых Воронежского дисциплинарного батальона оказались 58 человек. По решению суда 31 человек были лишены воинского звания и прав состояния, исключены из военной службы и сосланы на каторгу сроком от 4 до 15 лет. 17 человек лишились всех прав состояния и уволены с военной службы, получив сроки в исправительных арестантских отделениях от 1 до 4 лет. Остальным подсудимым были увеличены сроки пребывания в дисциплинарных частях. На подсудимых в порядке гражданского судопроизводства была возложена материальная ответственность за понесённые государством убытки в ходе восстания батальона⁶.

¹ Там же. Л. 139.

² Сокут К. Указ. соч. С. 9.

³ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 187. Л. 139.

⁴ Там же. Л. 142.

⁵ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 187. Л. 141.

⁶ Сокут К. Указ. соч. С. 10-11.

Этот пример вовсе не означает того, что в годы революции 1905 г. в России участниками революционного движения были одни бандиты, а народные массы всегда поддерживали правительственные силы. Но события восстания воронежского дисциплинарного батальона с очевидностью не укладываются в рамки традиционной для советской историографии точки зрения о ходе революции.

Таким образом, ссылаясь в своих исследованиях только на подтверждающие идеологические установки факты и игнорируя сведения источников, им противоречащие, советские историки создали необъективное представление об одном из эпизодов революции 1905-1907 гг. Этот, казалось бы, небольшой исторический миф стал одним из элементов мифологизированного представления о первой русской революции в целом.

Л.М. Хуторова, Г.Ш. Гатаулина, Д.С. Салмина
АРХИВ КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В кругу проблем, связанных с изучением феномена исторической памяти, значительное место занимают исследования, посвященные местам её хранения. Примером могут служить труды известного историка П. Нора. По мнению учёного, места памяти – это крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории¹, места, где «память кристаллизуется и находит свое убежище»². Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности. По замечанию исследователя М.В. Соколовой, данные «места памяти» не являются местами в узком, географическом смысле, они определяются как своеобразные точки пересечения, на которых складывается и концентрируется память общества³. Их главная функция – сохранение коллективной па-

¹ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П.Нора, М. Озуф, де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999: [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>.

² Там же.

³ Соколова М.В. Что такое историческая память // Преподавание истории в школе. 2008. № 7: [Электронный ресурс]. URL: <http://pish.ru/blog/articles/articles2008/142>.

мяти. П. Нора и его коллеги продемонстрировали оригинальный подход в рамках исследования мест памяти, в антологии, описываемых ими мест памяти, выясняется, когда определенное место памяти получило свое символическое значение и каким образом оно изменялось с течением времени.

На современном этапе отечественные архивоведы также предприняли попытку рассмотреть архивы в ракурсе дефиниции «память». Т.И. Хорхордина, Ю.Н. Афанасьев выдвигают гипотезу, что истоки архивов нужно искать на этапе, когда *Homo sapiens* научился передавать свой опыт и знания от поколения к поколению, т.е. на стадии возникновения коллективной памяти. Одна из древнейших форм передачи знаний – это устная форма. Поэтому первыми архивами стали «устные архивы». Археологические раскопки обнаруживают следы существования архивов при храмах и дворцах ещё в V-III вв. до нашей эры в Месопотамии, Египте, Малой Азии. Самой эффективной формой коллективной памяти стала письменность (и другие способы фиксации информации)¹. Уже при её зарождении были заложены истоки двойной функции архивов – утилитарная и сакральная. С одной стороны, нашла отражение практическая роль и ценность письменности, с другой стороны, письма понимались как священные знаки, которые связаны с высшими и тайными смыслами. Нередко изобретатели алфавита как родоначальники культурной традиции считались святыми (например, были канонизированы как святые реформаторы славянской азбуки и создатели церковнославянского языка Кирилл и Мефодий).

Само слово архив происходит от латинского «*archium*», «*archivum*» – хранение документов в учреждениях. Оно в свою очередь произошло от греческого «*archeion*» – дворец правителя, присутственное место. В древние времена они представляли собой хранилища наиболее важных документов, выполненных на табличках из глины, наощенного дерева, металла, папируса, пергамена, бумаги. Хранителями этих богатств были специально обученные люди, владевшие навыками письма, обработки, систематизации и поиска нужного документа. Достаточно высокой была система хранения архивных документов в арабских странах, Иране, Китае, в империи Великих Моголов. По од-

¹ Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С 39.

ной из версий, китайский мыслитель Конфуций (ок. 551-479 до н.э.) работал в императорском архиве. Одной из основ древнеримской цивилизации выступал архив Сивиллиных книг. Он появился уже в те времена, когда у римлян даже ещё не сложилась своя письменность, книги были написаны на греческом языке. К ним обращались жрецы в случае крайней необходимости, чтобы истолковать будущее Рима, например, во время борьбы с Ганнибалом. Архив неоднократно уничтожали пожары и стихии, но римляне его восстанавливали, и лишь, когда римская цивилизация под натиском ударов варварских племён стала приходить в упадок, полководец Стилихон приказал уничтожить этот древнейший архив.

Таким образом, возникновение архивов, их значение для государства и общества были вызваны, с одной стороны, практическими обстоятельствами, с другой стороны, они стали показателем определённого уровня развития человечества, одной из форм коллективной памяти, хранилищем знаний.

Т.И. Хорхордина обращает внимание, что на протяжении XVIII-XX вв. в попытках определения дефиниции «архив», часть историков и архивистов различают архив как собрание документов, предназначенных для удовлетворения практических нужд, и как документы в качестве самоценных и целостных феноменов культуры¹. Т.И. Хорхордина предлагает учитывать семантика греческого корня «архэ», от которого ведет происхождение и термин «архэйн» в значении «древний».

Т.И. Хорхордина обращается к работам философа и филолога А.Ф. Лосева, исследовавшего смысл понятия «архэ» в трудах древнегреческих учёных. Взяв за основу трактовку термина как первоосновы всего сущего, Т.И. Хорхордина предлагает понимать архив как «целостное знание в непрерывном процессе его становления и развития»². На её взгляд, архивы возникают в истории человечества в конце IV – начале III тыс. как неотъемлемый формообразующий фактор упорядочения в документе представлений человека о мире и о себе³. Подобный подход продиктован современными концептуальными подходами к пониманию природы человеческой культуры. Предлагаемая Т.И.

¹ Там же. С. 35.

² Там же. С. 40.

³ Там же.

Хорхординой гипотеза оригинально решает проблему трансляции знаний, важнейшей составляющей которой являются архивы. Она решает вопрос и о роли и месте «устных архивов». По её мнению, трудно отделить устную историю от письменной. Например, в арабском мире с древних времён письменная и устная культуры существуют параллельно. В африканском обществе культивируется каждый канал, по которому транслируется знание. Еврейский мир сохранял идею государственности на протяжении двух тысяч лет. В СССР в годы тоталитаризма культура транслировала и запоминала важнейшую информацию о самой себе¹. Таким образом, описываемая гипотеза исходит из того, что конструкция языка в целом повторяет конструкцию памяти и внутреннего универсума. Этот фактор, по мнению учёного, составляет глубинную сущность архива. В таком ракурсе он выступает не только как система, ориентированная на фиксацию внешней, событийной картины мира. Архив сам по себе представляет не ограниченную пространством и не имеющую начала и конца во времени саморазвивающуюся картину внутреннего мира человека, – это своеобразный аналог культуры человека².

При подобном понимании документы любого вида и происхождения в рамках отдельно взятого архива системы первого уровня выступают в качестве осмысленных фраз (фонды). В свою очередь, архивы первого уровня виртуально составляют совокупный архив второго уровня. В нем зафиксировано состояние системы «личность-общество-государство» на конкретно-историческом этапе их развития. Такой архив сочетает в себе характеристики самооценности (совокупная память), полезности (совокупный опыт) и непрерывности (совокупное познание). На высшем уровне архивы образуют интегральное единое архивно-информационное поле, формирующееся по собственным объективным законам параллельно с формированием и развитием человеческого самосознания³.

Таким образом, в рамках современного гуманитарного знания архивы понимаются не только как объект и форма сохранения человеческой культуры, но и как одна из форм существования памяти, позволяющая на разумных началах созидать нации своё будущее.

¹ Хорхордина Т.И. Указ. соч. С. 40.

² Там же.

³ Хорхордина Т.И. Указ. соч. С. 41.

И.К. Черёмушникова

**РОЛЬ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В ФОРМИРОВАНИИ
МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Историческая память является особой формой общественного сознания, которая в латентном виде присутствует в структуре любой культуры. Она не только формирует отношение к прошлому, но и создает установки, нацеленные на будущее. К. Юнг когда-то заметил, что «человек всегда носит с собою всю свою историю; в самой его структуре записана история человечества»¹. Элементами исторической памяти можно считать не только готовые установки и представления, но и типизированные образы и модели поведения, в которых реализуются эти привилегированные смыслы. Эти модели поведения и образы являются «весьма устойчивыми характеристиками образа жизни людей, которые во многом определяют их намерения и настроения, опосредованно оказывая весьма мощное влияние на характер и методы общественных проблем»².

Для любой культуры важно представлять, что являет собой механизм реализации исторической памяти, как происходит непрерывная передача культурных смыслов, как из всего культурного опыта, представляющего собой поле разнонаправленных потоков, постепенно отбираются и закрепляются некоторые значимые образы, прошедшие культурную селекцию и подтвердившие свою значимость. Позже именно они складываются в культурно-смысловой универсум и выступают носителями глубинных содержаний, отражающих полноту и масштаб исторического опыта данного народа или этноса.

Данная статья посвящена выявлению роли типических образов в формировании культурно-исторического типа ментальности и паттернов исторической памяти. Культурно-исторический инвариант имиджа (типический или нормативный имидж) – это пример аккумуляции смыслов, закрепленных в визуальном образе и становящихся доступными непосредственно человеческому опыту через этот образ. Нормативный мидж представляет собой такой квант культурного про-

¹ Юнг К. Психологические типы. Минск, 1998. С.199.

² Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и Новейшая история. 2000. № 4.

странства, в котором происходит формирование и закрепление смысла, а также приращение его исторических форм.

Человек изобрел различные способы трансляции смыслов: простые и сложные, естественные и искусственные, непосредственные и опосредованные знаковыми системами. Историческое сознание как бы «разлито», охватывает и важные, и случайные события, впитывает в себя как систематизированную информацию, так и неупорядоченную, ориентация на которую определяется особыми интересами личности. Немалую роль в функционировании исторического сознания играет случайная информация, часто опосредованная культурой (...), а также (...) традиции, обычаи, которые несут в себе определенные представления о жизни народа, страны, государства»¹. Агентами усвоения смысловых формул могут являться и такие каналы социально значимой информации, как ландшафт, материальное производство и трудовая деятельность, социальные и межличностные отношения. Продолжить этот трансляционный ряд нужно внеязыковыми семиотическими средствами передачи информации, поскольку знак и создаваемый с его помощью образ играют важнейшую, если не сказать основную, роль в формировании менталитета. К этой группе нужно отнести и телесно-ориентированные практики, к которым принадлежит имидж.

Последними по времени возникновения способами усвоения и передачи культурно-значимой информации являются язык, слово, где усвоение опыта идет через систему образования и его институты. Однако они расширяют наше представление об окружающем мире опосредованно, по вербальным каналам, а создание словесных образов может сопровождаться субъективными искажениями или частичным изменением смысла передаваемой информации. Связь между словом и тем, на что оно указывает, «условна и никак не мотивирована природными свойствами»², а значит, не может быть понятна всем без специальной подготовки.

В то же время образы несут все те же смыслы и представления *непосредственно* через визуализацию. Наборы знаков в визуальном образе, хотя и нельзя назвать простыми, все же они редко носят абсо-

¹ Тощенко Ж. Т. Там же.

² Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998. С.49.

лютно произвольный внеприродный характер, как это происходит с речью или словом, где всегда имеется смысловой «зазор». Вербальная информация всегда опосредована искусственными знаковыми системами, визуальная же прямо погружает нас в ситуацию и делает ее понятной, передает смыслы без посредников, оппозиция «видимого» и «невидимого» исчезает, устанавливается связь между «миром кодов» и «миром смыслов». Следовательно, можно говорить о том, что именно визуальные образы являются особыми знаками, объединенными в смысловые кластеры, которые выполняют функцию обналичивания смыслов, мифов, представлений и установок, выстраивают картину мира.

Огромное количество явлений социального и культурного порядка, имеющих прямое отношение к культурно-историческому типу ментальности, выражается и познается через образы и телесно-знаковые объективации. Сюда можно отнести: представления о связи между душой и телом, между духовным и физическим, об идеале физической красоты, отношениях между полами, взгляды на институты семьи и брака, отношения с природой и окружающим миром, отношение к труду и богатству, понимание ценности человеческой индивидуальности, свободы-несвободы, справедливости-несправедливости и многое другое.

Р. Шустерман справедливо заметил, что социальные нормы и этические ценности «вписаны в тела». Целые идеологии могут незаметно «материализоваться путем кодирования в соматических нормах», которые, будучи телесными привычками, принимаются как сами собой разумеющиеся представление о чем-либо безо всякого критического восприятия. Наши тела «соматически натренированы». Нормы определенной культуры учат нас способам репрезентации и позиционирования себя, способам проявления одобрения и неодобрения, уважения и подчинения. Классическим примером «соматически зафиксированного гендерного подчинения являются культуры, в которых женщина должна говорить тихо, сидеть, сомкнув ноги, смотреть, опустив глаза и идти позади мужчины»¹. Непосредственное участие в закреплении такой модели поведения и такого образа будет играть и соответствующая одежда, линии которой подают тело определенным

¹ Шустерман Р. Мыслить через тело: гуманитарное образование // Вопросы философии. 2006. № 6. С.56-58.

образом, скрывая его линии и объемы, а также задают сдержанную пластику и ритм движения. Так, образ, демонстрирующий отношения подчинения, становится очевидным и завершенным, каждым новым поколением он воспринимается как единственно возможный и естественный. Таким образом, роль, которую телесно-ориентированные практики играют в процессе передачи культурных смыслов, становится очевидной.

Если рассмотреть имидж в контексте теории информации А. Моля, то его можно представить как *сложное информационное сообщение*, передающееся в пространстве и во времени одновременно. Это сообщение, состоит из «конечного упорядоченного множества элементов восприятия, взятых из некоторого набора и объединенных в некоторую структуру»¹. В этом сообщении можно выделить следующие наборы элементов:

-элементы, связанные с движением: элементарные жесты, элементарная мимика, мускульная техника, дыхание, положения тела в пространстве, ритм;

-элементы, связанные со зрительными опциями: формы, объемы, размеры, пропорции, расстояния, образование цветовых форм и пятен, оттенки, игра светотени;

-элементы, связанные с вокально-вербальной сферой: произношение, благозвучие, ассонанс-диссонанс, ритм, паузы, интонации, темп, логика.

Любая культура может быть представлена как совокупность смыслов – ценностей – норм релевантных своим носителям (П. Сорокин). Например, представление о таких важных в любой культуре понятиях как женственность и мужественность может быть предано не только в императивных риторических формах (У. Эко): «женщина должна быть слабой, а мужчина сильным», но и с помощью знаков, для расшифровки которых не требуется никаких специальных знаний. Такими знаками могут быть плавные движения женщины и резкие движения мужчины; более высокий рост и более крупные размеры мужчины, по сравнению с ростом и размерами женщины и т.д.

После того как эквивалентная связь между образом и смыслом установлена (большие размеры – сила, власть), «никто не может не

¹ Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966. С. 40.

считаться с этим¹. Однажды объективированная, то есть закреплённая в сознании с помощью определенных знаков (визуальных и поведенческих), информация может далее функционировать самостоятельно, превращается в коллективную память и начинает регулировать сознание и поведение, как отдельного индивида, так и группы. Постепенно происходит закрепление смысла в культуре, а действие или образ мыслей, связанные с ним, становятся обыденными. Так формируется и увеличивается объем паттернов исторической памяти, типичных для данной культуры. Происходит типизация опривыченных действий, которые затем превращаются в конвенциональные системы, а позже – в социальные институты, доступные для понимания всех членов определенной социальной группы. Далее уже сам этот институт, будь то представление о ком-то или о чем-то, мода или другая норма, типизирует индивидуальное отношение к чему-либо или к кому-либо.

Существует прямая связь между совокупностью смыслов определенной культуры и возникающей трактовкой образа. Такое соединение типизированного поведения или изображения со смыслом, жесткое закрепление смысла, становится своеобразной формой контроля над индивидуальными проявлениями, направляя воспринимающего к заранее заданному смыслу. Заданное восприятие образа в определенном контексте направляется моралью и идеологией общества и играет в данном случае репрессивную роль. «Область, общая для коннотативных означаемых, есть область идеологии, и эта область всегда едина для определенного общества на определенном этапе его исторического развития, именно она задает «риторику образа»². Подчеркнем еще раз, что мораль и идеология заявляют о себе не только на уровне на уровне языкового сообщения и текста, но и через визуализированные (в образе человека или вещи) смыслы окружающего пространства.

Историческая память и коллективное сознание всегда предполагают историчность, поскольку такие системы формируются в ходе длительной истории и всегда являются продуктом конкретной социокультурной ситуации. С ними теснейшим образом связаны живущие в обществе мифы и стереотипы. Миф – это форма истолкования действительности массовым сознанием при помощи чувственно-наглядных об-

¹ Барт Р. Система моды. М., 2003. С. 248, 251.

² Там же. С. 306, 316.

разов. Мифы существуют в любом обществе. Это вид информации, который в латентном виде присутствует в сознании каждого индивида. Социальные стереотипы также обусловлены исторически, они закрепляются в социокультурном опыте, отличаются устойчивостью, однообразием и схематичностью. Социальные стереотипы рожают социальные ярлыки, эталоны и образцы общественного мнения, схемы поведения в повседневной и общественной жизни. С ними связано формирование социальной моды, которая способна укреплять позитивные отношения ко многим значимым социальным явлениям, таким как многодетная семья, здоровый образ жизни, альтруизм, волонтерская и благотворительная деятельность, позитивное отношение к старости и пожилым гражданам и др. Важно отметить, что социальные установки могут обладать как позитивным, так и негативным потенциалом, и играть деструктивную роль в общественном развитии.

Примером служит проблема легитимации образа предпринимателя в современном российском обществе. «Бизнес» и «средний класс» по-прежнему воспринимается значительной частью граждан как нечто чуждое российской действительности и ментальности. В массовом сознании россиян закреплено представление о бизнесе как о жульничестве, нечестной наживе, а фигура бизнесмена до сих пор демонизирована. По опросам ВЦИОМ 45% россиян убеждены, что российские бизнесмены заработали свои капиталы путем взяток, грабежей, махинаций; и только 7% верят в их личные заслуги, природную смекалку и предприимчивость¹. Такое отношение к классу предпринимателей исторически объяснимо, и, несомненно, связано с длительным, вплоть до начала XX в., существованием крестьянской общины, которая и сформировала настороженное отношение к самому процессу зарабатывания денег.

Социальная функция исторической памяти заключается в формировании у каждого отдельного индивида личностно-значимых ценностей, способствующих объединению и образующих совокупность коллективно разделяемых представлений. Визуализация через образ играет в этом процессе важнейшую роль механизма, позволяющего осуществлять функцию инкультурации и социализации личности. По Г.К. Юнгу, можно сказать, что типические имиджи – это «ин-

¹ Семенов А.К., Маслов Е.Л. Психология и этика менеджмента и бизнеса. М., 2000. С.22.

стинкты, выраженные в форме образов»¹, которые делают наглядными и доступными для понимания индивида огромные хранилища наследственных знаний.

Культурные смыслы возникают, каким бы хаотическим процессом это ни казалось, в строгом соответствии с потребностями данной культуры и культурно-исторической общности. В каждом обществе существует механизм отбора и распространения социально-полезных имиджей, которые со временем становятся нормативными или образцовыми. Усвоение «культурного кода» и соблюдение заложенных им правил гарантирует индивиду принадлежность к определенной культурной общности и обеспечивает его включенность в заданный этим кодом культурно-исторический универсум. Социализация и самоидентификация индивида происходит путем отождествления себя с обществом в пространстве культуры через усвоение ценностей и норм, императивов и запретов, моделей поведения, что иногда может выглядеть как подражание отдельным (значимым) индивидам, избранным в качестве образцов для подражания.

Каждая ступень социализации требует от человека не только физической (внешний вид, участие в обрядовой и ритуальной деятельности), но и ментальной (общность оценок и представлений) идентичности. Положение человека в социальной группе обязывает его не только, внешне соответствовать предъявляемым требованиям, но мыслить и чувствовать определенным образом. В случае невыполнения требований человек «отчуждается» социальной группой, исключается из социальных связей.

Историческая и коллективная память, а также архетипические представления тесно связаны с формирующейся у данного общества ментальностью. Ментальность как закодированная в образах и нормах поведения социально значимая информация транслируется из поколения в поколение. Она передается в символьно-знаковой форме, а знаки и символы благодаря своей информационной насыщенности способны впитать довольно большие объемы «свернутой» и «закодированной» информации.

Ментальные представления – это сходные принципы мышления, которые часто обусловлены географическими, климатическими, биологическими особенностями формирования этноса. Они «являются

¹ Юнг К.Г. Аналитическая психология. СПб., 1994.

базисом, возможно, биологически наследуемым, представляющим самые глубокие корни сознания,... это «предшествующие формы», определяющие готовность реагировать определенным образом, но они не есть содержание этих форм, ибо содержание всегда «лично и исторически обусловлено»¹. Содержание или наполнение этих форм, культурно и исторически обусловленное, можно назвать культурно-историческим типом ментальности, проявляющимися «не столько в умонастроении, сколько в деятельности»², в практике повседневной жизни, и представляет собой совокупность привычек и принципов восприятия окружающего мира, возникающих на основе этих установок.

Через образы происходит актуализация нужного данной общности социально-культурного опыта: в знаках имиджа он обретает физические очертания, закрепляется, становится привычным и транслируется без особого критического осознания. Именно образ способствует непосредственной объективации норм и ценностей, позволяет им стать частью повседневной жизни человека и передаваться от одного поколения к другому. Значение имиджа как инструмента приобщения индивида к культурному коду современной ему культуры трудно переоценить. Так осуществляется функция социального наследования.

А.С. Чикишева

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ МИФ И ФОРМЫ ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ РУНЕТА

Проблематика *memory studies* является одной из весьма популярных тем исследований в социологии, культурологии, антропологии. Начавшийся в 80-х гг. двадцатого века Ренессанс мемориальной темы затронул как академические, так и широкие общественные круги. В массовой культуре стали чрезвычайно популярны образы, так или иначе отсылающие к прошлому: в рекламных кампаниях ведущих

¹ Грановская Р. М., Никольская И. М. Защита личности: психологические механизмы. СПб., 1994. С 101.

² Ануфриев Е.А., Лесная А. В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. № 4. С.31.

брендов регулярно появляется ретро-тематика, популярность телепередач типа «Намедни», «Исторические хроники», «Достояние республики», «Какие наши годы» и т.п. несомненна, как и успех Интернет-проектов, ориентированных на актуализацию старых связей (ВКонтакте, Одноклассники). Одновременно научное сообщество вновь заинтересовалось вопросами социальной и культурной памяти, исторического наследия, политики памяти. В этих условиях интересным становится вопрос: каким образом прошлое репрезентируется в культуре? Зачем она обращается назад?

Для этого необходимо оценить, в чем специфика сегодняшней культурной ситуации. Для ее описания все чаще применяют такой теоретический концепт, как медиакультура, не всегда уточняя границы понятия. Словарь терминов по медиаобразованию¹ определяет ее как совокупность материальных и интеллектуальных ценностей в области медиа, а также исторически определенную систему их воспроизводства и функционирования в социуме; по отношению к аудитории «медиакультура» может выступать системой уровней развития личности человека, способного воспринимать, анализировать, оценивать медиатекст, заниматься медиаторчеством, усваивать новые знания в области медиа.

Данное определение намечает два возможных смысла понимания медиакультуры – в широком любая культура в определенном смысле «медиа», поскольку существует благодаря созданию системы опосредующих знаков, способных репрезентировать реальность. И наскальный рисунок тут не отличается принципиально от значка электронной почты на экране смартфона. В узком смысле термин медиакультура применим к описанию исторически конкретной культурной системы, в которой информация, способы работы с ней осознаются как основной механизм и источник развития системы. В этом аспекте термин медиакультура может быть применен для описания той культурной ситуации, в которой новые способы хранения и передачи информации диктуют новые формы ее организации.

Ключевым понятием медиакультуры является даже не информация, а коммуникация — элемент культуры становится таковым только в результате его включения в определенный коммуникацион-

¹ Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. Таганрог, 2010. С.24.

ный процесс. Вне его, без субъекта, осуществляющего коммуникацию, он не существует, знание бесполезно, если Вы являетесь его единственным носителем. Это делает культурную систему многополярной, ризомной: все связаны со всеми, информация может циркулировать в любом направлении. Это, однако, не означает отсутствие структуры в такой системе: каналы движения информации крайне изменчивы, но в каждый конкретный момент вполне реальны, сама информация определенным образом организована и одновременно организует сознание рецепиента.

Принципиально важная черта медиакультуры – образный, визуальный характер представления и восприятия. Развитие технических средств представления информации (прежде всего телевидения и компьютера) сделало экран основной «нишей» существования современных форм массовой культуры. В первую очередь это связано с тем, что скорость восприятия визуальных образов значительно выше, нежели логических конструкторов, а это в условиях лавинообразного потока информации становится приоритетным. Современный человек большую часть информации получает именно при помощи экранов разного типа — телевизора/реже экрана в кинозале, компьютера/ноутбука, планшета/смартфона. Однако это не возвращение к визуальности дописьменной эпохи, это скорее «переизобретение» медиа, когда благодаря новым техническим приемам актуализируются традиционные формы передачи информации: телефон и Skype сделали доступным устное общение на больших расстояниях, социальные сети стали чем-то вроде «информационного стенда», где всякий желающий может не только ознакомиться с информацией, но и высказать свое мнение в знаковой (поставить «Like»), текстовой (прокомментировать) или же визуальной (оставить картинку или открытку) формах. Или даже присвоить себе часть информации, перепостив к себе на страничку ссылку в Facebook.

Еще одна черта ключевая для данной работы медиакультуры – склонность к мифотворчеству. Собственно, миф на любом этапе социального развития присутствует в социальном сознании — явно или латентно. Но осознание процесса конструирования мифа, а также его глобализация — эти черты характеризуют именно современную культуру. Презентация любого события или явления всегда предполагает его обработку в соответствии с поставленной целью, оформление в принятую знаково-символическую систему, что уже означает опреде-

ленное искажение объекта. В условиях же медиакультуры главной функцией средств массовой коммуникации является не только и не столько передача информации, сколько создание определенного образа восприятия. В частности, информационное противостояние, развернувшееся в СМИ и Сети в связи с событиями «арабской весны» наглядно иллюстрирует этот тезис: одни и те же события, иногда даже одна и та же съемка — и абсолютно разные комментарии, способы подачи, что формирует разные оценки аудитории.

Мифологизация — очевидный и действенный способ социального конструирования, социальный миф представляет собой с одной стороны более простую структурно, а с другой — более насыщенную эмоционально репрезентацию реальности. Он понятен участникам коммуникации без дополнительных разъяснений и не вызывает сомнений. Социальный миф в условиях медиакультуры в большей степени виртуализируется — он может не иметь вещного воплощения, такого, как строфы Гомеровской «Иллиады» или изображения богов в храмах. Существовая как структура воображения, он, тем не менее, сохраняет вою способность выстраивать социальное сознание и ориентировать поведение людей.

Способность медиакультуры к созданию виртуальных образов остро ставит проблему истинности информации: когда любой артефакт может быть растиражирован на множество копий и каждая из этих копий утверждает свою самоценность, когда форма подачи события важнее самого события, неясно, что же считать критерием истинности. В мире бесконечного множества референций культурный субъект утрачивает не только понимание истинности знания, но и начинает сомневаться в истинности собственного существования, он сталкивается с кризисом идентичности. Это верно как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Отдельный человек каждый день наблюдает ситуацию множественности идентичностей во Всемирной паутине: социальные сети предоставляют возможность создания нескольких различных профилей, которые не имеют реального человека-прототипа, никнеймы и аватары надежно скрывают личность человека при общении на форумах. Вместе с тем жизнь человека все меньше принадлежит ему. Распространение Сети привело к тому, что «каждый клочок земли больше не изолирован в своих геометрических пред-

делах, но взаимодействует с другими частями планеты»¹, возникает особым образом организованная социальная общность, которую Маклюэн называл глобальной деревней.

С другой стороны, глобализация стирает границы между локальными сообществами, в результате чего нарушается их внутренняя целостность, механизмы преемственности, что ставит под угрозу сам факт их существования. Кроме того, мир становится все более и более динамичным, скорость протекания социальных процессов растет в геометрической прогрессии, в результате чего у человека возникает ощущение, что его жизнь – только кадр на длинной киноплёнке, что он ничего не может оставить после себя. А ведь желание ощущать целостность собственностью личности, а также наблюдать значимые результаты и следы своей жизнедеятельности – это экзистенциальная потребность человека. Большинство традиционных критериев самоидентификации – конфессиональные, национальные, даже гендерные – сегодня не имеют значения, и в этих условиях сознание (индивидуальное и коллективное) ищет новые стратегии выстраивания идентичности. Обращение к прошлому – одна из таких стратегий. Однако специфика медиакультуры накладывает серьезный отпечаток на форму репрезентации исторических событий и фактов. Прежде всего, средства массовой коммуникации (к примеру, телевидение) ориентированы на создание бесконечно длящегося настоящего, они «процветают благодаря своей предрасположенности к забвению»². Язык медиа как бы вырывает события из хронологического контекста, риторически приближая их к времени зрителя. Здесь важна не фактологическая четкость, а эмоциональная окраска, ощущение со-причастия, со-переживания. Медиа формирует определенные технологии подачи исторической информации, главным образом в зависимости от цели, которую ставят перед собой создатели сообщения. Прошлое может выступать как:

- «объективная реальность», т.е. «правильный», академичный вариант описания прошлого, история как форма социальной памяти;

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Избранные труды. М., 1997.

² Anderson S. History TV and Popular Memory // *Television histories: shaping collective memory in the media age* / Ed. by Gary R. Edgerton and Peter C. Collins. Kentucky, 2001. P. 19.

- «сенсация», поле для поиска новых, желательно скандальных фактов, чаще всего касающихся подробностей личной жизни известных людей – «прошлое как сенсация»: чаще всего это журналистские расследования жизни известных людей. Главный способ привлечения внимания – заинтересовать зрителя пикантным заголовком, таинственным историческим фактом, из-за чего сюжет приобретает определенную мелодраматичность. Объяснение строится на основе знакомых аудитории клише, а в речи используется конструкции обыденного языка. Здесь место исторической объективности занимает «здоровый смысл», именно с его позиций выносятся оценки происходящему.

- «политический аргумент»: в этом случае на первый план выходит суггестивный потенциал исторических материалов, главная цель повествования – легитимация существующего строя (прежде всего во властно-политическом аспекте). Это, например, касается изменения исторической политики в отношении оценки действия С. Бандеры в Украине в 2004 г. (во время оранжевой революции), затем во время правления Ющенко и теперь – после очередной смены власти.

- «развлечение». Для таких проектов характерен аттрактивный визуальный ряд, внимание к казалось бы незначительным деталям повседневности, ироничные и острые комментарии – все это позволяет в полной мере реализовать рекреационную функцию культуры. Такие проекты не претендуют на историческую объективность, но именно они острее всего воспринимаются аудиторией в силу очевидно эмоционального посыла в форме их представления.

Ностальгический образ может быть сформирован в любом из описанных вариантов представления прошлого, особенно учитывая, что описанные модели являются собой скорее «идеальные типы», в жизни же мы наблюдаем совмещение различных функций и техник. Но, на наш взгляд, использование советской символики в рекламе, музыки старого гимна для гимна нового (собственно, динамика изменений этого важнейшего политического символа – отдельная интереснейшая тема, своеобразно отражающая и идейное развитие страны) или ностальгически ориентированные сайты в Интернете – принципиально эти различные формы существования «прошлого в настоящем» оказываются сходными. В качестве примеров очевидно ностальгического (а главным отличием ностальгии как формы социальной памяти стоит считать преобладание аффективной составляющей над когнитивной) образов можно привести:

- маркетинг и рекламу: например, ностальгические образы стали центральным элементом кампании сети магазинов «Пятерочка». Использование образов советского мультфильма «Ну, погоди!» (вплоть до съемки новой серии) оказалось неудачным, и было принято решение о смене центрального образа – теперь это псевдобылинный гусяр.

- в музыкальной индустрии, причем как более камерной – «ВИА Татьяна», так и явно масскультовской – Кэти Перри, Кристина Агилера, Дита фон Тиз;

- модная индустрия (показ коллекции Christian Dior prêt-à-porte весна-лето 2011 – переосмысление образов классического пин-ап)

- интерес к прошлому как основа целого социального движения или субкультуры (реконструкция исторических событий, стиль steampunk («неовикторианская ностальгия с элементами анахротехнофетишизма») как альтернативная история, движение slow life – пропаганда «винтажного» стиля жизни как вид внутренней миграции.

Все эти примеры – свидетельство того, что ностальгические настроения распространены повсеместно, Интернет здесь не является чем-то уникальным. Однако именно пространство Всемирной паутины является сегодня принципиально важным для исследования любого социального феномена, в том числе и мемориального. Ставший главным информационным ресурсом и основной коммуникативной средой, он позволяет проследивать все социальные тенденции в режиме on-line, следуя за постоянно обновляющимися статусами и френдлентами в социальных сетях. Механизм запоминания-забвения и новые информационные технологии – вопрос, который с некоторых пор зазвучал в среде европейских юристов: как соотносится возможность сколь угодно долгого (возможно, бесконечного) хранения разного рода личной информации с правом человека на личную жизнь¹? Право на забвение – требует ли оно юридического оформления? Современная культура в этом смысле уникальна – другие пытались не забыть, мы стремимся перестать помнить. Это очевидно даже на бытовом уровне – не все социальные сети или почтовые службы позволяют удалить однажды созданный аккаунт, а компания Apple оправдывается за то, что используемое в iPhone приложение для навигации,

¹ <http://ru.euronews.net/2010/11/15/protecting-personal-data/>

помимо всего прочего, собирает и хранит информацию о перемещениях своих пользователей.

Говоря о пространстве Рунета, обратимся к статистике site-top100.narod.ru: на 1 июля 2011 г. в числе 5 наиболее популярных сайтов находятся 2 социальные сети ВКонтакте.ру и Одноклассники.ру, которые в числе своих функций имеют актуализацию памяти – личной и коллективной, поскольку одна из возможностей и целей этих сервисов (особенно Одноклассников) – это поиск старых друзей, возобновление прежних связей, а одна из популярных форм организации – группы одноклассников и однокурсников. К примеру, в контакте можно найти отдельное сообщество, посвященное воспоминаниям о прошлом, детстве – «Вы выросли в 90-е, если...»¹ - которое насчитывает 500 тыс. участников. Участники такого сообщества идентифицируют себя как «поколение детей 90-х» через отнесение именно к таким элементам повседневности, а вовсе не к значимым историческим событиям, которые можно вспомнить в связи с этим периодом:

- «помните как ваши родители или бабушки с дедушками смотрели «Санта Барбару»?»

- «Умели танцевать Макарену и Ламбаду»

- плели фенечки из бисера и т.д.

Другое направление ностальгически ориентированных сайтов связано с тенденцией к музеефикации, созданию интернет-энциклопедий жизни (прежде всего, конечно, позднесоветской, брежневской эпохи – такое временное ограничение связано прежде всего с возрастом и личным опытом тех, кто является создателями и посетителями подобных сайтов), где советские вещи, фотографии, артефакты и другие культурные объекты становятся предметом любования, умиления, коллекционирования для поколения 30-летних.

Так, обозреватель портала Infox.ru Е.Новиков завел на форуме МГУ коллекцию, в которой сотни фотографий, ссылок на ресурсы, заметок, посвященных воспоминаниям о СССР и 90-х. Если почитать обсуждения, то видно, что участники форума с поразительной скрупулезностью восстанавливают детали, связанные с советским детством: ГОСТы на окрашивание мячиков или цвета крышечек на бутылках с молочными продуктами. Здесь ностальгия предстает формой ролевой он-лайн игры, и, как и всякая игра, требует «точек входа» -

¹ <http://vkontakte.ru/club137114>

артефактов, прикоснувшись к которым, можно будет ощутить свою сопричастность утраченному миру прошлого. В качестве таких маркеров могут выступать воспоминания, фотографии, вещи и т.д.

Еще один проект такой направленности был основан в 2005 г. – это «Энциклопедия нашего детства»¹. Основной критерий идентичности здесь – возраст (родившиеся с 1976 по 1982гг.). Проект выполнен очень серьезно, авторы сообщают, что прежде чем запускать его, провели специальный опрос. Для пользователей предусмотрены индивидуальные профайлы, объединенные в алфавитный список, а также рубрикатор, который позволяет ориентироваться в море статей на самые разные темы: «Школа», «СМИ», «Кино» и т.д. Более того, авторы проекта не ограничиваются только on-line активностью: объявлен сбор вещей для «Музея ностальгии». Инициатива вышла за пределы Интернет-сообщества, обретая материальные рамки, демонстрируя столь любимый постмодерном подход: инновация – это не что-то совсем новое, это уже имеющийся элемент, представленный в новом свете (традиция как инновация).

Интересно определяют цель своего проекта авторы Savok.name²: «Не вернуть СССР, а не забыть его». Этот лозунг важен для понимания сути ностальгической идентичности: ее носители вовсе не планируют социальную революцию и возвращение советских порядков. Для них важен сам факт коллективного запоминания данного исторического этапа, целостность временного континуума. Для этого в единую систему объединены мода, космос, ковры, фотографии городов, портреты генсеков, вырезки из газет.

Еще один пример очевидного совпадения образов детства и СССР – сайт Музей «20й век». Мы из СССР. Об этом говорит даже подзаголовок – «Ностальгия по прошлому и нашему детству». Использование для разделов рубрикатора безличных форм или же местоимений во множественном числе («наш») ясно говорит о стремлении выстроить и поддерживать общность, наделенную неким чувством «мы», т.е. о конструировании коллективной идентичности через отсылку к условно общему детству. Как писал М. Хальбвакс, «коллективные воспоминания накладываются на индивидуальные, обеспечивая ... гораздо более удобный контроль над последними». Таким об-

¹ <http://www.76-82.ru/>

² <http://savok.name/>

разом, мы видим новый угол рассмотрения социальной ностальгии – как элемента социального контроля через оперирование образами прошлого, их реконструирование на новых носителях. Создатели сайта даже стремятся утвердить существование СССР во Всемирной паутине – сообщая нам, что домен .su означает «Советский союз».

Наконец еще один сайт – Босоное.ру – был выбран нами как пример не слишком хорошего владения навыками создания сайтов, а главное – как пример того, в каком окружении оказывается мир воспоминаний – сверху страницы мы отчетливо может видеть приметы времени сегодняшнего – баннерную рекламу с предложениями дышащих памперсов и работы в США.

Итак, подводя итог сказанному, можно сделать следующий вывод. Ностальгирование по ушедшему прошлому успешно реализуется в коллективных, виртуальных формах – через коммуницирование в различных социальных сетях, форумах, блогах, на сайтах, где пользователи вовлечены в коллективное воспоминание прошлой эпохи. Ключевой механизм, который используют для этого участники, воссоздание предметно-вещного мира советского, так, чтобы восстановить узнаваемую знаковую форму-рамку символов, что не исключает весьма вольного обращения с их содержанием, а также существования этих знаков в современной, т.е. чуждой им системе. Наложение личных и коллективных воспоминаний иллюстрирует тезис Хальбвакса о социальных рамках памяти, которая является конструктом, в основе которой – воспоминания, а форму им задает принадлежность к той или иной группе (в данном случае, виртуальному сообществу).

Сообщества ностальгирующих, будучи первоначально виртуальными сообществами, объединенными общим прошлым – советским детством – в дальнейшем превращаются в реальные сообщества, коммуникации выходят за рамки виртуальной реальности. Таким образом, чувство единения и взаимопонимания, которое связывает ностальгирующих, становится не только основой консолидации сообщества, но и основой для коллективной идентификации. Потому ностальгия выступает не только формой коллективной терапии, но и механизмом самоидентификации (на вопрос «кто мы?» поколение 30-летних с легкостью может ответить: «мы родом из советского детства», «наша Родина – СССР»).

Таким образом, современный тип социальности задает не только формат «воображаемых сообществ» в их виртуальном виде, но

и специфику форм совместного и индивидуального бытия людей, его сохранения и обновления. С точки зрения социальной философии, информационный характер постсоветского общества характеризуется новыми формами связи человеческих усилий во времени и пространстве. Воспроизводство постсоветского «воображаемого сообщества» происходит в виртуальном формате, что отражается на социальном процессе в целом: формы коммуницирования в интернет-пространстве становятся динамическими социальными формами, реализующимися в деятельности людей.

Н.А. Швайко

ИСКУССТВО КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРНОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА РЕКИ АМУР В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

Культура – это то, что остается, когда остальное забыто, полагал Э. Эррио. Память является фундаментальной категорией и необходимым критерием существования культуры. В современных гуманитарных науках проблема памяти, на наш взгляд, является актуальной прежде всего в связи с процессами глобализации и, как следствие, с проблемой идентификации человека в качестве носителя уникальных традиций, гражданина своей страны, патриота региона.

В науке выделяется множество видов памяти, но наибольший интерес для культурологов представляет историческая память. Концепт исторической памяти – один из самых востребованных в науке. Существует ряд определений термина «историческая память». И.М. Савельева рассматривает такие толкования: «Историческая память трактуется как совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты»¹. Исследователь также утверждает, что историческая память представляет собой опорные пункты массового знания о прошлом, минимальный набор образов исторических событий и личностей, которые присутствуют в активной памяти (не требуется усилий, чтобы их вспомнить).

¹ Савельева И.М. Перекрестки памяти // Хаттон П. История как искусство памяти / пер. с англ. СПб., 2003. С. 407.

Данные определения можно отнести к культурологической концепции. Это значит, что в данное понятие включаются категории традиции, обычая, мифа, символа. С понятием «историческая память» тесно связано другое – «культурная память». Ю.М. Лотман пишет, что «с точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т. е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы»¹.

Исходя из данного высказывания, можно утверждать, что «культурная память» шире, чем «историческая память». Культурная память включает в себя историческую и шифрует ее с помощью многовариантных культурных кодов. Если рассматривать историческую память, воплощенную в художественной культуре, то шифровка будет происходить за счет специфики различных средств выразительности, в зависимости от вида искусства, эпохи, личности автора. Но в данном случае необходимо учесть два аспекта: с одной стороны – единство кода, с другой – тенденция к индивидуализации памяти. Первое важно в связи с сохранением постоянства, второе – с обновлением и возможностью динамики. Ю.М. Лотман выделял творческую память, которая наиболее ярко проявляет себя в искусстве. Следовательно, искусство – это одна из форм бытия культуры и форма воплощения культурной памяти.

Для исторической памяти Дальнего Востока России очень важны события, связанные с освоением этих земель. При освоении этой территории невозможно было миновать реку Амур. Река стала главным географическим путем и символом, метафорой новой жизни и новой земли. Поэтому ключевым образом в местной культуре, как природным, так и впоследствии историческим становится эта река. История, литература, живопись, песенное творчество – все эти формы культуры репрезентируют масштабный и многогранный образ реки. Для нас особенно интересен образ реки Амур в художественной культуре, в

¹ Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200.

частности, в современной литературе. Рассмотрим воплощение образа реки Амур в поэме А.П. Молочного «Амурская Одиссея»¹.

Название поэмы дает аллюзию на греческую литературу. Это придает читательскому ожиданию масштабность и всеохватность по отношению к представленному речному путешествию. Данный прием позволяет вспомнить Одиссея, отправившегося за золотым руном. Подобно ему, автор совершает реальную поездку, сплав по Амуру. Широта художественного образа, в данном случае, проявляется во многообразных культурно-исторических и эколого-биологических составляющих образа.

Рассмотрим подробнее эти составляющие.

Эколого-биологический образ реки река Амур

складывается из следующих групп образов:

– географический образ;

– биологический образ;

– пейзажный образ.

Географический образ реки связан непосредственно с водными составляющими, их строением и поведением:

«Его бесчисленны протоки,

Заливы, мелких рек истоки,

Причудливые острова...

Базальта высится стена –

И дышит тайною она,

То стланик в трещинах – в обвал...

Обрывы, буреломы, кряжи

Иль глина черная, как сажень»².

В описании данного образа часто встречаются географические термины, что вносит специфический профессионально-исследовательский колорит.

Биологический образ включает большой описательный пласт флоры и фауны реки Амур, и особенно, рыбы:

«А толстолоб – циркач отменный,

Он сутки, нерестясь, играл.

Наживкой брезговал конкретной,

¹ Молочный А.П. Амурская Одиссея: сборник стихов / вст. ст. Б.А. Воронов. Хабаровск, 2010.

² Там же. С. 46-47.

Свечою над водой взлетал»¹.

Автор активно использует не только описательные элементы, но и метафоры.

Пейзаж как неотъемлемый элемент описания путешествия встречается здесь и как обычное перечисление свойств и характеристик воды, солнца, неба, элементов города, и как психологический пейзаж и пейзаж-метафора:

«Утес. И пароходства шпиль...

Хабаровск и Амура ширь.

И парк. И лестницы, качели»².

«Амур нам солнцем улыбнулся,

Волной широкою качнулся»³.

«А даль качается и блещет,

Амура зыбиться краса»⁴.

Итак, из вышеизложенных конкретных примеров, возможно выстроить эколого-биологическую структуру образа реки Амур. Она состоит из географических, биологических и пейзажных характеристик, воплощенных как через прямые значения, так и через не прямые (метафора, сравнение).

Культурно-исторический образ в данном произведении охватывает такие формы культуры, как мифология, история, экономика, межкультурные отношения.

Соответственно, в этом большом пласте возможно выделить следующие подвиды образов:

– мифолого-стихийный образ;

– исторический образ;

– экономический образ;

– кросс-культурный образ.

Мифолого-стихийный образ связан с первобытной культурой коренных народов Приамурья. Герои поэмы перед путешествием забирают одного из духов Амура подарками:

«...За борт плеснули Поде дань,

Традиций местных зная грань»¹.

¹ Там же. С. 83.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же. С. 62.

Один из центральных образов реки Амур – это река-стихия. Она может быть спокойной и умиротворенной, а может быть жестокой и наказывать за гордость и самоуверенность.

«Как ты грозен, Амур, как ярист!

Ты симфонию воешь под свист,

Под бушующий вал вихревой,

Бьешь о скалы тяжелой волной»².

«Раскрываешь жадно пасть глубины –

Ждешь дани от чужой слабины»³.

Такое восприятие реки коренится в мифологических представлениях о природе и первоэлементах-стихиях: вода населена духами и сама река – это живое существо, со своими эмоциями, неукротимым нравом и буйным характером, которое может поощрять и наказывать.

Очень значим *исторический образ* реки. Он связан с освоением дальневосточных земель в XVII в. Автор упоминает Е.П. Хабарова, который совершил два похода на Амур с целью присоединения прилежащих земель к России; В.Д. Пояркова – первооткрывателя реки; Г.И. Невельского – руководителя Амурской экспедиции 1849 г. Все эти личности очень значимы для истории региона и России. Автор кратко хронологически пересказывает историю освоения Приамурья:

«Хабаров дважды отплывал –

Искал фарватерные ходы...»⁴

«...Поярков весь Амур проплыл,

Лимана козней не заметил...»¹²

«...И наш Геннадий Невельской –

Проведал выход к океану!»¹²

Перед нами возникает образ Амура как пути к освоению этой земли и как хозяина, дающего разрешение, чтобы исследовать их.

Дальний Восток – источник природных ресурсов, значительных для всей страны. Река – это своеобразный проводник, торговый путь и инфраструктура. Пред нами «*экономический образ*» Амура:

«Цемент, машины или арбузы,

Товары, нефть и уголек –

¹ Там же. С. 41.

² Там же. С. 118.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 59-60.

И миллионы тонн таскает грузы...
И пассажиров доставляет –
Из порта в порт, из порта в порт»¹.

Кросс-культурный образ Амура связан с соседством Китая и его культурой. Так как река – это граница с восточными соседями, то образ реки представляет собой границу, независимость страны:

«Амур сегодня серебрится...
С Китаем он для нас граница...
Россия твердо здесь стоит»².

Также следует упомянуть о том, что в китайской мифологии река Амур связана с образом хозяина дракона. Автор использует его для усиления образной характеристики:

«...То берега пугают нас –
Готовы бухнуть хоть сейчас.
Их бьет течение и волна –
Драконом мощь их названа»³.

Таким образом, мы рассмотрели виды культурно-исторических образов реки Амур. Все они связаны со спецификой культуры региона и в совокупности являют собой сложную структуру. В дальнейшем возможно выстроить концептуальную и символическую модель образа реки.

Итак, историческая память, как часть культурной памяти является важной составляющей и критерием бытия человеческой культуры. Искусство – один из источников исторической памяти, и форм его воплощения через специфические средства изобразительности (символ, метафора, миф и др.). Художественная культура Дальнего Востока представляет собой большое поле образов, воплощающее в себе историческое наследие региона. Одним из ключевых образов, сохранивших историческую память, является образ реки Амур.

М. Шпайер

РАЗРЫВАЯСЬ МЕЖДУ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И ЛИТВОЙ В
ПОИСКАХ И БОРЬБЕ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ –
СЛОЖНЫЕ ПУТИ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫБОРЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

¹ Там же. С. 63.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 44

ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОЛЬСКОЙ И ЕВРЕЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В ВИЛЬНЮСЕ МЕЖДУ 1918 – 1922 ГГ.

Сразу после Первой мировой войны, период между 1918-1922 гг. был одним из самых сложных исторических периодов для Виленского края (Вильнюсский край). Вышеупомянутые годы были особенно переполнены военными и дипломатическими конфликтами между двумя молодыми государствами: Польской республикой и Литовской республикой, которые восстанавливали свою независимость после 1-ой мировой войны, когда учреждения и границы основных империй (Царская Россия, Германская империя и Австро-Венгерская империя) были превращены в груды камней. В этот период решались не только дипломатические вопросы и происходили военные действия, которые оказывали влияние на будущую административную и политическую систему Виленского края, но и множество экономических, культурных и социологических событий, которые определили существование и внесли вклад в развитии нации и этнических групп, населявших Виленский край и город Вильнюс в основных сферах жизнедеятельности, особенно в сфере образования, политики, культуры.

Самое главное, вызвали рост национальной принадлежности, особенно среди наиболее влиятельных групп: поляки, евреи, литовцы. Наиболее динамичные процессы событий собирались контролировать исторические земли позднего Великого Литовского герцогства наряду с Польшей, Литвой и Пост-Царской Россией, управляемой большевиками и не только внесли вклад в активность различных политических организаций, как новых, так и основанных ранее, но также оказали огромное влияние на развитие разнообразных интеллектуальных направлений, которые оказались исходной предпосылкой упомянутых организаций. Но динамичный курс развития событий вызвал много разногласий среди представителей трёх основных наций по вопросам национальной принадлежности и сосуществования с другими этническими группами¹.

¹ Джоанна Гиеровска Kałaur *Żydzi na Wileńszczyźnie i Grodzieńszczyźnie w latach 1919-1920* [w:] Świat NIE pożegnany Żydzi na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej w XVIII-XX wieku, Praca Zbiorowa pod Redakcją Krzysztofa Jasiewicza Warszawa 2004, с. 354-363. Вопросы проблематичного сосуществования между поляками, евреями и литовцами в Вильнюсе и на

Предмет статьи - анализ вышеупомянутых аспектов, которые повлияли на отношения между поляками, евреями и литовцами в 1918- 1922 гг. Особое внимание уделено вопросам демографическим, а также политической активности, самоидентификации и связанным с ними последствиями.

Демографические характеристики Вильнюса и Виленского края в 1918-1922 гг.

Дальнейшее подробное описание, включая основные проблемы, которые происходили во взаимоотношениях среди представителей этнических групп, населявших Вильнюс и Виленский край, требует некоторых разъяснений по поводу демографической ситуации, которая была на тот момент в Вильнюсе и административных частях Виленского края в упомянутый 4-х летний период сразу после мировой войны.

Демографическая структура, а особенно соотношение между количеством этнических групп и количеством их членов в различных областях жизнедеятельности (политика, экономика, сфера культуры) будет полезной в понимании причин конфликтов, которые так или иначе имели отношение к дипломатической и военной конкуренции

территории Виленского края были в основном связаны с политическим напряжением между январём 1919 г. и февралём 1922 г., когда оно достигло своего пика из-за постоянных военных действий между Польским государством и Литовским государством, поддерживаемых новой властью, установленной в России после Октябрьской революции 1917 г. Частая смена исполнительной власти того региона, главным образом, три различных эпизода господства над Вильнюсом и Виленским краем правительствами трех государств, упомянутых ранее, вызвала рост национализма, стереотипов и недоверие среди представителей сообществ, населяющих Вильнюс. Наиболее значительные конфликты были вызваны различными взглядами на будущее Виленского края, предложенными представителями национальных групп. Члены польских правых движений, особенно Национальная партия (*Stronіcіstwo Narodowe*) обвиняли членов других сообществ (евреев, литовцев и даже белорусов) в предательстве по отношению к Польскому государству и в скрытых симпатиях к большевикам. Самыми драматичными последствиями этих разногласий стали физические атаки и агрессия, особенно по отношению к евреям. Как, например, весной и осенью 1919 г., когда происходили серьезные беспорядки, начатые польскими солдатами.

над Вильнюсом и Виленским краем¹. Описание, представленное ниже, включает в себя статистическую информацию, направленную не только на количество этнических групп, но также на количество человек, признающих национальную принадлежность, посредством использования данного языка или следования данной религии.

В 1918 г. демографическая структура в Вильнюсе и административных единицах Виленского края была представлена следующими цифрами²:

Вильнюс	поляки 160 762	литовцы 13 864	евреи 6 665	белорусы 626	другие группы 2301
Вильнюсская область	поляки 874 756	литовцы 112 262	евреи 46 559	белорусы 350 391	другие группы 126 403

Представленная выше статистическая информация взята из переписи населения, проведенной Гражданским управлением Восточных земель (Zarząd Cywilny Ziem Zachodnich)³ в декабре 1919 г. Дан-

¹ Барбара Лехота, Александр Месснер, Алина Кала *Żydowskie druki ulotne w II Rzeczypospolitej w zbiorach Biblioteki Narodowej*, Biblioteka Narodowa Warszawa 2004, t. I.. Упомянутые конфликты, которые происходили до того исторического периода, продолжались и далее до начала Второй мировой войны, с более или менее сильным накалом. Особо заметными они были в польско-еврейских отношениях. Несомненно их форматный процесс имеет много общего в различных точках зрения, включая проблему польских прав/привилегий на Вильнюс и Виленский край. Доводы, которые рассматривались как неоспоримые некоторыми польскими политическими лидерами (например, довод, который был связан с Narodowa Demokracja), провозглашая господство польских прав на историческую землю Великого Литовского герцогства и автоматического объединения этих территорий, не принимались представителями некоторых еврейских организаций и партий. Они считали, что сотрудничество с правительством Ковно, является лучшей гарантией безопасного существования и дальнейшего развития восточно-еврейского сообщества.

² J. Wołkonowski *Stosunki polsko-żydowskie w Wilnie i na Wileńszczyźnie 1919-39*, op.cit. c. 37

³ Джоанна Гиеровска Каллап *Żydzi na Wileńszczyźnie i Grodzieńszczyźnie w latach 1919-1920*, op.cit c. 354 . ZCZW была, согласно концепции И. Пил-

ная перепись позволяет раскрыть некоторые изменения, которые происходили по сравнению с периодом Первой мировой войны. Хаос, связанный с военными операциями в промежутке между 1917 и 1919 гг., внес свой вклад в развитие польского сообщества в регионе и некоторое снижение процентного соотношения евреев. Тогда как в 1916 г. (согласно переписи, проведенной немецким руководством) поляки составляли 53, 3 % населения Вильнюса в количестве 74 221 человек. Четырьмя годами позже их количество было больше чем в два раза.

Статистические расхождения случаются не только из-за процессов миграции отдельных групп или поселений, что очень часто происходит во время военных операций, но также являлись последствием административных изменений границ. Вильнюсская область, согласно переписи 1919 г. была намного больше и включала в себя Гродно и такие районы как: Новогрудский и Гродненски¹. Опуская видимые изменения в этнической структуре Вильнюса в течение 3-х лет после окончания первой мировой войны, можно сделать один общий вывод, что польское влияние увеличилось (хотя обстоятельства при царском режиме были очень суровыми) и культурный традиционный польский фактор установил свое господство сразу после мировой войны².

судского, формой аполитического административного института, который отвечал за эффективное управление районов, которые сразу после 1918 г. стали районами Средней Литвы (Litwa Środkowa)

¹ J. Wołkonowski op.cit, s. 37

² А. Пуксжто *Formuły patriotyzmu Litwinów Polaków i Żydów patriotyzmu Litwinów Polaków i Żydów na Litwie [w:] Wiek XIX wyzania modernizacji i geopolityki, wybory na pograniczu Wilno 2006, s 276-277.* Активность среди польского сообщества Виленского края началась задолго до окончания I-ой мировой войны (особенно в период 1915-1917 гг.). Эта активность была сильно заметна в публичной сфере. В ряде публикаций и манифестов, которые появлялись в тот исторический период, большое внимание уделялось проблемам создания программ, включая политические и этнические модели того региона, особенно *modus Vivendi*, соединяя различные этнические и религиозные группы. Очень влиятельным средством массовой информации были *Wiadomości Polskie*, основанные группой, связанной с Naczelny Komitet Narodowy, в августе 1914 г. Главными активистами и публицистами были: Михаль Ромер, Людвик Абрамович и Тадеуш Вроблевски. Они были главными приверженцами широкой культурной и политической автономии таких групп

Анализируя предмет демографии, стоит заметить, что национальная и этническая структура Вильнюса и Виленского края оказала огромное влияние на религиозные факторы, особенно число жителей, заявлявших о своей принадлежности к данной религии и принимающих активное участие в жизни данных религиозных институтов. Несомненно, процентное преобладание поляков привело к тому, что ряд людей заявляли, что они римские католики. Наряду с религиозными связями и отношениями, был замечен и аспект языковой принадлежности.

Абсолютно ясно, что в историческом промежутке между 2-мя мировыми войнами (включая 1918-1922 гг.) во всех районах Виленского воеводства от 50% до 80% людей говорили на польском языке¹.

Несмотря на то, что часть информации, представленной выше, не имеет прямой связи с основным предметом статьи, необходимо ее рассмотрение, т.к. она позволяет нам проследить различные события, которые происходили в разных сферах жизнедеятельности Вильнюса: политике, экономике, культуре; и лучше понять причины напряженных ситуаций и конфликтов, характеризующих тот период, которые повлияли на образование различных стереотипов, существовавших в разных формах даже в более поздний период 1920-1930 гг.

Информация из области демографии косвенно показывает потенциальное влияние, которому могли подвергаться этнические груп-

как: евреи и литовцы. Основные идеи этой проблемы были представлены в публикации Людвика Абрамовича: «Польша и Литва».

¹ Петр Элберхардт *Liczebność i rozmieszczenie ludności żydowskiej na Kresach Wschodnich I i II Rzeczypospolitej w pierwszej połowie XX wieku:* Świat NIE pożegnany- Żydzi na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej w XVIII-XX wieku, Praca Zbiorowa pod Redakcją Krzysztofa Jasiewicza Warszawa 2004, с. 65. Представленная статистика очень точно показывает изменения внутри еврейского сообщества. В основном, сравнение количества евреев в Виленском крае в начале XX-го века после первой мировой войны, ведет к заключению, что позиция еврейского сообщества стабилизировалась, достигнув 14 % в административных единицах Виленского края и 41% в Вильнюсе. Большое преобладание евреев можно было наблюдать в Виленском воеводстве: в Глубоком, в Дисне, в Докшиц. Согласно переписи 1923 г. (проведенной сразу после того, как город наряду с регионами стал официально частью Польши), еврейская община в Вильнюсе была второй по численности и составляла 33% от общего количества населения.

пы в Виленском крае в течение 4-х важных лет сразу после мировой войны¹. Годы символического раскола между двумя молодыми независимыми государствами.

Политическая активность национальных групп в Вильнюсе и Виленском крае

Необходимо проанализировать политическую активность национальных групп в Вильнюсе и Виленском крае, обращая внимание на характерные эпизоды, на которые был поделен период с 1918 по 1922 гг.

Как было отмечено ранее, можно выделить 5 основных этапов:

1. Ноябрь 1918 г. - январь 1919 г. - формирование промежуточного периода между концом немецкой оккупации Вильнюса и началом сражений между польскими войсками и Красной армией, что привело к образованию Литовско-Белорусской Советской республики.
2. Январь - Апрель 1919 г. - период Литовско-Белорусской Советской республики.
3. Апрель 1919 г. - июль 1920 г. - период польского правления в Вильнюсе и Wileńszczyzna.

¹ Марчин Воджински *Żydzi w okresie rozbiorów*, [w:] Atlas Historii Żydów Polskich Warszawa 2010, с. 267. Количество этнических сообществ в Вильнюсе значительным образом повлияло на разнообразные формы политической, культурной и экономической деятельности внутри самих сообществ. Похожую тенденцию можно было наблюдать и у евреев, еще до 1918 г. Благодаря интенсивному развитию еврейской диаспоры в Вильнюсе в XIX в. появились различные политические партии и другие организации. После I-ой мировой войны, их структура была настолько развита, что они могли создавать полноценные программы касательно таких вопросов, как: видение будущей позиции и роли еврейской общины в Виленском крае; взаимоотношения еврейской общины в Вильнюсе и в будущих Польском и Литовском государствах. Существовали 3 основных направления: пролитовская группа под неофициальным управлением доктора Джейкоба Выгодски, пропольская группа, представленная еврейским высшим классом и некоторыми публицистами и, так называемая, группа «фолкистов», которая разделяла идею еврейской культурной и экономической автономии, в независимости от того, какое государство возьмет контроль над Вильнюсом и Виленским краем. Лидером этого направления был Симон Дубнов (*Żydowska Partia Ludowa*). Программы и деятельность этих движений будут рассмотрены в данной статье позже.

4. Июль 1920 г. - октябрь 1920 г. - период литовского правления в Вильнюсе и Wileńszczyzna.

5. С октября 1920 г. - период восстановления польской исполнительной власти.

Такие частые изменения и перемены, происходящие в данном регионе, способствовали активной деятельности представителей всех этнических сообществ, в качестве новых обстоятельств, сопровождающих 5 этапов, о которых было сказано ранее. Все это требовало точных, четко обозримых позиций относительно реальной ситуации на каждом этапе. Следовательно, в политической и экономической жизни (принимая во внимание 1918-1922 гг.) происходили интенсивные взаимодействия среди партий, представляющих определенные этнические группы, в виде публичных обсуждений, а также различная деятельность и инициативы.

Вследствие того, что период между весной 1919 г. и летом 1920 г. (т.е. период польского правительства) был продолжительным и повлиял на создание определенной модели международного и этнического состава Вильнюса, ситуация этнических групп, их деятельность и предпочтения будут проанализированы с учетом событий, которые происходили в течение этих 15 месяцев. Особое внимание будет уделяться процессам, которые происходили ранее (с ноября 1918 г. по апрель 1919 г.), которые, однако, оказали влияние на работу польских, еврейских и литовских общин на данном временном отрезке.

Четыре месяца до первой литовской кампании, которая ознаменовала начало 15-ти месячного периода польского правления, были отмечены сдерживанием контроля большевиков, пробными усилиями доминировать и подавлять любую альтернативную политическую деятельность и попытками разрушить все оппозиционные или вражеские организации. Лучшим примером этой деятельности было проникновение в главные еврейские политические партии: Bund and Poale Syjon, которые принимали участие в выборах в Городской совет, что вело к временной отмене и замене их на Еврейскую Коммунистическую организацию (Żydowski Związek Komunistyczny); и репрессии, направленные против Польской Военной организации (Polska Organizacja Wojskowa) в Вильнюсе, что вело к арестам и казням.

Во время первых поствоенных месяцев, существовала огромная разница во взглядах на реальную действительность среди различных этнических групп, что приводило к росту стереотипов, которые

впоследствии стали причиной агрессии, особенно по отношению к евреям¹.

Все упомянутые выше инициативы и курс действий, главным образом, проявили себя на арене Вильнюсского муниципального совета, который с 1919 г. продолжал свою работу, пытаясь выработать принципы, направленные на решение самых важных проблем, с точки зрения жителей Вильнюса. Значительной частью всех проблем и вопросов была повседневная жизнь поляков, евреев и литовцев (особенно, система образования, свобода религиозных праздников, свобода торговли и бизнеса и ряд гражданских прав). Во время заседаний Совета невозможно было избежать серьезных дискуссий и конфликтных ситуаций по этим вопросам.²

¹ Волконовски. *Stosunki polsko-żydowskie w Wilnie i na Wileńszczyźnie 1919-39*, op.cit. с. 46. Позитивное отношение некоторых представителей еврейской общины к идее коммунизма и их поддержка влияния большевиков, привело к стереотипу «еврейский большевизм». Этот стереотип был настолько популярен среди некоторых групп в обществе, что в апреле 1919 г. привело к агрессии в огромных масштабах и к жажде мщения. Злость, стереотипные помыслы, финансовая подоплека и идея ограблений, послужили движущей силой, направленной против невинных еврейских граждан, которых грабили, били и унижали. Все эти действия создавали впечатление, что Польша - это антисемитское государство. И этот стереотип еще долго держался в западных странах.

² Ж. Волконовски. *Model wileński współistnienia polsko-żydowskiego w latach międzywojennych*[w:] Świat NIE pożegnany- Żydzi na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej w XVIII-XX wieku, Praca Zbiorowa pod Redakcją Krzysztofa Jasiewicza Warszawa 2004, с. 392-393. Особенно напряженные дискуссии происходили между представителями польских и еврейских партий и организаций, представленных в Совете. Эти дебаты часто сопровождалось принятием определенных правил или положений (например, правила гигиенического толка: ритуальный забой животных, приготовление кошерной еды, проблемы, связанные со свободой торговли для еврейских купцов, размеры финансовой помощи еврейской школьной системе, больницам или культурным учреждениям), что формировало основные направления двусторонних отношений на протяжении всего межвоенного периода, вплоть до 1939 г. Напряженность этих отношений усиливалась за счет разногласий и требований с обеих сторон и была напрямую связана с политической, экономической и военной обстановкой в Виленском крае между 1919-1921 гг. Для евреев наиболее трудным и проблематичным был вопрос поведения некоторых членов

К такому выводу можно придти, проанализировав 48-е заседание Совета, когда 7-го сентября 1919 г. были проведены выборы. На тот момент, основную часть Совета составляли польские представители. Было также 14 представителей еврейской общины, в основном от: Союза Израильских купцов (*Grupa Izraelickich Kupców Hurtowych i Detalicznych*), Союза Израильской Демократической партии (*Grupa Izraelskich Partii Demokratycznych*). Им приходилось справляться как с различными трудностями конца 1918 г. - начала 1919 г., так и с появляющимися новыми проблемами, трудностями и ожиданиями. Эта вторая группа, в частности, занималась¹:

а) Проблемой автономии этнических групп в Вильнюсе (особенно в случае еврейской общины), которая понималась как автономия в сфере языка, религии, образования².

польской армии, которые представляли опасность для жизни членов еврейской общины, из-за устраиваемых погромов. Некоторые польские политики и активисты, со своей стороны, обвиняли евреев в отсутствии доверия Польскому государству, в про-коммунистических и про-литовских симпатиях.

¹ Ж. Волконовски *op.cit.* с. 393. Все вышеупомянутые проблемы были затронуты еврейским членом Совета 22 октября 1919 года в декларации, представленной на заседании Совета. В результате преобладания еврейских представителей и из-за своей структуры, Совет, как муниципальная единица, не может быть представителем всех демографических сообществ Вильнюса.

² Ж. Волконовски *Stosunki polsko-żydowskie w Wilnie i na Wileńszczyźnie 1919-1939 op .cit.* с.114-115. С 1919 г. по 1921 г. были предприняты некоторые шаги, позволившие так или иначе создать автономию Вильнюсе, например для евреев. Одним из конкретных действий, было решение выделить деньги на восстановление еврейской больницы в Антоколе. Другое решение было сократить стоимость электроэнергии, которую платили еврейские образовательные и благотворительные организации. В более поздний период, особенно в 1921 г., все еще были кое-какие проблемы, связанные с пожертвованиями для еврейских благотворительных учреждений и с предоставлением помощи людям, которые находились под опекой этих организаций и которые жили за пределами административной границы города Вильнюса. Некоторые действия, направленные на снижение уровня помощи еврейским организациям, были предприняты на заседании 13-го января 1921 года. Во время заседания 7-го июля 1921 г., Совет аннулировал резолюцию, подготовленную Джейкобом Выгодски, по этому вопросу. В конце концов, в отношении помощи евреям, живущим за пределами Вильнюса, было найдено общее решение и муниципальная исполнительная власть Вильнюса предложила начать

б) Проблемой полной свободы для представителей этнических групп (особенно евреев) в отношении постов и профессий.

в) Защитой купцов, представляющих другие этнические группы¹.

г) Защитой этнических групп от физических нападков².

На политику Вильнюсского Совета в промежутке между осенью 1919 г. и июлем 1920 г. повлияла официальная дипломатическая стратегия Польского государства по отношению к западным регионам исторического Великого Литовского герцогства, особенно концепция федерализации, приверженцем которой был Джозеф Пилсудски. Она основывалась как на идеях обширной автономии для национальных меньшинств в Вильнюсе, так и на сотрудничестве с этническими группами в восточных регионах (и даже независимых государств, таких как Украина) для получения гарантии стабилизации тех земель и для защиты их от большевистской власти и экспансии³.

переговоры с центральным правительством в Варшаве по изысканию необходимых средств.

¹ Ж. Волконовски. *op.cit.* с. 113. Одним из самых характерных конфликтов между польскими властями Вильнюса и еврейскими купцами, было так называемое дело «Вильнюс Хала» - место работы для более чем 100 еврейских купцов. Причиной разногласий стали действия Вильнюсского руководства, которые хотели запретить торговлю на этом месте по гигиеническим и санитарным соображениям. Для еврейских представителей такое развитие событий абсолютно точно шло вразрез с представлениями об экономической свободе.

² Бэлла Шварцман-Кжарнота. *Orzeł ze złamanym skrzydłem* [w:] *Midrasz nr 4 lipiec/sierpień 2011 г.*, с. 64-65. Кроме физических нападков на евреев, которые имели место быть в апреле и осенью 1919 г., был еще один инцидент 28-го мая 1920 г. Это событие привело к экстренному заседанию 29-го мая 1920 г. Что самое главное, сам инцидент не обсуждался, но остро стоял вопрос о том, нужно ли руководству принимать действия по защите евреев и арестовать виновных.

³ Дж. Гиеровска Каллаур. *Żydzi na Wileńszczyźnie i Grodzieńszczyźnie w latach 1919-1920 op.cit.*, с. 355. Наиболее значимые аспекты из концепции Пилсудски, раскрытые в заявлении от 22-го апреля 1919 г., имеют прямое отношение к идее самоавтономии всех наций и групп, которые были гражданами Виленского края согласно границам 1795 года. Доказательства того, что Пилсудски был приверженцем полной автономии еврейских, литовских и белорусских общин от Виленского края, а также поддерживал политику толерантности по отношению к этим нациям, были получены из его переписки

Во время «польского периода» среди представителей политической и публицистической сфер, возникали споры, которые можно сформулировать в вопросе: Как при таком отношении к национальным меньшинствам, удобным с точки зрения государственной безопасности, можно рассматривать прецедент присоединения Виленского края к Польше, и можно ли было найти эффективное тому решение?¹

Абсолютно ясно, что этими мнениями нельзя было пренебрегать на уровне Центральных учреждений и на пресс-конференциях, во время заседаний осенью 1919 г., особенно во время дебатов, посвя-

с премьер-министром на тот период - Игнасием Падеревским. В ней обращалось внимание не только на ситуацию в Виленском крае, но и на ситуацию национальных меньшинств в государстве в целом. Несомненно, очень важным шагом в политическом вопросе по отношению к меньшинствам, было соглашение, подписанное премьер-министром Падаревским и Романом Дмовски - лидером польской делегации на Вассальской конференции и лидером национального Польского комитета (Komitet Narodowy Polski), так называемый «небольшой Версальский договор», созданный на условиях меньшинств по равенству прав, гарантий гражданских прав, защиты фундаментальных прав: право на жизнь, право вероисповедания. В договоре был сформулировал скрытый запрет на дискриминацию меньшинств по любым причинам. Были разрешены любые административные легальные возможности использования меньшинствами их языка в торговле, публицистике или во время допустимых законом собраний. Договор был провозглашен Польским Национальным парламентом 31 июля 1919 г.

¹ Дж. Гиеровска Каллаур. *op.cit.*, s. *Żydzi na Wileńszczyźnie i Grodzieńszczyźnie w latach 1919-1920*, *op.cit* c. 354-355. Сильное несогласие с концепцией Пилсудского, основанной на идее автономии и внутренней неприкосновенности этнических групп внутри целого общества Вильнюса и Виленского края было представлено Национальной Демократической политической партией (Stronnictwo Narodowo-Demokratyczne) под руководством одного из важных политиков того времени Романа Дмовски. Партия провозглашала идею присоединения восточных земель к Польскому государству и идею преобладания польского языка, культуры и католической религии. Видение объединенного национального сообщества, связанного сильными историческими и религиозными связями, так или иначе, повлияло на открытые конфликты, как словесные (например, во время заседания Вильнюсского Совета), так и, в наиболее экстремальных ситуациях, физические нападки на представителей других групп, как в апреле 1919 г., когда погибли 65 еврейских граждан.

щенных национальным аспектам, когда рассматривались как социальные, так и экономические проблемы, и тем более во время заявлений, имеющих отношение к правовой и исторической легитимности Польского государства к Виленскому краю и Вильнюсу. Основные характерные отличительные моменты того, как должны выглядеть отношения между Виленским краем и Польским государством, были раскрыты 22-го октября 1919 г. во время инаугурации нового Совета.

Тогда как депутаты, представляющие фракцию Польской Христианско-национальной группы (Grupa Polska Chrześcijańsko-Narodowa) приняли открытую резолюцию, включающую идею постоянной неприкосновенности между Виленским краем и Польшей, и требования Польского национального парламента, правительства, Джозефа Пилсудски предпринять все возможные быстрые шаги для завершения процесса интеграции, фракция Израильтян (представленная главным спикером Джейкобом Выгодски) изложила позицию, которая показывала отстраненность от политических проблем. Эта позиция была недопустима ни при каких обстоятельствах на собраниях Комитета. На основании этого, можно сделать заключение, что еврейские представители, которые составляли около 36% всего Совета, не считали этот государственный институт законодательным органом, который действует от лица граждан Вильнюса.

Подобные обвинения в первый пост-военный период, вызвали огромное недоверие между двумя национальностями. Разногласия и недопонимания коснулись также сферы языка и свободы культуры. Хорошим примером может послужить протест Александра Звиержински против использования идиша на заседаниях Совета¹.

Еще одним предметом конфликта стало обвинение в нечестных правилах проведения муниципальных выборов в сентябре 1919 г. По словам еврейских представителей в Совете, результаты выборов (особенно тот факт, что большинство польских депутатов имели отношение к решительным мерам, предпринятым исполнительной властью) были направлены на то, чтобы не допустить участия в выборах

¹ Дж. Волконовски. *Stosunki polsko-żydowskie w Wilnie i na Wileńszczyźnie 1919-1939* op .cit. с.111. В своих доводах Звиержински делает акцент на том, что не было никаких предписаний, запрещающих использование «еврейской речи». Это заявление перекликалось с доводами Выгодского, который говорил: «Евреи будут и должны говорить на своем языке».

больших групп других национальностей. Еврейские депутаты выдвигали два основных аргумента:

а) Расширение административных границ Вильнюса более чем в 2 раза по политическим и национальным причинам.

б) Причины, по которым у многих еврейских граждан не было доступа к избирательным спискам.

Несмотря на то, что неизвестно происходило ли так на самом деле, предмет обсуждения в первые пост-военные годы показывает, что были необходимы серьезные усилия для снижения значительных источников напряжения и необходимо было создать объединенное сообщество Вильнюса и Виленского края, которое могло бы функционировать и развиваться независимо от различных точек зрения, целей и стремлений представителей всех этнических групп¹.

Однако имел место быть еще один предмет дебатов, который гласил: Польша или Литва предложат этническим группам в Вильнюсе и Виленском крае, лучшие гарантии и перспективы для внутреннего развития их общин, а в частности, создадут условия, необходимые для спокойного существования.

Эта проблема была особенно очевидна во время обсуждений в период 1920-1922 гг., когда политическая, экономическая и культурная сферы были под огромным влиянием различных событий, а именно: захват Вильнюса большевиками, литовское правление в Вильнюсе, военные операции генерала Зелиговски в октябре 1920 г. и выборы в Вильнюсский Автономный парламент в январе 1922 г. Все эти события и их динамичный курс развития привели к необходимости того, чтобы политические и интеллектуальные лидеры этнических сообществ четко сформулировали свои точки зрения и основные цели.

Сложный выбор по отношению к Польше и Литве был очень подробно описан самим Выгодски. Он объяснил некоторые изменения в заявлениях, представленных до июля 1920 г. (особенно по поводу философии политического нейтралитета) по сравнению с политикой еврейского общества по отношению к литовцам в августе и сентябре 1920 г. Он писал: «Мы, члены еврейского сообщества, в течение данного периода (июль 1920 г. – примечание автора), находились между «небом и землей», так как обе стороны (Польское и Литовское государства – примечание автора) хотели получить для себя выгоду. Ос-

¹ Ibidem. S. 113.

новной целью нашей политики было не склоняться ни на одну ни на другую сторону. Однако когда Вильнюс находился под контролем литовцев, нам пришлось изменить нашим идеям. Мы поменяли нейтральную политику на активную политику поддержки литовского руководства, так как литовцы, не только на бумаге, но и на деле признали Национальную Автономию евреев»¹.

Такое заявление (принимая во внимание сложную ситуацию) может рассматриваться как защита против обвинения, сформулированная польским обществом, создавая стереотип евреев, как предателей и скрытых большевиков². Сила и опасность таких стереотипов, которые легко могут найти признание среди большого количества населения, ведущие к негативной реакции по отношению к евреям и другим общинам, были хорошо поняты Джозефом Пилсудски, который во время первого пост-военного периода очень четко представил точку зрения относительно правового статуса и степени автономии этнических меньшинств в Виленском крае. Хотя Пилсудски был в какой-то мере критичным по отношению к недружелюбному отношению или даже безразличию к польской администрации, проявленным некоторыми группами, действующими во внутренних структурах этнических общин в Виленском крае (например, обращая внимание на про-русские тенденции³ среди некоторых членов еврейской общины в

¹ Ibidem. S. 75.

² Казус Салкаускис. *Żydowska narodowa autonomia na Litwie* [w]: *lietnyos TSR Centr. Biblioteka Moksų Akademija*, с. 38-39. Одной из главных причин сильной про-литовской позиции еврейского сообщества, были очень толерантные и многообещающие взгляды Литовского правительства на еврейскую культурную и политическую автономию. Наиболее значимые моменты литовской политики были представлены в августе 1919 г. на конференции Мира в Париже премьер-министром Августинасом Волдерамасом. Они включали предложение равенства еврейских граждан, как представителей правосудия и органов власти, так и членов различных организаций, в реализации политических, экономических и культурных целей. За этим последовали практические шаги в юридической сфере. В марте 1920 г. еврейским общинам были предоставлены широкие привилегии. Национальный Еврейский совет стал высшей организацией, представляющей идеи еврейской автономии.

³ Волконовски. *Stosunki polsko-żydowskie w Wilnie i na Wileńszczyźnie 1919-1939* op .cit. с.65. Эта проблема имеет серьезное историческое основание.

Виленском крае), в основном он пытался найти эффективные решения для искоренения религиозных и этнических конфликтов и создать огромный «запас прочности» гражданских свобод, одинаковых для все граждан Восточных земель. Одним из таких шагов, направленных на создание определенных моделей взаимодействия всех этнических групп, - было предложение и попытка создать такую структуру Муниципального управления в Вильнюсе, при которой этот орган будет представительным для всех: поляков, евреев и литовцев.

Эхо дебатов и сложных вопросов, изложенных ранее, вернулось с двойной силой во время наиболее значимого периода в истории Виленского края, что, несомненно, оказало важное влияние на последнюю стадию военных и дипломатических отношений между Польшей и Литвой, внося успешный вклад в процесс присоединения земли Виленского края к Польскому государству. Данный период начался в октябре 1920 г. с военных операций генерала Зелиговски по возвращению польского контроля над регионом и закончился в январе 1922 г. когда была принята резолюция о том, что Виленский край является частью Польского государства.

Эти два важных события послужили сильным толчком для представителей этнических групп, населяющих Виленский край и Вильнюс, сделать финальное заявление и придти к каким-то результатам. Особенно драматичный характер приобрели обсуждения в последующие месяцы после принятия резолюции. Очень неожиданная операция, под руководством генерала Л. Зелиговски стала причиной разного рода реакций и враждебности среди политиков, активистов и публицистов, представляющих основные точки зрения сообществ.

Несмотря на то, что одним из первых шагов, предпринятых генералом Зелиговски, после того, как польские войска успешно взяли

Пилсудски в своей статье «Еврейский вопрос в Литве» пытается понять основные причины, которые привели к русификации еврейского сообщества в восточных регионах. В особенности, он анализирует мировосприятие «литваков» (литовских евреев). В своей работе автор пытается также показать, что культурные и интеллектуальные отличия, которые существовали между поляками и евреями, были вызваны политикой царского режима, который рухнул после январского восстания 1863 г. и разрушил польскую культуру и систему образования, исключая очень важные инструменты, создавая единство между этими двумя национальностями.

под контроль Вильнюс, была декларация под названием: «Гражданам Средней Литвы» (Do ludności Litwy Środkowej), включающая следующее заявление: *Все граждане, несмотря на национальность и религию будут иметь основные гарантированные права.* Сразу после завершения операции незамедлительно возникла проблема (о которой говорилось ранее) – отношения польских солдат к другим общинам, а особенно к евреям.

Протесты, которые начались 11-го октября 1920 г. (через 3 дня после операции), происходили как в форме физических нападков на членов еврейской общины, также и в форме критики пассивной реакции польского руководства (согласно Выгодски) в случаях, когда нападавших необходимо было призвать к гражданской и криминальной ответственности. С еврейской стороны были подготовлены 133 протокола, раскрывающие наиболее выразительные случаи против евреев, показывающие, что самая большая ответственность за эти инциденты лежит на простых солдатах, которые действовали, используя атавистические методы и не получали приказы от официального руководства. В некоторых случаях были замечены антисемитские действия со стороны офицеров.

Даже сам Выгодски, будучи очень критичным по отношению к масштабам агрессивного поведения, направленного против граждан еврейской общины, отметил, что польское руководство обратило особое внимание на случаи бандитизма и этнической нетерпимости, пытаясь установить жесткие ограничения в случаях их повторного возникновения.

Успех операции по установлению контроля над Вильнюсом войсками Зелиговски и возвращение польского правления в Виленский край, привлекло особое внимание к проблемам относительно будущего этой земли, а именно:

- Будет ли Виленский край автономной частью Польского государства или будет полностью присоединена к нему и насколько автономной будет Виленский край?

- Как должно происходить сосуществование всех этнических групп в новой реальности, а особенно, насколько обширной должна быть внутренняя автономия и какие гражданские права должны быть установлены для представителей всех этнических групп?

Вопросы возникали и со стороны представителей других этнических сообществ: какую стратегию выбрать и на какие главные цели

должны обращать внимание лидеры этнических групп на стадии переговоров с польским руководством до принятия окончательного решения по вопросам будущего Вильнюса и Виленского края. Среди этнических групп в Виленском крае самая большая активность, после резолюции Вильнюсского парламента, наблюдалась со стороны евреев. Как было отмечено ранее, внутри еврейской общины стали заметны некоторые видимые различия, которые возникли из-за политического разделения в XX веке.

Активность еврейских общин можно рассмотреть в 2-х плоскостях:

а) дебаты на пресс-конференциях и на различных интеллектуальных собраниях;

б) дебаты, как прямой или косвенный способ действий, направленный на построение взаимоотношений и форм сотрудничества с Польским управлением государственными делами.

Модель еврейского функционирования в Виленском крае как административной единицы Польского государства, может быть прослежена в *Unser Zeit* (близко к Социалистической Еврейской партии Бунд)¹, *Unser Frajdn* (связано с движением Сионистов) и *Unser Tog* (представляет мнения, связанные с программой Еврейских Демократических партий).

Довольно часто взаимоотношения между представителями важных еврейских течений и Министерством иностранных дел Польши являлись следствиями прагматического подхода. Задачей польской центральной администрации, особенно во второй половине 1921 г., было установить гармоничные отношения с этническими меньшинствами в Вильнюсе. Они сознавали важность данной политики на последней стадии дипломатического и военного соглашения с Вильнюсом по вопросу Виленского края.

¹ А. Пуксжто. *Formuły patriotyzmu Litwinów Polaków i Żydów patriotyzmu Litwinów Polaków i Żydów na Litwie* оп. cit. с. 277-281. Бунд, основанный в Вильнюсе в 1897 г. объединял традиции сионистов и социалистическую программу, ссылаясь на международные левые движения. Партия играла важную роль во время всего периода между двумя мировыми войнами, несомненно, оказывая большое влияние на интеллектуальные и политические движения еврейского сообщества.

Основную идею этой политики точно изложил Александр Мейзжтович, председатель Правящей Комиссии Средней Литвы (*Komisja Rządząca Litwy Środkowej*), который заявил, что «Министерство иностранных дел Польши, чтобы оказать необходимое влияние на Европу, должно иметь евреев в составе Вильнюсского парламента (евреи - примечание автора) и должно призывать их принимать активное участие в работе парламента.»¹

Прагматизм, однако, не был основной причиной направления политики по отношению к национальным меньшинствам в Вильнюсе.

Был еще один момент, который последовал за резолюцией Вильнюсского парламента. Он был результатом беспокойства представителей польской администрации по поводу позиции и программы, представленной некоторыми еврейскими партиями в последние месяцы 1921 г. Выбранный «идеологический курс», который поддерживался Сионистической партией и Демократической партией *Seiri Cion* базировался на мнении, что в конце концов деятельность еврейской общины Виленского края (их деятельность в различных сферах, в особенности, присутствие на выборах в Вильнюсский парламент в январе 1922 г.) должна полностью зависеть от определенных гарантий автономии для еврейской общины и исключение из административного аппарата Вильнюса людей, представляющих неоднозначную позицию по отношению к национальным меньшинствам.

¹ Дж. Волконовски. *Stosunki polsko-żydowskie w Wilnie i na Wileńszczyźnie 1919-1939* op .cit. с. 76. Прагматичный характер Польского политического направления по отношению к этническим группам в западных регионах, также своего рода являлся результатом осознания сложных политических структур, которые выявились летом и ранней весной 1920 г. и получившие довольно заметную популярность среди членов этнических групп. Например, еврейская община начала очень плотно взаимодействовать с Литовским государством. Хотя в конечном итоге, действия, предпринятые во время Литовского периода в Вильнюсе по установлению нормальных взаимоотношений между Литовским руководством и еврейским сообществом (например, официальная встреча 6-го сентября 1920 года, на которой обсуждались некоторые проблемы, связанные с организацией функционирования религиозных общин. Они обсуждались с раввином Рубинштейном, назначенным временным представителем еврейской религиозной общины) не удалось завершить, были мнения, что Вильнюс и Виленский край, по историческим причинам, должны быть присоединены к Литве.

Дальнейший радикализм все же присутствовал на встрече двух делегаций: представителей Еврейских политических партий от Вильнюса и министром Иностранных дел Константином Скирмутом. Было сделано заявление о сильных исторических связях земли Виленского края с Литовским государством, обосновывая этим доступ к региону со стороны государства, в то же время сохраняя связи с Польским государством. Такая сложная ситуация повлияла (несмотря на усилия Польского руководства) на небольшое количество представителей еврейской общины, всего 15 %, на парламентских выборах 8 января 1922 г.¹ Именно бойкот выборов и вследствие этого нехватка еврейских представителей в парламенте Вильнюса были предтечей напряженной ситуации и непонимания в будущем, вплоть до 1939 г.

Однако, несмотря на то усиливающееся, то уменьшающееся напряжение в 1922 г., наблюдался некоторый процесс нормализации. Лучшим доказательством такого состояния, было отсутствие волнений и негативных эмоций по отношению к другим меньшинствам, представленным депутатами в парламенте. Конец этого исторического периода, затронутого в статье, также раскрывает заметные различия между евреями и поляками в сфере самосознания.

С одной стороны, из-за боязни независимости Польского государства, большая группа евреев представляла и поддерживала идею сильной и значительной позиции их сообщества, к чему должно с уважением относиться польское руководство. С другой стороны, огромное количество «правых» в обществе очень сильно противостояло идее равных гражданских прав и автономии для этнических и религиозных меньшинств. Радикальное мнение по этому вопросу было в га-

¹ Ibidem. с. 76. Несмотря на то, что количество еврейских участников, которым было разрешено голосовать на выборах в Вильнюсский парламент, было невелико, в некоторых частях Виленского края их количество достигало 40% от общего числа, например, в Василижках. По сравнению с общими выборами, евреи были на третьем месте после поляков с 80%, а белорусы с 24%. Несмотря на сильную пропаганду бойкотировать выборы, некоторые представители этнических групп решили голосовать. Этот факт показал, что даже в условиях непонимания, напряженности, сильных стереотипов, была возможность спокойного гармоничного сосуществования двух наций с богатыми традициями. (Rzeczpospolita Obojga Narodów).

зете «Виленский курьер», которая публиковала острые статьи, нападая на евреев и их деятельность в разных областях.

Таким образом, несмотря на то, что период 1918 г. - 1922 г. был лишь частью длинной и сложной истории Виленского края, он достоин глубокого анализа. События, которые происходили в этот период, оказали непосредственное влияние на будущее региона в течение последующих 20 лет, ставшие историей двух мировых войн. Описанный период был особенно важен для формирования модели сосуществования этнических групп, населявших обе административные единицы: город Вильнюс и Виленский край. Эти отношения нельзя рассматривать вскользь, не обращая внимания на содержание преобразований в политической и интеллектуальной сферах, развития этнических групп, особенно евреев. 4-х летний период после Первой Мировой войны был временем, когда предыдущие теоретические концепции лидеров этнических сообществ и включенные в политические программы, реализовывались на практике.

Стремительность развития событий, особенно, изменение вектора политического и административного управления Виленским краем, обусловили необходимость формулировки и обнародования позиций этнических групп как по отношению к Польше и Литве, так и по к саморазвитию. В статье были предприняты попытки показать основные политические проблемы и вопросы того времени. Главной задачей автора было представить основные взгляды на спектр отношений на примере взаимоотношений поляков и евреев, т.к. они имели драматичный и запутанный характер.

С учетом сложных процессов истории Вильнюса и Виленского края, автор уделит внимание прежде всего политическим основам взаимоотношений, т.к. они в значительной степени влияли на другие сферы, например, экономическую и культурную.

Е.Л. Яковлева

К ПРОБЛЕМЕ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОСРЕДСТВОМ МИФОТВОРЧЕСТВА

В современном, стремительно изменяющемся мире феномен памяти оказывается забытым и оттесненным на последний план. Современный человек относится к памяти как атавизму, считая совершенно изжившим приспособлением. Его размышления строятся сле-

дующим образом: «Память не нужна, потому что современные технологии и средства коммуникации имеют специальные функции, способные сообщить или напомнить о необходимой дате или событии: стоит только войти в Интернет и вся информтоке информации, человек не сортирует ее и не желает запоминать ничего». В результате мы наблюдаем ситуацию показывающую, что человек впал в беспамятство или у него произошли сбои в памяти, приведшие к амнезии. Таково положение дел с феноменом памяти в современности. Заметим, в глубокой древности к памяти относились иначе – с глубоким уважением и почтением. Согласно греческой мифологии, память была персонифицирована. Ее образ олицетворяла *Всеведущая* богиня Мнемозина. Как писал Гесиод в «Теогонии», она знала «всё, что было, всё, что есть, и всё, что будет». Именно Мнемозине принадлежала огромная роль в бытии и познании: она определила в мире порядок названий и раскрыла в человеке уникальную способность рассуждать. Будучи матерью всех муз, она стала источником вдохновения для ученых и людей искусства: считалось, что перед началом творения гений пьет из источника знания Мнемозины – это символизирует познавательное прикосновение к истокам и началам.

Современная ситуация потери памяти влечет за собой и проблему потери исторической памяти народа. Являясь разновидностью социальной памяти, историческая память заключает в себе огромный пласт фактов, сообщений о прошлом народа, которые, в свою очередь, индивидуально преломляются рефлексией и вплетаются в мировоззренческую панораму человека. Можно утверждать, что наличие исторической памяти связано, в том числе, с формированием у человека гражданской позиции, патриотизма, гордости за свое Отечество и самосознания. Знание истории своего народа позволяет размышлять над его позитивным или негативным опытом, ориентироваться в мире, прогнозировать будущее, а для властных структур – выбирать стратегии развития. Потеря исторической памяти приводит к нарушению диалога культур, искажению истории и фальсификации фактов, разрушению гражданско-патриотической позиции человека.

В современной России историческая память разрушена. Создается впечатление, что россияне нашли мифологическую реку Лету, искупавшись в которой они потеряли память и тем самым, приобщившись к царству мертвых и смерти, зашли в тупик. Русские потеряли свои корни, историю и национальное самосознание, веру в себя.

Объяснений феномену беспамятства может быть множество. Мы предлагаем одну из версий, связанных с мифотворчеством.

Сегодня события прошлого все чаще мифологизируются в выгодном для кого-то идеологическом, политическом, экономическом и других аспектах. Объясняется это тем фактом, что миф представляет собой удобную повествовательную конструкцию, способную вместить в себя любую информацию об эпохе, событии или личности. Поэтому мифотворчество становится выгодным элементом в сфере политики и идеологии. Заметим, уже на заре становления цивилизации возник миф о сакральной природе «машины власти». Впоследствии все легендарные герои, цари, правители имели божественное происхождение, более того считалось, что их претензии на власть были освящены небом. Этот политический мотив можно отнести к разряду вечных, архетипических тем. Возможно поэтому, современные люди верят подобным мифам, испытывая уважение к высшим органам власти. Политический миф обращен к конкретным сторонам общественной жизни: он освящает вечные вопросы власти и подчинения, зависимости и свободы, несправедливости и равенства. Искусно и искусственно созданные политические мифы скрывают истинное положение вещей, отвлекая людей от действительности и акцентируя выгодные их творцам общественно-политические смыслы. При этом мифы способны объединить огромное количество людей, воодушевить массу и намеренно «подтолкнуть» ее к определенным действиям. По мнению А. Цуладзе, политический миф используется для реализации политических целей (например, борьба за власть, легитимизация власти, осуществление политического господства)¹. Подобные мифы оказывают большое влияние на общество.

Не стоит забывать, что в мифе переплетается реальное и вымышленное. Заметим: последнее творится сегодня, в отличие от древности, не бессознательно, а целенаправленно и рационально. Не случайно в XX веке появились технологии мифотворчества, которые приобрели тотальный размах и не потеряли своей актуальности до сегодняшнего дня². Благодаря специальным технологиям, миф внедря-

¹ Цуладзе А. Политическая мифология. М., 2003.

² Яковлева Е. Технология политического мифотворчества // Вестник Поволжской Академии государственной службы. Саратов, 2011. № 4 (29). С. 38-42.

ется в массовое сознание людей, и впоследствии именно через его призму все начинает рассматриваться, интерпретироваться и анализироваться. Это приводит к тому, что человек, подвергаясь очарованию мифа, начинает смешивать реальное и воображаемое, верит больше фантазийному, что приводит к сбоям в памяти (в психологии и медицине это состояние называется парамнезией – разновидность амнезии). Более того, реальность оказывается периодически перечеркнутой (вспомним, сколько раз, начиная с 1917 года, переписывалась заново история России и сколько может еще это продолжаться?). При этом в зависимости от идеологических установок каждый раз создавался новый миф, нередко противоположный предыдущему. Это совершенно сбивало людей с толку, и они были вынуждены безоговорочно принимать очередной политический миф, в итоге живя с «широко закрытыми глазами» и уже не пытаясь разобраться, где же историческая истина и правда.

Рассмотрим некоторые параметры политического мифотворчества, приведшие к искажению исторической памяти.

Во-первых, в рамках политического мифотворчества создается образ *героя*, точнее супергероя, обладающего выдающимися и даже чудесными качествами. При этом возвышению и сакрализации личности правителя способствует его имидж, навязанный идеологическими, эмоционально-ассоциативными клише. Имидж всегда связан с игрой воображения, включая не столько естественные свойства личности, сколько специально наработанные, творчески созданные. В связи с этим, имидж наделяет личность дополнительными мифологическими характеристиками, стремясь выделить его из ряда других, похожих. Говоря словами А.Ф. Лосева, объект наделяется чудесностью. Необходимо заметить, что имидж создает определенную, заданную социально-психологическую установку, но люди не воспринимают объект как нечто, навязанное извне. Именно эти свойства имиджа дают возможность пропаганде и идеологии использовать его как инструмент манипулирования сознанием. Так, один из мощнейших мифологизированных образов Советского государства – И.В. Сталин, победивший в политической борьбе за «ленинское наследие», верный ученик, соратник и «продолжатель дела Ленина».

Само имя вождя имеет мифологизированное происхождение – это человек из стали, что подчеркивает его якобы божественные истоки и неуязвимость. При жизни его награждали божественными эпитетами: «Великий человек», «Наш Отец», «Зодчий социалистического общества», «Исполин-мудрец». Советская пропаганда, а вслед за ней и искусство сформировали определенный имидж этого небожителя, который был всеведущ и образован, обаятелен и грозен, прост и недоступен, человечен и справедлив, гениален и скромен. Заметим, что сам Сталин создавал мифы о себе, тем самым поддерживая собственный божественный имидж. Известный факт: при жизни о нем было снято множество фильмов, где в качестве соавтора выступал Сталин, собственноручно правивший тексты литературных произведений и киносценариев о себе. Сталин оставил после себя огромное литературное наследие (18 томов) по всем существующим отраслям знания, чем поддержал мифологическую идею о собственном всезнании. Любые слова Сталина наделялись божественно-магической силой, поэтому без его «пламенной речи» не начиналось ни одно мероприятие.

Во-вторых, любой герой требует себе внимания и поклонения. В связи с этим, в рамках политического мифотворчества создается *система определенных обрядов и ритуалов*, связанных с идолопоклонством. Политические лидеры выступают как идола, требующие поклонения. Вспомним, вся культура тоталитарного общества жестко программировалась: в ней по жесткому сценарию, включающему в себя систематические ритуалы, были четко расписаны мысли, слова, чувства и поступки людей. В рамках этих ритуалов происходило поклонение вождю, которое, в том числе, выражалось в проявлении экстатического, не знающего пределов, восторга при упоминании его имени и тем более появлении, впадении в массовый транс при похоронах. Переживания людей в данных ритуалах можно назвать культовыми.

Так, в советском государстве сразу после смерти В.И. Ленина был создан его культ, связанный с массовым поклонением «великому вождю пролетариата», Пророку и Учителю. Среди культовых мероприятий можно назвать следующие: выделение и празднование памятных дат личности, переименование Петрограда в Ленинград, присвоение имени Ленина множеству населенных пунктов, улиц, площадей и учреждений, написание портретов и возвеличивание в литературных произведениях, построение на Красной площади Мавзолея,

где до сих пор хранится его забальзамированное тело, возведение памятников.

Подобное идолопоклонство обнаруживает себя и в последующие эпохи. Например, уже при жизни И.В. Сталина начался процесс, связанный с поклонением ему: портреты, бюсты и статуи вождя устанавливались не только в знаковых местах (площадах, улицах, учреждениях), но и присутствовали в повседневной обстановке в виде фотографий. Это олицетворяло тот факт, что каждый шаг советского человека был под контролем недремлющего ока вождя. Заметим, в самом Кремле свет горел ночи напролет, символизируя бодрствование и бдительность всевидящего и всезнающего правителя. Эта ситуация, усугубленная бесконечными акциями поиска «врагов народа», приводила к страху и трепету перед богоподобным вождем.

В-третьих, для поддержания имиджа супергероя в рамках политического мифотворчества возникает *идея борьбы и образ врага*. Это порождает в политике и идеологии проявления, заимствованные из мифологического мышления, пары «святого» и «злодея», взаимодействующие между собой. Их борьба в качестве двух политических оппонентов (будь то личности или государства), игра в героя и злодея гипнотизирует массовое сознание, дезориентируя его в реальных жизненных проблемах. Эту мифологическую игру, составлявшую основу идеологии, в советском государстве поддерживали всегда и ее можно обнаружить в речах и деятельности государственных лидеров-коммунистов, постоянно боровшихся с «гидрами капитализма». Если вспомнить историю, то начало этой борьбе было положено в первой строчке «Манифеста Коммунистической Партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, согласно которой «призрак бродит по Европе». Вспомним, И.В. Сталин создал концепцию и редактировал «Краткий курс истории ВКПб» (1938), согласно которым вся революционная история – это история партии Ленина-Сталина и их борьбы с «предателями». Внутри советского государства, особенно в сталинскую эпоху, можно было наблюдать бесконечные поиски «врагов народа».

Все перечисленные параметры политического мифотворчества создают идеологически выгодную конструкцию, которая «наводит туман» на историю и реальное положение дел. Еще более запутывает и разрушает историческую память возникающий после очередной эпохи правления – *антимиф*, частично связанный с процессом демифологизации. Он корректирует, а нередко и полностью разрушает,

стереотипы предыдущей эпохи, но при этом создает очередное вымышленное повествование, идеологически поддерживающее новое правительство и оправдывающее его деяния. Так, в сталинское время образ В.И. Ленина был грозным и величественным (возможно, чтобы оправдать поступки самого И.В. Сталина как «продолжателя ленинского завета»), а в хрущевскую эпоху акцент был сделан на человечности и доступности (появляется добродушное его именование – «дедушка Ленин»). Но в целом созданный богоподобный образ вождя революции сопровождал советского человека с детского сада до смерти, и отношение к нему было почтительно-уважительным, благоговейным. В 90-е гг. XX века миф о В.И. Ленине как богоподобном вожде подвергся критике. Сегодня мы наблюдаем частичную реабилитацию мифа об отце-основателе Советского государства, что во многом объясняется своеобразной ностальгической модой на советский образ жизни.

По поводу образа И. Сталина дела обстоят следующим образом. Только после его смерти и разоблачения «культа личности» появятся воспоминания, где будут фигурировать иные черты вождя: тяжелый и вселяющий ужас взгляд, патологическая подозрительность, мстительность и любовь к грубым шуткам. В период перестройки в связи с открытием архивов КГБ и их «секретных материалов» образ божественного Сталина вообще превратился в чудовище, то есть из «святого» в «злодея». В результате этого сегодня нет однозначного отношения к его личности, как и нет устойчивого исторического знания о нем. Среди огромного количества людей превалирует ассоциация, связанная с его личностью как правителя-тирана. Тем не менее, среди людей старшего поколения встречаются и те, у кого имя и образ Сталина по-прежнему вызывает мифологический трепет, уважение и даже поклонение.

Не раскрывают правды и истинного положения дел советской эпохи, созданные сегодня *мифы о гламуре*, дающие представления о шикарном образе жизни. В принципе, гламур существовал всегда. Другое дело, что подобный образ жизни присущ только небольшому количеству людей. Но сегодня на основе этого мифа начинают активно паразитировать многие деятели искусства и представители СМИ, что приводит к искажению прошлых эпох, особенно жизни в СССР. Сегодня флеру романтизма и гламуризации жизни в СССР подвергают все: даже новомодные сериалы про Великую Отечественную войну и

сталинскую эпоху становятся не столько историческими, сколько гламурными, полированными и эстетически привлекательными, что опять-таки деформирует историческую память.

Еще одно искажение исторической памяти связано с мифами, рождающимися в процессе *интерпретации*. Чаще всего эти мифы связаны с подтасовкой исторических данных под определенную, преследуемую интерпретатором идею. Об этом предупреждает людей современной эпохи итальянский философ и писатель Умберто Эко. В романе «Маятник Фуко» он пишет об опасности намеренной интеллектуальной неаккуратности, допущенной в процессе интерпретации исторических документов главными героями – Бельбо, Диотавелли и Казобоном. Заметим: первоначально, вступая в игру, эти персонажи отдавали себе отчет, что ее цель – это «открывать и исследовать как можно большее количество Новых Ненужных Научных Проблем»¹. Это было невинное интеллектуальное развлечение... Но в своей интеллектуальной игре, изобретая сумасшедшие идеи и не подвергая их логическим «вскрытиям», они руководствовались принципом «делаю, что хочу с Историей». В итоге они превратили историю в искусство обмана, потеряв связь с действительным положением дел. Более того, в заключении герои романа поверили сами в Несуществующее потому, что, выдумывая, они сотворили себе фундамент реальности. В связи с этим У. Эко подводит людей к выводу о необходимости ограничивать интеллект и умственную свободу здравым смыслом.

Итак, мифотворчество и мифы внедряются в различные культурные области, включая политику. Политический миф представляет собой специально созданную, рациональную, хорошо продуманную конструкцию, призванную объединять людей, воодушевлять, стимулировать и направлять их действия. Это способствует тому, что политическое мифотворчество является выгодным и актуальным для власти конструктом, имеющим мощное воздействие на умы и души современности. Но, с другой стороны, подобное мифотворчество укрывает истинное положение дел, фальсифицирует исторические события / факты / личности, что не способствует диалогу культур и искажает историческую память, тем самым перечеркивая подлинную историю. Более того, в современном культурном пространстве, благодаря либерализации, допускается одновременное существование множества

¹ Эко У. Маятник Фуко. СПб., 2009. С.90.

противоположных мифов об одной эпохе / событии / личности. Это не способствует адекватному рефлексивному отношению к истории огромного количества людей. Подобная ситуация разрушает историческую память, создавая негативное впечатление об истории и историческом видении.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Авдонина
Наталья
Сергеевна**

аспирант, факультет журналистики
Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ

E-mail: natochka1987@mail.ru

**Абилова Рамина
Олеговна
Авшалумова
Л. Х.**

студент Института истории К(П)ФУ

E-mail: ramina.abilova@gmail.com

**Адамов Михаил
Алексеевич**

ФГБОУ ВПО Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

К.и.н, преподаватель церковно-исторических дисциплин, Курская православная духовная семинария

АдениныА

Студент КНИТУ

E-mail: neyuadebayo@gmail.com

**Алексеев Виктор
Владимирович**

Доцент, кандидат ист. наук, кафедра истории института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: morehod800@rambler.ru

**Андреев Андрей
Аникин Д.А.**

Студент КНИТУ

Саратовский Государственный Университет им. Н.Г. Чернышевского

E-mail: dandee@list.ru

**Ануфриева
Анастасия
Владимировна**

Аспирант кафедры искусствоведения, Национальный Исследовательский Иркутский государственный технический университет.

E-mail: anastasia2503@rambler.ru

**Байкин
Станислав
Анатольевич**

Аспирант кафедры социологии, Саратовский государственный университет им.Н.Г.Чернышевского

Баканов Павел Павлович	E-mail: fama@nm.ru Студент, Государственное бюджетное образовательное учреждение среднего профессионального образования города Москвы Колледж архитектуры и строительства №7
Беглиев Энвер Беляева Мария Алексеевна	Студент КНИТУ, Туркмения к. пед. н., доцент, кафедры истории и социальной работы, Уральский государственный педагогический университет, Институт социального образования, г. Екатеринбург E-mail: marysia@mail.ru
Блохин Виктор Николаевич	аспирант, магистр исторических наук, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, кафедра педагогики, психологии и социологии E-mail: vik-1987@bk.ru
Болдырев Роман Владимирович	Студент, исторический факультет, кафедра истории и юриспруденции, Липецкий Государственный педагогический университет, г. Липецк E-mail: skull-ucoz@yandex.ru
Бочарова И. А. Буреева Елена Викторовна	ФГБОУ ВПО Дагестанский государственный университет, г. Махачкала кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории и культурологии, Казанский государственный архитектурно-строительный университет. E-mail: bureeva79@mail.ru
Виленский Антон Габдрахманова Елена Владимировна	Студент КНИТУ Старший преподаватель, кафедра изобразительного искусства и дизайна, КФУ Институт филологии и искусств E-mail: akyla66@inbox.ru
Гайденко Павел Иванович Галедек Михал Галимов Тэймур Рустэмович	Д.и.н., доцент КГАСУ E-mail: <u>paul03kaz@rambler.ru</u> Гданьский университет, Польша Аспирант, Казанский государственный архитектурно-строительный университет. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Гарцев
Андрей
Сергеевич
Гатаулина
Гузель
Шариповна
Гедзь
Кирилл
Николаевич

Студент Нижегородского государственного педагогического университета им. Кузьмы Минина
студент кафедры истории и архивного дела, Казанский государственный энергетический университет
Аспирант, кафедра социальной философии, философский факультет, Казанский (Приволжский) Федеральный Университет

E-mail: gedz_kirill@mail.ru

Гезалова
Егяна
Хафизовна
Гибадуллина
Резеда
Наилевна
Голдобина
Лидия
Анатольевна

К.и.н., с.н.с., Института Истории Национальной Академии Наук Азербайджана. **E-mail:** ygezalova@gmail.ru
профессор, к.и.н., Казанский государственный энергетический университет. **E-mail:** rezedagibadulina@mail.ru

к. филос. н., доцент кафедры «Философия», Ульяновский государственный технический университет

E-mail: savvo4@rambler.ru

Голотин
Александр
Валерьевич
Горелова
Ирина
Анатольевна
Гринченко
Яна Сергеевна

Аспирант кафедры Истории Отечества (Ульяновский ГУ)

Соискатель кафедры философии Курского государственного медицинского университета. **E-mail: igor@r46.ru**

К.и.н, ст. препод. каф. Истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета

Ст. хранитель фондов Этнографического музея Казанский (Приволжский) Федеральный Университет

главный ассистент и д-р филологии Исторического факультета Софийского университета "Св. Климент Охридски", Болгария. **E-mail:zzaf@abv.bg**

Гущина
Елена
Геннадьевна
Гъркова
Веселка
Василева

Студент, КФУ Институт филологии и искусств, кафедра изобразительного искусства и дизайна

Даутова
Динара
Фирдинантовна
Десяткова Ольга

Кандидат культурологии, доцент, Вят-

Владимировна	ский Государственный Университет, г. Киров E-mail: olgadesatkova@yandex.ru
Дианова Елена Васильевна	К.и.н., доцент, Петрозаводский государственный университет E-mail: Elena-dianova@yandex.ru
Дурновцев Валерий Иванович	Д.и.н., профессор Высшей школы источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин РГГУ, Москва
Ершова Гузель Николаевна	Аспирант кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: ershova104@mail.ru
Ершова Юлия Николаевна	Асп., ст. препод. ЗИМИТ, КНИТУ им. Туполева E-mail: ershova1985@mail.ru
Закиев Мирфатых Закиевич	д. филолог. Наук., Академик Академии Наук Республики Татарстан
Захарченко Ольга Николаевна	Магистрант, Северо - Кавказский федеральный университет E-mail: okabyaka@mail.ru
Иванов Антон Юрьевич	К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин. E-mail: kgd2006@list.ru
Иванов Андрей Валерьевич	К.и.н., доцент, Казанский юридический институт МВД РФ
Ильязова Рената Витальевна	Студент, Ульяновский государственный педагогический университет E-mail: rena.ilyazova@mail.ru
Исаева Камила Махмуджоновна	Студент, Философский факультет, отделение психологии, Национальный Университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Республика Узбекистан. E-mail: ftetalika@mail.ru
Калинин Владимир Сергеевич	Курсант, кафедра гуманитарных дисциплин, Владимирский институт Федеральной службы исполнения наказаний. E-mail: nauka@vui.vladinfo.ru
Каркина Светлана Владимировна	Ст. препод. Кафедры музыкального искусства, институт филологии и искусств E-mail: s.karkina@mail.ru
Карпов	к. и.н., доцент кафедры архивоведения

Алексей Валентинович	и документоведения, историко-географический факультет, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
Квасны Михаил (Kwaśny Michał)	Гданьский университет, Польша
Козлов Вадим Евгеньевич	к.и.н., доцент, кафедры археологии и этнологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет E-mail: vadim.kozlov@list.ru
Кончакова Елизавета Михайловна	Студент, исторический факультет, кафедра истории и теории культуры, Липецкий Государственный педагогический университет, г. Липецк E-mail: kowkaforever@yandex.ru
Коршунова Ольга Николаевна	Зав. Кафедрой, д.и.н., профессор, КНИТУ, кафедра гуманитарных дисциплин E-mail: kgd2006@list.ru
Кравцова Елена Сергеевна	Д.и.н., доцент кафедры философии Курского государственного медицинского университета E-mail: elenakravcova@yandex.ru
Крайсман Наталья Владимировна	К.и.н., доцент ИЯПК КНИТУ E-mail: n_kraysman@mail.ru
Красильникова Екатерина Ивановна	К.и.н., доцент кафедры Истории и политологии, Новосибирский государственный университет E-mail: katrina97@yandex.ru
Кузьмина Виолетта Михайловна	Доцент кафедры психологии и педагогики, канд. ист. наук, Курский институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета E-mail- Kuzmina-violetta@yandex.ru
Кукарцева Марина Алексеевна	Д. филос. н., проф. кафедры Политологии и политической философии, Дипломатическая Академия МИД РФ
Кураков Дмитрий Владимирович	студент, Исторический факультет, Нижегородский государственный педагогический университет

**Лазновская
Галина Юрьевна**

К.и.н., преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, НОУ ВПО филиал Института профессиональных инноваций, г. Волгоград

E-mail: blonka@yandex.ru

Д.и.н., профессор, РГГУ, Москва

**Ланской
Григорий
Николаевич
Лашевская
Анжелика
Дмитриевна**

аспирант кафедры Теоретической и прикладной социологии, Уральский Государственный Педагогический Университет

E-mail: a.lashevskaya@gmail.com

**Лейбова
Екатерина
Константиновна**

Доцент, кандидат педагогических наук, кафедра отечественной истории, Новосибирский государственный педагогический университет

E-mail: memorika@rambler.ru

**Леонов Михаил
Иванович
Люсый Александр
Павлович**

д.и.н., проф. Самарского государственного университета

Старший научный сотрудник, Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева и Российский институт культурологии

E-mail: allyus1@gmail.ru

**Макаров Виктор
Александрович**

К.и.н., с.н.с. Российской Национальной библиотеки, г. Санкт-Петербург

E-mail: vickt.mackarov2014@yandex.ru

**Мамедова Назиля
Беюк-Агаевна**

научный сотрудник Института Истории Национальной Академии Наук Азербайджана

E-mail: ygezalova@gmail.ru

Масалимов Рияз

К.и.н., доцент Социально-гуманитарный институт Бирской академии БашГУ

E-mail: riazmass@yahoo.com

**Масалова Ольга
Алексеевна**

Директор Этнографического музея Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Казань

**Матюшин Петр
Николаевич**

К.и.н., доцент кафедры архивоведения и документоведения, историко-географический факультет, Чувашский

- государственный университет им. И.Н. Ульянова
E-mail: pet316@yandex.ru
- Махмутова М. М.** Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: madinakazan@mail.ru
- Мегилл Аллан** Профессор университета штата Вирджиния, США
- Михалак Марцин** Гданьский университет, Польша
- Мингазов Ильдар Эльбрусович** Студент, КФУ Институт филологии и искусств, кафедра изобразительного искусства и дизайна
- Мир-Багаридзе Фарида Алтай кызы** С. н. с. отдела «Теоретические и прикладные проблемы эстетики», доцент, Институт Философии, Социологии и Права Национальной Академии наук Азербайджана
E-mail: samiramb777@mail.ru
- Мир-Багирзаде Самира Алтай кызы** кандидат филологических наук, доцент, с.н.с. отдела «Проблемы религиоведения и философии культуры, Институт Философии, Социологии и Права Национальной Академии наук Азербайджана.
E-mail: samiramb777@mail.ru
- Миронов Григорий Юрьевич** Аспирант, Южный Федеральный Университет (Ростов-на-Дону), кафедра исторической политологии,
E-mail: grigimironov@yandex.ru
- Москвитин И.** Студент КНИТУ
- Музафаров Ильдар Ильфикович** Студент, Казанский юридический институт МВД РФ.
- Мусина Карина Ирековна** Доцент кафедры изобразительного искусства и дизайна; заслуженный архитектор РТ, Институт филологии и искусств, Казанский (Приволжский) федеральный университет
- Мусина Лиана Александровна** Студент, Институт Истории, ФГАОУВ-ПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
E-mail: pusechka1993@mail.ru

Мустафаева Лейлихан Бабаевна	Студентка, ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», филиал в г. Дербент E-mail: GSEIDOVA@RAMBLER.RU
Мухамадеева Айгуль Альбертовна	Соискатель кафедры Отечественной и зарубежной истории, Казанский государственный университет культуры и искусств
Набиев Ринат Ахметгалиевич	Д.и.н., проф. Зав. каф. политической истории Казанский (Приволжский) федеральный университет
Нагодкина Светлана Андреевна	аспирант кафедры истории нового и новейшего времени, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского E-mail: nagodkinasvetlana@yandex.ru
Надеева Диана Борисовна Надеева Марина Иосифовна Назарова Марина Григорьевна	Студент КНИТУ Д. пед. н., проф. КНИТУ E-mail: marina_nadeeva@bk.ru К. филос. н., кафедра гуманитарных дисциплин, Владимирский институт Федеральной службы исполнения наказаний E-mail: nauka@vui.vladinfo.ru
Насибуллина Эльвира Маратовна Несмелов Олег Владимирович	студент, Социально-гуманитарный институт Бирской академии БашГУ E-mail: istfak10@mail.ru Д. и. н., Казанский (Приволжский) федеральный университет E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru
Никифоров Александр Леонидович Нцуму Рют Шельтон Овчинников Александр Викторорвич	Д. филос. н., проф., Институт философии РАН Студент КНИТУ, Конго-Браззавиль к.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: kgd2006@list.ru

- Орлов Андрей Сергеевич** соискатель кафедры религиоведения и теологии, Философский факультет, Орловский Государственный Университет.
E-mail: orlov-orl@mail.ru
- Пазин Роман Викторович** Аспирант кафедры Российской истории, Самарский Государственный Университет
E-mail: PazinRV@gmail.com
- Пичугин Андрей Борисович** Соискатель кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ.
E-mail: kgd2006@list.ru
- Погосян Арсен Арменович** Студент кафедры Теории и истории культуры (Хабаровский государственный институт искусств и культуры)
- Поддубная Александра Антоновна Поливанов Ярослав Мстиславич** Магистрант кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет, Екатеринбург
К.и.н., доцент гуманитарных дисциплин КНИТУ. **E-mail:** kgd2006@list.ru
- Полунин Е.С.** аспирант Воронежского государственного университета
- Постников Сергей Васильевич** К. п. н., доцент, ВА материально-технического обеспечения Минобороны России, г. Вольск
- Проценко Юлия Александровна** Студент кафедры Теории и истории искусств (Белгородский государственный институт искусств и культуры), г. Белгород
- Разуваева Юлия Сергеевна** Студент КНИТУ
E-mail: julianner@mail.ru
- Рева Екатерина Константиновна** К. филол. н., доцент кафедры журналистики, Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г. Белинского
E-mail: ekaterina.re@rambler.ru
- Руденко Кристина Петровна** Студент, Государственное бюджетное образовательное учреждение среднего профессионального образования города Москвы Колледж архитектуры и строительства №7

Сайфутдинова Гузель Борисовна	К. и. н., кафедра истории и архивного дела, Казанский государственный энергетический университет
Салимгареев Максим Владимирович	К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: kgd2006@list.ru
Салмина Дарья Сергеевна	студент кафедры истории и архивного дела, Казанский государственный энергетический университет
Сергеева Зульфия Харисовна	к. социол. н., доцент, кафедра ГМУС КНИТУ E-mail: sasergeev1@rambler.ru
Сергеев Сергей Алексеевич	д. полит. н., проф., кафедра СПК, КНИТУ E-mail: sasergeev1@rambler.ru
Страхов Леонид Витальевич	Студент, Воронежский государственный университет, исторический факультет, кафедра истории России
Стрекалов Илья Николаевич	Студент, МГУ им. М.В. Ломоносова E-mail: strek93@mail.ru
Синицина Наталья Алексеевна	Кандидат социологических наук, доцент, НОУ ВПО «Северо-Кавказский социальный институт», юридический факультет, кафедра истории и государственного права E-mail: sinicina3112@mail.ru
Сеидова Гюльчохра Надировна	Доцент, кандидат философских наук, Заслуженный учитель РД, ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», филиал в г. Дербент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин E-mail: GSEIDOVA@RAMBLER.RU
Суслов Алексей Юрьевич	К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: kgd2006@list.ru
Суслова Раиса Анваровна	К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: kgd2006@list.ru
Тарабрина Ольга Александровна	К.и.н., профессор Академии военных наук
Титова Татьяна	д.и.н., проф., кафедра археологии и эт-

- Алексеевна** нологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: tatiana.titova@rambler.ru
- Трегубенко Илья Александрович** Аспирант, РГПУ им. А. И. Герцена
E-mail: ia1223@yandex.ru
- Freeman Harold S.** Проф. университета штата Северная Каролина, США
- Фриман Гарольд .** К.и.н., доцент кафедры социально-политических дисциплин, Институт экономики, управления и права, г. Казань. **E-mail:**frolova@ieml.ru
- Фролова Елена Валерьевна**
- Фролова Анна Николаевна** Старший лаборант, Государственное бюджетное образовательное учреждение среднего профессионального образования города Москвы Колледж архитектуры и строительства №7
E-mail: fagot_stuff@mail.ru
- Хамидуллина Аделя Ильмировна** К.и.н., Казанский (Приволжский) федеральный университет, институт истории, кафедра археологии и этнологии
- Хамматов Шамиль** К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ
E-mail: kgd2006@list.ru
- Сабитуллаевич** к. и. н., Институт педагогики и психологии РАО
E-mail: krpj07@mail.ru
- Хаплекхамитов Рафаил** К. и. н., доцент кафедры истории и архивного дела, Казанский государственный энергетический университет
E-mail: hutorovalyd@mail.ru
- Бикбулатович** аспирант, ФГОУ ВПО Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Институт Конфуция
E-mail: calipso.89@mail.ru
- Хуторова Людмила Михайловна** Д.филос. н., доцент кафедры истории и культурологии, ГБОУ ВПО Волгоградский Государственный медицинский университет,
E-mail: inhaabitus@mail.ru
- Черёмушников** Заведующий Музеем-мемориалом Вели-

**Михаил
Валерьевич**

кой Отечественной войны 1941-1945гг. в Казанском Кремле, член-корреспондент Академии Военно-исторических наук, лауреат Государственной премии РТ

E-mail: echovoyni@ya.ru

**Чернов
Олег
Александрович
Чикишева
Анна
Сергеевна**

К.и.н., доцент кафедры Отечественной истории, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия аспирант, научный сотрудник, Российский институт культурологии, сектор исследований медиакультуры

E-mail-anna.chikisheva@gmail.com

**Швайко
Наталья
Алексеевна
Ширханян
Саргис Сербович**

Аспирант кафедры Теории и истории культуры, Хабаровский государственный институт искусств и культуры
Магистрант, бакалавр политических наук, Российско-Армянский (Славянский) Университет, г. Ереван. Институт политики и права.

E-mail: saqshir@gmail.com

Шпайер М.

Гданьский университет, Польша

E-mail: maikszpajer@wp.pl

**Шульмин
Алексей
Александрович
Яковлева
Елена
Людвиговна**

Аспирант кафедры гуманитарных дисциплин, КНИТУ

E-mail: kgd2006@list.ru

кандидат культурологии, доцент кафедры философии, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

E-mail: mifoigra@mail.ru

**Яковлев
Константин
Алексеевич**

Студент КНИТУ

SUMMARY

Collected articles contains the articles of International Youth Scientific School «Historical Memory and Dialogue of Cultures» which took place at Kazan National Research Technological University (Russia) 22 May 2012 – 19 September 2012. Texts of reports and articles were received from the representatives of 12 states. Complex problems of the formation and the content of historical memory, the correlation of historical myths and reality, dialogue of cultures at the time of globalization are in the focus of author's attention. Majority of participants of Scientific School are the young people up to 35 years old.

Plenary report and article of professor V.I. Durnovtsev (Moscow) are focusing on representation of historical memory and historical consciousness in the theoretical, methodological and historiographical practices. Polish scientists M. Michalak and M. Galedek have devoted their researches to the interaction of cultures on materials of Danzig. Allan Megill, professor at University of Virginia, USA has given the fundamental analysis of history, memory and identity correlations in his article.

The memory about the Great Patriotic War stands as an independent subject of collected articles materials and reports on the Conference. It is the problem of mythologize and adulteration of the war image, formation of historical memory about it in Germany and Russia.

In the section “*Content of historical memory*”, the report about electoral statistics as the source of historical memory reflection of modern Russian elector, about the fortune of historical sites and forms of historical memory preservation in the country was presented alongside with the reports on the problems about cultural and historical preservation heritage and historical sites. These topics are combined with genealogical respective of study and preservation of historical memory, with reports about the role of museums in the images of the past translation, about the family photograph as the source of historical memory.

In the section “*Ethnic memory and dialogue of cultures at the era of globalization*” not only the theoretical component of dialogue of cultures and historical memory in modern age has received a very detailed reflection, but also the collision of cultures' interaction in the conditions of intensive migration, problems of ethnic minorities in the polyethnic city, national and cultural self-definition in modern Russia etc. Discourse of constructivism and primordialism was presented in the debate on the topic of ethnic memory.

As the great Russian historian V.O. Klyutchevskiy wrote: «if the history is capable to teach something, first of all, it is our consciousness, clear look at the present». We hope that the proposed collected articles will be the step forward in this direction.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.....	5
Дурновцев В.И. Историческая память и историческое сознание в теоретико-методологических и историографических практиках.....	5
Михалак М. Вольный город Гданьск – перекресток культур и национальностей.....	23
Коршунова О.Н., Набиев Р.А. Традиции этноконфессионального диалога в Поволжье в контексте исторической памяти.....	36
Сергеев С.А., Сергеева З.Х. Казань: диалог культур в поисках гения места.....	44
Секция 1 ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.....	55
Мегилл А. История, память, подлинность.....	55
Аденины А. Воздействие колониализма на нигерийское общество: историческая память.....	61
Алексеев В.В. Социокультурные механизмы воспроизводства историографических мифов.....	64
Аникин Д.А. Историческая память в глобальном обществе: между диалогом и конфликтом.....	72
Байкин С.А. Уроки забвения истории и развитие общества.....	81
Галедек М. Взаимоотношения администрации местного самоуправления Вильнюса и русского меньшинства в межвоенный период - влияние исторической памяти.....	83
Галимов Т.Р. Митрополит Киевский и всея Руси Кирилл II(III): штрихи к историческому образу.....	93
Гарцев А.С. Историческая память как основа укрепления демократической традиции в России.....	103
Гедзь К.Н. Практическое бессознательное как живая история: заметки к текстуальному подходу.....	109
Гибадуллина Р.Н. Архивный аутсорсинг – как один из способов сохранения исторических источников.....	114
Горелова И.А. Формирование исторической памяти в 20-30-е гг. XX в. (на примере функционирования Курского истпарта).....	119
Десяткова О.В. Культ погибших воинов в сакральной географии Вятки.....	125
Захарченко О.Н. Богема: миф или реальность?.....	133

Иванов А.В. Встреча «эллина» и «иудея»: дискуссия о русской культуре 1920-х годов.....	137
Иванов А.Ю. «Образ великих предков» как элемент исторической памяти на страницах фронтовых писем и почтовых карточек.....	144
Квасны М. National identity and the social contract in the age of transnational integration in the XXI century.....	149
Крайсман Н.В., Фриман Г. Interconfessional and cross-cultural interaction of students in the USA: history and modernity.....	156
Кукарцева М.А. Время: хронополитика, нарратив и историческая память.....	164
Кураков Д.В. Парламентаризм в России миф или реальность?.....	173
Лашевская А.Д. Миф и фальшструкт как категории анализа исторической памяти.....	181
Леонов М.И. Е.Ф. Азеф в исторической памяти.....	191
Люсый А.П. Понять интригу: <i>Эйкономика</i> истории в контексте мнемотехнического поворота.....	200
Макаров В.А. Историческая память о «вражде» и конструирование «образа соперника». Восприятие в российской печати британской политики на Дальнем Востоке. (1898-1900).....	210
Мир-Багирзаде Ф.А. Исторические мифы и их символы.....	220
Москвитин И., Салимгареев М.В. Русский культурный фактор в истории Литвы.....	226
Надеева Д.Б. Проблемы этнической памяти в России.....	235
Надеева М.И., Виленский А.А., Надеева Д.Б. Межконфессиональный диалог в России: исторические традиции и национальные особенности.....	243
Нагодкина С.А. Фридрих II и историографическая традиция: особенности формирования исторической памяти в России и Германии.....	250
Погосян А.А. Роль исторической памяти в процессе формирования нации.....	258
Поливанов Я.М. Историческая память о Первой Мировой войне: к истории советской пропаганды (1920-1930-е гг.).....	263
Разуваева Ю.С. Историческая память и судьба исторических памятников Казани.....	272
Рева Е.К. Средства массовой информации о национальной культуре народов Северного Кавказа как компоненте исторической памяти.....	277
Страхов Л.В. Исторические мифы и историческая реальность (на примере восстания Воронежского дисциплинарного батальона,	

1905 г.).....	288
Хуторова Л.М., Гатаулина Г.Ш., Салмина Д.С. Архив как форма исторической памяти.....	295
Черёмушников И.К. Роль визуальных образов в формировании механизма реализации исторической памяти.....	299
Чикишева А.С. Ностальгический миф и формы его репрезентации в пространстве Рунета.....	306
Швайко Н.А. Искусство как источник культурной и исторической памяти (на примере образа реки Амур в современной литературе).....	316
Шпаер М. Разрываясь между Польской республикой и Литвой в поисках и борьбе за национальную принадлежность – сложные пути, политические выборы и деятельность представителей польской и еврейской национальностей в Вильнюсе между 1918 – 1922 гг.....	321
Яковлева Е.Л. К проблеме искажения исторической памяти посредством мифотворчества.....	341
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	349
SUMMARY	361

Ответственный за выпуск проф. О.Н. Коришунова

Обложка: Васильев К.А. «Струна» (1963 г.)

Лицензия № 020404 от 6.03.97 г.

Подписано в печать 13.02.13	Формат 60×84/16
Бумага офсетная	Печать Riso
22,75 уч.-изд. л.	21,16 усл. печ. л.
Тираж 100 экз.	Заказ «С» 8

Издательство Казанского национального исследовательского
технологического университета

Офсетная лаборатория Казанского национального
исследовательского технологического университета

420015, Казань, К.Маркса, 68